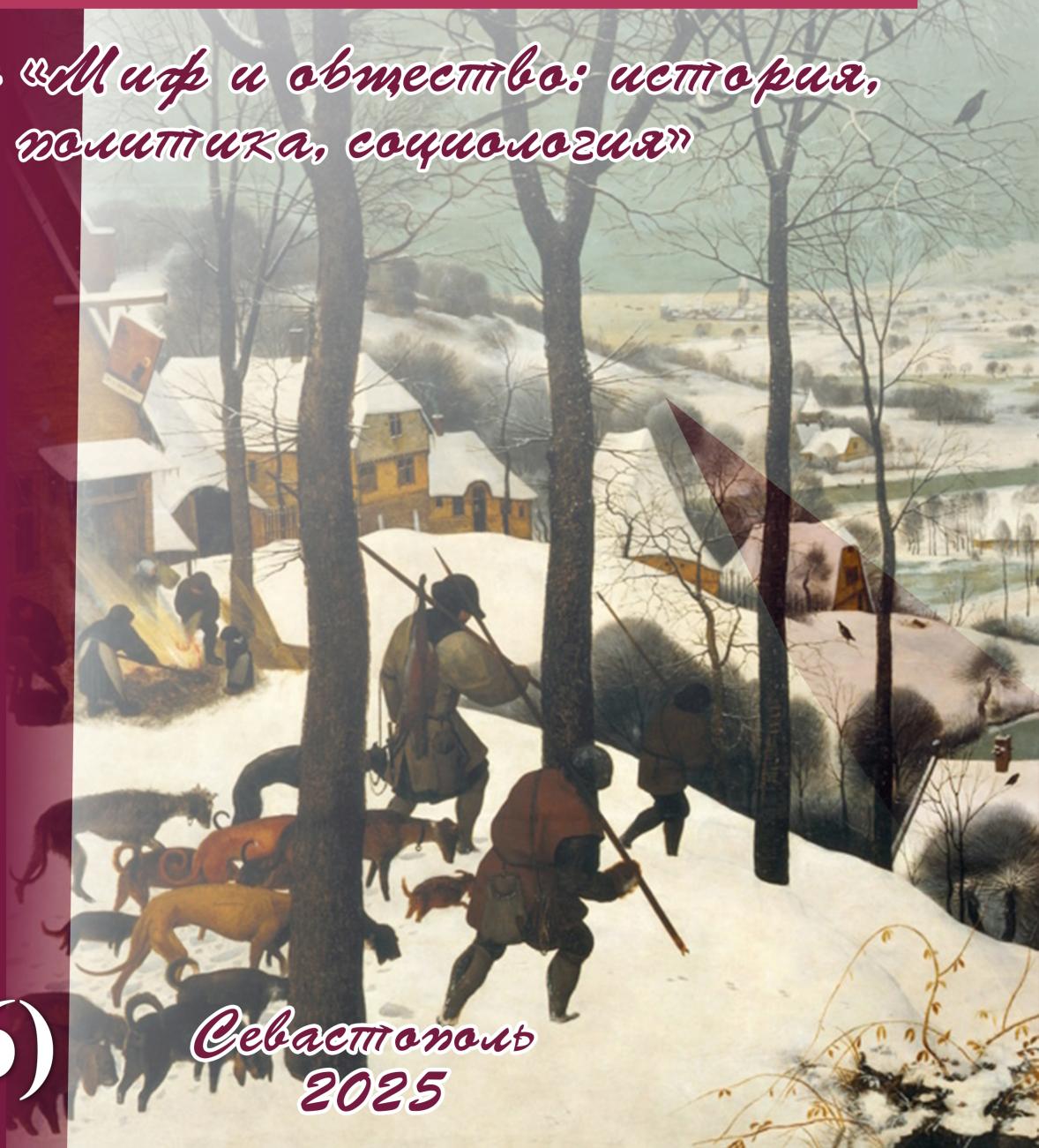




# МИФОЛОГОС

*Серия «Миф и общество: история, политика, социология»*



№ 4(16)

*Севастополь  
2025*

---

# МИФОЛОГОС

№ 4 (16)

Серия «Миф и общество: история, политика,  
социология»

2025

---

# MYTHOLOGOS

№ 4 (16)

Myth and Society:  
History, Politics, Sociology

2025

УЧРЕДИТЕЛЬ:

ООО «ТБС Паблишинг»

Регистрационное свидетельство: Эл № ФС77-88701 от 22.11.2024

ISSN 3034-6193

DOI:

Подписной индекс

«Объединенный каталог: Пресса России. Газеты и журналы»

## РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

**Ставицкий Андрей Владимирович**, главный редактор, доцент кафедры истории Филиала МГУ в городе Севастополе, кандидат философских наук.

**Алентьева Татьяна Викторовна**, профессор кафедры всеобщей истории ФГБОУ ВО «Курский государственный университет», доктор исторических наук, профессор (г. Курск, Россия).

**Гарбузов Дмитрий Викторович**, профессор кафедры философии Философского факультета Таврической академии ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В.И. Вернадского», доктор философских наук, доцент (г. Симферополь, Россия).

**Кирюхина Елена Михайловна**, профессор кафедры «История, философия и социология» биоэкологического факультета ФГБОУ ВО Нижегородский государственный агротехнологический университет имени Л.Я. Флорентьева, доктор культурологии, кандидат филологических наук, доцент (г. Нижний Новгород, Россия).

**Кузина Ольга Андреевна**, старший преподаватель кафедры дисциплин общего профиля Филиала МГУ в городе Севастополе, кандидат филологических наук (ученый секретарь).

**Мартишина Наталья Ивановна**, заведующий кафедрой «История и философия» ФГБОУ ВПО «Сибирский государственный университет путей сообщения», доктор философских наук, профессор (г. Новосибирск, Россия).

## РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

**Анчев Стефан Иванов**, заслуженный доцент кафедры новой и новейшей истории факультета истории Университета св. Кирилла и Мефодия, доктор истории (г. Велико Тырново, Республика Болгария).

**Апаева Софья Хусеиновна**, декан Кыргызско-китайского факультета, доцент кафедры Китайского языка и литературы Кыргызского национального университета имени Жусупа Баласагына, кандидат филологических наук, доцент (г.Бишкек, Кыргызстан).

**Арпентьева Мариям Равильевна**, ведущий научный сотрудник Института гуманитарных технологий и социального инжиниринга Факультета социальных наук и массовых коммуникаций ФГБОУ ВО «Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации», доктор психологических наук, доцент (г. Москва, Россия).

**Баранов Андрей Владимирович**, профессор кафедры политологии и политического управления ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет», доктор политических наук, доктор исторических наук, профессор (г. Краснодар, Россия).

**Габриелян Олег Аршавирович**, профессор кафедры философии Философского факультета Таврической академии ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В.И. Вернадского», доктор философских наук, профессор (г. Симферополь, Россия).

**Гагаев Павел Александрович**, профессор кафедры педагогики ФГБОУ ВО «Пензенский государственный университет», доктор педагогических наук, профессор (г. Пенза, Россия).

**Евлампиев Игорь Иванович**, профессор кафедры русской философии и культуры Института философии ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный университет», доктор философских наук, профессор (г. Санкт-Петербург, Россия).

**Завершинский Константин Федорович**, профессор кафедры теории и философии Института философии ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный университет», доктор политических наук, профессор (г. Санкт-Петербург, Россия).

**Иванов Андрей Геннадиевич**, заведующий кафедрой философии ФГБОУ ВО «Липецкий государственный технический университет», доктор философских наук, доцент (г. Липецк, Россия).

**Карабыков Антон Владимирович**, профессор кафедры философии социально-гуманитарного профиля ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского», доктор философских наук, доцент (г. Симферополь, Россия).

**Корнилова Елена Николаевна**, профессор кафедры зарубежной журналистики и литературы факультета журналистики ФГБОУ ВО «Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова», доктор филологических наук (г. Москва, Россия).

**Королева Светлана Борисовна**, профессор кафедры преподавания русского языка как родного и иностранного ФГБОУ ВО «Нижегородский государственный лингвистический университет им. Н. А. Добролюбова», доктор филологических наук, доцент (г. Нижний Новгород, Россия).

**Крайнов Григорий Никандрович**, профессор кафедры политологии, истории и социальных технологий ФГАОУ ВО «Российский университет транспорта», доктор исторических наук, профессор (г. Москва, Россия).

**Лесовиченко Андрей Михайлович**, ведущий научный сотрудник научно-аналитического отдела Московской государственной консерватории имени П.И. Чайковского (г. Москва, Россия).

**Маленко Сергей Анатольевич**, заведующий кафедрой философии, культурологии и социологии ФБОУ ВО «Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого», доктор философских наук, профессор (г. Великий Новгород, Россия).

**Найдыш Вячеслав Михайлович**, профессор кафедры онтологии и теории познания ФГАОУ ВО «Российский университет дружбы народов», доктор философских наук, профессор (г. Москва, Россия).

**Некита Андрей Григорьевич**, профессор кафедры философии, культурологии и социологии ФБОУ ВО «Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого», доктор философских наук, профессор (г. Великий Новгород, Россия).

**Пивоев Василий Михайлович**, профессор кафедры общеправовых и гуманитарных дисциплин Северного института (филиала) ФГБОУ «Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста РФ)» в г. Петрозаводске, доктор философских наук, профессор (г. Петрозаводск, Россия).

**Пименова Марина Владимировна**, ректор АНО ВО «Международный гуманитарный университет им. П.П. Семенова – Тян-Шанского», доктор филологических наук, профессор (г. Санкт-Петербург, Россия).

**Поздяева Светлана Михайловна**, профессор кафедры философии и политологии ФГБОУ ВО «Башкирский государственный университет», доктор философских наук, профессор (г. Уфа, Россия).

**Соегов Мурадгелди**, консультант Национального института рукописей АНТ, доктор филологических наук, профессор, действительный член (академик) Академии наук Туркменистана (г. Ашхабад, Республика Туркменистан).

**Тимошук Алексей Станиславович**, профессор кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин ВЮИ ФСИН России, доктор философских наук, доцент (г. Владимир, Россия).

**Тихонова Софья Владимировна**, профессор кафедры теоретической и социальной философии ФБГОУ ВО «Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского», доктор философских наук, доцент (г. Саратов, Россия).

## МИФОЛОГОС. №4. 2025

**Филимонова Мария Александровна**, ведущий научный сотрудник научной лаборатории «Центр изучения США», ФГБОУ ВО «Курский государственный университет», доктор исторических наук (г. Курск, Россия).

**Царева Надежда Александровна**, профессор кафедры социально-гуманитарных дисциплин ФГБОУ ВО «Дальневосточный технический рыбохозяйственный университет», доктор философских наук, доцент (г. Владивосток, Россия).

**Яковлева Елена Людвиговна**, заведующий кафедрой философии и социально-политических дисциплин ФГБОУ ВПО «Казанский инновационный университет имени В.Г. Тимирясова», д. философских наук, кандидат культурологии, профессор (г. Казань, Россия).

Электронный научный журнал теоретических и прикладных исследований

Индексируется РИНЦ, E-library

Издается с 2022 года. Журнал выходит 4 раза в год

Перепечатка материалов из журнала допускается только по согласованию с редакцией.

© ООО «ТБС Паблишинг»

© Авторы

### МИФОЛОГОС.

Серия «Миф и общество: история, политика, социология»

№ 4 (16), 2025. 230 с.

Подписано в печать

Формат 79x100/16

Усл. печ. л. 18.4

**COFOUNDERS:**

LLC «CSB Publishing»

Registration Certificate: El No. FS77-88701 of 22.11.2024

ISSN 3034-6193

DOI:

**EDITORIAL BOARD:**

**Stavitskiy Andrey Vladimirovich**, *Editor-in-Chief*, Associate Professor, the Department of History, Lomonosov Moscow State University Branch in Sevastopol, PhD in Philosophy.

**Alentyeva Tatiana Viktorovna**, Professor, Department of General History, Faculty of History, Kursk State University, Doctor of Historical Sciences, Professor (Kursk, Russia).

**Garbuzov Dmitriy Viktorovich**, Professor, Department of Philosophy, Faculty of Philosophy, Taurida Academy, Vernadsky Crimean Federal University, Doctor of Philosophy, Associate Professor (Simferopol, Russia).

**Kiryukhina Elena Mikhailovna**, Professor, Department "History, Philosophy and Sociology", Faculty of Bioecology, Nizhny Novgorod State Agrotechnological University n.a. L.Ya. Florent'ev, Doctor of Cultural Studies, Associate Professor (Nizhny Novgorod, Russia).

**Kuzina Olga Andreevna**, Senior Lecturer of the Department of General Disciplines of Lomonosov Moscow State University Branch in Sevastopol, PhD in Philology.

**Martishina Natalya Ivanovna**, Head of Chair of History and Philosophy, Siberian State University of Railway Transport, Doctor of Philosophy, Professor (Novosibirsk, Russia).

**ACADEMIC ADVISORY BOARD**

**Anchev Stefan Ivanov**, Associate Professor, Department of New and Modern History, Faculty of History, St. Cyril and Methodius University, Doctor of History (Veliko Tarnovo, Republic of Bulgaria).

**Apaea Sofia Khuseinovna**, Dean of the Kyrgyz-Chinese Faculty, Associate Professor of Chinese Language and Literature, Jusup Balasagyn Kyrgyz National University, PhD in Philology, Associate Professor (Bishkek, Kyrgyzstan).

**Arpentieva Mariyam Ravilievna**, Leading Researcher of the Institute of Humanitarian Technologies and Social Engineering of the Faculty of Social Sciences and Mass Communications, Financial University under the Government of the Russian Federation, Doctor of Psychology, Associate Professor (Moscow, Russia).

**Baranov Andrey Vladimirovich**, Professor, Department of Political Sciences and Political Management, Kuban State University, Doctor of Political Sciences, Doctor of Historical Sciences, Professor (Krasnodar, Russia).

**Gabrielyan Oleg Arshavirovich**, Head of the Department of Philosophy, Dean of the Faculty of Philosophy, Taurida Academy, Vernadsky Crimean Federal University, Doctor of Philosophy, Professor (Simferopol, Russia).

**Gagaev Pavel Aleksandrovich**, Professor, Department of Pedagogy, Penza State University, Doctor of Pedagogical Sciences, Professor (Penza, Russia).

**Evlampiev Igor Ivanovich**, Professor, Department of the Russian Philosophy and Culture, Institute of Philosophy, St. Petersburg State University, Doctor of Philosophy, Professor (St. Petersburg, Russia).

**Zavershinsky Konstantin Fedorovich**, Professor, Department of Theory and Philosophy, Institute of Philosophy, St. Petersburg State University, Doctor of Political Sciences, Professor (St. Petersburg, Russia).

**Ivanov Andrey Gennadievich**, Head of the Department of Philosophy, Lipetsk State Technical University, Doctor of Philosophy, Associate Professor (Lipetsk, Russia).

**Karabykov Anton Vladimirovich**, Professor, Department of Philosophy of Socio-Humanitarian Profile, Vernadsky Crimean Federal University, Doctor of Philosophy, Associate Professor (Simferopol, Russia).

**Kornilova Elena Nikolaevna**, Professor, Department of Foreign Journalism and Literature, Faculty of Journalism, Lomonosov Moscow State University, Doctor of Philological Sciences (Moscow, Russia).

**Koroleva Svetlana Borisovna**, Professor, Department for teaching Russian as a native and foreign language at Lomonosov Moscow State University, Nizhny Novgorod, Russia. D. in Philology, Associate Professor (Nizhny Novgorod, Russia).

**Kraynov Grigory Nikandrovich**, Professor, Department of Political Science, History and Social Technologies, Federal State Educational Institution of Higher Professional Education "Russian University of Transport", Doctor of Historical Sciences, Professor (Moscow, Russia).

**Lesovichenko Andrey Mikhailovich**, Leading Researcher, Research and Analytical Department, Tchaikovsky Moscow State Conservatory (Moscow, Russia).

**Malenko Sergey Anatolievich**, Head of Chair of Philosophy, Cultural Studies and Sociology, Yaroslav the Wise Novgorod State University, Doctor of Philosophy, Professor (Veliky Novgorod, Russia).

**Naydыш Vyacheslav Mikhailovich**, Professor, Chair of Ontology and Theory of Knowledge, FGBOU VPO "Peoples' Friendship University of Russia", Doctor of Philosophy, Professor (Moscow, Russia).

**Nekita Andrey Grigorievich**, Professor, Chair of Philosophy, Cultural Sciences and Sociology, Yaroslav the Wise Novgorod State University, Doctor of Philosophy, Professor (Veliky Novgorod, Russia).

**Pivoev Vasily Mikhaylovich**, Professor, Department of General Legal and Humanitarian Disciplines, Northern Institute (branch) of All-Russian State University of Justice (Russian Justice Ministry) in Petrozavodsk, Doctor of Philosophy, Professor (Petrozavodsk, Russia).

**Pimenova Marina Vladimirovna**, Rector, Semyonov – Tien-Shansky International Humanitarian University, Doctor of Philological Sciences, Professor (St. Petersburg, Russia).

**Pozdyaeva Svetlana Mikhailovna**, Professor, Chair of Philosophy and Political Science, Bashkir State University, Doctor of Philosophy, Professor (Ufa, Russia).

**Soeghov Muradgeldi**, Consultant at the National Institute of Manuscripts of the Academy of Sciences of Turkmenistan, Doctor of Philological Sciences, Professor, Full Member (Academician) of the Academy of Sciences of Turkmenistan (Ashkhabad, Republic of Turkmenistan).

**Timoshchuk Aleksey Stanislavovich**, Professor, Department of Humanities and Socio-Economic Disciplines, Russian Federal Law Enforcement Agency, Doctor of Philosophy, Associate Professor (Vladimir, Russia).

**Tikhonova Sofia Vladimirovna**, Professor of Theoretical and Social Philosophy Department, Saratov National Research State University named after N. G. Chernyshevskiy, PhD, Associate Professor (Saratov, Russia).

**Filimonova Maria Alexandrovna**, Leading Researcher, Research Laboratory "Center for US Studies", Kursk State University, PhD in History (Kursk, Russia).

**Tsareva Nadezhda Aleksandrovna**, Professor, Department of Social and Humanitarian Disciplines, Far Eastern Technical University of Fisheries, Doctor of Philosophy, Associate Professor (Vladivostok, Russia).

---

**Iakovleva Elena Lyudvigovna**, Head of the Department of Philosophy and Social and Political Disciplines, V. G. Timiryazov Kazan Innovative University, Doctor of Philosophy, Candidate of Cultural Sciences, Professor (Kazan, Russia).

Electronic scientific journal of theoretical and applied research  
The journal is indexed in the Russian Science Citation Index (RSCI), E-library

The journal has been published since 2022.

4 issues per year.

All rights reserved.

Copying of materials from the journal is permitted only in agreement with the editorial board.

© LLC «CSB Publishing»  
© Authors

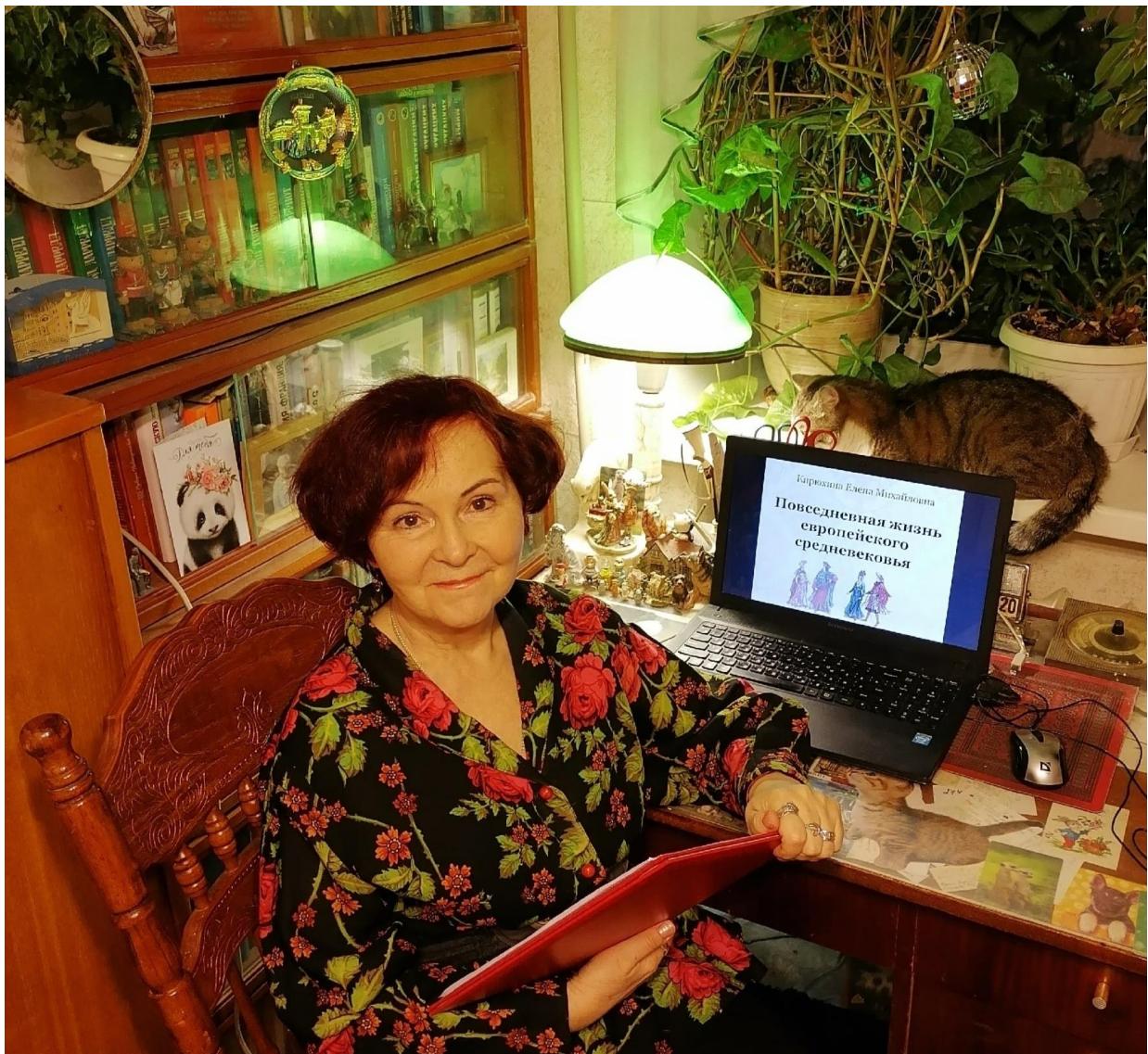
MYTHOLOGOS.  
Myth and Society: History, Politics, Sociology Series.  
4 (16), 2025. 230 p.

| СОДЕРЖАНИЕ  |     |
|---|-----|
| <b>Редакционная коллегия</b>  | 2   |
| <b>Содержание</b>   | 8   |
| <b>Памяти Елены Михайловны Кирюхиной</b>  | 10  |
| <b>Введение</b>   | 15  |
| <b>1. ПОЛИТИКА КАК МИФОПОЭЗИС И КОНСТРУИРОВАНИЕ ИСТОРИЧЕСКИХ НARRATIVOB</b>   |     |
| <i>Алентьева Т.В.</i> Мифы испано-американской войны 1898 года  | 22  |
| <i>Баранов А.В.</i> Мифы о «революции гвоздик» в Португалии в контексте политической конкуренции  | 35  |
| <i>Ставицкий А.В.</i> Значение мифов Гомера в культуре и истории в контексте вызовов сегодняшнего дня                                       | 46  |
| <i>Яковенко К.Э.</i> Трансформация мифологемы оппозиционера в российском историческом сознании  | 61  |
| <b>2. ЛИКИ ЭПОХ: МИФОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ КОЛЛЕКТИВНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ</b>  |     |
| <i>Капля К.А.</i> Роль женщины в религиозном мученичестве «киддуш ха-шем» в нарративе хроники р. Шломо бар шимшона                          | 82  |
| <i>Лубешко А.Н.</i> Мифология национализма: образ императора Николая I в русском и польском национальном восприятии                         | 90  |
| <i>Родионов В.А.</i> К вопросу о семантике мифологического образа Девы в нумизматике античного Херсонеса                                    | 104 |
| <b>3. ЗАГАДКИ ИСТОРИЧЕСКОГО МИФОТВОРЧЕСТВА: ПРИРОДА И ОСОБЕННОСТИ</b>   |     |
| <i>Буровский А.М.</i> Страшные наводнения Петербурга: как создавался миф  | 119 |
| <i>Кирюхина Е.М., Кирюхин Д.В.</i> Загадка картины Э. Блейр-Лейтона “Vox Populi”: миф и реальность эпохи первых Тюдоров                     | 135 |
| <b>4. МИФОЛОГЕМА ТРИКСТЕРА: ОТ АРХЕТИПОВ К РЕПРЕЗЕНТАЦИИ</b>  |     |
| <i>Очкалов М.Р.</i> Архетип трикстера в немецком барокко: смеховые репрезентации мифа у Г.Я.К. Гrimmельсгаузена и И.М. Мошероша             | 144 |
| <i>Филимонова М.А.</i> Джек Фрост: персонификация мороза в англоязычной культуре и мифологическая репрезентация Отечественной войны 1812 г. | 160 |
| <b>5. ЭКЗИСТЕНЦИЯ И ВЫЗОВЫ СОВРЕМЕННОСТИ: МИФЫ В ЗЕРКАЛЕ НАСТОЯЩЕГО И БУДУЩЕГО</b>  |     |
| <i>Ставицкий А.В.</i> Украина в глобальных трендах Запада: мифы и экзистенция   | 175 |
| <i>Покрищук А.Ю.</i> Вопрос существования и познания иного в проблематике классической футурологии  | 201 |
| <b>Авторы</b>   | 216 |
| <b>Требования к статье для публикации в журнале «Мифологос»</b>   | 219 |

| CONTENT  |     |
|--|-----|
| <b>Editorial Board</b>   | 2   |
| <b>Content</b>   | 8   |
| <b>In Memory of Elena Mikhailovna Kiryukhina</b>   | 10  |
| <b>Foreword</b>  | 15  |
| <b>1. POLITICS AS MYTHOPOESIS AND THE CONSTRUCTION OF HISTORICAL NARRATIVES</b>  |     |
| <i>Alentyeva T.V.</i> Myths of the Spanish-American War of 1898  | 22  |
| <i>Baranov A.V.</i> Myths about the Carnation Revolution in Portugal in the Context of Political Competition   | 35  |
| <i>Stavitskiy A.V.</i> The Significance of Homer's Myths in Culture and History in the Context of Today's Challenges   | 46  |
| <i>Yakovenko K.E.</i> The Transformation of the Mythologem of the Oppositionist in Russian Historical Consciousness  | 61  |
| <b>2. FACES OF THE EPOCHS: MYTHOLOGICAL FOUNDATIONS OF COLLECTIVE IDENTITY</b>   |     |
| <i>Kaplia K.A.</i> The Role of a Women in Religious Martyrdom 'Kiddush Ha-Shem' in the Narrative of the Chronicle of Shlomo Bar Shimshon                     | 82  |
| <i>Lubeshko A.N.</i> The Mythology of Nationalism: the Image of Emperor Nicholas I in the Russian and Polish National Perception                             | 90  |
| <i>Rodionov V.A.</i> On The Semantics of The Mythological Image of the Virgin in The Numismatics of Ancient Chersoneses                                      | 104 |
| <b>3. THE MYSTERIES OF HISTORICAL MYTH-MAKING: NATURE AND CHARACTERISTICS</b>  |     |
| <i>Burovsky A.M.</i> The Terrible Floods of St. Petersburg: how the Myth was Created   | 119 |
| <i>Kiryukhina E.M., Kiryukhin D.V.</i> The Mystery of E. Blair-Leighton's Painting 'Vox Populi': Myth and Reality of the Early Tudor Era                     | 135 |
| <b>4. THE MYTHOLOGEM OF THE TRICKSTER: FROM ARCHETYPES TO REPRESENTATION</b>   |     |
| <i>Ochkalov M.R.</i> The Archetype of the Trickster in German Baroque: Humorous Representations of Myth in G.J.K. Grimmelshausen and I.M. Moschersch         | 144 |
| <i>Filimonova M.A.</i> Jack Frost: the Personification of Frost in English-Speaking Culture and the Mythological Representation of the Patriotic War of 1812 | 160 |
| <b>5. EXISTENCE AND THE CHALLENGES OF MODERNITY: MYTHS IN THE MIRROR OF THE PRESENT AND THE FUTURE</b>   |     |
| <i>Stavitskiy A.V.</i> Ukraine in Global Western Trends: Myths and Existence   | 175 |
| <i>Pokrishchuk A.Yu.</i> The Question of the Existence and Cognition of the Other in Classical Futurology  | 201 |
| <b>Authors</b>   | 216 |
| <b>Requirements for an article to be published in the journal Mythologos</b>   | 219 |

Уважаемые коллеги! Друзья!  
У нас случилась большая беда.

## Кирюхина Елена Михайловна (16.08.1957 – 26.11.2025)



26 ноября 2025 г. ушла из жизни Елена Михайловна Кирюхина, доктор культурологии, кандидат филологических наук, доцент, профессор кафедры «История, философия и социология» биоэкологического факультета Нижегородского государственного агротехнологического университета им. Л.Я. Флорентьева.

**Прекрасный преподаватель. Большой учёный. Глубокий мыслитель. Тонкий ценитель прекрасного. Творческий человек, увлечённый любимым делом. Замечательный друг.**

Её научный путь был отмечен упорным трудом и блестящими достижениями. Её статьи и книги отличались не только научной глубиной, но и литературным мастерством. Она умела говорить просто о сложном и современно о вечном.

Елена Михайловна понимала, что история и культура – это не просто факты, но сама жизнь, пережитая и прочувствованная, а значит, и мифы, которые придают этим фактам смысл.

Елена Михайловна была постоянным участником конференции «Миф в истории, политике, культуре» на протяжении многих лет. Ее доклады всегда вызывали живой интерес и обсуждение, а статьи в сборниках этой конференции и номерах журнала «Мифологос» стали важным вкладом в современную мифологическую науку и украшением каждого номера.

Елена Михайловна считала, что мифология – не уход от реальности, а особый способ ее осмыслиения. Она видела в мифах ключ к пониманию человеческой души. Она изучала не просто абстрактные символы, а живые смыслы, которые люди вкладывают в свою жизнь.

Во время докладов и лекций она не просто передавала информацию, но создавала особую интеллектуальную атмосферу, в которой слушатели погружались в мир мифов и символов, открывая глаза на скрытые смыслы и глубинные связи между явлениями.

Елена Михайловна была не только ученым, но и прекрасным преподавателем. Она находила время и для науки, и для семьи.

Елена Михайловна умела понимать умом, но слушать сердцем. Сочетать научную строгость и человеческую теплоту.

Елена Михайловна верила, что мифы бессмертны, потому что в них живет вечная человеческая душа. Теперь и ее душа стала частью этого вечного мифа о любви, верности, преданности своему делу, которое подолжает её сын – Дмитрий Вячеславович Кирюхин.

Светлая память большому учёному и светлому человеку.  
От всего сердца скорбим.

\*\*\*\*\*

26 ноября 2025 г. ушла из жизни Елена Михайловна Кирюхина, доктор культурологии, кандидат филологических наук, доцент, профессор кафедры «История, философия и социология» биоэкологического факультета Нижегородского государственного агротехнологического университета им. Л.Я. Флорентьева, удивительно творческий, многогранный, преданный своему делу педагог и учений, отдававший все свои знания и опыт отечественной науке и благодарным студентам.

Е.М. Кирюхина в 1980 г. с отличием закончила филологическое отделение историко-филологического факультета Горьковского государственного университета им. Н.И. Лобачевского по специальности «Русский язык и литература» (квалификация: Филолог. Преподаватель.), затем после завершения заочной аспирантуры в 1986 г. успешно защитила кандидатскую диссертацию «Творческие искания А.Н. Толстого в период Октябрьской революции».

Результатом многолетней работы на историческом факультете Нижегородского государственного педагогического университета стало получение в 2003 г. ученого звания доцента по кафедре культурологии. Двадцать семь лет с 1988 по 2015 гг. она посвятила преподаванию курсов «Палеография», «Теория и методика обучения истории», «История искусства», «Всеобщая история в художественных образах», «Современные исследования в области всеобщей истории», «Актуальные вопросы всеобщей истории», «Историческое краеведение», курсов по выбору («Повседневная жизнь русского дворянства XVIII–начала XIX вв.»; «Повседневная жизнь русской художественной интеллигенции XIX–начала XX вв.»; «Светская культура России XVIII–начала XIX вв.», «Повседневная жизнь европейского средневековья в образах художественной литературы», «Повседневная жизнь викторианской Англии») на кафедрах Истории России, Методики преподавания истории, Всеобщей истории, классических дисциплин и права НГПУ им. К. Минина.

В Нижегородской государственной сельскохозяйственной академии Е.М. Кирюхина начала работать с 2015 г., первоначально посвятив себя как филолог и преподаватель русского языка обучению иностранных студентов на подготовительном отделении (курс «Русский язык как иностранный»). Ее ученики неоднократно становились лауреатами многочисленных творческих конкурсов, студенты зоотехнического факультета из Вьетнама, которым она прививала любовь к русской культуре и истории, называли ее своей второй мамой. Последние годы Е.М. Кирюхина работала в должности профессора на кафедре «История, философия и социология» биоэкологического факультета, с увлечением помогая будущим аграриям осваивать основные вехи истории России и основ Российской государственности, учила студентов осмысливать сложные исторические и культурные процессы, происходящие в современном обществе.

В 2020 г. Елена Михайловна защитила диссертацию на соискание ученой степени доктора культурологии на тему «Образ Средневековья в культурно-интеллектуальной жизни Англии второй половины XIX–XX веков» по специальности 24.00.01 – Теория и история культуры. Основные положения диссертационной работы нашли отражение в многочисленных публикациях, а также двух монографиях, последняя из которых вышла в свет в 2020 г. в издательстве Университета Дмитрия Пожарского (г. Москва). Областью научных интересов Е.М. Кирюхиной как ученого являлась Англия XIX–XXI веков: культурная история; произведения изобразительного искусства как исторические источники; отражение образов Средневековья в культурно-интеллектуальной жизни Англии второй половины XIX–XX веков; англо-американская сказочная живопись и книжная иллюстрация; история повседневности (Средневековья и XIX века); жизнь, роль и положение женщины в обществе (Средневековья и XIX века); проблемы становления британской национальной и культурной идентичности; культурный диалог России и Европы в контексте русско-британских отношений.

С публикациями Е.М. Кирюхиной, посвященными истории и культуре Великобритании можно ознакомиться на портале научно-образовательного информационного проекта «История Англии Раннего Нового времени» по адресу: <https://em-england.ru/authors/autor4>

Большую популярность у нижегородцев и гостей города имели и курсы публичных бесплатных лекций об искусстве, которые Елена Михайловна провела в выставочном зале «Покровка, 8» (Филиал Нижегородского государственного историко-архитектурного музея-заповедника) в 2023–2025 гг.: ««Рождение Света в

живописи”: поиск новой образности в изобразительном искусстве конца XIX–начала XX века» и «“У истоков искусства, благороднее которого мир не видел в течение трехсот лет”. Творчество прерафаэлитов и их последователей». 2025–2026 учебный год ознаменовал начало нового цикла лекций «Английские мастера волшебной кисти: Сказочная живопись XIX столетия», в котором, к сожалению, удалось провести только две первые лекции.

Е.М. Кирюхина была членом Российского общества культурологов, награждена Почетной грамотой Министерства сельского хозяйства и продовольственных ресурсов Нижегородской области за многолетний добросовестный труд и большой вклад в дело подготовки квалифицированных специалистов для АПК, благодарностями администрации Приокского района и вуза.

Елена Михайловна навсегда останется в наших сердцах как творческий Человек, прекрасный Педагог и Ученый.

### **Список некоторых научных публикаций Е.М. Кирюхиной**

Кирюхина Е.М. Рецепция Средневековья в культуре и общественной жизни Англии второй половины XIX–XXI веков: монография. – Н.Новгород: ООО Растр, 2017. – 273 с.

Кирюхина Е.М. Средневековье как источник вдохновения в творчестве прерафаэлитов и их последователей: монография. – М.: Русский фонд содействия образованию и науке, Университет Дмитрия Пожарского, 2020. – 240 с.

Кирюхина Е.М. Мир средневековой повседневности в «Хрониках брата Кадфаэля» Эллис Питерс // Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории. – 2011. – Вып. 35. – С. 245–257.

Кирюхина Е.М. Новое прочтение Артуровской легенды в жанре «литературной картины» у художников–прерафаэлитов // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. – 2011. – № 5. – Ч. 1. – С.324–330.

Кирюхина Е.М. Способы отражения и преображения средневековья художниками–прерафаэлитами // Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории. – 2012. – Вып. 40. – С. 202–218.

Кирюхина Е.М. «Хроники брата Кадфаэля» Эллис Питерс как опыт осмыслиения английского Средневековья // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. – 2012. – № 2. – Ч. 1. – С. 349–355.

Кирюхина Е.М. Эволюция викторианской сказочной живописи: от Ричарда Дадда к Беатрикс Поттер // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. – 2012. – № 3. – Ч. 1. – С. 410–416.

Кирюхина Е.М. Использование жанров сказки и сказочной живописи современными американскими художниками // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. – 2012. – № 5. – Ч. 1. – С. 318–324.

Кирюхина Е.М. Образы и сюжеты средневекового сказочного фольклора в творчестве современных англо-американских художников // Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории. – 2013. – Вып. 45. – С. 271–292.

Кирюхина Е.М. Роль театрализованного турнира в Эглинтоне в формировании исторических идеалов Викторианской эпохи // Приволжский научный журнал. – 2013. – № 1 (25). – С. 175–179.

Кирюхина Е.М. Политические и историко-культурные аспекты Готического и Артуровского возрождения // Вестник Мининского университета. – 2013. – № 2 (2). – С. 6.

Кирюхина Е.М. Исторический контекст изображения сюжетов А. Теннисона и Т. Мэлори английскими художниками конца XIX – начала XX века // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. – 2013. – № 4. – Ч. 1. – С 399–405.

Кирюхина Е.М. Повседневность средневековья в творчестве художников-прерафаэлитов // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. – 2013. – № 5. – Ч. 1. – С 383–390.

Кирюхина Е.М. Использование работ английских художников второй половины XIX – начала XX века на уроках по изучению феодального общества Западной Европы (VI класс) // Преподавание истории в школе. – 2014. – № 5. – С. 42–46.

Кирюхина Е.М. Репрезентация образов исторических личностей средневековья прерафаэлитами и художниками их круга // Преподаватель XXI век. – 2015. – № 3. – С. 277–290.

Кирюхина Е.М. Репрезентация образов художниками: историко-культурный контекст // Современная научная мысль. – 2016. – № 2. – С. 14–20.

Кирюхина Е.М. Повседневная жизнь средневековья в работах современных англо-американских художников // Преподаватель XXI век. – 2016. – № 3. – С. 249–260.

Кирюхина Е.М. Роль периодических изданий в интеллектуально-нравственном воспитании женщин поздней Викторианской эпохи // Интеллигенция и мир. – 2017. – № 1. – С. 56–58.

Кирюхина Е.М. Повседневная жизнь женщин и детей в Англии второй половины XIX – начала XX века в работах художников-современников // Известия Саратовского университета. Серия История. Международные отношения. – 2018. Т. 18. Вып. 2. – С. 205–211.

Кирюхина Е.М. Репрезентация повседневной жизни Англии начала XX в. в иллюстрациях к «Ежегоднику» и книгам Л.У. Уэйна // Общество: философия, история, культура. – 2019. – № 5 (61). – С. 100–103.

Кирюхина Е.М. Текст и визуальный образ в романе Майкла Фэрлесса «Обретения брата Хилариуса» // Культура и искусство. – 2019. – № 5. – С. 42–48.

Кирюхина Е.М. Конфликт реальности и фантастического вымысла в повести Алексея Николаевича Толстого «Граф Калиостро» // Russian Studies in Culture and Society. – 2024. – Т. 8. – № 2. – С. 128–144.

Кирюхина Е.М. Творчество А.Н. Толстого 1917–1921 годов: виды и роль художественной условности // Russian Studies in Culture and Society. – 2025. – № 2. – С. 118–139.

## ВВЕДЕНИЕ

Уважаемые коллеги, друзья, читатели!

Перед вами шестнадцатый номер научного периодического журнала «Мифологос» – единственного пока научного журнала не только в Российской Федерации, но и в мире, который целиком посвящен только одной теме – мифу и мифотворчеству во всех его формах и проявлениях.

Данный журнал призван объединить всех исследователей мифа, которые в своих работах не ограничиваются классической мифологией и не сводят миф к его архаичным формам, а предлагают воспринимать и рассматривать его онтологически в максимально расширительной форме, используя универсальный подход, как цельное, синкетическое явление, созданное человеком на заре его бытия и сосуществующее с ним на всём протяжении истории, меняясь вместе с ним и играя в его жизни крайне важную роль.

Мы исходим из того, что миф не противостоит реальности, но дополняет её, наделяя теми значениями, в которых человек нуждается. Ведь миф является базовой универсалией культуры, её «матрицей», формирующей поле ценностно определённых смыслов, которыми человек живёт. Миф неотделим от человека и его истории и верно служит ему, представляя в образно-символической форме отражённую сознанием реальность, которая возникает как образ реальности и становится фактом сознания.

Именно на этих позициях базируется современная неклассическая наука о мифе, выстраивающая свою традицию в трудах выдающихся учёных, мыслителей, философов на протяжении двухсот лет. В качестве наиболее значимых можно назвать исследования Ф.В.Й. Шеллинга и Ф. Ницше, А.А. Потебни и Н.А. Бердяева, Э. Кассирера и А.Ф. Лосева, З. Фрейда и К. Юнга, Р. Барта и К. Леви-Строса, Ю.М. Лотмана и Г.Д. Гачева, К. Хюбнера и С. Московичи, М. Элиаде и Дж. Кэмпбелла, В.В. Иванова и В.Н. Топорова, Е.М. Мелетинского и А.М. Пятигорского, В.М. Найдыши и А.М. Лобока.

Отметим, что эта традиция характеризуется разными стратегиями понимания мифа, обусловленными, как правило, исходной специализацией каждого конкретного исследователя. И, возможно, поэтому её сторонники так и не смогли договориться о создании Общей теории мифа (ОТМ), потребность в которой сейчас сильна как никогда, поскольку миф из чисто теоретической гносеологической проблемы уже превратился в инструмент решения самых разных проблем. Хотя универсальная многозначность является нормой для мифа, все необходимые для создания такой Общей теории теоретические предпосылки и основания уже были созданы. И нам остаётся только их синтезировать и развить, используя не многообразие частных частных приёмов и методов, а универсальный подход, раскрывающий всё богатство и многообразие значений того явления, которое называется МИФ, не потеряв его целостности. И тогда мы сможем преодолеть научную специализацию и закрепить целостную научную парадигму как объективную данность.

Универсальный подход требует от учёных учитывать изначально междисциплинарный характер всех мифологических исследований. К сожалению, наука так выстроила отношения с мифом, приспособив его под себя, что он оказался расташен по многочисленным отраслям научного знания так, что каждая из научных дисциплин исследует его, руководствуясь своими подходами и методологией, не рассматривая миф как целое и имея порой крайне смутные представления о том,

какова ситуация в смежных дисциплинах, лишь на том основании, что так для них привычно и удобно. В результате сложился своеобразный гносеологический тупик, когда и без того многогранное в своей синкретичности явление, не имеющее до сих пор единого научного определения, произвольно расчленяется только для того, чтобы быть удобным для понимания отдельными исследователями. И лишь совместными усилиями мы сможем преодолеть эту негативную тенденцию, сделав то, что должно.

Особо стоит отметить, что журнал «Мифологос» стал естественным продолжением ежегодной международной научной междисциплинарной конференции «Миф в истории, политике, культуре», которая была организована в Филиале МГУ в Севастополе и работает с 2017 года, объединив сотни авторов из 19 стран.

За прошедшие годы конференция уже решила свою главную задачу – познакомила научный мир с авторами, которые давно и плодотворно занимаются мифом, но были мало известны за пределами своей специализации. Теперь о них знают, их работы изучают, цитируют, что свидетельствует об актуальности научных проблем, связанных с мифом. Однако конференции очень быстро приобрела такой масштаб, что переросла исходный замысел, и это привело нас к мысли, что выпуска её сборников уже мало. Статьи авторов становились актуальнее, объёмнее и уже требовали другого формата. И тогда возникла идея организовать журнал, который смог бы публиковать статьи, отражающие исследования, связанные с проблемой мифа и мифотворчества в различных аспектах.

Главная задача журнала «Мифологос» и конференции «Миф в истории, политике, культуре» – познакомить интересующихся мифом учёных с наиболее интересными трудами своих коллег, соотносить и координировать с ними свои идеи и гипотезы, чтобы, развивая свою исследование, перейти к более тесным контактам авторов. Для этого помимо конференций был организован семинар, первое заседание которого было проведено в июне 2023 года под названием «Новейшая революция в мифологии: открытия, проблемы, перспективы». Его результаты готовятся к публикации. Этот почин обязательно будет продолжен. Активом учёных планируются новые семинары, круглые столы, обсуждения по теме мифа и мифотворчества, готовятся на основе представленных статей тематически оформленные коллективные монографии, планируется подготовка курсов, проводится постоянная работа по координации исследований, которая неизбежно завершится различными формами институирования данного научного направления.

Следует особо подчеркнуть, что работа постоянных участников конференции Т.В. Алентьевой, С. Анчева, М.А. Арпентьевой, А.В. Баранова, М.В. Белозёровой, А.М. Буровского, О.А. Габриеляна, А.А. и П.А. Гагаевых, Д.В. Гарбузова, А.С. Глушака, В.Ю. Даренского, И.И. Евлампиева, К.Ф. Завершинского, А.Г. Иванова, А.В. Карабыкова, Д.В. и Е.М. Кирюхиных, Е.Н. Корниловой, С.Б. Королевой, О.А. Кузиной, А.М. Лесовиченко, С.А. Маленко, Н.И. Мартишиной, И.Ю. Матвеевой, Е.Г. Миляевой, В.М. и О.В. Найдыш, А.Г. Некиты, О.Г. Орловой, А.А. Осьмушиной, В.М. Пивоева, М.В. Пименовой, Ю.В. Погребняк, С.М. Поздяевой, В.С. Полосина, С.А. Резвушкиной, А.Н. Садового, С. Соегова, И.Э. Сулейменова, А.С. Тимощука, С.В. Тихоновой, М.А. Филимоновой, Н.А. Царевой, А.А. Целыковского, В.Д. Шинкаренко, Е.Л. Яковлевой и др., чьи труды представлены в номерах журнала и семи объёмных сборниках конференции<sup>1</sup>, общим числом более 700 статей, крайне важна для распространения и утверждения полученных в рамках неклассической науки о мифе

<sup>1</sup> <https://sev.msu.ru/mif-v-istorii-politike-kul-ture/>

идей, которые позволяют определиться в основных достижениях современных мифологов и наметить решение новых проблем, включая формирование общей теории мифа (ОТМ).

В тематике журнала «Мифологос» мы выделяем четыре основных блока, соответствующих главным направлениям современных мифологических исследований. Каждая из предлагаемых серий журнала охватывает особую область знаний, без которых понять и исследовать миф нельзя.

1. **«Философия мифа: онтология, аксиология, методология».** В эти тематические номера входят исследования фундаментального и концептуального характера, раскрывающие общие вопросы теории мифа, включая природу, смысл, причины и характер мифотворчества, его базовые основы, касающиеся возникновения и функционирования мифа, его генезиса, гносеологии и морфологии, показывающие, что миф свойствен человеку и обществу на всех стадиях его развития, играя в их жизни существенную роль. При этом особое внимание уделяется отношению и взаимодействию мифа с наукой.

2. **«Человек мифический: антропология, психология, когнитивные исследования».** Здесь отражены особенности человека в контексте его постоянного (тотального) мифотворчества даже тогда, когда во главу угла он ставит рациональность и логику. В этом тематическом направлении объясняется, зачем миф нужен человеку и как он возникает в сознании, какие потребности удовлетворяет, какие факторы влияют на процесс возникновения и функционирования мифа, делая из *homo sapiens* человека мифотворческого.

3. **«Миф в культуре: литература, язык, поэтика, искусство, фольклор».** Номера этого направления посвящены исследованиям мифотворчества в сфере культуры как информационно-алгоритмической системы и сознательно программируемого объекта управления. Здесь демонстрируется, как миф, став основанием культуры на заре человечества, продолжает, взаимодействуя с базовыми элементами общественного сознания, выступать ведущей культурной универсалией, порождая удивительные образы литературы и искусства, придавая символические акценты и предлагая образно-художественное содержание великим идеям, наделяя их с помощью воображения свойством суггестии.

4. **«Миф и общество: история, политика, социология».** Эта тематическая область охватывает социальные аспекты мифотворчества, его значение в сфере власти и политики. Причём не только в прошлом, где миф был основой исторической памяти и навязывал обществу свой нарратив, но также в настоящем и будущем. Ведь власть держится на общественном мнении, а общественное мнение целиком зависит от тех мифов, которыми общество живёт. Здесь также может быть сформирована облать прикладных исследований, где миф не просто выступает инструментом политики, но превращается в грозное оружие массового поражения, способное уничтожить или преобразовать не только сознание человека, но и общественное сознание целых государств и цивилизаций, придав им новые мотивации и социальные энергии.

Таким образом основные авторы и редакционный совет журнала «Мифологос» исходят из того, что:

- миф следует рассматривать максимально расширительно с учётом важнейших достижений ведущих исследователей в контексте универсального, феноменологического подхода, заложенного в трудах Э. Кассирера, А.Ф. Лосева, К.Г. Юнга, М. Элиаде, Дж. Кемпбелла, К. Хюбнера, К. Леви-Строса, Ю.М. Лотмана, А.М.

Пятигорского, Г.Д. Гачева и др., которые полагали, что миф по своей природе онтологичен, а бытие мифологично;

- миф – не только колыбель культуры, но и базовая универсалия, своеобразная матрица и механизм развития культуры, человека, общества, формирующий поле ценностных смыслов, без которых они полноценно существовать и духовно развиваться не могут;

- чтобы выжить, человек должен не только строить, но и мечтать, не только работать на земле, но и смотреть в небо<sup>2</sup>; он должен создавать техносферу и постоянно развиваться, используя для этого все возможности, и мифотворчество стало для него одним из мощнейших инструментов культурного освоения и преобразования мира;

- в мире всё подлежит изменениям и миф – не исключение, следовательно, признавать его неизменность и отказывать ему в развитии, значит, загонять исследования мифа в тупик, лишая их глубины и перспективы, а общество – понимания важнейшего фактора духовного бытия;

- древняя «классическая» мифология о богах и героях не исчерпывает миф и не отменяет его существование в условиях современности, находясь с современной «неклассической» мифологией в диалектическом единстве, а общая теория мифа предлагает для этого необходимый инструментарий;

- миф вместе с наукой представляет собой единую культурную целостность, построенную по принципу взаимной дополнительности, в которой каждая часть незаменима и играет в обществе важнейшую роль.

И этими довольно простыми, но важными гносеологическими принципами руководствуются наши авторы.

Применительно к данному номеру серии «*Миф и общество: история, политика, социология*» отметим, что:

- всё, что для человека является важным, обретает для него значимость, а что становится значимым, мифологизируется, становясь чем-то большим, чем просто явление или предмет;

- у каждой подвергшейся мифологизации вещи, как бы возникает второе, погружённое в поле ценностных смыслов, «тело».

Так, в результате постоянного мифотворчества в культуре формируется мифологическая метареальность, которая проявляется как в знаках, идеях и символах, так и в вещах и нарративах. Эта реальность существовала с тех пор, как человек впервые создал свою мифологическую Вселенную, и обслуживала его, меняясь вместе с ним. И заменить такой миф наука не может, лишь время от времени провозглашая победу над тем конкретным мифом, который в социальной жизни себя исчерпал. Хотя положения универсальной (неклассической) мифологии вполне согласуются с установками неклассической науки.

Впрочем, данные предварительные установки не исчерпывают вопрос, но лишь показывают, что журнал «Мифологос» открыт для дискуссии по данным темам, предлагая в шестнадцатом номере 13 статей, которые сгруппированы в пять

<sup>2</sup> Хотя точная этимология слова «ἄνθρωπος» (антропос) спорна, известно, что оно используется в классической греческой литературе и Библии для обозначения человека как личности, отличной от богов, животных или ангелов, особо подчеркивая универсальный человеческий опыт и часто противопоставляется божественному. При этом Платон в «Кратиле» предполагал связь слова антропос с ἀναθρεῖ («смотреть вверх»), отсылая к уникальной способности человека поднимать взгляд к небу, что тогда означает — смотрящий вверх.

тематических разделов, объединивших работы учёных, которые раскрывают, как мифы формируют нарративы прошлого, определяют настоящее и проектируют будущее.

Первый раздел «ПОЛИТИКА КАК МИФОПОЭЗИС И КОНСТРУИРОВАНИЕ ИСТОРИЧЕСКИХ НARRATIVOB» составляют статьи:

- «Мифы испано-американской войны 1898 года» (Т.В. Алентьева), рассматривающая механизмы пропагандистского мифотворчества, которые использовались США для маскировки имперских амбиций в ходе войны с Испанией. Автор показывает, как создавались образы «спасителя», «цивилизаторской миссии» и «чёрные мифы» об испанском гнёте, что позволило представить вмешательство как благородную борьбу за свободу, закрепив в общественном сознании идеи американской исключительности;

- «Мифы о «революции гвоздик» в Португалии в контексте политической конкуренции» (А.В. Баранов). Статья посвящена деконструкции мифов, сложившихся вокруг португальской революции 1974–1975 годов. Автор показывает, что за либерально-демократическим фасадом в историографии скрывается революция с сильной социалистической и антиколониальной направленностью, чьё поражение было обусловлено расколом элит и внешним вмешательством.

- «Значение мифов Гомера в культуре и истории в контексте вызовов сегодняшнего дня» (А.В. Ставицкий). В этой работе великий гомеровский эпос рассматривается не как литературный памятник, а как прототип социокогнитивной технологии, созданной, чтобы предложить идеи и образы для формирования эллинской цивилизации. Автор выдвигает гипотезу о том, что «Илиада» и «Одиссея» сформировали мифическую онтологию, заложившую культурные архетипы Борьбы (Общего делания) и Пути, актуальные для решения современных цивилизационных проблем.

- «Трансформация мифологемы оппозиционера в российском историческом сознании» (К.Э. Яковенко). Статья анализирует эволюцию образа оппозиционера в российском общественном сознании — от дворянского революционера до современного диссidenta. Автор прослеживает, как менялись смыслы и символика этой фигуры в зависимости от политического контекста и задач конструирования коллективной идентичности.

Второй раздел «ЛИКИ ЭПОХ: МИФОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ КОЛЛЕКТИВНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ» включает статьи:

- «Роль женщины в религиозном мученичестве «киддуш ха-шем» в нарративе хроники р. Шломо бар Шимшона» (К.А. Капля). На материале европейской хроники Первого крестового похода исследуется женский конструкт религиозного мученичества. Автор выявляет архетипы женской жертвенности и доблести, показывая, как эти образы стали инструментом интеграции травматического опыта в религиозную традицию и укрепления коллективной памяти.

- «Мифология национализма: образ императора Николая I в русском и польском национальном восприятии» (А.Н. Лубешко). Статья демонстрирует, как одна историческая фигура — русский царь Николай I — становится полем битвы двух национализмов. Для русского сознания он — символ порядка и державной мощи, для польского — воплощение деспотизма и угнетения. Этот контраст раскрывает механизмы сакрализации и демонизации власти в национальных мифологиях.

- «К вопросу о семантике мифологического образа Девы в нумизматике античного Херсонеса» (В.А. Родионов). Исследование посвящено анализу мифологического образа Девы на монетах древнего Херсонеса. Автор расшифровывает семантику этого символа, связывая его с культурами плодородия, защитницы города и идеей сакрального суверенитета, что отражало основы коллективной идентичности херсонеситов.

Третий раздел «ЗАГАДКИ ИСТОРИЧЕСКОГО МИФОТВОРЧЕСТВА: ПРИРОДА И ОСОБЕННОСТИ» представляет статьи:

- «Страшные наводнения Петербурга: как создавался миф» (А.М. Буровский). В ней автор раскрывает технологию создания мифа о «страшных» петербургских наводнениях, показывая, как отдельные катастрофические события были гиперболизированы и вплетены в городской фольклор и официальную историографию, формируя образ Петербурга как города, бросившего вызов стихии.

- «Загадка картины Э. Блейр-Лейтона " vox populi": миф и реальность эпохи первых Тюдоров» (Е.М. Кирюхина, Д.В. Кирюхин). Через анализ известной картины авторы исследуют взаимодействие исторической реальности и мифологизации в эпоху ранних Тюдоров. Статья показывает, как художественное произведение становится не только отражением, но и активным участником создания политических и социальных мифов своего времени.

Четвёртый раздел «МИФОЛОГЕМА ТРИКСТЕРА: ОТ АРХЕТИПОВ К РЕПРЕЗЕНТАЦИИ» включает статьи:

- «Архетип трикстера в немецком барокко: смеховые репрезентации мифа у Г.Я.К. Гrimmельсгаузена и И.М. Мошероша» (М.Р. Очкалов). Это исследование посвящено функционированию архетипа трикстера в литературе немецкого барокко. Автор анализирует, как через смех, гротеск и пародию герои-трикстеры у Гrimmельсгаузена и Мошероша становятся инструментом критики социальных норм и переосмыслиния культурных мифов эпохи.

- «Джек Фрост: персонификация мороза в англоязычной культуре и мифологическая репрезентация Отечественной войны 1812 г.» (М.А. Филимонова). Данная статья прослеживает эволюцию образа Джека Фроста — от фольклорного духа мороза до политической аллегории в период Наполеоновских войн. Автор показывает, как природная стихия была мифологизирована и превращена в мощный пропагандистский символ, олицетворявший «русскую зиму» как союзника в борьбе с захватчиком.

Пятый раздел «ЭКЗИСТЕНЦИЯ И ВЫЗОВЫ СОВРЕМЕННОСТИ: МИФЫ В ЗЕРКАЛЕ НАСТОЯЩЕГО И БУДУЩЕГО» содержит статьи:

- «Украина в глобальных трендах Запада: мифы и экзистенция» (А.В. Ставицкий). В ней автор анализирует место Украины в западном дискурсе, выявляя ключевые мифы — от «форпоста демократии» до «расколотой страны». Исследование показывает, как эти нарративы формируют не только внешнеполитическую реальность, но и экзистенциальные вызовы для самой Украины.

- «Вопрос существования и познания иного в проблематике классической футурологии» (А.Ю. Покрищук). Эта статья обращается к основам классической футурологии, рассматривая её как форму современного мифотворчества о будущем. Автор ставит вопрос о возможности познания радикально Иного — будущего, — и о том, какие мифологические структуры лежат в основе наших прогнозов и утопий.

Как видим из содержания статей, что миф является не только исследовательской проблемой, требующей понимания её онтологии, но и является

механизмом решения проблем, становясь в руках власти и общества мощным ментальным, когнитивным, информационно-психологическим, интеллектуальным и организационным оружием, в котором они нуждаются, чтобы эффективно конкурировать в интеллектуальной сфере, контролируя ключевые идеи эпохи в интересах социума. И в данном случае наука может стране и обществу существенно помочь.

Напоминаем также, что исследования мифа требуют максимальной огласки и координации общих усилий сотен людей, дабы «коперниканский переворот» в мифологии состоялся. Поэтому журнал «Мифологос» ищет новых авторов среди исследователей мифа, равно как известных, авторитетных, так и молодых, которые в мифологических исследованиях видят своё призвание и судьбу.

**Всего вам доброго!**

**С уважением,  
главный редактор журнала «Мифологос»  
Андрей В. Ставицкий**

## 1. ПОЛИТИКА КАК МИФОПОЭЗИС И КОНСТРУИРОВАНИЕ ИСТОРИЧЕСКИХ НARRATIVOB

УДК 94(460).086

### МИФЫ ИСПАНО-АМЕРИКАНСКОЙ ВОЙНЫ 1898 ГОДА

Алентьева Татьяна Викторовна

Курский государственный университет (г. Курск, Россия)

#### Аннотация

Статья посвящена анализу мифотворчества американской пропаганды в период испано-американской войны 1898 г. Усилия создателей мифов были нацелены на маскировку подлинных целей и характера войны. Опираясь на теорию американской исключительности и «явного предначертания», американцы рассматривали войну против Испании как борьбу с отсталой и фанатичной латинской расой. Конструируя образ врага, пропаганда создавала черные мифы об ужасах испанского колониального режима на Кубе, позиционируя американское вмешательство как борьбу за свободу кубинцев, а затем и филиппинцев. Считая жителей Филиппин не способными к созданию собственного независимого государства, американская пропаганда использовала миф о цивилизаторской миссии белого человека в отношении туземцев. Завоевание Филиппин тем не менее продолжалось три года и стоило, по некоторым данным, миллиона жизней филиппинцев. Конструирование мифов оказало существенное влияние на американское общество, распространяя в нем идеи расизма и шовинизма.

**Ключевые слова:** США, Испано-американская война 1898 г., империализм, пропаганда, мифотворчество.

### MYTHS OF THE SPANISH-AMERICAN WAR OF 1898

Alentieva Tatiana Victorovna

Kursk State University (Kursk, Russia)

#### Abstract

The article is devoted to the analysis of the myth-making of American propaganda during the Spanish-American War of 1898. The efforts of the myth makers were aimed at disguising the true goals and nature of the war. Based on the theory of American exceptionalism and «Manifest Destiny», Americans viewed the war against Spain as a struggle against a backward and fanatical Latin race. By constructing the image of the enemy, propaganda created black myths about the horrors of the Spanish colonial regime in Cuba, positioning the American intervention as a struggle for the freedom of Cubans, and then Filipinos. Considering the inhabitants of the Philippines incapable of creating their own independent state, American propaganda used the myth of the civilizing mission of the white man in relation to the natives. Although in fact, the conquest of the Philippines lasted three years and cost, according to some sources, a million Filipino lives. The construction of myths has had a significant impact on American society, spreading the ideas of racism and chauvinism in it.

**Keywords:** USA, Spanish-American War of 1898, imperialism, propaganda, myth-making.

#### *Введение (Introduction)*

В современных Соединенных Штатах Америки весьма востребованными оказались идеи мессианизма и экспансиионизма. 47-й президент Дональд Трамп начал свою деятельность в Белом доме с заявления об исключительности Америки, о необходимости присоединения Канады в качестве 51-го штата и покупке у Дании Гренландии. Пока это лишь экспансиионистские проекты, но знаковым шагом стало переименование Мексиканского залива в Американский залив. Экспансиионизм был присущ американцам с самого начала существования этого государства. Особенно ярко он проявлялся в период войн, которые вели американцы, начиная с Войны за независимость, в период англо-американской войны 1812–1815 гг. [Алентьева 2022], американо-мексиканской войны 1846–1848 гг. [Алентьева 2006] Эти войны сопровождались усиленным мифотворчеством,

пропагандистским сопровождением, нацеленным на приздание им исключительно справедливого характера, определяемого благородством целей.

Испано-американская война 1898 г. и ее логическое продолжение – Американо-филиппинская война 1899–1902 гг., являлись войнами новой эпохи – эпохи империализма. В их результате США становятся колониальной империей, мечтают о завоевании мирового господства. Первым шагом на этом пути стало присоединение Гавайских островов в 1893 г. После завершения Гражданской войны и Реконструкции американские правящие круги начинают мечтать о расширении своих территориальных владений. Экспансионизм становится ведущей внешнеполитической доктриной США. Он базировался на идеях мессианизма американской нации, теории явного предназначения (*Manifest Destiny*), обновленной трактовке доктрины Монро. В условиях наметившегося сближения США и Великобритании с позиций расизма доказывалось превосходство англосаксонской белой расы над другими. Именно в это время появилась аббревиатура WASP, определявшая избранность американцев и англичан. Эти идеи подпитывали усиление национализма, шовинизма и джingoизма.

Особенно основательно новая экспансионистская идеология развивалась в трудах философа и историка Джона Фиске (1842–1901), протестантского миссионера Джосайи Стронга (1847–1916). Главным средством разрешения обострившихся в американском обществе социальных проблем они считали широкую внешнюю экспансию, которая сплотит американский народ вокруг новых целей и идеалов. Определенное влияние на формирование идей экспансионизма, оказала «теория границы» историка Фредерика Тернера (1861–1932). Выступив в 1893 г. с докладом «Значение “подвижной границы” (фронтира) в американской истории», он пытался доказать, что в связи с исчерпанием к концу XIX века «свободных земель», США неизбежно должны вступить на путь территориальной экспансии. Усилиению идей экспансионизма способствовали также идеи Альфреда Мэхэна (1840–1914) о решающей роли морской мощи в истории и необходимости строительства сильного океанского флота. Аргументы экспансионистов использовались в выступлениях конгрессменов и политических деятелей: Т. Рузельта, Г. Лоджа, Дж. Хэя, Б. Адамса [Дементьев 1973: 21].

### ***Методы (Methods)***

Важнейшее значение для историка имеют исследования природы мифа в области философии и политологии, прежде всего, работы Карла Густава Юнга, Эрнста Касирера, Ролана Барта, Жана Бодрийяра. Понимание стойкости и живучести мифов опирается на разработанные К.Г. Юнгом понятия об архетипах и коллективном бессознательном. Миф – это феномен коллективной психики и поэтому является мощным инструментом воздействия на людей, средством манипуляции сознанием. Мифы окружают человечество с момента его возникновения и до настоящих дней. А.В. Ставицкий указывает, что «мифотворчество свойственно человеку и обществу уже в силу потребности в смыслах, а миф эти смыслы создает» [Ставицкий 2020: 292–299; Ставицкий 2022: 56–74]. Еще одним важнейшим методологическим ориентиром в изучении мифа является его синкретизм. Изучение мифа как целого непременно предусматривает междисциплинарный уровень исследования, требующий от ученого работать на стыке разных наук, используя достижения философии, психологии, антропологии, ряда других гуманитарных наук, чтобы знания каждой из научных дисциплин вели

не к разрыву объекта исследования, а к сохранению его цельности [Ставицкий 2024: 50].

Для развенчания исторических мифов необходим диалектический подход, использование принципов объективности и историзма. Из специальных исторических методов были использованы: историко-генетический, историко-типологический, историко-сравнительный, ретроспективный методы, позволяющие проследить эволюцию, выявить особенности и характерные черты, установить связь с современностью.

### ***Литературный обзор (Literature Review)***

В отечественной американистике события конфликта США и Испании достаточно известны. Они изучались и анализировались в работах А.А. Губера, Л.Ю. Слезкина, В.И. Лана, Л.И. Зубока, И.П. Дементьева, Э.Л. Нитобурга и др. В то же время пропаганда в период испано-американской войны изучена не в полной мере, хотя в последнее время появился ряд интересных работ Л.В. Байбаковой, в том числе ее статья по мифотворчеству [Байбакова 2017: 93–104; Байбакова 2020: 54–61]. Но, хотя автор занялась этой проблемой, она ограничилась мифотворчеством кануна войны. Проблема изучения мифов испано-американской войны осталась неизученной в отечественной американистике.

В американской историографии насчитываются десятки работ, посвященных в испано-американской войне. Однако довольно скромно выглядит вклад американских авторов в изучение роли пропаганды в этом конфликте, в том числе неизученной остается проблема мифотворчества. В изучении пропаганды можно выделить работы М. Вилкинсона, Дж. Кэмпбелла, Б. Миллера, [Wilkerson 1966; Campbell 2003; Miller 2011].

### ***Результаты и обсуждение (Results and Discussion)***

Война создавала плодородную почву для мифотворчества. И всегда общественность волновал вопрос, кто стал зачинщиком войны и кто ответственен за ее возникновение. Так появился *первый миф: войну развязала «желтая пресса»*. Испано-американская война происходила в период, когда в США распространилось влияние так называемой «желтой прессы», которая не гнушалась низкопробных сенсаций, непроверенных слухов и сплетен, конструируя ложные мифы и фейки, смакуя сексуальные и криминальные истории. Лидерами прессы, тогда наиболее важного пропагандистского канала, были Джозеф Пулитцер (1847–1911) и Уильям Рэндолф Херст (1863–1951). Газета Пулитцера «The New York World» имела перед войной тираж 1 млн экз., газета Херста «New York Journal» – такой же.

Сохранилась устойчивая легенда, что именно Херст стал зачинщиком войны с Испанией. Когда в 1895 г. на Кубе вспыхнуло национально-освободительное восстание против испанского колониального гнета, Херст отправил на остров известного художника Фредерика Ремингтона (1861–1909). Прибыв на Кубу, Ремингтон телеграфировал Херсту: «Здесь все тихо, никакой войны нет». На что тот ответил: «Вы обеспечьте иллюстрации, а я обеспечу войну» [Campbell 2000: 405; Байбакова 2016: 77]. Херст отрицал правдивость этой истории. Но, как отмечал историк Дж. Кэмпбелл, эта история продолжает жить, потому что, «как и большинство медиальных мифов, она создает восхитительную историю, которую легко пересказать. Она избавляет от сложностей и предлагает простое для понимания, хотя и вводящее в заблуждение объяснение того, почему страна вступила в войну в 1898 году» [Campbell 2001: 16]. Херст и Пулитцер

рассматривали военный конфликт как способ увеличить свои тиражи и соответственно продажи газет. Многие репортажи были основаны на рассказах из вторых или третьих рук и либо дополнялись, либо искажались, либо полностью выдумывались журналистами для усиления драматического эффекта.

*Миф о виновнике развязывания войны* всегда необходим для придания ей справедливого характера. Для того чтобы представить, что зачинщиком войны стала Испания, США использовали трагический случай – гибель американского корабля. 15 февраля 1898 г. в 9:40 вечера в гавани Гаваны на Кубе, в результате мощного взрыва, затонул американский броненосный крейсер «Мэн». В результате взрыва погибло 260 военнослужащих, еще шестеро скончались вскоре после этого от ранений [Thomas 2010: 48].

Расследование ВМС США, обнародованное 28 марта, показало, что пороховой погреб корабля воспламенился в результате внешнего взрыва под корпусом корабля. Этот отчет подлил масла в огонь народного негодования в США, что сделало войну практически неизбежной [Pérez 1989: 293–322]. Испанское расследование пришло к противоположному выводу: взрыв произошел внутри корабля. Причины взрыва так до конца и не были выяснены. Гибель корабля «Мэн» стала поводом к войне. Через несколько дней Херст опубликовал статью под заголовком: «Военный корабль “Мэн” был расколот надвое секретной адской машиной противника». Версию, что во взрыве виноваты испанцы поддержал и Пулитцер в своих изданиях [Wisan 1965]. Заголовки типа «Испанские убийцы» были обычным явлением в их газетах. После взрыва этот тон усилился, и вскоре появился заголовок «Помните “Мэн”, к черту Испанию!» Американская желтая пресса и иллюстративные сатирические издания сделали лозунг «Помни “Мэн”» пропагандистским лозунгом всей войны с Испанией.

*Миф о справедливом характере войны.* Война была развязана американцами под предлогом помощи народам Кубы и Филиппин в их борьбе против испанского колониального господства. На самом деле, у правящих кругов США были самые меркантильные экономические расчеты. США имели на Кубе значительные деловые интересы. Их целью в войне было защитить американские капиталовложения. Американцы контролировали производство и экспорт сахара-сырца, а также вторую по значимости табачную промышленность. Несмотря на то, что Испания сохраняла политическую власть на острове, 90% общего объема экспорта Кубы шло в Соединенные Штаты, что превышало кубинский экспорт в Испанию в 12 раз. США также обеспечивали не менее 40% кубинского импорта [Pratt 1934: 163–201]. Учитывая важное стратегическое положение Кубы, этой «жемчужины Антильских островов», американцы уже давно хотели заполучить этот остров в свои руки. Это дало бы американским экспансионистам важную опору для дальнейшего проникновения в страны Южной Америки. Участник войны и будущий президент Теодор Рузвельт изложил свои взгляды на причины войны в воспоминаниях: «Наши собственные прямые интересы были велики из-за кубинского табака и сахара, и особенно из-за отношения Кубы к проектируемому Панамскому каналу. Но еще более значительными были наши интересы с точки зрения человечества ... Остановить опустошение и разорение было нашим долгом, даже больше с точки зрения национальной чести, чем с точки зрения национальных интересов. Из-за этих соображений я отдавал предпочтение войне ... война была справедливой и необходимой» [Рузвельт 2023: 108].

Не меньшую важность для США имели Филиппинские острова, которые дали бы возможность приблизиться к важным китайским рынкам. 11 апреля 1898 г. Маккинли обратился к Конгрессу с посланием, не оставлявшим сомнения, что объявление войны – вопрос дней: «Наша торговля терпит убытки, капитал, инвестируемый нашими гражданами на Кубе, в большой части погибает... Насильственное вмешательство Соединенных Штатов как нейтрального государства с целью остановить войну... справедливо...» [Documents 1973: 3].

23 апреля 1898 г. Испания объявила о состоянии войны с Соединенными Штатами. 25 апреля Конгресс принял закон об объявлении Соединенными Штатами войны Испании.

Чтобы придать этой войне за экономические интересы американского капитала справедливый характер, пропаганда конструировала **черные мифы об испанском колониальном господстве**. Войну представляли как войну цивилизаций, передовой и отсталой. Расистский дискурс не был чем-то новым для американской пропаганды, она активно на него опиралась в период войны с Мексикой в 1846–1848 гг. Испанию позиционировали как расово неполноценную по сравнению с англосаксами латинскую расу, находящуюся под влиянием ложной католической церкви. Это – отсталая средневековая монархия, погрязшая в своем прошлом, далекая от прогресса цивилизации, неспособная удержать свои колонии.

В дихотомии свой/чужой Испании была уготована роль не просто чужого, а именно врага, злодея, что вписывалось в соответствующий архетип. В американской пропаганде создавался образ Испании как безжалостного бандита, разбойника, убийцы. Так в ряде карикатур, опубликованных в журнале «Джадж» Испания предстает в виде мускулистого бандита со звероподобным лицом, в потрепанной и даже рваной одежде, с окровавленной саблей в руках. Эту зловещую фигуру окружают многочисленные надгробия. Из надписей на надгробиях, следует, что Испания виновна не только в гибели моряков «Мэна», но и в смерти 400 тыс. убитых и замученных кубинцев, в бесчеловечных пытках индейцев, в кровавых злодействиях конкистадоров Писарро и Кортеса, в зверствах испанской инквизиции, жестокости которой нет равных в истории.

Сама Испания также давала основания для подобной пропаганды. В 1896 г. для подавления кубинского восстания на остров был направлен генерал В. Вейлер, начавший проводить жестокий террор против повстанцев. Для того, чтобы лишить кубинских партизан поддержки населения, по приказу Вейлера на Кубе создавались концлагеря, куда сгонялось мирное население: женщины, дети, старики. Условия в них были таковы, что люди массами умирали от голода и болезней. Вейлер таким образом уничтожил треть населения острова. По меньшей мере, 170 тыс. кубинцев умерли либо от болезней, либо по ряду других причин, в результате чего погибло по меньшей мере 10% населения [Pitzer 2017]. В конечном счете испанцы потерпели поражение в борьбе с партизанами, в результате все лагеря были закрыты.

Зашитить кубинцев от «мясника» и «палача» Вейлера стало одним из лозунгов американской пропаганды. Так постепенно конструировался **миф о спасителе**, о США как о стране, призванной защитить кубинцев от произвола испанских властей, спасти их от неминуемой гибели.

«Маленькой победоносной войной» назвали испано-американскую войну современники, а вслед за ними и историки. И поэтому не случайно появился **миф о несомненной победе американцев**. Американская пропаганда старалась

игнорировать участие в войне кубинцев и филиппинцев. Но реальность истории заключается в том, что без поддержки кубинских и филиппинских повстанцев американцы не сумели бы так легко добиться победы над Испанией.

Американцы не были в достаточной мере подготовлены к этой войне. Правда, флоту уделялось достаточно внимания, и он оказался полностью готовым к боевым действиям. Будучи помощником министра военно-морских сил Теодор Рузвельт перевел военно-морской флот на военное положение. Главными и решающими стали морские сражения той войны. Первое сражение между американскими и испанскими войсками произошло 1 мая 1898 г. Американская эскадра состояла из девяти кораблей, испанская из семи. Но испанские корабли были хуже американских и в отношении защищенности и в плане вооружений. Дьюи, командовавший Азиатской эскадрой на борту «Олимпии», за несколько часов разгромил испанскую эскадру под командованием адмирала Монтайхо [Field 1978: 659]. Согласно американским источникам, Дьюи выиграл сражение с девятью легко ранеными моряками, и только один член экипажа погиб.

Другой крупной морской победой американцев было сражение при Сантьяго-де-Куба, состоявшееся 3 июля 1898 г. Испанская эскадра попыталась выйти из гавани Сантьяго-де-Куба, американцы уничтожили или посадили на мель пять из шести кораблей. Только одно испанское судно, новый броненосный крейсер «Кристобаль Колон», уцелело, но его капитан спустил флаг и затопил корабль, когда американцы, наконец, догнали его. Потери американцев 1 убитый и 10 раненых. Почти 1,5 тыс. испанских моряков были взяты в плен.

В отличие от флота, сухопутные силы США не были готовы к войне. Весной 1898 г. их численность составляла всего 24 593 солдата. Армия нуждалась в 50 000 новых военнослужащих, но получила более 220 000 за счет добровольцев и мобилизации подразделений национальной гвардии штата [Thomas 2010: 14–15]. Теодор Рузвельт также участвовал в формировании 1-го добровольческого кавалерийского полка, получившего прозвище «Лихие всадники» и сам лично вступил в него добровольцем [Уткин 2024: 101–102].

Однако дело было не столько в количестве солдат, сколько в их военной подготовке, обмундировании, снабжении, вооружении. Все это было организовано крайне неважно [Байбакова 2020: 63–91]. Армии не хватало самого необходимого, кавалерии пришлось даже обходиться без лошадей. Хуже всего была организована медицинская служба. Больше всего потерь американской армии приходится на умерших от тропической лихорадки и дизентерии.

Первая высадка американцев на Кубе произошла 10 июня, когда Первый батальон морской пехоты высадился в заливе Гуантанамо. В июле вблизи Сантьяго произошли два сражения: Битва при Эль-Кани и битва при Сан-Хуан-хилл. 10 июля началась бомбардировка Сантьяго, и через четыре дня город сдался. В начале августа американцы совместно с кубинскими повстанцами овладели всей Кубой.

На Филиппинах американцы использовали авторитет лидера повстанцев Эмилио Агинальдо, возглавившего восстание против испанского правления в 1896 г. Он вернулся из ссылки в Гонконге на Филиппины. К 9 июня силы повстанцев контролировали целый ряд провинций и осадили Манилу. 12 июня Агинальдо провозгласил независимость Филиппин. США направили на Филиппины около 11 тыс. сухопутных войск. Решающим стало сражение за Манилу. И хотя основную тяжесть боев вынесли на себе филиппинцы, американцы запретили им входить в освобожденную от испанцев столицу. 14 августа 1898 г. испанский генерал-

капитан Хауденес официально капитулировал, а американский генерал Мерритт официально принял капитуляцию и объявил о создании военного правительства США на оккупированных территориях [Faust 1899: 55–70; Губер 1961: 167–186].

Разумеется, американской пропагандой в ходе военных действий создавался всегда востребованный *миф о герое*, который тиражировался на страницах ведущих периодических изданий, в том числе иллюстративных. Такими образами героев стали Т. Рузвельт в битве при Сан-Хуан-Хилл, коммодор Дж. Дьюи. Их фотографии, рисунки сражений, в которых они сыграли важную роль, постоянно появлялись в прессе, создавая зачастую гипертрофированные образы, но хорошо соотносящиеся с запросами американцев.

*Миф о «маленькой победоносной войне»* оказался самым распространенным. Выражение это возникло из оценки войны будущим госсекретарем, в то время послом США в Лондоне, Джоном Хэем. Он назвал ее «прекрасной маленькой войной» (*splendid little war*). Действительно, война продолжалась меньше 3 месяцев. Потери США были минимальными, они составили 2,5 тыс. человек, из них убитыми 485, остальные умерли от тропической лихорадки. Война превратила США в колониальную империю. По условиям Парижского мирного договора, заключенного 10 декабря 1898 г., США получили полный контроль над Кубой, ее колониями стали Филиппины, Пуэрто-Рико, Гуам.

Условия Парижского мира заключались без учета мнений жителей Кубы или Филиппин. Это была по существу торговая сделка, поскольку за отказ от Филиппин США уплатили Испании 20 млн долл. Он был ратифицирован американским сенатом 6 февраля 1899 г. после довольно ожесточенных дискуссий [Coletta 1961: 348].

Как это часто бывает в условиях военных действий, пропагандой конструируется *миф о сплоченности нации*. Еще до войны в США было немало голосов против ее начала. Выступления антиспансионистов становились все активнее по мере развития событий. В июне 1898 г. была создана Антиимпериалистическая лига в знак протеста против войны с Испанией. Она включала в себя внушительный список известных политиков, ученых и писателей, таких как бывший президент Гровер Кливленд, видный политик Чарльз Фрэнсис Адамс-младший, бизнесмен Эндрю Карнеги, профсоюзный лидер Сэмюэль Гомперс, писатели Амброз Бирс и Сэмюэль Клеменс (Марк Твен). Антиимпериалисты выступали против насилиственной экспансии, считая, что империализм нарушает фундаментальный принцип, согласно которому справедливое республиканское правительство должно опираться на «согласие управляемых». Лига утверждала, что экспансионизм приведет к отказу от американских идеалов демократии [Harrington 1937: 650].

Чтобы прикрыть планы господства над Кубой, создается *Миф о благодеяниях американской демократии для кубинцев*. Американская пропаганда уверяла, что США являются бескорыстным защитником слабых и угнетенных, они готовы протянуть руку помощи кубинцам, нести народу Кубы блага демократии. По Парижскому мирному договору Куба стала протекторатом США. Особые права США были оформлены в качестве Поправки Плата, принятой в качестве дополнения к законопроекту об ассигнованиях на армию 2 марта 1903 г. Этот документ предоставлял Соединенным Штатам право вводить войска на Кубу, если ее свобода и независимость будут поставлены под угрозу внешними или внутренними силами. Поправка фактически запрещала Кубе подписывать

договоры с другими странами. Он также предусматривал создание постоянной американской военно-морской базы на Кубе в заливе Гуантанамо. Таким образом, несмотря на то, что Куба формально обрела независимость после окончания войны, правительство Соединенных Штатов обеспечило себе контроль над кубинскими делами.

Если Куба оставалось формально независимой, то Филиппинам предстояло стать колонией США. В январе 1899 г. была провозглашена первая Филиппинская республика. Для оправдания превращения в колонии островов, добившихся своей вооруженной борьбой независимости, был задействован *Миф о превосходстве западной цивилизации белых людей*, о том, что колонизаторы несут туземцам блага прогресса, демократии и свободы, просвещения и образования. Как раз в связи с этой войной появляется знаменитое стихотворение Р. Киплинга «Бремя белых»: В нем говорилось: «Несите бремя Белых, Среди племен чужих – / Сынов своих отправьте / Служить во благо их; / Без устали работать / Для страждущих людей / Наполовину бесов, / Настолько же детей» (1899). При первой публикации ему был дан подзаголовок «Соединенные Штаты и Филиппинские острова».

Президент США Уильям Мак-Кинли (1897–1901) утверждал, что проблема будущей судьбы Филиппин так долго занимала его, что ее решение привиделось ему во сне. И вот как лицемерно он это сформулировал: «...мы не можем передать Филиппины Франции или Германии — нашим торговым соперникам на Востоке, — это была бы плохая и невыгодная для нас экономическая политика ... мы не можем предоставить филиппинцев самим себе, ибо они не подготовлены к самоуправлению, — самостоятельность Филиппин привела бы вскоре к такой анархии и таким злоупотреблениям, которые были бы хуже, чем при господстве Испании ... нам не остается ничего иного, как взять под свое покровительство все Филиппинские острова целиком, с божьей помощью просветить, возвысить и цивилизовать филиппинцев...» [McKinley 1898: 904–908].

4 февраля 1899 г. началась Филиппино-американская война 1899–1902 гг., ставшая по существу продолжением Испано-американской войны. Ее невозможно назвать ни «маленькой», ни «чудесной». Она продолжалась три года и стоила многих жертв. Госдеп США утверждает, что война «привела к гибели более 4200 американцев и более 20 000 филиппинских солдат», и, по меньшей мере, 200 000 филиппинских мирных жителей, в основном от голода и болезней, таких как холера и тиф [Foner 1972: 626]. По некоторым оценкам, число погибших мирных жителей достигает миллиона. Десятки тысяч филиппинцев погибли в результате действий американских военных, включавших пытки,увечья и казни без суда и следствия поенных и гражданских лиц. В отместку за филиппинскую тактику партизанской войны США проводили карательные операции и кампании «выжженной земли», а также насилино переселяли многих мирных жителей в концлагеря. Теперь все то, в чем когда-то американские пропагандисты обвиняли испанцев на Кубе, повторялось самими американцами на Филиппинах. В 1901 г. корреспондент «Philadelphia Ledger» в Маниле писал: «Нынешняя война – это не бескровная борьба; наши люди были безжалостны, убивали мужчин, женщин, детей, пленных и заложников, активных повстанцев и подозреваемых, начиная с десятилетних мальчишек, поскольку преобладало мнение, что филиппинец как таковой немногим лучше собаки...» [Zinn 2003: 230]. Бригадный генерал Джейкоб Смит командовал отрядом морских пехотинцев США во время подавления восстания на Филиппинах. Он отдал приказ следующего содержания: «Я не хочу

пленных. Я хочу, чтобы вы убивали и сжигали. Помните, чем больше вы убьете и сожжете, тем больше мне это понравится. Я хочу, чтобы были убиты все люди, которые способны носить оружие в реальных боевых действиях против Соединенных Штатов». В ходе умиротворения Самары было убито до 2500 филиппинских мирных жителей [Stone 2013: 24].

Это были такие злодеяния, перед которыми меркло все то, что творили испанцы на Кубе. Но здесь это происходило под видом «приобщения филиппинцев к христианской цивилизации». Характер такого «приобщения» неплохо передавала песня, распеваемая американскими солдатами: «Черт подрал бы филиппинцев, / Косоглазых дикарей! / Звездным флагом и штыком / мы культуру им привьем / И домой вернемся поскорей». Марк Твен, возможно, самый выдающийся член антиимпериалистической лиги, выступил против преступлений американской военщины на Филиппинах в своем эссе «Человеку, ходящему во тьме». Особенно гневно он заклеймил истребление племени моро: «Давайте вспомним две-три подробности нашей военной истории. ... Сравните все это с великолепными статистическими данными, полученными из кратера, где укрылись моро! С каждой стороны в бою участвовало по шестьсот человек; мы потеряли пятнадцать человек убитыми на месте, и еще тридцать два было ранено... У противника было шестьсот человек, включая женщин и детей, и мы уничтожили их всех до одного, не оставив в живых даже младенца, чтобы оплакивать погибшую мать. Несомненно, это самая великая, самая замечательная победа, одержанная христианскими войсками Соединенных Штатов за всю их историю». [Марк Твен 1901].

### ***Заключение (Conclusions)***

Война ознаменовала вступление США в мировую политику. США стали колониальной империей, закрепив аннексию Гавайских островов, Филиппин, Пуэрто-Рико и Гуама. Благодаря мифам, созданным в ходе испано-американской войны, в общественном мнении американцев укрепилось представление о своей стране, как о «защитнице демократии», о самих себе, как избранном, «праведном народе, служащем праведной цели». Подавляющее большинство американцев восприняло эту войну как справедливую, ведущуюся против отсталой латинской расы, неспособной управлять своими колониями. В общественном сознании закреплялось, что эта война принесла кубинцам и филиппинцам блага цивилизации и прогресса. Усилия мифотворцов зачастую не выдерживали столкновения с реальностью. Однако сконструированные ими мифы оказались довольно живучими.

### **Литература**

- Алентьева, Т.В. (2006). Война США с Мексикой в 1846–1848 гг. и американское общественное мнение // Вопросы истории. № 8. С. 116–128.
- Алентьева, Т.В. (2022). Мифы англо-американской войны 1812–1815 гг. // Мифологос. Серия «Миф и общество: история, политика, социология». № 4. С. 15–24.
- Байбакова, Л.В. (2020). В поисках современной концепции внешней политики США конца XIX – начала XX века. Москва: ИНФРА-М. 186 с.
- Байбакова, Л.В. (2017). Роль «желтой» прессы в идеологической подготовке испано-американской войны 1898 г // Американский ежегодник. 2016. Москва: Весь Мир. С. 77–88.

- Байбакова, Л.В. (2017). Формирование в американском обществе мифологизированного образа войны США с Испанией 1898 г. // Война в американской культуре: тексты и контексты / под ред. В.И. Журавлевой, И.В. Морозовой, Х.Б. Фернандеса. Москва: РГГУ. С. 93–104.
- Губер, А.А. (1961). Филиппинская республика 1898 г. и американский империализм. 2-е изд., испр. и доп. Москва: Восточная литература. 376 с.
- Дементьев, И.П. (1973). Идейная борьба в США по вопросам экспансии (на рубеже XIX – XX вв.). Москва: Изд-во Московского ун-та. 368 с.
- Марк Твен. (1901). Инцидент на Филиппинах // [Электронный ресурс]: URL: <https://proza.ru/2014/04/04/2075> (дата обращения: 21.02.2025).
- Рузвельт, Т. (2023). Америка выходит на мировую арену. Воспоминания президента. М.: Родина. 256 с.
- Ставицкий, А.В. (2022). Общая теория мифа о структуре его функционирования // Мифологос. Серия «Философия мифа: онтология, аксиология, методология». №1. С. 56–74.
- Ставицкий, А.В. (2024). Неклассическая мифология о синкетизме мифа // Миф в истории, политике, культуре [Электронный ресурс]: Сборник трудов VII Международной научной междисциплинарной конференции (июнь 2024 года, г. Санкт-Петербург – Севастополь) / под ред. А.В. Ставицкого. Севастополь: ООО «ТБС Паблишинг». С. 45–53.
- Ставицкий, А.В. (2020). Полиморфизм мифа и языка в рамках их функционирования // Миф в истории, политике, культуре [Электронный ресурс]: Сборник материалов IV Международной научной междисциплинарной конференции (июнь 2020 года, г. Севастополь) / под ред. А.В. Ставицкого. Севастополь: Филиал МГУ имени М.В.Ломоносова. С. 292–299.
- Уткин, А.И. (2024). Теодор Рузвельт. Политический портрет. Москва: Родина. 224 с.
- Campbell, W.J. (December 2001). “You Furnish the Legend, I’ll Furnish the Quote” // American Journalism Review. Vol. 23 (10). Pp. 16–20.
- Campbell, W.J. (2003). Yellow Journalism: Puncturing the Myths, Defining the Legacies. Westport: Praeger. 248 p.;
- Campbell, W.J. (Summer 2000). Not Likely Sent: the Remington-Hearst Telegram // Journalism and Mass Communication Quarterly. Vol. 77. No 2. Pp. 405–422.
- Coletta, P.E. (November 1961). McKinley, the Peace Negotiations, and the Acquisition of the Philippines // Pacific Historical Review. Vol. 30 (4). Pp. 341–350.
- Documents of American History (1973) / ed. by H.S. Commager. Ninth Edition. Englewood Cliffs, NJ, Prentice-Hall. Vol. 2. 640 p.
- Faust, K.I. (1899). Campaigning in the Philippines: Illustrated. San Francisco: Hicks-Judd Company. 314 p.
- Field, J.A. (June 1978). Jr. American Imperialism: the Worst Chapter in Almost Any Book // The American Historical Review. Vol. 83 (3). Pp. 644–688.
- Foner, P.S. (1972). The Spanish-Cuban-American War and the Birth of American Imperialism. New York: Monthly Review Press. 716 p.
- Harrington, F.H. (December 1937). Literary Aspects of American Anti-Imperialism 1898–1902 // New England Quarterly, Vol. 10. No. 4. Pp. 650–667.
- McKinley, W. (1898). The Acquisition of the Philippines // Papers Relating to Foreign Affairs. Wahington, DC.: U.S. Department of State. P. 904–908.

*Miller, B.M.* (2011). From Liberation to Conquest: The Visual and Popular Cultures of the Spanish American War of 1898. Cambridge: University of Massachusetts Press,. 344 p.

*Pérez, L.A.* (August 1989). The Meaning of the “Maine”: Causation and the Historiography of the Spanish-American War // The Pacific Historical Review. Vol. 58. No. 3 P. 293–322.

*Pitzer, Andrea* (2017). Concentration Camps Existed Long Before Auschwitz // [Electronic resource]. URL: <https://www.smithsonianmag.com/history/concentration-camps-existed-long-before-Auschwitz-180967049> (accessed: 08.028.2025).

*Pratt, J.W.* (May 1934). American Business and Spanish-American War // The Hispanic American Historical Review. Vol. 14 (2). Pp. 163–201.

*Stone, O.; Kuznick, P.* (2013). The Untold History of the United States. New York: Gallery Books. 750 p.

*Thomas, E.* (2010). The War Lovers: Roosevelt, Lodge, Hearst, and the Rush to Empire, 1898. Boston: Little, Brown and Co. 480 p.

*Tone, J.L.* (2006). War and Genocide in Cuba, 1895–1898. Chapel Hill: The University of North Carolina Press. 352 p.

*Wilkerson, M.M.* (1966). Public Opinion and the Spanish-American War, a Study in War Propaganda. New York: Russell & Russell. 141 p.

*Wisan, J.E.* (1965). The Cuban Crisis as Reflected in the New York Press. New York: Octagon Books, Inc. 477 p.

*Zinn, H.* (2003). A People’s History of the United States. New York City: The New Press. 721 p.

## Reference

*Alentyeva, T.V.* (2006). The US War with Mexico in 1846–1848 and American public opinion // Questions of History. No. 8. Pp. 116–128. (In Russian).

*Alentyeva, T.V.* (2022). Myths of the Anglo-American War of 1812–1815 // Mythologos. Series “Myth and society: history, politics, sociology.” No. 4. Pp. 15–24. (In Russian).

*Baibakova, L.V.* (2020). In search of a modern concept of U.S. foreign policy in the late 19th and early 20th centuries. Moscow: INFRA-M Publ. 186 p. (In Russian).

*Baibakova, L.V.* (2017). The role of the “yellow” press in the ideological preparation of the Spanish-American War of 1898 // American Yearbook. 2016. Moscow: The Whole World Publ. Pp. 77–88. (In Russian).

*Baibakova, L.V.* (2017). The formation of a mythologized image of the 1898 War between the United States and Spain in American society // War in American Culture: Texts and contexts / edited by V.I. Zhuravleva, I.V. Morozova, H.B. Fernandez. Moscow: RGGU Publ. Pp. 93–104. (In Russian).

*Guber, A.A.* (1961). The Philippine Republic of 1898 and the American imperialism. 2nd ed. Moscow: Oriental Literature Publ. 376 p. (In Russian).

*Dementiev, I.P.* (1973). Ideological struggle in the USA on the issues of expansion (at the turn of the XIX – XX centuries). Moscow: Publishing house of Moscow University. 368 p. (In Russian).

*Mark Twain.* (1901). The incident in the Philippines [Electronic resource]: URL: <https://proza.ru/2014/04/04/2075> (accessed: 21.02.2025). (In Russian).

- Roosevelt, T.* (2023). *America is entering the world stage. Memoirs of a President.* Moscow: Rodina Publ. 256 p. (In Russian).
- Stavitskiy, A.V.* (2022). The general theory of myth about the structure of its functioning // *Mythologos*. Series “Philosophy of Myth: ontology, axiology, methodology.” No. 1. Pp. 56–74. (In Russian).
- Stavitskiy, A.V.* (2024). Nonclassical mythology about the syncretism of myth // *Myth in history, politics, culture* [Electronic resource]: Proceedings of the VII International Scientific Interdisciplinary Conference (June 2024, St. Petersburg – Sevastopol) / Edited by A.V. Stavitskiy. Sevastopol: TBS Publishing LLC. Pp. 45–53. (In Russian).
- Stavitskiy, A.V.* (2020). Polymorphism of myth and language in the framework of their functioning // *Myth in history, politics, culture* [Electronic resource]: Collection of materials of the IV International Scientific Interdisciplinary Conference (June 2020, Sevastopol) / Edited by A.V. Stavitskiy. Sevastopol: Lomonosov Moscow State University Branch Publ. Pp. 292–299. (In Russian).
- Utkin, A.I.* (2024). *Theodore Roosevelt. A Political Portrait.* Moscow: Rodina Publ. 224 p. (In Russian).
- Campbell, W.J.* (December 2001). “You Furnish the Legend, I’ll Furnish the Quote” // *American Journalism Review*. Vol. 23 (10). Pp. 16–20.
- Campbell, W.J.* (2003). *Yellow Journalism: Puncturing the Myths, Defining the Legacies.* Westport: Praeger. 248 p.
- Campbell, W.J.* (Summer 2000). Not Likely Sent: the Remington-Hearst Telegram // *Journalism and Mass Communication Quarterly*. Vol. 77. No 2. Pp. 405–422.
- Coletta, P.E.* (November 1961). McKinley, the Peace Negotiations, and the Acquisition of the Philippines // *Pacific Historical Review*. Vol. 30 (4). Pp. 341–350.
- Documents of American History (1973) / Ed. by H.S. Commager. Ninth Edition. Englewood Cliffs, NJ, Prentice-Hall. Vol. 2. 640 p.
- Faust, K.I.* (1899). *Campaigning in the Philippines: Illustrated.* San Francisco: Hicks-Judd Company. 314 p.
- Field, J.A.* (June 1978). Jr. American Imperialism: the Worst Chapter in Almost Any Book // *The American Historical Review*. Vol. 83 (3). Pp. 644–688.
- Foner, P.S.* (1972). *The Spanish-Cuban-American War and the Birth of American Imperialism.* New York: Monthly Review Press. 716 p.
- Harrington, F.H.* (December 1937). Literary Aspects of American Anti-Imperialism 1898–1902 // *New England Quarterly*, Vol. 10. No. 4. Pp. 650–667.
- McKinley, W.* (1898). The Acquisition of the Philippines // *Papers Relating to Foreign Affairs*. Washington, DC.: U.S. Department of State. P. 904–908.
- Miller, B.M.* (2011). *From Liberation to Conquest: The Visual and Popular Cultures of the Spanish American War of 1898.* Cambridge: University of Massachusetts Press. 344 p.
- Pérez, L.A.* (August 1989). The Meaning of the “Maine”: Causation and the Historiography of the Spanish-American War // *The Pacific Historical Review*. Vol. 58. No. 3 P. 293–322.
- Pitzer, Andrea* (2017). Concentration Camps Existed Long Before Auschwitz // [Electronic resource]. URL: <https://www.smithsonianmag.com/history/concentration-camps-existed-long-before-Auschwitz-180967049> (accessed: 08.028.2025).
- Pratt, J.W.* (May 1934). American Business and Spanish-American War // *The Hispanic American Historical Review*. Vol. 14 (2). Pp. 163–201.

- Stone, O.; Kuznick, P. (2013). The Untold History of the United States. New York: Gallery Books. 750 p.*
- Thomas, E. (2010). The War Lovers: Roosevelt, Lodge, Hearst, and the Rush to Empire, 1898. Boston: Little, Brown and Co. 480 p.*
- Tone, J.L. (2006). War and Genocide in Cuba, 1895–1898. Chapel Hill: The University of North Carolina Press. 352 p.*
- Wilkerson, M.M. (1966). Public Opinion and the Spanish-American War, a Study in War Propaganda. New York: Russell & Russell. 141 p.*
- Wisan, J.E. (1965). The Cuban Crisis as Reflected in the New York Press. New York: Octagon Books, Inc. 477 p.*
- Zinn, H. (2003). A People's History of the United States. New York City: The New Press. 721 p.*

**Сведения об авторе:**

**Алентьева Татьяна Викторовна**

профессор кафедры всеобщей истории ФГБОУ ВО «Курский государственный университет», доктор исторических наук, профессор (г. Курск, Россия).

E-mail: alent-tv@yandex.ru

**Bionotes:**

**Alentieva Tatiana Victorovna**

Professor, Department of World History, Kursk State University, Doctor of Historical Sciences, Professor

E-mail: alent-tv@yandex.ru

**Для цитирования:**

**Алентьева Т.В.** Мифы испано-американской войны 1898 года // МИФОЛОГОС. Серия «Миф и общество: история, политика, социология». № 4 (16), 2025. С. 22–34.

**For citation:**

**Alentyeva T.V.** Myths of the Spanish-American War of 1898 // MYTHOLOGOS. Series "Myth and Society: History, Politics, Sociology". № 4 (16), 2025. Pp. 22–34.

УДК 94(469):327

## МИФЫ О «РЕВОЛЮЦИИ ГВОЗДИК» В ПОРТУГАЛИИ В КОНТЕКСТЕ ПОЛИТИЧЕСКОЙ КОНКУРЕНЦИИ

Баранов Андрей Владимирович

Кубанский государственный университет (г. Краснодар, Россия)

### Аннотация

Исследование мифов, сложившихся о португальской «революции гвоздик» (1974–1975 гг.) в исторической науке и политологии, актуально для понимания технологий конструирования исторической памяти, идеологического «перепрограммирования» современных обществ. Цель статьи – установить мифы о «революции гвоздик» и аргументировать их критику. Методология работы: кросс-темпоральный и ретроспективный сравнительный анализ, концепции исторической памяти и политики памяти. Результаты исследования таковы. «Революция гвоздик» в Португалии (1974–1975 гг.) была массовым народным движением против правоавторитарного режима и имела не только демократическую, антиколониальную, но и социалистическую направленность. Однако слабость и раскол руководства революции привели в ноябре 1975 г. к её поражению. Португалия постепенно перешла к либеральной модели развития. Политика памяти, проводимая элитами страны и историческим сообществом, означает навязывание мифов о либерально-буржуазном характере революции, о маргинальном влиянии коммунистической партии. В то же время, португальские исследователи и публицисты ведут идеологические дискуссии о революции, воспринимаемой как главное событие национальной истории XX века. События 1974–1975 гг. переосмысливаются в контексте противостояния европоптистов и евроскептиков, либералов, марксистов и консерваторов, критики доктрины «демократического транзита».

**Ключевые слова:** мифы; «революция гвоздик»; Португалия; политика памяти; политическая конкуренция.

## MYTHS ABOUT THE “CARNATION REVOLUTION” IN PORTUGAL IN THE CONTEXT OF POLITICAL COMPETITION

Baranov Andrey Vladimirovich

Kuban State University (Krasnodar, Russia)

### Abstract

The study of myths about the Portuguese “Carnation revolution” (1974–1975) in historical science and political science is relevant for understanding the technologies of constructing historical memory and the ideological “reprogramming” of contemporary societies. The purpose of the article is to establish the myths about the “Carnation revolution” and to substantiate their criticism. Methodology of the work: cross-temporal and retrospective comparative analysis, concepts of historical memory and memory policy. The results of the study are as follows. The Carnation Revolution in Portugal (1974–1975) was a massive popular movement against the right-wing authoritarian regime and had not only a democratic, anti-colonial, but also a socialist orientation. However, the weakness and split of the leadership of the revolution led to its defeat in November 1975. Portugal has gradually moved towards a liberal development model. The policy of memory pursued by the country’s elites and the historical community means imposing myths about the liberal-bourgeois nature of the revolution and the marginal influence of the

Communist Party. At the same time, Portuguese researchers and publicists are conducting ideological discussions about the revolution, perceived as the main event in the national history of the XXth century. The events of 1974–1975 are reinterpreted in the context of the confrontation between eurooptimists and eurosceptics, liberals, marxists and conservatives, and criticism of the doctrines of “democratic transit”.

**Keywords:** myths; “Carnation revolution”; Portugal; memory politics; political competition.

### ***Введение (Introduction)***

25 апреля 2024 г. праздновался 50-летний юбилей «революции гвоздик» в Португалии – последней в истории стран Запада, происходившей под лозунгами социализма. Португальское общество продолжает воспринимать события 1974–1975 гг. как важнейшие в истории страны XX века, заложившие основы «матрицы» всего последующего общественного развития. В то же время, чем дальше «революция гвоздик» уходит в прошлое, тем больше проявляется её сознательная мифологизация. Революцию принято хвалить и противопоставлять правоавторитарному режиму Салазара – Каэтану. Но эти похвалы двусмысленны: в революции видят истоки вступления Португалии в Европейский союз, принятия либеральной буржуазной модели развития и даже... признания «гендерного разнообразия». Ряд историков и политологов стремится реабилитировать салазаровское «Новое государство». Конечно, эти тенденции не имеют отношения к исторической реальности 1970-х гг., зато они ярко показывают текущие политico-идеологические приоритеты интеллектуалов. Как постараётся доказать автор статьи, такие интенции имеют целью ревизовать потенциал «революции гвоздик», имевшей социалистические и антиколониальные цели, а в более широком смысле – обосновать мнение о народе как всегда беспомощной, безыдейной массе, управляемой элитами. «Революция гвоздик» стала последним примером революции с социалистическими интенциями, но одновременно – первой, в которой были отработаны технологии манипулирования массовыми коммуникациями, свойственные «цветным» революциям. Исследование мифов, сложившихся о португальской «революции гвоздик» (1974–1975 гг.) в исторической науке и политологии, актуально для понимания технологий конструирования исторической памяти, идеологического «перепрограммирования» современных обществ. При этом важна не только содержательная, но и технологическая компонента мифотворчества: применение новых аудиовизуальных средств, отбор «героев» и «антигероев», памятных дат и событий для коммеморации, манипулирование хронологией событий («фигуры умолчания» и идеализируемые аспекты).

Цель статьи – установить мифы о «революции гвоздик» и аргументировать их критику.

### ***Методы (Methods)***

Методология работы включает в себя кросс-tempоральный и ретроспективный сравнительный анализ, концепции исторической памяти и политики памяти. Объектами сравнения выбраны историографические памятники (монографии, статьи, тезисы, аналитические доклады, публицистические тексты), в которых отражаются изменения оценок событий революции. Применение кросс-tempорального и ретроспективного сравнительного анализа (в трактовке Л. Липсона [Lipson 1957: 372–382], А. Лейпхарта [Lijphart 1971: 682–693] позволяет определить сходства и различия трактовок революции 1974–1975 гг. на различных этапах развития историографии темы, а также в сопоставлении марксистских,

социал-демократических, либеральных и консервативных исследователей. Важно выяснить преемственность ключевых идеологем и алгоритмов описания событий и процессов. Концепции исторической памяти М. Хальбвакса [Halbwachs 1997] и П. Нора [Нора, Озуф, де Плюимеж 1999: 17–50] принципиально значимы для понимания различий между исторической реальностью, фиксируемой разнообразными свидетельствами современников и участников событий, и коллективной памятью, отражающей личный жизненный опыт, ценности и политические предпочтения потомков как результат целенаправленного конструирования со стороны акторов политики памяти (см. работы А. Ассман [Ассман 2014] и М. Мялксуу [Mälksuu 2023: 1–14]).

Эмпирическая основа статьи объемлет собой тексты выступлений и публицистических статей политиков, историографические памятники (монографии, статьи, тезисы, популяризаторские тексты), аудиовизуальные источники (кинофильм «Капитаны Апреля» [Capitães de Abril 2000], фотографии, политические плакаты), публикации португальских и российских массмедиа.

### *Литературный обзор (Literature Review)*

Анализ мифов о «революции гвоздик» развивается в исторической науке и политологии во многом изолированно, без учёта достижений смежных дисциплин. Историки чаще всего сосредотачивают внимание на фальсификациях фактов и недостаточно доказанных, идеологизированных суждениях в академических текстах. Политическую науку интересуют, прежде всего, процессы и технологии целенаправленного программирования исторической памяти, которое направлено на закрепление в сознании граждан определённых стереотипов восприятия прошлого, на обеспечение желаемых политических ориентаций и установок поведения «здесь и сейчас».

Португальская школа исторической науки уделяет значительное внимание «революции гвоздик». Преобладающим направлением данной школы является либеральное, практически неотделимое от социал-демократического. Его представители (Р. Дуран [Дуран 2014: 131–144], И. Лейтау Феррейра де Алмейда [Leitão Ferreira de Almeida 2016], П. Перес Кабрейра [Peres Cabreira 2019: 1–23] рассматривают события 1974–1976 гг. под углом зрения демократического транзита и последовавшей консолидации демократии, включения страны в «прогрессивные» процессы евроинтеграции. События 25 апреля 1974 г. трактуются как выступление романтиков-идеалистов, а ноябрьский переворот 1975 г. – как пресечение мнимого прихода коммунистов к власти.

Напротив, сторонники неомарксистской концепции, «новые левые» историки подчёркивают, что «революция гвоздик» стала закономерным следствием и кульминацией массового рабочего и крестьянского движения. Революция не сводилась к захвату власти 25 апреля; она прошла сложный извилистый путь, имела социалистические цели и была прервана праволиберальными силами, а также пробуржуазной политикой Португальской социалистической партии. В таком стиле созданы работы Р. Варела [Варела 2014: 168–186; Varela 2012; Varela 2022], М.А. Переса Суареса [Перес Суарес 2014: 117–130], В. Аркари [Arcary 2023], Ж.Ф. Фигейреду Фонтеша [Figueiredo Fontes 2019].

Ряд португальских и бразильских исследователей отказывается участвовать в идеологизированных дискуссиях и предпочитает вести объективистский анализ историографических тенденций (Ф.К. Паломанес Мартињу [Palomanes Martinho

2017: 465–478] либо политики памяти (Ф. Байрау Руиву [Bairrão Ruivo 2014], М.М. Крузейру [Cruzeiro 2014: 25–34], Ф. Раймунду [Raimundo 2018]).

Российская историография «революции гвоздик» в 1990–2010-х гг. разделяла концепцию демократического транзита и рассматривала революцию в качестве необходимой стадии политической модернизации с общеевропейскими перспективами. Таковы положения работ Н.В. Кирсановой [Португалия: путь... 2014: с. 15–39] и Н.М. Яковлевой [Яковлева 2016; Яковлева 2019: 155–168], наиболее системных и глубоких в отечественной научной школе. Однако в новейшее десятилетие проявились признаки ревизии концепций Португальской революции как в духе неомарксистских трактовок (в популярной по стилю изложения монографии А.Е. Полякова [Поляков 2021: 353–432]), так и прагматического подхода, при котором режим «Нового государства» А. Салазара не демонизируется, а последствия революции не выглядят однозначно положительными (монография А.Е. Щелчкова и Г.А. Филатова [Щелчков, Филатов 2024]). Показательно, что 50-летний юбилей «революции гвоздик» был отмечен в российской научной традиции гораздо меньшим количеством академических работ, чем 40-летний. В 2024 г. в центре внимания российских исследователей впервые была личность и эпоха А. Салазара, темы преемственности и национального пути развития Португалии в автаркии от Европы (монография М.А. Шепелева [Шепелев 2023]), а не «тонкости» борьбы между левыми партиями и движениями внутри революционного лагеря.

Поляризация оценок «революции гвоздик» в научной литературе закономерна, поскольку события 1974–1975 гг. в Португалии имеют противоположные смыслы в системе координат различных идеологий. Деконструкция мифа о революции благородных идеалистов понятна в эпоху меркантильных расчётов, глобализации и стандартизации. Но тем важнее и увлекательнее задача поиска смысла революции на основе принципа историзма, отказа от конструирования идеологических мифов и глобальных некорректных экстраполяций.

### *Результаты и обсуждение (Results and Discussions)*

Прежде всего, мифотворчество происходит в сфере оценок состояния и перспектив развития португальского общества накануне революции. Родственник бывшего диктатора Р. Салазар утверждал, что прирост экономики во времена «Нового государства» составлял 7% в год [цит. по: Шепелев 2023: 418]. Указывается, что в 1960–1973 гг. происходила модернизация экономики страны, проводились крупные проекты строительства объектов энергетики и транспорта, а значительные запасы нефти в колониальной Анголе могли ускорить темпы развития. Эти явления вели к росту жизни [см. Поляков 2021: 359–360]. Но бесспорно, что для политических настроений общества важна не общая экономическая динамика, а рост социального неравенства, «перепроизводство» интеллектуальных и административных элит, недовольство колониальными войнами. Расходы на колониальные войны за время правления М. Каэтану (1968–1974 гг.) выросли с 1262 до 2873 млн эшкудо, т.е., более чем в два раза. Количество военнослужащих, посланных в Африку из метрополии, за этот же срок выросло с 78 до 87 тыс. чел. [Щелчков, Филатов 2024: 357]. Росло количество призывной молодёжи, бежавшей из страны – с 11,6% в 1961 г. до 20,3% в 1972 г. [Рокпло 2024]. Осенью 1973 г. начался мировой энергетический кризис, что привело к росту инфляции в Португалии на март 1974 г. до 29%. В сельских местностях 73%

земельных угодий принадлежали 6% населения, массовым был слой безземельных батраков [Поляков 2021: 362, 404]. Происходил рост забастовок рабочих и фермеров, усилилось оппозиционное движение внутри католической церкви и офицерства. Таким образом, страна переживала эрозию старого общественного договора, а режим расценивался всё более широкими слоями как недееспособный. Внутри правящих элит нарастали размежевания, что подтверждается оппозиционными заявлениями губернатора Португальской Гвинеи А.С. Синолы, активизацией не только левой, но либеральной эмиграции, ранее запрещённого масонства.

Во-вторых, миф о свержении диктатуры 25 апреля 1974 г. Хрестоматийная версия о бескровной революции, внимание публики во всех популярных изложениях событий концентрируется на быстром захвате власти (в течение одного дня) и действиях нового президента страны – А.С. Синолы. Например, историк Р. Рамуш рассматривает революцию как «переворот генералов», управляемый Движением вооруженных сил (ДВС), для которого народ был якобы чуждой и пассивной неорганизованной массой [Historia de Portugal 2009: 731]. Р. Рамуш отказывается искать в событиях объективные экономические и политические интересы социальных групп, а видит в перевороте лишь личные амбиции молодых экзальтированных офицеров.

Но напротив, ни одна революция не сводится к взятию власти. Критериями сущности и хронологических рамок революции являются кардинальные качественные изменения всей общественной системы, в том числе – форм собственности, системы социальной стратификации, политического режима, идеологии власти. Под этим углом зрения революция продолжалась с 25 апреля 1974 по 25 ноября 1975 гг. Апогей «революции гвоздик» – это весна и лето 1975 г., период после провала попытки праволиберального переворота, когда проводилась конфискация крупных помещичьих и церковных землевладений (19% земельных угодий страны), устанавливался рабочий контроль на промышленных предприятиях. ДВС и генерал Синола не были всемогущими демиургами революции. Например, как указывает Р. Варела, именно народные массы заставили новую власть отменить цензуру и освободить политических заключённых [Варела 2014: 170–171].

Временный президент А.С. Синола ушёл в отставку под сильным давлением левых партий и ДВС уже 30 сентября 1974 г., после чего он участвовал в попытке переворота 11 марта 1975 г. и руководил в эмиграции контрреволюционными группировками, не брезговавшими террором. Именно действия сторонников Синолы на севере страны под антикоммунистическими лозунгами вызвали наибольшее число жертв столкновений. Более того, консервативный французский публицист О. Рокпл отмечает связи А.С. Синолы со спецслужбами США, ФРГ и Великобритании. Синолу поддерживала бизнес-группа «Aginter Press», участвовавшая в тайных операциях ЦРУ США «Гладио» по дестабилизации стран Западной Европы путём терроризма и переворотов [Рокпл 2024].

Реальным же идеологическим и организационным центром революции являлось Движение вооружённых сил и его Координационная комиссия. Ведущую, хотя и не монопольную, роль в руководстве ДВС играли майор Отелу Сарайва де Карвалью – впоследствии командующий Оперативного командования на континенте (КОПКОН), полковник Вашку Гонсалвеш – позже премьер-министр

временного правительства, майор Мелу Алтуниш – в 1975–1976 гг. лидер умеренного крыла ДВС. Главной проблемой ДВС было отсутствие чётко определённой идеологии, постоянное балансирование между интересами Португальской коммунистической партии (ПКП, ей сочувствовал В. Гонсалвеш), Португальской социалистической партии (ПСП, на чьей стороне выступали умеренные фракции ДВС) и троцкистских леваков (симпатии им проявлял Отелу де Карвалью). Кстати говоря, ПСП во главе с М. Соарешем сыграла основную роль в расколе левых сил. М. Соареш постоянно контактировал с посольством США и видными политиками Европейского экономического сообщества, он был одним из видных масонов страны. Именно отказ М. Соареша 22 ноября 1975 г. создать коалиционное правительство ПСП и ПКП спровоцировал вооружённый мятеж левацких группировок «Фронт революционного единства» и «Объединённые солдаты победят», не поддержанный ни ПКП, ни О. де Карвалью.

Третий миф – о замыслах коммунистов установить партийную диктатуру и силой привести Португалию в сообщество социалистических стран. Он опровергается тем, что ПКП и её лидер А. Куньял никогда не призывали к вооружённому захвату власти и расколу революционного (весьма разношёрстного) лагеря сил. Не шла речь и о выходе Португалии из НАТО. Со своей стороны, СССР ограничился весьма умеренными словесными проявлениями солидарности, нормализовал дипломатические и экономические отношения с Португалией. Но не более того. Напротив, США и НАТО провели широкомасштабные военно-морские учения и берегов Португалии, а также открыто поощряли в 1974–1975 гг. сепаратистские выступления на Азорских островах, чтобы сохранить этот стратегический плацдарм за собой в случае, если Португалию возглавит неугодное правительство. Как только революция завершилась реваншем праволиберальных сил, азорский сепаратизм затих будто по мановению невидимой руки.

Четвёртый миф – о том, что «революция гвоздик» была побочной и тупиковой ветвью демократического транзита, завершившегося в 1980-х гг. принятием оптимальной для страны европейской экономической и политической системы. Такую точку зрения, например, выражает историк А. К. Пинту; по его мнению, революция лишь нарушила переход к «представительной демократии» [Pinto 2008: 305–332]. Этот миф наиболее системно и последовательно отражает разрыв современных элит Португалии с подлинным революционным наследием и демонстрирует стремление перекодировать историческую память о революции, подменив ключевые маркеры революции: политическую амнистию левых сил, коренную аграрную реформу, создание кооперативов и рабочего контроля в промышленности на такие «постмодернистские» приоритеты, как разрешение феминизма и прав нетрадиционных меньшинств.

Этот миф соответствует достаточно оторванным от исторической реальности вариантам доктрина демократического транзита, согласно которым целью свержения диктаторских режимов якобы всегда должна быть либеральная демократия и в итоге должен быть установлен консенсус между внутрисистемными политическими силами относительно целей и параметров нового политического порядка. Но такой миф игнорирует многочисленные исторические случаи, когда низложение правоавторитарных либо либеральных режимов происходило под социалистическими лозунгами (в Чили, Перу, Боливии, Никарагуа, Венесуэле и, как мы настаиваем, в Португалии). Характерно, что все перечисленные кейсы – в странах периферии мировой капиталистической системы,

где именно социалистические идеологемы (марксистские или иные) были привлекательными для сторонников более справедливого общественного строя.

Возвращаясь к Португалии 1974–1975 гг., мы видим формирование достаточно массовых политических партий: ПСП достигла численности 80 тыс. чел., а ПКП – 100 тыс. чел. (в стране с населением 8,75 млн чел.) [Historia de Portugal 2009: 731]. Всего было за короткий срок зарегистрировано 60 политических партий. Легализованы Федерация независимых профсоюзов («Интерсиндикал») и комиссии трудящихся. Создан рабочий контроль на крупных предприятиях (например, лиссабонских верфях «Лиснавес»). Перечисленные организации были автономными субъектами политики, что опровергает миф о фатальном господстве правящих элит в политическом процессе. Все они выдвигали свои требования и программы развития страны, и либеральная демократия вовсе не была неизбежным результатом Португальской революции.

Победа ПСП и правых сил в ноябре 1975 г. стала результатом сложной борьбы, изобиловавшей вариантами и парадоксальными поворотами («красное лето» 1975 г. не привело к победе левого крыла ДВС и революции в целом). Таким образом, если и применять к Португальской революции концепт «демократического транзита», то это был транзит от социалистической к капиталистической модели развития, означавший «Термидор» революции. Он возобладал вследствие относительной слабости и раскола левых сил, их неготовности к насильтенным мерам против сторонников салазаризма либо либерального пути развития, а также неблагоприятной международной обстановки. Итогом принятия либеральной стратегии развития стало поглощение португальской экономики со стороны Европейского союза, лишение страны реального суверенитета.

### **Заключение (Conclusions)**

«Революция гвоздик» в Португалии (1974–1975 гг.) была массовым народным движением против правоавторитарного режима и имела не только демократическую, антиколониальную, но и социалистическую направленность. Однако слабость и раскол руководства революции привели в ноябре 1975 г. к её поражению. Португалия постепенно перешла к либеральной модели развития. Политика памяти, проводимая элитами страны и историческим сообществом, означает навязывание мифов о либерально-буржуазном характере революции, о маргинальном влиянии коммунистической партии. Португальские исследователи и публицисты ведут идеологические дискуссии о революции, воспринимаемой как главное событие национальной истории XX века.

События 1974–1975 гг. переосмысливаются в контексте противостояния еврооптимистов и евроскептиков, либералов, марксистов и консерваторов, критики доктрины «демократического транзита». В статье опровергнуты мифы о «революции гвоздик»: о позитивном состоянии и перспективах развития португальского общества накануне революции; о бескровной революции, совершённой молодыми офицерами без участия народа; о замыслах коммунистов установить партийную диктатуру и силой привести Португалию в сообщество социалистических стран; о том, что «революция гвоздик» была побочной и тупиковой ветвью демократического транзита, завершившегося в 1980-х гг. принятием оптимальной для страны европейской экономической и политической системы.

## Литература

- Ассман, А.* (2014) Длинная тень прошлого: Мемориальная культура и историческая политика. Москва: Новое литературное обозрение. 323 с.
- Варела, Р.* (2014) Историографические дискуссии о значении революции гвоздик 1974–1975 годов // БЕРЕГИНА.777.СОВА. Воронеж. № 1 (20). С. 168–186.
- Дуран, Р.* (2014) Переход к демократии на Иберийском полуострове: памяти Хуана Х. Линца // БЕРЕГИНА.777.СОВА. Воронеж. № 1 (20). С. 131–144.
- Нора, П., Озуф, М., де Плюимеж, Ж.* (1999) Между памятью и историей. Проблематика мест памяти. Санкт-Петербург: Изд-во Санкт-Петербургского университета. 333 с.
- Перес Суарес, М.А.* (2014) Понять португальскую революцию // БЕРЕГИНА.777.СОВА. Воронеж. № 1 (20). С. 117–130.
- Поляков, А.К.* (2021) Португалия. Полная история. Москва: Изд-во АСТ. 480 с.
- Португалия: путь от революции... (2014) / под ред. В.Л. Верникова. Москва: Весь Мир. 368 с.
- Рокпло, О.* (1974) Portugal 1974. [Электронный ресурс]. URL: <http://sp.sb.by/portugal-1974> (date of access: 25.04.2025).
- Шепелев, М.А.* (2023) Салазар. Симферополь: ООО «Антиква». 428 с.
- Щелчков, А.А., Филатов, Г.А.* (2024) Португалия Салазара: История самой длительной диктатуры в Европе. Москва: Кучково поле. 400 с.
- Яковлева, Н.М.* (2016) Португалия: история политической модернизации. Москва: ИЛА РАН. 260 с.
- Яковлева, Н.М.* (2019) 45-летие «Революции гвоздик» в Португалии. Уроки прошлого и современный контент // Свободная мысль. № 2 (1674). С. 155–168.
- Arcary, V.* O que a Revolução dos Cravos Nos Ensina Hoje. URL: <https://outraspalavras.net/historia-e-memoria/o-que-a-revolucao-dos-cravos-nos-ensina-hoje/> (date of access: 25.04.2025).
- Bairrão Ruivo, F.* A (2014) Memória e os Múltiplos “25 de Abril”. Um Momento Único de Participação das Massas na Política. Lisboa: Universidade Nova de Lisboa. 17 p.
- Capitães de Abril (2000) – Vídeo Dailymotion. URL: <https://www.dailymotion.com/video/x8vwnhm> (date of access: 25.04.2025).
- Cruzeiro, M.M.* (2014) O 25 de Abril de 1974. Memória da Revolução e Revolução da Memória // Revista Lusófona de Estudos Culturais / Lusophone Journal of Cultural Studies. Vol. 2, n. 1. P. 25–34.
- Figueiredo Fontes, J.F.* (2019) A Revolução dos Cravos Revisitada, 45 Anos Depois. URL: <https://www.niepmarx.blog.br/MM/MM2019/AnaisMM2019/MC57/MC572.pdf> (date of access: 25.04.2025).
- Halbwachs, M.* (1997) La Mémoire Collective. Paris: Presses Universitaires de France. 170 p.
- Historia de Portugal (2009) / coord. *R. Ramos*. Lisboa: A Esfera dos Livros. 1149 p.
- Leitão Ferreira de Almeida, I.* (2016) A Revolução dos Cravos e o Mito Revolucionário da Esquerda Francesa: Dissertação de Mestrado em História Contemporânea. Lisboa: Universidade Nova de Lisboa. 238 p.

*Lijphart, A.* (1971) Comparative Politics and the Comparative Method // American Political Science Review. Vol. 65, issue 3. Pp. 682–693. DOI: 10.2307/1955513

*Lipson, L.* (1957) The Comparative Method in Political Studies // The Political Quarterly. Vol. 28, issue 4. P. 372–382. <https://doi.org/10.1111/j.1467-923X.1957.tb01669.x>

*Mälksoo, M.* (2023) Politics of Memory: a Conceptual Introduction // Handbook on the Politics of Memory. Cheltenham: Edward Elgar Publishing Limited. Pp. 1–14. URL: <https://scispace.com/pdf/politics-of-memory-a-conceptual-introduction-34t3qwgh.pdf> (date of access: 25.04.2025).

*Palomares Martinho, F.C.* (2017) A Revolução dos Cravos e a Historiografia Portuguesa // Estudos Históricos. Rio de Janeiro. Vol. 30, no 61. Pp. 465–478.

*Peres Cabreira, P.* (2019) Revolução dos Cravos e a Democratização no Portugal Contemporâneo (1973–1975) // Revista de História da Universidade Estadual de Goiás (UEG). Porangatu. Vol. 8, no. 1. e-811916. Pp. 1–23. URL: <http://www.revista.ueg.br/index.php/revistahistoria/article/view/9071> (date of access: 25.04.2025).

*Pinto, A.C.* (2008) Political Purges and State Crisis in Portugal's Transition to Democracy 1975–76 // Journal of Contemporary History. London. Vol. 43, no. 2. Pp. 305–332.

*Raimundo, F.* (2018) Ditadura e Democracia: Legados da Memória. Lisboa: Fundação Francisco Manuel dos Santos. 107 p.

*Varela, R.* (coord.). (2012) Revolução ou Transição? História e Memória da Revolução dos Cravos. Lisboa: Bertrand Editora. 293 p.

*Varela, R.* (2022) A Revolução dos Cravos e o Mito da “Revolução Sem Mortos”. URL: <https://raquelcardeiravarela.wordpress.com/2022/04/25/a-revolucao-dos-cravos-e-o-mito-da-revolucao-sem-mortos/> (date of access: 25.04.2025).

## References

*Assman, A.* () The Long Shadow of the Past: Memorial Culture and Historical Politics. Moscow: New Literary Review Publ., 2014. 323 p. (In Russian).

*Varela, R.* () Historiographical Discussions on the Significance of the Carnation Revolution of 1974–1975. *BEREGINYA.777. THE OWL*. Voronezh, 2014. No. 1 (20). Pp. 168–186 (In Russian).

*Duran, R.* (2014) Transition to Democracy on the Iberian Peninsula: in Memory of Juan H. Linz. *BEREGINYA.777. THE OWL*. Voronezh. No. 1 (20). Pp. 131–144. (In Russian).

*Nora, P.; Ozouf, M.; de Puimezh, J.* (1999) Between Memory and History. The Problem of Memory Locations. Saint Petersburg: Publishing House of Saint Petersburg University. 333 p. (In Russian).

*Perez Suarez, M.A.* (2014) Understanding the Portuguese Revolution. *BEREGINYA.777. THE OWL*. Voronezh. No. 1 (20). Pp. 117–130. (In Russian).

*Polyakov, A.K.* (2021) Portugal. The Full Story. Moscow: AST Publishing House. 480 p. (In Russian).

Portugal: the Path from Revolution... (2014) Edited by V.L. Vernikov. Moscow: The Whole World Publ. 368 p. (In Russian).

*Rockplo, O.* (1974) Portugal 1974. [Electronic resource]. URL: <http://sp.sb.by/portugal-1974> (accessed on April 25, 2025). (In Russian).

- Shepelev, M.A. (2023) Salazar. Simferopol: LLC “Antiqa” Publ. 428 p. (In Russian).*
- Schelchkov, A.A., Filatov G.A. (2024) Salazar’s Portugal: The History of the Longest Dictatorship in Europe. Moscow: Kuchkovo Pole Publ. 400 p. (In Russian).*
- Yakovleva, N.M. (2016) Portugal: the History of Political Modernization. Moscow: ILA RAS Publ. 260 p. (In Russian).*
- Yakovleva, N.M. (2019) 45th Anniversary of the Carnation Revolution in Portugal. Lessons from the Past and Modern Content. *Free Thought*. No. 2 (1674). Pp. 155-168. (In Russian).*
- Arcary, V. O que a Revolução dos Cravos Nos Ensina Hoje. URL: <https://outraspalavras.net/historia-e-memoria/o-que-a-revolucao-dos-cravos-nos-ensina-hoje/> (date of access: 25.04.2025). (In Portugal).*
- Bairrão Ruivo, F. A (2014) Memória e os Múltiplos “25 de Abril”. Um Momento Único de Participação das Massas na Política. Lisboa: Universidade Nova de Lisboa. 17 p. (In Portugal).*
- Capitães de Abril (2000) – Vídeo Dailymotion. URL: <https://www.dailymotion.com/video/x8vwnhm> (date of access: 25.04.2025). (In Portugal).*
- Cruzeiro, M.M. (2014) O 25 de Abril de 1974. Memória da Revolução e Revolução da Memória // Revista Lusófona de Estudos Culturais / Lusophone Journal of Cultural Studies. Vol. 2, n. 1. P. 25–34. (In Portugal).*
- Figueiredo Fontes, J.F. (2019) A Revolução dos Cravos Revisitada, 45 Anos Depois. URL: <https://www.niepmarx.blog.br/MM/MM2019/AnaisMM2019/MC57/MC572.pdf> (date of access: 25.04.2025). (In Portugal).*
- Halbwachs, M. (1997) La Mémoire Collective. Paris: Presses Universitaires de France. 170 p. (In Portugal).*
- Historia de Portugal (2009) / coord. R. Ramos. Lisboa: A Esfera dos Livros. 1149 p. (In Portugal).*
- Leitão Ferreira de Almeida, I. (2016) A Revolução dos Cravos e o Mito Revolucionário da Esquerda Francesa: Dissertação de Mestrado em História Contemporânea. Lisboa: Universidade Nova de Lisboa. 238 p. (In Portugal).*
- Lijphart, A. (1971) Comparative Politics and the Comparative Method // American Political Science Review. Vol. 65, issue 3. Pp. 682–693. DOI: 10.2307/1955513 (In Portugal).*
- Lipson, L. (1957) The Comparative Method in Political Studies // The Poltical Quarterly. Vol. 28, issue 4. P. 372–382. <https://doi.org/10.1111/j.1467-923X.1957.tb01669.x>*
- Mälksoo, M. (2023) Politics of Memory: a Conceptual Introduction // Handbook on the Politics of Memory. Cheltenham: Edward Elgar Publishing Limited. Pp. 1–14. URL: <https://scispace.com/pdf/politics-of-memory-a-conceptual-introduction-34t3qwgh.pdf> (date of access: 25.04.2025). (In Portugal).*
- Palomanes Martinho, F.C. (2017) A Revolução dos Cravos e a Historiografia Portuguesa // Estudos Históricos. Rio de Janeiro. Vol. 30, no 61. Pp. 465–478. (In Portugal).*
- Peres Cabreira, P. (2019) Revolução dos Cravos e a Democratização no Portugal Contemporâneo (1973–1975) // Revista de História da Universidade Estadual de Goiás (UEG). Porangatu. Vol. 8, no. 1. e-811916. Pp. 1–23. URL:*

<http://www.revista.ueg.br/index.php/revistahistoria/article/view/9071> (date of access: 25.04.2025). (In Portugal).

*Pinto, A.C. (2008) Political Purges and State Crisis in Portugal's Transition to Democracy 1975–76 // Journal of Contemporary History. London. Vol. 43, no. 2. Pp. 305–332. (In Portugal).*

*Raimundo, F. (2018) Ditadura e Democracia: Legados da Memória. Lisboa: Fundação Francisco Manuel dos Santos. 107 p. (In Portugal).*

*Varela, R. (coord.). (2012) Revolução ou Transição? História e Memória da Revolução dos Cravos. Lisboa: Bertrand Editora. 293 p. (In Portugal).*

*Varela, R. (2022) A Revolução dos Cravos e o Mito da “Revolução Sem Mortos”. URL: <https://raquelcardeiravarela.wordpress.com/2022/04/25/a-revolucao-dos-cravos-e-o-mito-da-revolucao-sem-mortos/> (date of access: 25.04.2025). (In Portugal).*

**Сведения об авторе:**

**Баранов Андрей Владимирович**

профессор кафедры политологии и политического управления ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет», доктор политических наук, доктор исторических наук, профессор (г. Краснодар, Россия).

E-mail: baranovandrew@mail.ru

**Bionotes:**

**Baranov Andrey Vladimirovich**

Professor of the Department of Political Science and Political Management, Kuban State University, Doctor of Political Sciences, Historical Sciences, Professor (Krasnodar, Russia).

**Для цитирования:**

**Баранов А.В.** Мифы о «революции гвоздик» в Португалии в контексте политической конкуренции // МИФОЛОГОС. Серия «Миф и общество: история, политика, социология». № 4 (16), 2025. С. 35–45.

**For citation:**

**Baranov A.V.** Myths about the Carnation Revolution in Portugal in the Context of Political Competition // MYTHOLOGOS. Series "Myth and Society: History, Politics, Sociology". № 4 (16), 2025. Pp. 35–45.

УДК 1:32:008

## ЗНАЧЕНИЕ МИФОВ ГОМЕРА В КУЛЬТУРЕ И ИСТОРИИ В КОНТЕКСТЕ ВЫЗОВОВ СЕГОДНЯШНЕГО ДНЯ

Ставицкий Андрей Владимирович

Филиал Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова в городе Севастополе (г. Севастополь, Россия)

### Аннотация

В статье предлагается новая модель понимания гомеровского эпоса не как литературного памятника, а как прототипа «социокогнитивной технологии» – инструмента, созданного для решения фундаментальной проблемы цивилизационного выживания: объединения разрозненных сообществ в единое целое. На основе метаанализа исследований, посвящённых роли мифа в формировании греческой идентичности, автор выдвигает оригинальную гипотезу о том, что «мифический» или реальный Гомер посредством своих поэм создал, сам того не желая, не просто великий миф, а мифическую онтологию — целостную систему бытия, в которой были заданы правила взаимодействия человека с миром, богами и самим собой, выстроив две ключевые для любой цивилизации архетипические темы — тему Борьбы и Преодоления во имя Общего дела («Илиада») и тему Пути («Одиссея»), как Возвращения к себе. В статье утверждается, что ключевым механизмом этой технологии является архетипический нарратив, функционирующий на стыке коллективной памяти и индивидуального смыслообразования, а гомеровские архетипы работают как универсальные когнитивные схемы, структурирующие человеческий опыт. Статья вносит вклад в разработку общей теории мифа, предлагая рассматривать мифотворчество как целенаправленный акт проектирования культурной реальности.

**Ключевые слова:** миф; мифология; теоретическая мифология; неклассическая мифология; современный миф; общая теория мифа; подходы к мифу, классический подход к мифу; обывательский подход к мифу; универсальный подход к мифу; миф как культурная универсалия; Гомер

## THE SIGNIFICANCE OF HOMER'S MYTHS IN CULTURE AND HISTORY IN THE CONTEXT OF TODAY'S CHALLENGES

Stavitskiy Andrey Vladimirovich

Branch of Lomonosov Moscow State University in Sevastopol (Sevastopol, Russia)

### Abstract

The article proposes a new model for understanding Homer's epic not as a literary monument, but as a prototype of 'sociocognitive technology' – a tool created to solve the fundamental problem of civilisational survival: uniting disparate communities into a single whole. Based on a meta-analysis of studies devoted to the role of myth in the formation of Hellenic identity, the author puts forward an original hypothesis that the 'mythical' or real Homer, through his poems, unwittingly created not just a great myth, but a mythical ontology — a holistic system of being in which the rules of human interaction with the world, the gods, and oneself were set, building two archetypal themes key to any civilisation: the theme of Struggle and Overcoming in the name of the Common Cause (Iliad) and the theme of the Path (Odyssey) as a Return to Oneself. The article argues that the key mechanism of this technology is the archetypal narrative, functioning at the intersection of collective memory and individual meaning-making, and that

Homeric archetypes work as universal cognitive schemas that structure human experience. The article contributes to the development of a general theory of myth, proposing to consider myth-making as a purposeful act of designing cultural reality.

**Keywords:** myth; mythology; theoretical mythology; non-classical mythology; modern myth; general theory of myth; approaches to myth, classical approach to myth; philistine approach to myth; universal approach to myth; Homer

### ***Введение (Introduction)***

История знает немало примеров, когда идеология, религия или торговля становились тем инструментом, который объединял разрозненные народы. Однако пример Древней Греции особо показателен: на рубеже VIII–V веков до н.э. таким объединяющим ядром для десятков независимых эллинских полисов стала поэзия, когда две великие эпические поэмы Гомера создали мифологическую основу для формирования единого исторического пространства эллинской цивилизации – пространства Борьбы, Пути и Общего дела [Лорд 1994].

В данной статье автор не ставит задачи выяснить, был ли Гомер автором «Илиады» и «Одиссеи» или они были результатом коллективного творчества, вполне допуская, что конкретного исторического Гомера вообще никогда не существовало, а реальный автор поэм – «коллективный Гомер», творивший на протяжении нескольких веков. Однако великие поэмы однозначно были кем-то созданы и сыграли для древних греков такую роль, какую более не сыграет ни одно человеческое творение, вдохновляя эллинов победой, которой, возможно, никогда не было, в результате творений автора, который, быть может, никогда не существовал, хотя «тысяча лет греческой истории прошла под знаком безраздельной гегемонии гомеровского гения» [Матвейчев, Беляков 2014: 164].

Просто исторически так сложилось, что в VIII–VII вв. до н.э. Эллада была раздроблена на изолированные полисы и племена, лишённые общей идентичности. Однако к V веку до н.э. возникла опасность персидского вторжения. Угроза со стороны Персидской империи требовала не просто военного союза, а глубокого культурного единства. Разрозненные полисы, имевшие разные диалекты, обычаи и политические системы, нуждались в идеологическом фундаменте для консолидации. И таким фундаментом стал гомеровский эпос, создавший общее героическое прошлое, пантеон богов и этические ориентиры, предложив эллинам тот Великий миф, который запустит процесс Творения великой эллинской цивилизации.

По сути поэмы, приписываемые Гомеру, не просто рассказывали о прошлой войне; они создавали мифологическую основу для будущего. Однако до сих пор остаётся дискуссионным вопрос: каким образом поэмы, описывающие события некой Троянской войны (рубеж XIII–XII вв. до н.э.), смогли стать инструментом цивилизационного сплочения спустя 500–800 лет после её завершения? Как миф, по выражению Аристотеля, «сочиняющий ложь», с подачи афинского тирана Писистрата<sup>1</sup> превратился в механизм решения социально-политических проблем настоящего? И сейчас в рамках данной темы проблема заключается в том, чтобы понять, как художественное слово посредством мифа стало политическим и

<sup>1</sup> Согласно решению афинского тирана Писистрата была создана специальная комиссия по систематизации и «редактированию» великих гомеровских поэм, после завершения работы которой жители Эллады получили возможность прочесть законченные поэмы в том виде, в каком они дошли до нас.

онтологическим актом цивилизационного Творения и как его механизмы могут быть актуализированы в современном мире, где миф вновь превращается из научной проблемы в инструмент выживания и решения проблем.

В связи с этим возникает ряд важных вопросов: какую роль сыграла гомеровская мифология в культурном становлении эллинской цивилизации? Как раскрываются основные темы великой цели и борьбы? Как художественный вымысел, повествующий о войне, произошедшей за несколько столетий до этого, смог стать основой для формирования общей цивилизационной идентичности, этического кодекса и даже военной стратегии против Персии? Какие таинственные аспекты создания и интерпретации поэм влияют на наше понимание культурного наследия? И наконец, как гомеровские мифы отражают архетипические универсалии, расширяющие современное понимание мифа как жизненного феномена?

Подчеркнём, что традиционные подходы – будь то споры аналитиков или исследования устной поэзии – объясняют происхождение поэм, но не их функцию. Проблема же заключается в том, чтобы перейти от вопроса «Как создавались поэмы?» к вопросу «Как они работали на страну?». И рассмотреть их можно только в рамках универсальной (неклассической) мифологии, где миф понимается не как ложь и фантазия, а как особый способ бытия и познания.

Необходимо попробовать выстроить новую модель, которая объясняла бы гомеровский эпос как успешный проект социокультурной инженерии по созданию во имя будущего общего эллинского мифа. Поэтому данная версия должна учитывать не столько исторический контекст создания мифа, сколько его вечную, архетипическую силу, актуальную и сейчас. Решению этой проблемы посвящено данное исследование.

### *Литературный обзор (Literature Review)*

Хотя гомеровский миф традиционно принадлежит к сфере классической мифологии, фундаментальную теоретическую основу данного исследования составили работы ведущих философов и учёных, исследовавших миф в рамках универсальной (неклассической) мифологии [Ставицкий 2012], ведущий вклад в которую внесли выдающиеся мыслители своего времени, начиная с Ф.В.Й. Шеллинга, Ф. Ницше, А.А. Потебни и Э. Кассирера и А.Ф. Лосева и заканчивая современными мифологами, участниками ежегодной Международной конференции «Миф в истории, политике, культуре» (2017–2025), включая О.А. Габриеляна, И.И. Евлампиева, А.Г. Иванова, Н.И. Мартишину, В.М. Найдыша, В.М. Пивоева, В.С. Полосина и др. [Миф в истории, политике, культуре], рассматривающие миф как культурную универсалию и свойство человеческого сознания, где он представляет собой в образно-символической форме отражённую сознанием реальность. Однако это не означает, что нужно пренебречь наработками исследователей, занимавшихся классической мифологией, которые внесли весомый вклад в изучение творчества Гомера.

Исследования гомеровского наследия исторически развивались в двух основных направлениях. Первое, начатое Ф.А. Вольфом в «Пролегоменах к Гомеру» (1795), было сосредоточено на проблеме авторства и целостности текста, породив знаменитый «гомеровский вопрос».

Второй вектор исследований, представленный работами Э. Ауэрбаха и Б. Керни, обращался к содержательной стороне поэм. Так, Эрих Ауэрбах в своей классической работе «Мимесис: изображение действительности в

западноевропейской литературе» (1946) противопоставил гомеровскую «внешность» и «прозрачность» библейской «глубине», заложив основы сравнительного анализа культурных кодов [Auerbach 1953].

Однако ключевой прорыв был совершен в XX веке Милманом Перри и его учеником Альбертом Лордом, которые в рамках «теории устной поэзии» доказали, что поэмы создавались в рамках живой традиции импровизационного эпоса с использованием шаблонных выражений и типовых сюжетов («тем»). Их фундаментальный труд «Певец сказаний» (The Singer of Tales, 1960) показал, что эпос – это не застывший текст, а динамический процесс [Lord 1960].

В последние десятилетия акцент исследований сместился на социальную и культурную функции поэм. Йоханнес Хаубольд в книге «Народ Гомера: эпическая поэзия и социальная теория» (Homer's People: Epic Poetry and Social Theory, 2000) рассматривает поэмы как социальный проект по созданию общей идентичности

Современные сборники, такие как «Кембриджский компаньон Гомера» (The Cambridge Companion to Homer, 2004) под редакцией Роберта Фаулера, представляют собой синтез различных подходов, в том числе литературного, исторического и религиоведческого

В современных условиях изучение Гомера как культурного и мифологического феномена происходит в рамках таких авторитетных исследований, как «The Cambridge Companion to Homer» (2004), работы М. Детлева, А. Баркера и М. Лефкоса, рассматривающих «Илиаду» и «Одиссею» как тексты, породившие ключевые архетипы древнегреческой культуры.

В российской науке значительный вклад в исследование творений Гомера внесли работы В.И. Бакиной, Н.П. Гринцера, Л.С. Клейна, М.Ю. Лаптевой, Л.Т. Леушиной, В.М. Ловчева, А.В. Логинова, А.Ф. Лосева, О.А. Матвейчева, Ю.С. Обидиной, Д.М. Петрушевского, А.А. Синицына, Ф.Ф. Соколова, Р.С. Соловьева, И. Сурикова, С.В. Топорова, А.А. Тахо-Годи, С.П. Шестакова, Ю.А. Шичалина [Шичалин 2020], И.В. Шталь и др., которые анализировали гомеровский эпос как отправную точку европейской философской и мифологической традиции.

Однако, несмотря на обилие исследований, в теоретическом осмыслении самого механизма действия мифа по-прежнему существует пробел. Здесь на помощь приходит неклассическая мифология, которая рассматривает миф как онтологический и эпистемологический феномен, а также современная когнитивная наука о религии (Cognitive Science of Religion, CSR). Исследования Паскаля Буайе и Арии Накиссы показывают, как религиозные (и мифологические) идеи распространяются благодаря своей «интуитивности» и способности задействовать базовые когнитивные модули.

Особое внимание уделяется мифологическим темам – проклятиям, судьбе героев, символу троянского коня – и роли мифа в формировании коллективного сознания греков. Исследования современных ученых показывают, что гомеровские поэмы скрывают неоднозначные смыслы, выходящие за пределы монументальных понятий победы и поражения.

### *Методы (Methods)*

В статье используется комплексный междисциплинарный метод, объединяющий:

- историко-культурную реконструкцию для понимания контекста создания и функционирования гомеровского эпоса;

- архетипический анализ в модифицированной версии, сочетающей идеи К. Г. Юнга и Дж. Кэмбелла с современными когнитивными теориями. Вместо «коллективного бессознательного» мы говорим о «культурно-когнитивных схемах».

- герменевтическую интерпретацию для раскрытия глубинных смыслов текста и авторской позиции.

- когнитивно-нarrативный подход, заимствованный из когнитивной психологии и философии Рикёра, используется для объяснения механизма воздействия мифа на индивидуальное и коллективное сознание.

При этом следует подчеркнуть, что тексты «Илиады» и «Одиссеи» рассматриваются как живые культурные тексты, обладающие многослойной семантикой и архетипическим потенциалом. Особое внимание уделено анализу настроений автора по отношению к обеим сторонам конфликта, а также символике и функциональному назначению мифов в обществе.

Мы рассматриваем поэмы не только как литературные произведения, но и как социальные технологии, воздействие которых измеряется не поэтикой и эстетикой, а их способностью формировать коллективное сознание и особые модели поведения.

### ***Результаты и обсуждение (Results and Discussions)***

На основе проведённого анализа формулируются семь основных положений, составляющих ядро новой гипотезы о гомеровском эпосе как социокогнитивной технологии, интуитивно созданной и применённой в конкретной исторической обстановке для обоснования общей истории и общего дела с целью сплочения разных племён для достойного ответа на вызовы Истории.

1. В контексте поставленной проблемы Гомера следует рассматривать как архитектора эллинской идентичности и основателя новой цивилизации, когда было создано единое эллинское культурное пространство через исторически сложившуюся мифическую картину мира. В ней гомеровские поэмы выполняли функцию, которую в XX веке Бенедикт Андерсон назовет созданием «воображаемого сообщества». Однако Гомер пошёл дальше: он не просто наделил эллинов общими предками и богами, он создал для них целостную мифическую онтологию – систему бытия, в которой чётко определялись три основных уровня реальности: боги (сила рока и предопределённости), герои (носители свободы воли и этического выбора) и люди (участники общего дела). Эта онтология отвечала на экзистенциальные вопросы: «Кто мы?», «Откуда мы?», «За что мы готовы умереть?». И она объединила разрозненные эллинские племена перед угрозой порабощения в один народ с общей историей, общим мифом и общим будущим, позволив Элладе противопоставить персидской мощи идею «единого эллинского рода» (Геродот), что станет решающим фактором в греко-персидских войнах, хотя организованная ахейцами Троянская война не имела к сменившим и покорившим их дорийцам никакого отношения.

Однако именно в Илиаде можно усмотреть «призыв к единению всех греческих племен в борьбе за освоение и защиту Эгейского мира от скрывающихся на востоке все более крупных и грозных империй, армии которых волнами лавы катились на запад. Фригия, Лидия, Мидия, Персия... Призыв прозвучал своевременно: за век-два до самого опасного персидского нашествия. И не пропал даром. Отстояв свою цивилизацию, греки сохранили для будущего мира разработанные наиболее полно для того времени основы и культуру, в которой

человек стал мерой всех вещей. Поскольку же призыв к единению был сопряжен в «Илиаде» с прославлением взаимопонимания, сдержанности и человечности и уже в ней самой это требование было распространено на контакты между народами, даже воюющими, этот призыв звучит злободневно и без малого 3000 лет спустя – как обращенный ко всему человечеству в самый ответственный и опасный час его истории» [Клейн 1986: 45].

В результате:

1) через образы великих героев и судьбоносных событий поэмы инициировали чувство общего дела — защиты эллинской культуры от внешних угроз. Эти мифы дали толчок культурному единству накануне греко-персидских войн, мотивируя эллинов к совместному сопротивлению угрозе;

2) «Илиада» и «Одиссея» дали всем эллинам общих предков (героев Троянской войны), общих богов (олимпийцев), общую этику (кодекс гостеприимства) и общую географию (от Итаки до Трои). Это было не просто культурное объединение, а создание новой онтологии: теперь эллины знали, кто они, откуда и за что готовы умереть. Накануне греко-персидских войн эта общая мифологическая карта стала их главным оружием, позволившим объединиться против «варваров»;

3) гомеровский эпос стал духовным и культурным каркасом, объединившим разрозненные полисы, где перечисление 1186 кораблей ахейцев в «Каталоге кораблей» («Илиада») оказалось не просто поэтическим приёмом, а реестром общих святынь и героев.

Так поэмы создали основы для:

- общего пантеона с иерархией олимпийских богов;
- этического кодекса героизма, чести и долга;
- языковой основы, сочетающей в «гомеровской» войне ионийские и эолийские диалекты.

2. В основу предлагаемой в поэмах мифологической структуры заложены как универсальные мифологические мотивы темы Борьбы, Общего дела и Пути. Точнее, положенная в основу общей эллинской идентичности «Илиада» раскрывает тему героической борьбы и Общего дела как неизбежного условия становления цивилизации. А «Одиссея» по сути раскрывает и символизирует тему Пути как поиски себя и возвращение к истокам через преодоление многочисленных испытаний. В свою очередь вместе эти темы формируют единство Жизни и Пути, которую каждый элин должен был осознать, что позволяло подать историю эллинской цивилизации как великую эпопею об Общем деле с великой целью и миссией, где главный грех был в непопадании в цель.

3. Однако, поскольку ни Путь, ни Общее дело, ни Борьба за выживание не гарантируют постоянных побед и даже наоборот, победы на краткосрочном временном отрезке могут обернуться поражениями, а преодоленные в борьбе неудачи становятся условием будущих побед, поражения должны быть заложены в условие Дела и Пути, обеспечивая диалектическое единство победы и поражения, где окончательного победителя нет.

В связи с этим отметим, что особая позиция Гомера по отношению к Троянской войне заключается в его нейтральной, гуманистической позиции. Гомер не стоит на позиции одной из сторон конфликта, демонизируя другую. Он проявляет стойкое поэтически окрашенное сочувствие и уважение к обеим сторонам. Такая позиция расширяет мифологический горизонт, преодолевая

антагонизм, и показывает борьбу не как сражение «добра со злом», а как цепь роковых для людей и народов событий, как драму человеческой судьбы и морального выбора.

Гомер не принимает ничью сторону, потому что его цель – не прославление одной из сторон, а показ трагической природы самой войны и героического выбора в ней, где честь и судьба Отчизны оказывается важнее жизни. Поэтому поэмы – не песнь победителям, а констатация общечеловеческой трагедии. В ней победители-ахейцы возвращаются домой, где их ждут гибель и разорение, а троянец Гектор становится нравственным идеалом патриота и семьянина. Как говорит Гектор своей жене Андромахе: «Мне было бы стыдно... уклониться от битвы» (Илиада, VI, 441–442), но его смерть вызывает у читателя глубочайшее сочувствие.

В результате данный парадокс создаёт такой миф, который может быть принят любым народом как отражение универсальной драмы войны и выбора, показывая, что миф может быть не инструментом вражды, а зеркалом для самопознания.

Кстати также отметим, что уже среди древних эллинов бытовало мнение, что Гомер переиграл итоги Троянской войны, убедив всех в победе ахейцев [Дион Хрисостом], хотя сам факт, как они возвращались домой – как воры и беженцы, скорее, говорит об обратном. Вспомним, что:

- значительная часть победителей гибнет по пути домой или оказывается в изгнании;
- Аякс Теламонид сходит с ума и кончает жизнь самоубийством, а его тёзка Аякс Локрид погибает во время морской бури;
- глава всех ахейцев Агамемнон становится жертвой козней своей супруги;
- Одиссей теряет всех своих спутников и 10 лет не может вернуться домой, чтобы, добравшись до родной Итаки изгнаником, снова возвращать себе царство перебив «женихов».

Опять же, в свою очередь, проиграв войну, троянцы становятся нравственными победителями – образ Гектора, олицетворяя идеал патриотизма и самопожертвования.

Но, впрочем, не будем также забывать и того, что гомеровский миф выстроил преемственность побед эллинов от Трои до Марафона, невольно поставив вопрос, удалось ли Гомеру одержать победу в войнах прошлого и будущего? И тогда придётся признать его победу, но не на поле боя, а в сознании, потому что его поэмы пробудили и закрепили в эллинах чувство собственного достоинства и героического прошлого, которое они были обязаны защищать. И, благодаря ему, в Марафонском и в Саламинском сражениях бились не просто афиняне и спартанцы вместе с добровольцами из Беотии, Аркадии, Арголиды, Локриды, Коринфа и других регионов и полисов Древней Греции, а потомки Ахилла, Аякса Теламонида, Менелая, Диомеда, Нестора и Одиссея. В этом смысле Гомер действительно выиграл и Троянскую, и греко-персидскую войны, доказав, что мифическое событие сильнее реальных государств, ибо может жить в веках. Великие Троя, Микены, Фивы, Спарта давно исчезли, но их миф живёт и продолжает вдохновлять.

4. Особо стоит отметить, что поэмы Гомера и история их творения полны глубоких тайн. К ним в первую очередь нужно отнести «тайну авторства» поэм (был ли Гомер единственным автором или это собирательный образ?), которая отражает их суть: великие поэмы – голос самого народа, говорящего с эллинами

тогда и обращённого в вечность. «Тайна исхода Троянской войны» ещё глубже: победители Трои ахейцы возвращаются домой, где их ждут гибель, предательство и разорение, в то время как троянец Эней, согласно легенде, становится родоначальником римлян, что дало им повод спустя столетия утверждать, что покорение Древней Греции – месть за Трою. Такой поворот отражает своеобразную ironию судьбы, когда война, начатая из-за похищения Прекрасной Елены, привела к гибели обоих миров, а затем аукалась в истории неоднократно.

Поэтому так важна тема баланса предопределённости судьбы и свободы воли, ставшая ядром гомеровской антропологии. Гомеровская модель человека – это баланс между роком, который символизируют майры, и свободой выбора людей. Так боги олицетворяют объективные законы бытия и исторические переломные моменты (например, решение Зевса «покончить с эпохой героев»). Однако в пределах этих жёстких рамочных установок человек сохраняет вариативность выбора и им пользуется, как Ахилл, сознательно выбирая славную, но короткую жизнь, или Одиссей, который отказывается от предложенного им нимфой Калипсо бессмертия ради возвращения домой.

Эта модель, в которой величие человека определяется не обстоятельствами, а его решимостью, стала прообразом европейского гуманизма, а решение Зевса покончить с эпохой полубогов символизирует исторический переход к человеческой ответственности и разуму.

5. Анализ содержания поэм выводит на поэтику мифотворчества, где воображение становится инструментом раскрытия реальности. Поэтому Гомер не «лжёт», как считал Аристотель. Миф в принципе не о «правде» или «неправде», его истинность – не в буквальной достоверности, но в символичности и значимости происходящего. Ведь мы же не сводим ко лжи мировую и русскую литературу, утверждая, что её создали лгуны и фантазёры, поскольку ни Евгения Онегина, ни Обломова, ни Хлестакова и прочих литературных героев не существовало, а значит, всё это – морочащее людские умы враньё, что будет в высшей степени глупо, хотя с мифом у нас именно так и поступают. Хотя Гомер использует художественное воображение как инструмент для раскрытия более глубокой, чем историческая, реальности, что будут делать после него и другие великие поэты и художники.

Художественный метод Гомера – создание «реалистичного вымысла», в котором археологически подтверждённые реалии микенской эпохи сочетаются с фантастическими существами и сверхъестественными событиями. Это позволяет ему говорить не столько о конкретной Троянской войне, сколько о вечных проблемах и законах человеческого существования. Поэтому воображение здесь, как и в других великих художественных образцах мировой культуры – не бегство от реальности, а её расширение и осмысление на онтологическом уровне. К тому же ценность таланта Гомера помимо прочего заключается в его умении создавать мифы, которые не просто объясняют мир, но и дают людям ориентиры для действий. Его идеи о выборе, чести и ответственности перед общиной, людьми и историей для нашей переломной эпохи актуальны.

Именно поэтому Гомера считают великим мифологом, способным использовать художественное воображение для создания своей мифической вселенной. Ведь он – не просто пересказчик популярных некогда мифов, а их величайший систематизатор и творец. Он создал мифическую вселенную, которая, согласно классической версии, была одновременно и исторической (с отсылками к

микенскому прошлому), и мифологической (с участием богов), и психологической (с глубоким анализом характеров). Его особенность творческих подходов заложена в гуманизм, поставившем в центр вселенной человека и его судьбоносный выбор. И эта вселенная была настолько убедительной, что стала для эллинов их реальной историей, вдохновлявшей на великие дела.

Гомер через художественное слово создал мифическую вселенную, опирающуюся на реальность, но расширяющую её через архетипы и символы. Воображение для него – не отступление от реальности, а её раскрытие и осмысление на глубинных плоскостях. Его мифотворчество – акт созидания культурного кода эллинской цивилизации.

6. В рамках данного анализа стоит оговорить значение заложенных в великих поэмах архетипов как культурных оснований и когнитивных моделей. В свете современных когнитивных исследований их следует рассматривать как культурно-когнитивные схемы или эффективные ментальные модели поведения, которые легко запоминаются, передаются и применяются для интерпретации нового опыта. Как, скажем, работает миф о «тroyянском коне», который стал не просто историей, а готовой схемой для распознавания скрытых угроз в любой сфере – от личной жизни и политики до кибербезопасности. Эти схемы настраивают и подсказывают, чего опасаться и к чему готовиться. При этом они понятны и экономят интеллектуальные ресурсы, предлагая готовые ответы на сложные вопросы.

К таким культурным архетипическим мифам с учётом их универсальной символики можно отнести темы:

- войны (борьбы) как Общего дела;
- Пути как Вечного возвращения домой (к себе через поиск своей самости). Также отметим, что путешествие Одиссея стало универсальной метафорой жизненного пути с его испытаниями (Циклоп, Сирены, Сцилла и Харибда и пр.), которые означают внутренние страхи и соблазны; символом сложного пути развития личности и народа;
- проклятия Трои, показывающую, что даже величайшие цивилизации гибнут из-за внутренней гордыни, жадности и нарушения священных законов бытия (в частности, похищение Елены). Помимо этого, миф о «проклятии Трои» отражает цикличность истории и неизбежность трагедий царств после их возвышения;
- раздора, которую отражают сразу несколько сюжетов и образов: «яблоко раздора», делёж которого между богинями предопределил будущую Троянскую войну, Прекрасная Елена, замужество которой чуть было не привело к побоищу между её женихами, а затем неизбежно закончится войной после её похищения, и ссора из-за женщины Агамемнона с Ахиллом, которая чуть не погубила ахейцев, дав повод французам говорить «*dans chaque crime, cherchez la femme*» (что означает «в каждом преступлении ищите женщину») или просто «*cherchez la femme*»<sup>1</sup>;

<sup>1</sup> Считается, что данная поговорка стала крылатой фразой благодаря роману Александра Дюма-отца «Могикане Парижа» (1854), где используется как присказка парижского полицейского чиновника, подразумевающая, что за необъяснимым преступлением часто стоит женщина. На французском языке она звучит так: «Il y a une femme dans toutes les affaires; aussitôt qu'on me fait un rapport, je dis: 'Cherchez la femme!'» – «В каждом деле есть женщина; как только я получаю доклад, говорю: ищите женщину!». Изначально фраза выражает идею, что за многими необъяснимыми на первый взгляд поступками мужчин, преступлениями или запутанными ситуациями стоит женщина – как любовный мотив, причина ревности или желания произвести впечатление. Считается, что Дюма использовал выражение, которое употреблял чиновник

- выбора судьбы на примере Ахилла, который выбирает славную, но короткую жизнь;
- «суда Париса», ставшего примером коррупционного соглашения двух заинтересованных сторон (Париса с Афродитой), когда «хотелки» и корыстные личные интересы без учёта последствий приводят к гибели не только людей, но и государств;
- Кассандры, жрицы Аполлона, пророчествам которой никто не верил;
- «ахиллесовой пяты», которая есть даже у самых неуязвимых объектов, но не всегда просчитывается;
- «тroyянского коня», который стал мощной метафорой губительных даров;
- сирен, соблазнявших людей настолько, что они сами шли навстречу своей гибели;
- Сциллы и Харибы, ставшей примером выбора между двух бед;
- расправы Одиссея над женихами, сюжет которой в свою очередь несёт в себе несколько архетипов: справедливой мести и возмездия; воскрешения (возвращения) царя; очищения и освящения пространства; мужа-воина, защищающего свой очаг и семью; битвы порядка против хаоса.

Эти архетипы стали основой для понимания человеческого опыта на тысячелетия вперёд и универсальным языком, на котором мы говорим о вечных проблемах: о причинах войн, о сложности выбора, о скрытой опасности, о трагедии неуслышанного предупреждения и о природе героизма и человеческой уязвимости. Так Троянская война, благодаря гению Гомера и других античных авторов, оказалась неиссякаемым источником культурных кодов для всей западной цивилизации.

7. Предыдущие положения подводят к базовому тезису о том, что миф часто выступает в обществе как социальная технология, а Гомер своими поэмами показал, что мифические события сильнее и важнее для нас существовавших в истории реальных государств. Его поэмы победили не на полях Трои, а в сознании эллинов, что решающим образом повлияло на их общую историю и влияет до сих пор на мировую культуру. Это позволяет нам рассматривать мифотворчество как мощную социальную технологию, которую до сих пор не могут понять и оценить, хотя и пытаются периодически использовать современные политики, возможно, чувствуя, что в столкнувшемся с глобальными вызовами мире очень нужны новые объединяющие нарративы через понимание гомеровского метода путём создания живого, функционального мифа, основанного на архетипах Борьбы, Пути и Общего дела, который может стать основой при разработке подобных нарративов для отдельных народов и всего человечества.

Данный установленный в ходе исследования факт напрямую подводит к общей теории мифа, которая рассматривает его в том числе как способ проектирования культурной реальности. Поэтому, опираясь на мифотворчество Гомера и обобщая все вышеизложенные положения, можно сформулировать центральную гипотезу общей теории мифа применительно к данной теме, согласно которой миф – не просто отражение или объяснение мира, но акт проектирования культурной реальности. Точнее, целенаправленная деятельность по созданию

---

французской полиции Габриэль де Сартин (1729–1801), который советовал коллегам: если не удаётся раскрыть преступление по горячим следам – ищите женщину. Впрочем, мысль о том, что женщина – частая причина раздоров, встречалась ещё у древнеримского поэта Ювенала. В его 6-й сатирике говорится: «Едва ли найдётся тяжба, в которой причиной ссоры не была бы женщина».

онтологической и этической основы для общества, использующая архетипические нарративы как когнитивные инструменты для структурирования коллективного и индивидуального опыта, а Гомер, как показывает данное исследование, не просто поэт, а первый в истории мифический «инженер», чей проект оказался настолько успешным, что его «конструкция» – эллинская цивилизация и вся западная культура – стоит до сих пор. А начинается крениться во многом из-за того, что решила отойти от своих истоков.

Гомер своим эпическим творчеством наглядно показывает, что миф не просто история или вымысел — это мощный механизм самоидентификации, обеспечения культурного единства и ориентира для будущих поколений. Более того, его творческий подход в случае его последовательного развития предлагает универсальную модель мифа как живого свойства сознания, способного трансформироваться под новые угрозы и вызовы, основной ответ на которые заключается в том, чтобы систематизировать этот опыт в современной теории мифа с учётом исторической изменчивости и многообразия мифологических форм.

Мифология Гомера предлагает инструментарий для решения современных проблем в области:

- социальной интеграции через модели консолидации вокруг общих ценностей;
- экзистенциальных вызовов, когда архетип Пути помогает осмыслить жизненные кризисы;
- этического воспитания, поскольку система героических добродетелей становится всё более актуальна.

### ***Заключение (Conclusions)***

Таким образом, сформулируем основные выводы. Они сводятся к следующему.

1) Гомеровский эпос – не музейный хлам, а живой, стратегически нацеленный функционирующий механизм. И анализ, проведённый в данной статье, позволяет увидеть в нём не просто собрание древних мифов, а гениальный проект по созданию цивилизации с помощью мифа, воплощённого в поэтическом слове. Благодаря этому гомеровский эпос победил в Троянской и греко-персидских войнах, но не на поле боя, а в пространстве культуры. Тем самым его поэмы доказали, что событие, ставшее мифом, переживает цивилизации, его породившие. Созданная Гомером мифическая вселенная, где человек, несмотря на власть рока, сохраняет достоинство выбора, стала прообразом европейского гуманизма. А в современной эпохе, когда миф вновь становится механизмом решения социальных проблем, гомеровское наследие предлагает модель – как превратить разрозненные сообщества в единство, основанное на общих задачах, ценностях и смыслах.

2) Гомер оставил миру не просто поэмы, а действующую модель создания цивилизации через миф. Его гениальность заключалась в том, что он понял: народ рождается не из крови и почвы, а из общего рассказа о себе. Его поэмы – это не памятник прошлому, а живой инструмент для построения будущего. В эпоху глобальных кризисов и раздробленности его наследие напоминает нам, что наша сила – в способности создавать общие мифы, которые ведут нас вперёд, и верить в них. В этом и заключается суть его мифологического проекта.

3) Гомер создал мифическую онтологию, в которой человек, несмотря на власть рока, сохраняет достоинство и право на свободный выбор. Он разработал архетипические нарративы, которые работают как универсальные когнитивные

схемы, структурирующие человеческий опыт на протяжении тысячелетий. Его нейтральная, гуманистическая позиция превратила военную эпопею в общечеловеческую трагедию, понятную любому народу. В эпоху глобальных кризисов и раздробленности гомеровское наследие приобретает новую актуальность. Оно напоминает нам, что наша главная сила — в способности создавать общие вдохновляющие мифы, которые объединяют нас перед лицом общих угроз и ведут к общей цели. Разработка общей теории мифа как социокогнитивной технологии, начатая в этой статье, открывает путь к осознанному использованию этого древнего, но вечно нового инструмента для построения будущего.

И теперь, опираясь на достигнутое, вполне можно сказать: хотите знать, что действительно может миф, когда наберёт силу? Посмотрите, что сделал Гомер своими поэмами с Элладой и эллинами. Да и со всей мировой культурой. Или Библия. Посмотрите, как Евангелие повлияло на мир за последние две тысячи лет. Или Коран. А ведь они ещё не сказали своего последнего слова. И никогда не скажут, ибо будут воздействовать на мир тотально и незримо, пока он существует. И это лишь часть того, что сделал и делает миф для мира. Так неужели после понимания этого кто-то усомнится в его силе? Кто-то хочет бороться с этим и победить миф в таких его проявлениях? Как? Никто не может противостоять мифу, время которого пришло. И творят эти мифы не боги, а люди, вдохновлённые чем-то, что находится за пределами человеческого познания. Люди, способные понять через обращение к вечности своё время и достойно ответить на его вызовы, обеспечив тем самым для всех общее будущее. И Гомер в данном случае выступает воплощением этой живой и говорящей с нами вечности. Гомер говорит с нами, вопрошают, подсказывают. Но услышим ли мы его? Эллины с помощью поэм Гомера сумели тогда дать достойный ответ на вызовы Истории. И не только выстояли, но и победили. И не только персов, но и время.

А мы?

**P.S.** Предвидя критические замечания в свой адрес и обвинения в преувеличении роли Гомера для эллинов и для нас, что с точки зрения строгой рациональности вполне естественно, поскольку текст выше строился с учётом не только рационального мышления, но и художественного, т.е. мифологического. А это значит, что нам нужно понять и принять нечто для строгой рациональности ускользающее. Ведь, чтобы понять, как мифология входит в самую суть культуры, надо добраться до сути мифологии. Но этого не сделать, если не стать не только мифологом, но и мифотворцом, потому что изучать миф, не понимая, как работает мифологическое мышление, в принципе нельзя. А как вы это поймёте если не используете? В связи с этим считаю нужным заранее ответить тем, кто, руководствуясь здравым смыслом, который я искренне принимаю и приветствую, полагает, что Гомер ничего такого сделать не мог, что ему выше приписывают. Не мог уже хотя бы потому, что был слеп и не дожил до греко-персидских войн. И будут по-своему правы. Индивидуальный Гомер, конечно, не мог. Более того, он даже не мог записать свои поэмы, поскольку был слеп. Если, конечно, он вообще существовал и занимался сочинительством. Но коллективный Гомер мог всё. Как и Пушкин, которому приписывают создание русского языка. Они могли и сейчас могут. И Гомер может, если новое прочтение поэм считать своеобразным соавторством. Ведь если Пушкин для нас сейчас НАШЕ ВСЁ, то Гомер для греков

тогда был таким ВСЁ тем более. Значит, для нас в символическом, мифологическом и даже в технологическом плане Гомер больше, чем просто Гомер. И в том нет ничего удивительного. Ведь раз мы слепому Гомеру приписываем «Илиаду» и «Одиссею», и считаем это само собой разумеющимся, почему бы нам не приписать ему и то, что было сделано его продолжателями в течение столетий в рамках той поэтической и цивилизационной парадигмы, которая началась с него, если все они и есть коллективный Гомер? И как Гомер поработал поэмами на свою страну, на культуру, на историю, почему бы и нам не поработать на него, если его творения живут до сих пор и явно не собираются умирать? По-новому понять Гомера сейчас, значит, стать его со-творцом как продолжателем. Ведь именно это мы делаем, перечитывая и в своих толкованиях переписывая великих творцов прошлого, приписывая им порой то, что они скорее всего не только не делали, но даже не думали, но мы так думаем о них и за них, читая их по-новому и подстраивая под своё время их творения. Не так, как читали, писали и думали они. Но соотносимо с нашим временем. Мы им приписываем порой то, чего у них просто не было и не могло быть по определению, не ради них, но ради себя. Чтобы понять себя через них. Мы так специально стремимся обманываться для того, чтобы, вдохновляясь, ими расти. Так они нами и через нас вместе с нами растут, как мы растём через них, потому что, лишь приписав им невозможное, мы сделаем невозможное сами. Вот почему Гомер неисчерпаем, пока мы им растём и его именем творим. И да будет так, пока существует человечество.

## Литература

*Дион Хрисостом.* Троянская речь в защиту того, что Илион взят не был /Пер. Н. Брагинской // Ораторы Греции. Москва: Художественная литература, 1985. С. 304–336.

*Клейн, Л.С.* (1986) Кто победил в Илиаде? // Знание – сила. №7. С. 43–45.

*Клейн, Л.С.* Расшифрованная Илиада. СПб.: Амфора, 2014. 574 с.

*Лорд, А.Б.* (1994) Сказитель. Москва: Восточная литература. 304 с.

*Матвеичев, О., Беляков А.* (2014) Троянский конь западной истории. Санкт-Петербург: Питер. 224 с.

*Ставицкий, А.В.* (2012) Онтология современного мифа [Онтология современного мифа]. Севастополь: Рибест. 543 с.

*Ставицкий, А.В.* (2023) Миф и онтология научной методологии: гносеологический аспект // МИФОЛОГОС. Серия «Философия мифа: онтология, аксиология, методология». №1(5). С. 69–83.

Миф в истории, политике, культуре: сборник материалов Международной научной междисциплинарной конференции. Севастополь: Филиал МГУ имени М. В. Ломоносова в Севастополе, 2020. 398 с.

*Шичалин, Ю.А.* (2020) Гомер – исток и скрепа Европейской цивилизации // Вестник ПСТГУ. Серия IIIФилология. Вып. 64. С. 9–35.

*Auerbach, E.* (1953) *Mimesis: The Representation of Reality in Western Literature.* Princeton: Princeton University Press. 563 p.

*Detienne, M.* (1989) *The Creation of Mythology,* University of Chicago Press.

*Dettmann, M.* (1989) *The Making of Mythology.* Chicago: University of Chicago Press.

*Lattimore, R.* (1951) *The Iliad of Homer.* University of Chicago Press.

- Heubeck, F.* (1989) Homer: Iliad and Odyssey. Oxford University Press.
- Haubold, J.* (2000). The People of Homer: Epic Poetry and Social Theory. Cambridge: Cambridge University Press. 224 p.
- Fowler, R.L.* (ed.). The Cambridge Companion to Homer. Cambridge: Cambridge University Press, 2004. 419 p.
- Haubold, J.* (2000) Homer's People: Epic Poetry and Social Theory. Cambridge: Cambridge University Press. 224 p.
- Kerényi, K.* (1951). The Greeks and Their Gods. Boston: Beacon Press.
- Kirk, G.S.* (1985) The Iliad: A Commentary. Cambridge University Press. Vol. 1–3.
- Lord, A.B.* (1960) The Singer of Tales. Harvard University Press, 304 p.
- Perry, M.* (1971) The Making of Homeric Verse: Selected Papers of Milman Perry. Edited by Adam Perry. Oxford: Clarendon Press.
- Reynolds, L.D., Wilson, N.G.* (2004) The Cambridge Companion to Homer. Cambridge University Press. 356 p.

### References

- Dion Chrysostom.* Trojan Speech in Defense of the Fact that Ilion was not Taken / Translated by N. Braginskaya // Orators of Greece. Moscow: Artistic Literature, 1985. Pp. 304–336. (In Russian).
- Klein, L.S.* (1986) Who won in the Iliad? // Knowledge is Power. No. 7. Pp. 43–45. (In Russian).
- Klein, L.S.* Decoded Iliad. St. Petersburg: Amphora, 2014. 574 p.
- Lord, A.B.* (1994) The Storyteller. Moscow: Eastern Literature. 304 pp. (In Russian).
- Matveychev, O., Belyakov A.* (2014) The Trojan Horse of Western History. St. Petersburg: Piter Publ. 224 p. (In Russian).
- Stavitskiy, A.V.* (2012) Ontology of Modern Myth [Ontology of Modern Myth]. Sevastopol: Ribest. 543 p. (In Russian).
- Stavitskiy A.V. Myth and Ontology of Scientific Methodology: the Epistemological Aspect // MYTHOLOGOS. Philosophy of Myth: Ontology, Axiology, Methodology. no 1(5). 2023. Pp. 69–83 (In Russian).
- Myth in History, Politics, Culture: Collection of Materials from the International Interdisciplinary Conference. Sevastopol: Branch of Lomonosov Moscow State University in Sevastopol, 2020. 398 p. (In Russian).
- Shichalin, Yu.A.* (2020) Homer – the Source and Foundation of European Civilization // Bulletin of the Russian Orthodox University. Series III Philology. Issue 64. Pp. 9–35. (In Russian).
- Auerbach, E.* (1953) Mimesis: The Representation of Reality in Western Literature. Princeton: Princeton University Press. 563 p.
- Detienne, M.* (1989) The Creation of Mythology," University of Chicago Press.
- Dettmann, M.* (1989) The Making of Mythology. Chicago: University of Chicago Press.
- Lattimore, R.* (1951) The Iliad of Homer. University of Chicago Press.
- Heubeck, F.* (1989) Homer: Iliad and Odyssey. Oxford University Press.
- Haubold, J.* (2000). The People of Homer: Epic Poetry and Social Theory. Cambridge: Cambridge University Press. 224 p.

- Fowler, R.L. (ed.). The Cambridge Companion to Homer. Cambridge: Cambridge University Press, 2004. 419 p.*
- Haubold, J. (2000) Homer's People: Epic Poetry and Social Theory. Cambridge: Cambridge University Press. 224 p.*
- Kerenyi, K. (1951). The Greeks and Their Gods. Boston: Beacon Press.*
- Kirk, G.S. (1985) The Iliad: A Commentary. Cambridge University Press. Vol. 1–3.*
- Lord, A.B. (1960) The Singer of Tales. Harvard University Press, 304 p.*
- Perry, M. (1971) The Making of Homeric Verse: Selected Papers of Milman Perry. Edited by Adam Perry. Oxford: Clarendon Press.*
- Reynolds, L.D., Wilson, N.G. (2004) The Cambridge Companion to Homer. Cambridge University Press. 356 p.*

**Сведения об авторе:**

**Ставицкий Андрей Владимирович**

доцент кафедры истории и международных отношений Филиала Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова в г. Севастополе, гл. редактор научного периодического журнала «Мифологос», кандидат философских наук (г. Севастополь, Россия).

E-mail: [stavis@rambler.ru](mailto:stavis@rambler.ru)

<https://orcid.org/0000-0002-9670-1105>

**Bionotes:**

**Stavitskiy Andrey Vladimirovich**

Associate Professor, Department of History and Foreign Affairs, Lomonosov Moscow State University Branch in Sevastopol, Editor-in-Chief of the Scientific Periodical “Mythologos”, Candidate of Philosophy (Sevastopol, Russia).

E-mail: [stavis@rambler.ru](mailto:stavis@rambler.ru)

<https://orcid.org/0000-0002-9670-1105>

**Для цитирования:**

**Ставицкий А.В.** Значение мифов Гомера в культуре и истории в контексте вызовов сегодняшнего дня // МИФОЛОГОС. Серия «Миф и общество: история, политика, социология». № 4 (16), 2025. С. 46–60.

**For citation:**

**Stavitskiy A.V.** The Significance of Homer's Myths in Culture and History in the Context of Today's Challenges // MYTHOLOGOS. Series "Myth and Society: History, Politics, Sociology". № 4 (16), 2025. Pp. 46–60.

УДК 304.4

## ТРАНСФОРМАЦИЯ МИФОЛОГЕМЫ ОППОЗИЦИОНЕРА В РОССИЙСКОМ ИСТОРИЧЕСКОМ СОЗНАНИИ

Яковенко Ксения Эдуардовна

Санкт-Петербургский государственный университет  
(г. Санкт-Петербург, Россия)

### Аннотация

В статье рассматривается путь, который проделала русская оппозиция во всех ее проявлениях. Особое внимание уделено установлению особых черт феномена оппозиции в русском культурном коде на основе сравнения с западноевропейской общественно-политической мыслью.

**Ключевые слова:** оппозиция, бунт, мятеж, революция, революционер, история, общественно-философская мысль.

## TRANSFORMATION OF THE MYTHOLOGEME OF THE OPPOSITIONIST IN THE RUSSIAN HISTORICAL CONSCIOUSNESS

Yakovenko Ksenia Eduardovna

St. Petersburg State University  
(St. Petersburg, Russia).

### Abstract

The article examines the path that the Russian opposition has taken in all its manifestations. Special attention is paid to the establishment of special features of the phenomenon of opposition in the Russian cultural code based on comparison with Western European socio-political thought.

**Keywords:** opposition, rebellion, mutiny, revolution, revolutionary, history, social and philosophical thought.

### *Введение (Introduction)*

Бунтовщики, мятежники и революционеры всегда занимали значимое место как в самой русской истории, так и в общественном самосознании, несмотря на старания власти их роль и значение умалить или дискредитировать. Древняя Русь, Московское царство, Российская империя и Советский Союз подарили нам богатейший материал для такой рефлексии, заполнив ее огромным количеством мифов, которые после развала СССР потеряли былую остроту и значимость, но по сути никуда не делись. Так, капля за каплей формировалось совершенно нетривиальное и во многих аспектах парадоксальное коллективное сознание русского народа, содержанием которого являются сложившиеся исторически мифы, раскрывающие природу развития общества через борьбу.

Причем важно отметить, что в данном контексте русский народ выступает для нас в первую очередь в качестве нации, а не этноса. Принадлежность же к этой нации подразумевает общность территории, языка, культурного и исторического наследия, уклада жизни, а также преемственность тех же коллективных травм, что и у соотечественников. И одна из них связана с теми, кто от имени народа боролся

с властью, вынуждая её меняться и прислушиваться к мнению общества. И хотя общий тренд сейчас явно склоняется в пользу власти, скрытое присутствие этого фактора ощущается практически везде. Ведь мы живем в стране, где в любом городе, расположенным на необъятных просторах нашей родины, есть улицы, названные в честь бунтовщиков и революционеров. Церкви соседствуют со скульптурными изображениями «вождя мирового пролетариата» Владимира Ленина, а памятники подчас воспевают самые радикальные проявления деятельности оппозиционеров.

Отечественная культура пестрит именами деятелей литературы, общественно-философской мысли и искусства, которые так или иначе подверглись гонениям со стороны власти. Стоит подчеркнуть, что нередко в своих произведениях они воспевали мятежников и дух свободы. Показательно, что сейчас эти работы составляют золотой фонд школьной программы по литературе, увлекая подрастающие поколения идеями борьбы против социальной несправедливости.

Также невозможно не отметить тот факт, что в Советском Союзе историческое знание было достаточно ангажировано. Особое внимание уделялось изучению отечественного освободительного движения и черты такого подхода к революционным событиям сохраняются в школьной программе по истории и сейчас. Несмотря на то, что Российская Федерация, отказавшаяся от политической риторики Советского Союза, существует уже на протяжении 34 лет, в современной же России живо еще поколение, что как мантру способно повторить, заученный еще в юности, план захвата власти: «Взять мосты, вокзалы, телефон, телеграф». Интерес представляет тот факт, что в нашей сегодняшней культуре сохраняется черты определенного почитания оппозиционных деятелей, которые, как мы позже увидим, были свойственны и более ранним периодам истории России.

### ***Результаты и обсуждение (Results and Discussions)***

Оппозиция стала тем самым явлением, с которым нашему Отечеству пришлось столкнуться буквально с самых первых лет своей государственной истории. Стоит отметить, что в данном контексте под оппозицией понимается любое противодействие и сопротивление действующей власти или ее политике. Так, уже в 864 году происходит первое восстание новгородцев под предводительством Вадима Храброго против власти князя Рюрика. Репрезентативен факт того, что это событие не затерялось на ветхих страницах истории, а стало темой для последующего анализа. Например, императрица Екатерина II отразила данный сюжет в своей работе «Исторические представления в подражание Шекспиру», где положительным героем выступал Рюрик, а не восставшие. Напротив, в то же время Яков Княжнин написал трагедию «Вадим Новгородский» и изобразил бунтовщика борцом за свободу своего народа. Сюжет восстания Вадима Храброго также владел и умами юных Александра Пушкина и Михаила Лермонтова. Так, Пушкин в 1822 году будет работать над своей неоконченной поэмой, носящей название, «Вадим». Тем временем Лермонтов посвятит этой исторической личности поэму «Последний сын вольности», которая будет создана в 1831 год. Таким образом, мы видим, что уже первое оппозиционное выступление в истории России оставило глубокий след в отечественной истории, но что важнее завоевало симпатии со стороны признанных деятелей культуры. Сам факт того, что имя Вадима Храброго и поднятое им

восстание увлекали просвещенные умы говорит об известности этого сюжета среди образованного сословия.

После первого рассмотренного нами акта несогласия с установленным политическим порядком последовали еще множество различных выступлений, сопровождавших Россию на каждом этапе ее становления. Соответственно, мы можем выделить три основных вида оппозиционных выступлений, которые будут характерны для всей русской истории.

Во-первых, это так называемые мятежи, синонимичными словами могут выступать заговор или крамола, возглавляемые элитарным слоем ради государственного переворота. Такие оппозиционные, чаще всего вооруженные, выступления не влекут за собой коренного изменения социальной и политической структуры, а ограничиваются сменой правящей власти. Так, говоря о периоде раздробленности в Древней Руси, мы видим постоянные междоусобицы и заговоры. Одним из многих подобных примеров является заговор бояр во главе с Кучковичами против князя Андрея Боголюбского в 1174 году.

Также к этому типу мы можем отнести и мятеж Андрея Старицкого 1537 года, окончившийся неудачей. В правление Елены Глинской и позже в период боярского правления, и даже уже при царствовании Ивана Васильевича у власти, периодически сменяясь, находились различные боярские группировки. Они нередко враждовали, а также могли вызывать нескрываемую ненависть у народа, что влекло за собой мятежи и заговоры против них в том числе. В XVII веке ярким примером подобного типа оппозиционных выступлений стал Стрелецкий бунт 1682 года. Он был результатом борьбы двух боярских родов: Милославских и Нарышкиных. Воспользовавшись моментом, умная и энергичная Софья Алексеевна с помощью стрельцов и опоры на клан Милославских, а также ряд других бояр, смогла фактически захватить власть, не допустив единоличного воцарения Петра Алексеевича из рода Нарышкиных.

Показательно, что это событие также нашло отражение в культуре. Например, в 1832 году был издан роман Константина Масальского «Стрельцы», в 1862 году написана картина «Стрелецкий бунт» Николаем Дмитриевым-Оренбургским, в 1882 году свет увидела картина Алексея Корзухина «Мятеж стрельцов в 1682 году», а в 1883 году была издана партитура оперы Модеста Мусоргского «Хованщина» в редакции Римского-Корсакова. С точки зрения следа в культуре России примечательным для нас является и так называемое «Дело Царевича Алексея». Сын Петра I, царевич Алексей, нередко говорил, что, как только взойдёт на престол, отменит все нововведения отца. Петр закрывал глаза на оппозиционные настроения Алексея, пока тот был единственным претендентом на роль преемника и будущего императора, но стоило родиться другим наследникам, как Алексей оказался не нужен. Сознавая это, Алексей бежал в Австрию, где намеревался дождаться смерти отца, а потом, опираясь на австрийские штыки и русское духовенство, отстранить возможных конкурентов и захватить власть. Возвратившись в Россию, Алексей 14 февраля 1718 г. публично отрёкся от прав на престол, за что ему было объявлено прощение за бегство. Однако уже на следующий день Тайная канцелярия начала следствие. Алексей предстал перед судом и был приговорён к смерти. Приговор тем не менее приведён в исполнение не был – 7 июля 1718 г. царевич Алексей неожиданно скончался в застенках Петропавловской крепости. Сын Петра, царевич Алексей, за два дня до смерти, вздернут был в застенке на дыбу — «дано двадцать пять ударов»». По мнению

Дмитрия Мережковского, Пушкин в своем «Медном всаднике» намекает, что подобно Алексею «на дыбы» была вздернута и вся Россия. Мережковский также подчёркивает, что «Медный всадник» — самое революционное из всех произведений Пушкина [Мережковский 2018: 13].

Этот сюжет столкновения отца с сыном также лег в основу картины Николая Ге под названием «Пётр I допрашивает царевича Алексея Петровича в Петергофе». В 1876 году был издан роман «Тень Ирода. Идеалисты и реалисты» Д.Л. Мордовцева, который предлагал не такой уж и однозначный взгляд на личность «сурового родителя» Петра и его сына Алексея.

Уже в начале XX века Д.С. Мережковский пишет свой роман «Антихрист. Пётр и Алексей», который характеризует самый радикальный отход от исторического канона в интерпретации Петра только с положительной стороны. Для нас важным представляется тот факт, что несостоявшийся мятеж Алексея получил отклик в культуре. Наверное, именно из-за того, что правление Петра I стало поворотным для всей истории России. Поэтому некоторые авторы отчасти оценивали Алексея как последнюю надежду на отмену нововведений Петра.

В этом смысле царевич предстаёт отчасти фигурой заступнической для русского народа и его традиций, что, однако, мы едва ли можем наблюдать в истории. И все же Алексей отдал богу душу раньше своего венценосного отца, а вместе с ним и оппозиция реформам императора Петра Великого была практически полностью подавлена. К указанному типу оппозиции мы относим и практически все дворцовые перевороты. С помощью гвардейцев на престоле сначала оказалась Екатерина I. Затем через время уже Елизавета Петровна, дочь Петра I, при поддержке гренадерской роты Преображенского полка провозгласила себя императрицей, отстранив тем самым Ивана VI и его мать Анну Леопольдовну от власти. Наконец, наиболее решающим для истории Отечества становится переворот, который совершает Екатерина II с помощью гвардии и при поддержке братьев Орловых.

В сущности, таким мятежом родовитой знати мы можем считать и убийство Павла I с последующим воцарением Александра I, так как оба эти события были тщательно спланированы дворянской верхушкой. Важно понимать, что подобные оппозиционные акты не были редкостью, но при этом не вызывали особой культурной рефлексии среди народа и даже среди просвещенного класса. Такие перевороты хоть и являлись важной вехой в истории Отечества, однако же не оставили яркого следа в культуре. Они не будили творческие силы и не особенно вдохновляли своей самоотверженной борьбой с несправедливостью. Сравнительную популярность получили сюжеты, связанные с приходом к власти и правлением Петра I. Однако интерес к теме с данного ракурса возник преимущественно в XIX веке, когда в основание общественно-философской мысли был поставлен дискурс западников и славянофилов.

Во-вторых, это бунты, иными словами восстание народных масс, низовое сопротивление с целью удовлетворения правительством требований бунтующих. Такое оппозиционное выступление чаще всего характеризуется стихийностью и открытым столкновением народа с правительственные войсками. Бунт можно назвать едва ли не самой древнейшей формой общественного несогласия. К нему относятся и голодные бунты, и волнения на почве недовольства произволом руководства на местах, а также другими проблемами, влияющими на повседневный

быт народа. Более того, сюда же можно отнести сопротивление на религиозной почве: восстания волхвов и выступления старообрядцев. А также на национальной почве, например, Башкирское восстание в 1705—1711 гг. и т.д.

Примером подобного типа выступлений в период Киевской Руси может служить Киевское восстание 1068 года. Этот народный бунт был спровоцирован проигрышем русских войск в битве с половцами на реке Альте и последующим отказом князя Изяслава Ярославича продолжить борьбу с половцами и выдать оружие народу. Здесь же можно вспомнить и про Киевское восстание 1113 года после смерти князя Святополка Изяславича. К этому типу отнесем и Тверское восстание, которое вспыхнуло стихийно в 1327 году в ответ на произвол ордынских властей. Возмущённый народ вступил за дьякона Дудко, у которого пытались отнять кобылу, после чего кинулся громить татар по всему городу. При Иване Грозном случаем яркого проявления оппозиции можно считать бунт 1547 года после пожара в Москве. В период правления Бориса Годунова оппозиционным проявлением народного несогласия можно считать восстание Хлопка Косолапа и волнения казаков на периферии.

Как отмечает историк Екатерина Гончаренко, выступления 1602—1604 гг. являлись предвестниками надвигавшейся гражданской войны [Гончаренко 2015: 62]. В них выразилось все недоверие к правительству, было очевидно повсеместное недовольство низов. Тут же мы можем вспомнить и надвигающееся восстание Болотникова 1606—1607 годов. Именно эта оппозиция народа погубит Борисово правление и всю его семью. Движение Лжедмитрия также сотворит не Григорий Отрепьев, движение Лжедмитрия сотворит народ. В XVII веке и вовсе страну будет ждать череда крупных восстаний: в 1648 произойдет Соляной бунт в Москве, в 1650 восстание в Новгороде, в том же 1650 году восстание в Пскове, в 1662 Медный бунт в Москве. Как мы видим, народные бунты в истории отнюдь не были редкостью. Однако, остановимся подробнее на тех примерах, которые оставили особенно значительный след в культуре. Важно понимать, что именно такие народные восстания в итоге больше всего интересовали и привлекали, как мыслителей, так и простое население.

Также, обратимся к восстанию Степана Разина. Среди основных причин начала вооруженного сопротивления мы можем выделить усиливающееся закрепощение крестьянства, а вместе с тем и увеличение срока сыска беглых крестьян, которые, в сущности, и становились казаками. Помимо этого, казаки были недовольны и ростом налогов, ограничением так называемой казачьей вольници. И хотя восстание закончилось поражением войск сопротивления, оно все-таки оставило глубокий след в культуре и памяти народной. Среди произведений, отразивших этот сюжет, мы можем отметить «Песни о Стеньке Разине» Александра Пушкина.

Автор рисует противоречивый образ атамана. Степан Разин одновременно и благороден, и жесток. Он вольнолюбивый герой, готовый на жертву ради своей свободы, однако вместе с тем он суров и непреклонен. В стихах Марины Цветаевой «Стенька Разин» бунтовщик становится выразителем несокрушимого русского народного духа. О донском атамане писал и Василий Каменский. В 1915 году была написана поэма «Стенька Разин», в 1919 она была переработана в пьесу и затем уже в 1928 году данный сюжет стал основой для его романа «Степан Разин», который воспевал свободолюбие и народный дух. Все три автора по-разному интерпретируют личность Степана Разина, однако у них у всех прослеживается

фольклорность образа Степана Разина, некоторое отождествление его с духом русского народа, а также воспевание ценности свободы. Этой исторической фигуре посвящает свою картину «Степан Разин» 1904—1906 года и художник Василий Суриков. Данной же вехе отечественной истории посвящена и симфоническая поэма «Стенька Разин» поэма Александра Глазунова, написанная в 1885 году.

Таким же ярким событием в истории оппозиционного движения стало и восстание Емельяна Пугачева. Несмотря на то, что Пугачев был бунтовщиком и врагом легитимного правителя, культурная память сохранила его имя и отнюдь не едино в негативном ключе. Например, одним из известнейших произведений русской литературы, являющимся хрестоматийным текстом, считается «Капитанская дочка», написанная «солнцем русской поэзии» Александром Пушкиным. В этой работе Емельян Пугачев предстаёт перед читателем сложной и противоречивой фигурой, которая вызывает одновременно и страх, и уважение. Более того, Пушкин посвящает Емельяну и событиям крестьянской войны 1773—1775 годов целую историческую монографию, опубликованную в 1834 году под названием «История Пугачева».

Строки о бунтовщике Пугачёве оставил и Михаил Лермонтов в своем романе «Вадим». О нем писал и С.А. Есенин в поэме «Пугачёв», С.П. Злобин в «Салавате Юлаеве», Д.Н. Мамин-Сибиряк в «Охониных бровях». Мимо этого исторического сюжета не прошли и отечественные художники. Например, Василий Перов запечатлел «Суд Пугачёва» на своей картине в 1879 году. Так, мы в целом можем сделать вывод о том, что оппозиционное движение низов в российской истории было довольно активным. Тем интереснее слова Петра Чаадаева прозвучавшие со страниц «Философических писем» в 1836 году. Петр Яковлевич пишет: «Обделанные, отлитые, созданные нашими властителями и нашим климатом, только в силу покорности стали мы великим народом. Просмотрите от начала до конца наши летописи, — вы найдете в них на каждой странице глубокое воздействие власти, непрестанное влияние почвы, и почти никогда не встретите проявлений общественной воли» [Чаадаев 2022: 206]. То есть Чаадаев выносит в качестве характеристики русского народа покорность и подчеркивает практическое отсутствие «проявлений общественной воли», иными словами, какого-либо сопротивления правительствуенному давлению.

Противоположную оценку русского народа и его пассивности перед государственным гнетом выразил Михаил Бакунин. В своей работе «Наука и насущное революционное дело», опубликованной в 1869 году, он провозглашает: «Со времени Лжедимитрия по настоящее время ведь у нас был только один неизменный бунтовщик против государства — это крестьянский народ и городские мещане.... Народ же никогда не переставал бунтовать. Бунтовал он победоносными массами два раза: один раз под Стенькою, другой раз под Пугачевым. Сначала был войска государские, потом был разбиваем ими, потому что не было в нем никакой организации. Разбитый в последний раз в царствование Екатерины II, он не переставал заявлять свой протест против государственно-сословного гнета, против всех представителей государства, значит, против самого государства рядом ежегодных частных бунтов, всегда укрупняемых и возобновляющихся то в той, то в другой форме беспрестанно» [Бакунин 1869].

Мнения известных мыслителей довольно сильно расходятся, с одной стороны, из-за разности их политических взглядов, с другой стороны еще и потому, что Бакунин уже знал о событиях крестьянских восстаний 1861 года. По

статистическим данным в период 1801–1861 годов прогремело 1448 крестьянских восстаний. Самыми важными волнениями 1861 года стали Кандиевское и Бездненское восстание, замеченное студентами Казанского университета и Духовной академии, которые провели панихиду по убитым. С речью, посвященной Бездненскому восстанию выступил и молодой профессор истории А. П. Щапов. Также о бездненской трагедии написал А.И. Герцен в своем «Колоколе». И чем ближе была Февральская революция, тем большее количество крестьянских волнений с каждым годом происходило в губерниях.

В-третьих, это уже более политически осознанная оппозиция, говорящая о необходимости преобразований и предпринимающая конкретные действия с целью не просто смены правительства или удовлетворения требований бастующих, а с четким намерением перестроить всю государственную систему в разных сферах власти. Мы условно можем окрестить таких людей революционерами, характеризуя их идеи политических и социальных изменений, лозунги свободы и избавления от угнетения.

Важно также подчеркнуть, что в научном дискурсе существует два термина: революция сверху и революция снизу. В контексте данной типологии мы будем говорить о том, как радикализировались со временем взгляды русских общественно-политических деятелей и как от революции сверху мнения граждан стали склоняться к революции снизу. Описываемый вид оппозиции ключевым образом найдет свое отражение в XIX веке под сильным влиянием западных революционных веяний. Однако первые попытки подобного подхода мы можем заметить уже в переписке Андрея Курбского и Ивана Грозного, которую некоторые ученые назовут «водоразделом русской политической мысли». В данном тексте Иван Грозный отрицает свободу, основываясь на богословской аргументации, в его миоощущении нет места другому политическому строю, кроме самодержавия.

Кандидат философских наук А.В. Черняев назовет парадигму власти Иоанна Грозного «дерзкой теократической утопией», которая противопоставляла Россию Европе и стремилась искоренить людское «самовластие» [Черняев 2016: 96]. Андрей Курбский же наоборот ратует за диалог с Западом и не отрицает человеческую свободу, он видит возможность для спасения в самовластии. «Очнись и встань! Никогда не поздно, ибо самовластие наше и воля, до той поры как не расстанется с телом душа» [Курбский 1979: 180]. Эти две непримиримые по своей натуре позиции и стали ярчайшим примером полемики оппозиции с действующей властью, действующим государственным строем в период правления Иоанна Васильевича.

Также мы можем рассмотреть в качестве подобной политической полемики с критикой государственного устройства конфликт Екатерининской «Всякой всячины» и журнала Николая Новикова «Трутень», чье название, по сути, было намеком на помещиков тунеядцев, своеобразных «трутней». Журнал императрицы проповедовал человеколюбие и снисхождение к человеческим слабостям. На эти заявления Новиков пламенно ответил в выпуске «Трутня» от 26 мая, где он писал: «Многие, слабой совести люди никогда не упоминают имя порока, не прибавив к оному человеколюбия. Они говорят, что слабости человекам обыкновенны и что должно оные прикрывать человеколюбием.... По моему мнению, больше человеколюбив тот, кто исправляет пороки, нежели тот, который оным снисходит или (сказать по-русски) потакает» [Новиков 1865: 29].

Николай Новиков считал, что пороки – это не природа человека, а результат общественного воздействия, потому что они формируются в коллективе. Так, Новиков выводит на первый план проблему построения общества и самого государства. Взгляд редактора «Трутня» заключался в изменении политической и социальной системы для истребления пороков. Однако в 8 листе «Трутня» от 16 июня есть и личные оскорблении в сторону императрицы. Например, Новиков пишет: «Вся ее вина состоит в том, что на русском языке изъясняться не умеет и русских писаний обстоятельно разуметь не может...»; «Видно, что госпожа Всякая всячина так похвалами избалована, что теперь и то почитает за преступление, если кто ее не похвалит»; «Совет ее, чтобы мне лечиться, не знаю, мне ли больше приличен или сей госпоже» [Новиков 1865: 47-48]. Мимо таких слов императрица не могла пройти и уже скоро по практическим сфабрикованному делу Новикову был вынесен приговор, за которым последовала длительная каторга.

Ну и, конечно, особенно знаменательным стал выход в свет книги Александра Радищева, написавшего «Путешествие из Петербурга в Москву», в котором он рисует картины современной ему России, при этом осуждая крепостное право, цензуру, вседозволенность высших чинов и т.д. Своим произведением он хотел открыть глаза современникам на несовершенство государственной системы. Уже в предисловии он пишет: «Ужели, вещал я сам себе, природа толико скуча была к своим чадам, что от блудящего невинно сокрыла истину навеки?» [Радищев 2023: 5]. В тоне произведения слышится пренебрежительное отношение к самодержавию, которое так часто будет появляться на страницах критических интеллигентских статей в будущем. А самому автору, которого императрица назвала «бунтовщиком хуже Пугачева», приписывают изобретение слова «гражданин», как полноправного члена общества. Радищев был одним из первых в плеяде русских вольнодумцев, им вдохновлялись декабристы. Его же В.И. Ленин окрестил «первым русским революционером». Радищев в своем произведении посвящает отдельную главу М.В. Ломоносову, в ней он пишет: «Пускай другие, работавшие власти, превозносят хвалою силу и могущество. Мы воспомянем песнь заслуге к обществу» [Радищев 1982: 173].

Этими словами автор не столько возвышает деятелей культуры, науки и просвещения, сколько унижает положение правителя и правящей элиты, показывая тем самым кто, по мнению автора, действительно приносит пользу обществу, а кто на нем лишь наживается. И хоть данное произведение принесло автору не известность и признание, а каторгу, этот голос оказался достаточно громким, чтобы за ним последовали другие. В сущности, и Радищев, и Новиков были предшественниками русской революционной оппозиции, которая выйдет на авансцену истории уже в XIX веке. Они же стали и своеобразными предвестниками намечающейся бури, ставшей явлением декабристов в российской истории. Однако системность оппозиция в Российской империи приобрела только к XIX веку. Важно отметить, что данное явление было напрямую сопряжено с событиями мировой истории данного периода. Так, представляется необходимым рассмотреть революционные процессы, происходящие в Европе и их взаимосвязь с тенденциями, получившими свое отражение в отечественной истории.

Впервые слово «революция» в России прозвучало в 1710 году от дипломата петровского времени Петра Павловича Шафирова и было заимствовано через польский язык. К самим же первым революциям в Европе мы можем отнести Нидерландскую революцию XVI века, Английскую революцию XVII века,

американскую Войну за независимость, Французскую революцию 1789 года. Эти революции принято считать буржуазными, то есть открывающими дорогу классу буржуазии, а вместе с тем и капиталистическому развитию.

Важно отметить, что эти революционные события были известны в России и, конечно, становились своеобразным учебным пособием для отечественных вольнодумцев. Например, первая революционная попытка, известная в истории России под именем «восстания декабристов», во многом была вдохновлена европейскими событиями, где революции свершались одна за другой. Наполеоновские войны, затем революционные события в Неаполитанском королевстве, где революционеры-карбонарии требовали ограничения абсолютной власти короля Фердинанда I и введения конституции. Далее Испанская революция и успех полковника Риего, Греческая война за независимость и подписание Декларации независимости США. Все эти события вдохновляли, призывали к освобождению, уничтожению рабских оков. Так, например, испанское восстание Риего показало возможность восстания именно военных и обозначило необходимость убийства царя и царской семьи, чтобы революционное правительство невозможно было низвергнуть. Причина заключалась в том, что Риего оставил в живых короля, который позже восстановил абсолютистский режим. Далее будут происходить революции 1848—1849 годов в Европе в Германии, Австрии, Италии, Венгрии и т. д. А революция 1848 года во Франции станет неким общим моментом разочарования для русской революционной интеллигенции.

Однако, воплотить сценарий европейских революций в Российской империи на протяжении большей части XIX века было практически невозможно из-за отсутствия сформированного гражданского общества, сильного третьего сословия, иными словами класса буржуа, и вместе с тем не революционности крестьянства, а также не успевшего сформироваться класса пролетариев. Так, революционные события, захлестнувшие Европу, безусловно влияли на русскую общественно-политическую мысль, но преломлялись об русскую действительность. Сильнее было только то влияние, которое оказывали на Российскую империю разные европейские философские течения и идеи конкретных мыслителей. Так, упоминая имя Андрея Курбского, мы должны вспомнить и воспринятые им через контакт с польско-литовской культурой идеи ограничения монархии и повышения роли советников. В своей переписке с Иоаном Грозным он транслировал мысли, частично заимствованные на Западе. Например, Курбский говорил о необходимости защиты прав и привилегий знати, апеллировал к божественной справедливости и необходимости монарха уважать закон и традиции, также сам формат публичной полемики скорее был традиционен для западной культуры, но не для культуры Московского царства. Но, одно из огромнейших влияний на русскую общественно-политическую мысль, конечно, оказалась эпоха Просвещения.

Примером для нас служит судьба Александра Радищева, который обучался праву в Лейпцигском университете. Там он воспринял идеи ведущих французских просветителей (Руссо, Вольтер, Монтескье, Дидро), которые позже стали вдохновителями Французской революции 1789 года. Радищев был увлечен теорией естественного права, социального договора и западными представлениями о свободе и справедливости, которые вылились в критику крепостного права и мыслям о необходимости ограничения монархии. Также влиянию просветительских идей подвергся и Николай Новиков. Его сатирические журналы,

такие как «Трутень», «Живописец», «Пустомеля», использовали западные образцы (в частности, английские журналы «Зритель» и «Болтун» Аддисона и Стила) для критики социальных пороков: взяточничества, крепостного права, невежества дворянства, бездумного подражательства всему иностранному. Целью было не только высмеять, но и побудить к моральному совершенствованию и рациональному осмыслению действительности. Помимо этого, важной вехой жизни Новикова было масонство, которое в Россию пришло напрямую из Западной Европы. Европейское масонство того времени несло идеи морального совершенствования, братства, веротерпимости и служения обществу.

Одним из радикальнейших примеров заимствования западных идей стало, конечно, восстание декабристов. И, говоря именно о западных идеях, нашедших отражение во взглядах декабристов нам, следует обратиться к двум важнейшим программным текстам: «Русской правде» Павла Пестеля и «Конституции» Никиты Муравьева. Они включали в себя положения о конституционной монархии или республике, отмене крепостного права, гражданских свободах, что было прямым заимствованием западных политических моделей. Особенно заметно было влияние идей Ш. Монтескье и Дж. Локка о разделении властей и естественных правах. Для нас важна и судьба Петра Чаадаева, который не был революционером ни по своим взглядам, ни по своим действиям, однако же, подвергнув критике исторический путь России в своих «Философических письмах», он возбудил массовую полемику вокруг своих высказываний.

Чаадаев использовал в своем произведении традиции европейской философии, католицизма и идей западного рационализма. Реакцию общественности на издание первого «Философического письма» мемуарист Михаил Жихарев описывает так: «Никогда с тех пор, как в России стали писать и читать, с тех пор, как завелась в ней книжная и грамотная деятельность, никакое литературное или ученое событие, ни после, ни прежде этого – не производило такого огромного влияния и такого обширного действия, не разносилось с такой скоростью и с таким неизмеримым шумом» [Жихарев 1989: 99]. Многие современники признавали важность появления трактата как протesta против существующего вектора государственной пропаганды, но ничтожно мало было людей способных согласится с идеями Чаадаева. В результате публикации «письма» правительством были приняты меры по медико-полицейскому надзору Петра Яковлевича, что являлось весьма мягкой мерой в отношении человека, выступившего со столь яркой критикой России и всего ее устройства. В ответ на это Чаадаев пишет в 1837 году «Апологию сумасшедшего», где сосредоточились его основные положения по вопросу места России по отношению к Западу и Востоку. Несмотря ни на что, Петр Яковлевич взбудоражил умы целого поколения и поставил вопрос, который лег в основу диспута западников и славянофилов.

Произведение Чаадаева появилось неслучайно и было вполне закономерным результатом исторического сближения Российской империи со странами Западной Европой. Как представляется, никогда Россия не была так вовлечена в общеевропейскую жизнь, как в период правления Екатерины II, Павла I и Александра I. Напомним, что в этот период зачастую наше дворянство не знало или обладало слабыми навыками устного и письменного русского языка. Вспомним, что Чаадаев пишет свои «Письма» по-французски. Декабрист Михаил Бестужев-Рюмин, находясь в Алексеевском равелине, просит разрешения отвечать на суде не по-русски, а на более привычном французском. Радищев, прекрасно

знавший немецкий, французский, латынь и ещё несколько европейских языков имел серьезные проблемы с русским. Более того, находясь на обучении в Германии, он и вовсе забыл родной язык, так что возвратясь ему пришлось заново учить русский язык. То есть данный период отечественной истории был отмечен родственностью развития мысли в Европе и России.

Это и послужило причиной появления западников, группы мыслителей, видевших в Европе образец для развития России. Так, Александр Герцен в первую свою ссылку был отправлен по обвинению в сенсимонизме. Он также увлекался идеями Фурье и Прудона. Позже глубоко изучал немецкую философию в лице Гегеля и Фейербаха. Идеей Герцена было использовать крестьянскую общину как основу для построения русского социализма. Вспоминая судьбу Виссариона Белинского, невозможно игнорировать тот след, оставленный философией Гегеля на его жизненном пути. Так, Белинский неверно воспринял тезис Гегеля, гласивший: «Все действительное разумно». И, как пишет Герцен, долго проповедовал «теоретическое изучение вместо борьбы» [Герцен 1969: 345]. Затем он перешел к идеям французского утопического социализма и материализма. Белинский критиковал и крепостничество, и церковь с позиции западного гуманизма и рационализма.

Также представителем западнического направления русской общественно-политической мысли был и историк Тимофей Грановский, он распространял идеи немецкой идеалистической философии, в лице Шеллинга и Гегеля, западные методологии изучения истории. На смену идеалистам 1830-40-х годов, так называемым лишним людям, пришли нигилисты. В основном это поколение деятелей оппозиционного движения, Николай Чернышевский, Николай Добролюбов и Дмитрий Писарев, испытывали на себе влияние Фейербаха, утопического социализма и позитивизма. Они выступали за радикальные социальные преобразования, отмену крепостного права, революцию. Так, например, основной задачей, провозглашаемой Писаревым, была эманципация личности, освобождение от всех традиционных и догматических настроек, ограничивающих человека.

Одним из влиятельнейших русских оппозиционных мыслителей был Михаил Бакунин, вышедший из одного круга с Герценом и Белинским, он все же стал развивать немного иные идеи. Так, вначале увлекаясь философией Гегеля, а затем и идеями Прудона и Маркса, хотя впоследствии разошелся с марксистами, он все же стал одним из основоположником анархизма. Бакунин звал народ к бунту и полному разрушению любого государства и созданию безгосударственного общества. Он же был одним из вдохновителей так называемого «хождения в народ». Впоследствии, конечно, Россия столкнулась и с распространением марксизма. Одним из первых русских идеологов марксизма стал Георгий Плеханов. Он считал, что Россия должна пройти стадию капитализма, прежде чем перейти к социализму, и что движущей силой революции будет пролетариат.

Все вышеперечисленные мыслители, каждый по-своему, впитывали, интерпретировали и адаптировали западные идеи, пытаясь найти ответы на острые вопросы, заложенные в российской действительности, и определить ее истинный путь. Их деятельность сформировала основу для многих последующих политических и социальных движений в России. Однако подход русских вольнодумцев весьма сильно отличался от этики западных оппозиционеров. Это разделение само по себе заложено в разности наших культур по целому ряду

признаков. Более того, именно отличность русской культуры от западноевропейской наиболее ярко проявилась в революционном движении 1870-80-х годов. Этот период можно назвать временем «дела», когда отечественные оппозиционеры отошли только от идеологической разработки вопросов, и стали адаптировать концепции, часто заимствованные у европейских мыслителей, к российской действительности, а также использовать те методы борьбы, которые могли быть применены в абсолютистском монархическом строе. Это подтверждают и слова Петра Лаврова, одного из идеологов народничества. В своей работе «Народники-пропагандисты 1873-1878» он отмечает: «Это была эпоха, когда заграничная социалистическая литература развивалась одновременно с массовым движением русской социалистической молодежи в народ; но эти два явления, вызванные одним и тем же историческим течением, происходили, каждое, самостоятельно, лишь в некоторой степени оказывая влияние друг на друга» [Лавров 1925: 7].

Рассмотрим причины, по которым Российская империя не могла слепо следовать за опытом западноевропейских держав.

Во-первых, это, конечно, религиозный фактор. Западная Европа, которая испытала на себе сильнейшее влияние сначала католичества, а затем и протестантизма строилась на своеобразной культуре метафизического страха. Так, например, мотив страха пронизывает собой всю немецкую литературу, музыку, живопись и, конечно, имеющую богатейшие традиции, немецкую философию. Важно понимать, что страх со временем не забывается, а чудовищно преображается. Именно вследствие остроты постановки этой проблемы Лютер собрал столько сторонников, потому что он указал путь для преодоления этого метафизического религиозного страха. Мартин Лютер узаконил страх, назвав его оправданным и необходимым. Так, в культуре Западной Европы появляется феномен индивидуального страха вследствие смещения акцента на личное спасение, которое невозможно купить благими делами или исповедью, нельзя вымолить. Получается, что теперь человек уже при рождении либо обречен на спасение, либо отвергнут богом. Личность ощущает свою богоизбранность, когда преуспевает в своем деле, поэтому происходит фокус на личном успехе. Страх за личное спасение переносится и в сферу общественной жизни. Более того, моральные нормы, преступить которые являлось личным поражением, прекрасно укладывались в рациональные и правовые рамки. Поэтому формируется привязка индивидуальной ответственности за преступление и в юридическом поле, вместо публичного позора для всей семьи или целого рода. Таким образом, в рамках эпохи Просвещения и распространения идей либерализма складывается принцип естественных прав человека, а также концепция общественного договора. То есть теперь предполагалось, что идеальное государство подразумевает защиту индивидуальных прав и свобод каждого гражданина. В этот же исторический период Россия развивалась совершенно иначе.

Основой русской культуры на протяжении многих веков являлось православие. Это направление в христианстве характеризуется акцентом на страданиях человека, его покаянии и поиске своеобразной духовной правды, а также глубоком морализме, унаследованном русской интеллигенцией. Вследствие укоренения православного доктрина в России сформировалась более сильная, чем на Западе, культура вины, которая проявлялась как внутренние муки совести и стремление к духовному очищению через покаяние и смирение. В православии нет

идеи личного успеха, как маркера грядущего спасения после страшного суда. Вместо этого русская культура пронизана чувство личной ответственности за грех и необходимость покаяния. Более того, грех являлся своеобразным разрывом с Богом, тогда как совесть – это голос Бога, направляющий человека на путь истинный.

Здесь важно отметить, что совесть выступает намного более сильным регулятором поведения, чем правовой закон, который может и является истиной, но не правдой (справедливостью). Так, само страдание от мук совести является центральным сюжетом русской культуры. Это глубокое, внутреннее переживание вины часто проявлялось и как ответственность перед семьей, обществом, народом. Самобичевание свойственное русской интеллигенции и русскому народу является следствием этой культуры вины. Важным моментом православной культуры можно считать идею очищения через страдание, в отличие от того же протестантизма, где существует стремление избежать страданий, как знака божественной немилости. Это приводило к тому, что в русской культуре революционная деятельность воспринималась не просто как политическая борьба, а как моральный долг и жертва во имя народа, что оправдывало радикальные методы.

Совершенно особую роль для восприятия образа революционера того периода играют слова народовольца Андрея Желябова: «Крещен в православии, но православие отрицаю, хотя сущность учения Иисуса Христа признаю. Эта сущность учения среди моих нравственных побуждений занимает почетное место. Я верю в истину и справедливость этого учения и торжественно признаю, что вера без дел мертвa есть и что всякий истинный христианин должен бороться за правду, за право угнетенных и слабых и, если нужно, то за них пострадать: такова моя вера» [Желябов 2010: 505]. В этих словах также проявилась склонность революционной интеллигенции к самопожертвованию и смерти, но, что характерно именно для русских революционеров, здесь мы видим замещение одной веры другой. В основе оппозиционного движения изучаемого периода лежит сакральная вера в революцию и в изменения, которые непременно должны были настигнуть Россию. Молодая, оппозиционно настроенная интеллигенция вместо священного писания чтила программные документы, вместо посещения церкви шла на собрания тайного общества, вместо молитвы предпочитала конкретные революционные шаги. В этих же словах проявилось и то парадоксальное явление русской христианской культуры, тянувшейся бесконечно к мученичеству и готовой уйти на заклание за свои идеалы.

Во-вторых, одной из ключевых проблем, связанных с невозможностью полного перенесения идей западных мыслителей на русскую почву, являлась разница социальных структур. В то время как на Западе сначала рост буржуазии, а затем и пролетариата создали очевидные классовые интересы, которые оппозиция могла использовать как социальную опору. В Российской империи же преобладало крестьянство, которое долгое время было лично зависимым сословием. Буржуазия была немногочисленна, а пролетариат только зарождался. Более того оппозиционная интеллигенция свой народ не знала и была оторвана от широких масс населения, однако все равно испытывала перед ними вину. Отсюда родилась идеализация крестьянской общины и феномен «хождения в народ». С.М. Степняк-Кравчинский, говоря о людях, пошедших в народ, отмечал, что «тип пропагандиста семидесятых годов принадлежал к тем, которые выдвигаются скорей

религиозными, чем революционными движениями». Революционер писал про образ пропагандиста 1870-х годов так: «Социализм был его верой, народ – его божеством. Невзирая на всю очевидность противного, он твердо верил, что не сегодня завтра произойдет революция, подобно тому как в средние века люди иногда верили в приближение Страшного суда» [Степняк-Кравчинский 1906: 22]. Надо понимать, что «хождение в народ» было во многом результатом деятельности идеалистически настроенной молодежи. Уход к крестьянам для многих из них был сакральным актом, личным искуплением и при этом призрачной надеждой на общее изменение ситуации в стране. Однако народ не принял революционеров, участников «хождения в народ» сам же крестьянский мужик и сдавал властям. Но именно из-за «хождения в народ» происходит переход в революционной среде от попытки соединения интеллигентских сил с силами народными для организации крестьянского восстания к попыткам политической борьбы методом индивидуального террора.

Во-третьих, необходимо отметить различия в отношении оппозиционеров к государству в Западной Европе и в Российской империи. Пока на Западе формировалось гражданское общество и развивалось правовое государство, в России существовала абсолютная монархия. Это приводило к тому, что в Западной Европе оппозиция фактически стремилась призвать государство к реформам и привлечь правителей к ответственности перед законом и гражданами. Таким образом, сложилась традиция легальной политической борьбы, чего как раз-таки и не было в России. Государство зачастую воспринималось как нечто чужеродное, не несущее ответственности ни перед законом, ни перед гражданами. Соответственно какие-либо легальные пути для хоть сколько-нибудь активной политической деятельности попросту отсутствовали. Невозможность законно выразить свой протест подталкивала бурлящую молодежь к радикализации и ведению подпольной борьбы, которая неизбежно становилась внеправовой. Это был шанс поучаствовать в судьбе Отечества, принести пользу своему государству. Вместе с тем это был путь меньшего сопротивления – отдать жизнь за торжество справедливости и уйти героем. Не нужно было долгих мелких шажков, чтобы сдвинуть закостенелую глыбу устоявшейся государственной системы.

В-четвертых, невозможно не упомянуть сам характер общественно-политической мысли, который отличался в западноевропейской и в русской традиции. Так, Запад испытал на себе влияние рационалистских тенденций, реформация научила прагматизму, а просвещение подарило плоды в виде эволюционного подхода. Все это стимулировало в обществе веру в постепенные изменения в государстве, реформы и совершенствование политических, а также социальных институтов. В России же сложилась традиция восприятия своей страны как «отсталого» государства, что приводило к максималистской и утопической идеи быстрого скачка через не пройденные этапы развития. Так, русские мыслители искали универсальных ответов, которые смогли бы разрешить все проблемы Отечества одним разом. Например, С.Ф. Ковалик указывает на то, что «в семидесятых годах молодежь попыталась одна, без всякого содействия склонных к компромиссам старших возрастов, порешить все проклятые вопросы, не дающие человечеству мирно существовать, и решила возложить на свои плечи всю работу по обновлению мира» [Ковалик 1928: 53]. Отличительной чертой также были глубокие моральные терзания русской интеллигенции, которая, ощущая вину

и ответственность перед народом, не могла ничего изменить, какие бы методы не использовала.

В-пятых, различным было и отношение к насилию. Французская революция своей кровавостью напугала многих оппозиционно настроенных деятелей, после этих событий революция как таковая стала рассматриваться в качестве крайней меры. В России же банально отсутствовали другие каналы участия в политической жизни страны и насилие стало восприниматься как один из наиболее действенных методов борьбы против самодержавия. Фактически метод террора в русской истории оправдывался высокой целью, ради которой нужно было на все решиться. Например, С.Г. Нечаев писал про идеального революционера так: «На себя он смотрит, как на капитал, обреченный на трату для торжества революционного дела» [Нечаев 1994: 105–106]. Эти слова свидетельствуют об отношении революционеров к человеческой жизни единственно как к ресурсу для достижения целей революции. Напомним, что народничество возникает из сознания своего долга перед народом, за свободу которого они обязаны были пожертвовать всем. Так, после убийства царя Исполнительный комитет «Народной воли» пишет письмо Императору Александру III. В этом письме народовольцы обращаются к императору как к «гражданину и честному человеку» [Исполнительный комитет 1989: 332]. Они пишут: «Есть нечто высшее, чем самые законные чувства человека: это долг перед родной страной, долг, которому гражданин принужден жертвовать и собой, и своими чувствами, и даже чувствами других людей» [Исполнительный комитет 1989: 330].

Во главу угла революционеры вновь помещают жертвенность, которую несли на знамени все последние, по их же словам, 10 лет. Интересно, что в этом документе, также, как и в речи Желябова, упоминается христианство. Письмо сообщает о том, что виселицы, на которых то и дело вешают революционеров бесполезны и «бессильны спасти отживающий порядок, как крестная смерть Спасителя не спасла развратившийся античный мир от торжества реформирующего христианства» [Исполнительный комитет 1989: 330]. Вновь революционеры называют себя мучениками, составляют собственную агиографию, сравнивают себя с Христом, несущим новые, спасительные для общества идеи. В письме народовольцы указывают на то, что революционеров создают обстоятельства, то есть сами настроения, бытующие в обществе, а соответственно вешать их бессмысленно, потому что весь народ истребить нельзя. Они также замечают, что именно государственные репрессии против долгушинцев, чайковцев, деятелей 1874 года, привели к приходу террористов 1878–1879 годов. Однако революционеры также обещают, что насилие, противное им самим, обязательно сменит мирная, идейная борьба, если только император согласится с их требованиями. Требования революционеров тогда, конечно, не были удовлетворены.

Таким образом, если западное оппозиционное движение стремилось к реформированию, основываясь на идеях естественных прав человека и законов государства, то российское, из-за специфики самодержавия, социальной структуры и культурных установок, часто было вынуждено прибегать к радикальным, подпольным и насилиственным методам, видя в себе не только политическую, но и практически мессианскую силу, несущую «правду» и искупление. Российское оппозиционное движение 1870–1880-х годов стало самой яркой вехой в истории освободительной борьбы XIX века. Именно в этот период наблюдается

стремительная радикализация революционного протesta. Так, для нас важна та эволюция, которую проделало русское оппозиционное движение меняя свои методы борьбы. Русским сложно повенчать свое автохтонное православие с европейской рациональной идеей, не предполагавшей страсть, саморефлексию и романтизм, а лишь жесткий политический и экономический расчет. В симбиозе этих путей родился радикализм. Сама невозможность для русских идти «правильным» европейским путем подталкивала их к тому, что они должны отдавать больше. Они испытывали вину и жаждали получить искупление. Испытав неудачу с пропагандой и попыткой хождения в народ, а затем получив на эти действия жестокую реакцию со стороны правительства русские революционеры пришли к методу индивидуального террора. Как пишет С. М. Степняк-Кравчинский: «Хождение "в народ" было изумительным по своему героизму опытом могущества слова. Теперь надлежало испытать противоположный путь – путь дела» [Степняк-Кравчинский 1906: 24]. Тем не менее Вера Фигнер замечает: «Цареубийство являлось лишь крайним средством, чтобы высвободить народную и общественную инициативу, скованную страхом репрессий» [Фигнер 1997: 163]. Чтобы вернуть мир к христианским идеалам нужно все уничтожить, разрушить, если понадобится против государственного насилия применить террор. Не из деструктивной жажды разрушения, а из любви к Отечеству и слепой жажды великого будущего для него, ради которого, как им казалось, можно на все решится. И здесь проявилась глубинная разница в отношении к террору в Западной Европе и в Российской империи.

Изначально, термин «террор» вошел в обиход во время Французской революции, когда население страны было вынуждено столкнуться с так называемым «террором сверху». Так, эта эпоха показала, что рациональные идеи могут обернуться хаосом и слепым насилием. В связи с этим в Европе появился своеобразный страх перед радикальными революционными методами. Однако, во второй половине XIX века популярность набирает анархистский «террор снизу». Идея базировалась на том, что отдельные акты насилия должны были привлечь внимание к общественным проблемам или спровоцировать революцию.

В Европе терроризм воспринимался как противозаконное деяние и в целом атака на цивилизованный мир. В культуре анархисты-террористы стали злодеями, маргиналами, общество их также демонизировало. Другая судьба ждала феномен терроризма в Российской империи. Для русской революционной интеллигенции террор не был просто актом разрушения, а являлся единственным доступным средством политической борьбы. Более того, акты индивидуального террора часто становились и воспринимались как возмездие за репрессии или муки народа. В русском терроризме второй половины XIX века нашли свое отражение и желание разбудить народ и идея морального долга, вместе с необходимостью жертвы. Конечно, государственной властью террор рассматривался как преступление и ответом на него были жесткие репрессии без каких-либо уступок. В то же время реакция общества была не столь очевидной. Большинство осуждало насилие, но при этом складывалась сложная гамма чувств от неприятия до скрытой симпатии и понимания мотивов террористов.

Самое важное, что со временем происходит агиография революционеров-террористов. Они предстают своеобразными народными заступниками, положившими жизнь за други свои. Более того, они становятся и героями многих литературных произведений, в чем проявляется попытка осмыслиения

интеллигенцией феномена террора. Так, для выделенного периода 1870–80-х годов в русской художественной литературе наиболее примечателен великий антинигилистический роман Федора Михайловича Достоевского «Бесы», критиковавший идеи левой молодежи. «Бесы» были изданы в 1872 году под впечатлением автора от дела Сергея Нечаева, устроившего тайную организацию «Народная расправа» и вместе с членами кружка убившего студента Ивана Иванова. Основным выразителем оппозиционных идей в романе становится Петр Верховенский. Персонаж, который хочет тотального и полного разрушения, хочет навести смуту и установить собственный порядок, полное равенство, шигалевщину [Достоевский 2023]. Верховенский выступает у Достоевского озлобленной посредственностью, в которой нет ничего положительного. Роман «Бесы» явился предостережением Достоевского против «беснующихся» революционеров. Федор Михайлович в эпилоге приводит евангельскую притчу об изгнании бесов, которая является рецептом автора для восстановления мирной и спокойной жизни внутри государства. Достоевский выражает идею борьбы против революционеров, их ужасающих, апокалиптических идей. Уже в 1878 году свет увидел рассказ Ивана Сергеевича Тургенева «Порог», который описывает становление молодой девушки на революционный путь. Автор не рисует террористку в виде беса, как сделал Достоевский. В строках Тургенева напротив сквозит восхищение и жалость к девушке, приносящей себя в жертву. В конце произведения в ее адрес раздаются слова: «Святая» [Тургенев 1882].

Немного иначе путь революционера рисует Лев Николаевич Толстой в своем рассказе «Божеское и человеческое», увидевшем свет в 1906 году. Произведение Л.Н. Толстого рассказывает историю тюремного заключения молодого революционера по имени Светлогуб [Толстой 1906]. Анатолий Светлогуб, выходец из богатой семьи, показан человеком, остро чувствующим несправедливость и жалеющим народ, оттого он идет в революционный кружок. Сам себя наставляет словами: «Победа или мученичество, а если и мученичество, то мученичество это та же победа, но только в будущем» [Толстой 1906]. Светлогуб попадает в тюрьму из-за одного из членов кружка, однако никого из своих товарищей юноша не «сдает». Находясь в камере до момента своей казни, Анатолий обращается к христианству. Читая Евангелие, он произносит: «Да, если бы все так жили, — думал он, — и не нужно бы и революции» [Толстой 1906]. Так, перед своей казнью Светлогуб познает тайну истинной веры. Он идет на казнь улыбаясь и с книжкой Евангелия в руке, потому что теперь знает, что даже если сам он погибнет, то истина не умрет.

По мнению Толстого, революционеры, которые стремятся уничтожить насилие со стороны государства новым насилием лишь губят себя и свою душу. Свободу человек, по Л.Н. Толстому, может обрести только в «религиозно-нравственном убеждении». Льву Николаевичу одинаково противны и революционеры, и их палачи, потому что взгляды их ложны. Правда находится только в познании законов Евангелия и самосовершенствования по ним. Таким образом, осмысления опыта радикального направления оппозиционной мысли в Российской империи в художественных произведениях привело авторов к обращению к христианским идеалам, противопоставленным идеям революционеров о вседозволенности и человекоубийстве.

Как мы видим, даже осмысливая конкретные шаги русских революционеров, интеллигенция стремилась оценить их в первую очередь с точки зрения

христианской морали. И неудивительно, что постепенно биографии революционеров начинают напоминать жития святых. В муках революционной мысли создавался архетип героя, принесшего себя в жертву. Этот образ становился мифом, романтической мечтой для молодежи. А.С. Изгоев писал: «Этот идеал глубоко личного, интимного характера и выражается в стремлении к смерти и готовности постоянно ее принять. Вот, в сущности, единственное и логическое, и моральное обоснование убеждений, признаваемое нашей революционной молодежью в лице ее наиболее чистых представителей» [Изгоев 1990: 116]. То есть можно сказать, что революционная среда выработала еще один очень эффективный метод, позволявший привлекать к «делу» все новых и новых последователей. Это метод романтизации, а он по своей сути в разы опаснее метода террора.

Любая революция начинается с идей, а заканчивается сжатым в руках оружием. Однако, в этом и заключался главный парадокс деятельности русских революционеров. Они не рассчитывали увидеть ту Россию будущего, за которую вели борьбу, они легко приносили себя в жертву ради будущих поколений. У этой молодежи не было страха смерти, они считали смерть своей. Причем убийство народовольцами императора Александра не отвернуло от террора оппозицию всех сортов, как это произошло после Нечаевского дела. Так, например, Борис Савинков, руководитель боевой организации эсеров в начале XX века, описывает своих сторонников, ставших на путь террора. О революционере Каляеве он пишет: «К террору он пришел своим особенным, оригинальным путем и видел в нем не только наилучшую форму политической борьбы, но и моральную, быть может, религиозную жертву. Он не отрицал, конечно, значения мирной работы и с интересом следил за ее развитием, но террор он ставил во главу угла революции» [Савинков 1990: 20].

Мотивы Доры Бриллиант Савинков описывает так: «Террор для нее, как и для Каляева, окрашивался прежде всего той жертвой, которую приносит террорист. Вопросы программы ее не интересовали. Террор для нее олицетворял революцию и весь мир был замкнут в боевой организации» [Савинков 1990: 20-21]. И также о Егоре Сазонове: «Для него террор тоже прежде всего был личной жертвой, подвигом» [Савинков 1990: 21]. Мы видим, что революция наполнялась сакральным смыслом, однако если изначально этот трепет был чертой оппозиционной интеллигенции, то с Октябрьской революцией и становлением советской власти революция для всего населения страны отбрасывает негативную коннотацию и приобретает очевидную связку с эволюцией. В то же время революционеры прошлых поколений занимают свое место на олимпе мучеников освободительного движения, наделенных ореолом святости.

### **Заключение (Conclusions)**

Итак, рассматривая весь путь становления русского государства и общества, мы тем не менее видим постоянное присутствие в них разной общественной оппозиции, чаще умеренной, но порой крайне радикальной. Причем со временем эта оппозиция принимает на себя бремя морального долга, в рамках которого свобода для русского человека становится глубоко нравственной, обретающей формы мифа о недостижимой, но очень желанной мечте. В этом смысле оппозиция – это характерное порождение русского духа, проявляющееся особенно тогда, когда общество испытывает кризис, в результате чего симпатия к оппозиционерам под воздействием произведений культуры и искусства стала частью народного самосознания.

Сегодня она выражается в сохранении феномена романтизации бунтовщиков и революционеров. Этим в том числе объясняется и деструктивный интерес молодежи к левым течениям, который может послужить плацдармом для проведения «цветной революции» в стране в случае социального кризиса или ослабления государства.

Таким образом, романтизация оппозиции, уходящая корнями в самобытную историю становления русского государства, трансформировалась в устойчивый культурный код, влияющий на формирование национального самосознания и политических предпочтений. Сохранение этого феномена в современном обществе, особенно в условиях активного воздействия информационных технологий, может представлять угрозу, создавая благоприятную почву для политических манипуляций. Представляются необходимыми в данных условиях активные усилия по формированию критического восприятия исторического опыта и утверждению конструктивных форм гражданского участия с учетом сложившихся в общественном сознании мифов.

## Литература

*Бакунин, М.А. (1869) Наука и насущное революционное дело. [Электронный ресурс]. URL: [http://az.lib.ru/b/bakunin\\_m\\_a/text\\_0100.shtml](http://az.lib.ru/b/bakunin_m_a/text_0100.shtml) (дата обращения 14.06.2025).*

*Бердяев, Н.А. (2010) Избранные труды. Москва: Российская политическая энциклопедия. 648 с.*

*Герцен, А.И. (1969) Былое и думы. Части 1–5. Москва: Художественная литература. 925 с.*

*Гончаренко, Е. (2015) Гиль. Из истории низового сопротивления в России. Москва: Common place. 346 с.*

*Достоевский, Ф. М. (2023) Бесы. Москва: Дримбук. 768 с.*

*Жихарев, М. И. (1989) Докладная записка потомству о Петре Яковлевиче Чаадаеве // Русское общество 30-х годов XIX в. Люди и идеи: (Мемуары современников). Москва: Изд-во МГУ. С. 48–120.*

*Изгоев, А. С. (1990) Об интеллигентной молодежи // Вехи: Сборник статей о русской интеллигенции. Москва: Новое время. С. 97–124.*

*Исполнительный комитет императору Александру III (1989) // «Народная воля» и «Черный передел»: Воспоминания участников революционного движения в Петербурге в 1879–1882 гг. Ленинград: Лениздат. С. 330–333.*

*Ковалик, С. Ф. (1928) Революционное движение семидесятых годов и процесс 193-х. Москва: Изд-во политкаторжан. 194 с.*

*Лавров, П. Л. (1925) Народники-пропагандисты 1873–1878. Ленинград: Колос. 286 с.*

*Мережковский, Д. С. (2018) Больная Россия. Москва: T8RUGRAM. 134 с.*

*Нечаев, С. Г. (1994) Катехизис революционера // Лурье Ф. М. Созицатель разрушения: документальное повествование о С. Г. Нечаеве. Санкт-Петербург: Петро-РИФ. С. 105–116.*

*Новиков, Н. И. (1865) Трутень, 1769–1770. Санкт-Петербург: Типография И. И. Глазунова. 370 с.*

*Переписка Ивана Грозного с Андреем Курбским: Подгот. текста и comment. Ю. Д. Рыкова и Я. С. Лурье (1979). Ленинград: Наука. 430 с.*

- Радищев, А. Н. (2023) Путешествие из Петербурга в Москву. Москва: Эксмо. 224 с.
- Савинков, Б. В. (1990) Избранное. Москва: Политиздат. 432 с.
- Степняк-Кравчинский, С. М. (1906) Подпольная Россия. Санкт-Петербург: Типо-Литография А. Э. Винеке. 239 с.
- Толстой, Л. Н. (1906) Божеское и человеческое [Электронный ресурс]. URL: [https://royallib.com/read/tolstoy\\_lev/bogeskoe\\_i\\_chelovecheskoe.html#0](https://royallib.com/read/tolstoy_lev/bogeskoe_i_chelovecheskoe.html#0) (дата обращения 18.02.2024).
- Тургенев, И. С. (1878) Порог [Электронный ресурс]. URL: <https://www.culture.ru/poems/27723/porog-stikhhotvorenie-v-proze> (дата обращения 14.06.2025).
- Фигнер, В. Н. (1997) «Земля и воля» // Кан Г. С. «Народная воля»: идеология и лидеры. Москва: Пробел. С. 162–177.
- Чаадаев, П. (2022) Философические письма; пер. с фр. Д. Шаховского. Санкт-Петербург: Азбука, азбука-Аттикус. 224 с.
- Черняев, А. В. (2016) У водораздела русской политической мысли: Переписка Андрея Курбского с Иваном Грозным // Философский журнал. № 1. Т. 9. С. 80–100.

## References

- Bakunin, M.A. (1869) Science and the Urgent Revolutionary Cause. [Electronic resource]. URL: [http://az.lib.ru/b/bakunin\\_m\\_a/text\\_0100.shtml](http://az.lib.ru/b/bakunin_m_a/text_0100.shtml) (date of access 06/14/2025). (In Russian).
- Berdyaev, N.A. (2010) Selected Works. Moscow: Russian Political Encyclopedia Publ. 648 p. (In Russian).
- Chaadaev, P. (2022) Philosophical letters; trans. from French by D. Shakhovsky. St. Petersburg: Azbuka Publ., Azbuka-Atticus Publ. 224 p. (In Russian).
- Chernyaev, A. V. (2016) At the watershed of Russian political thought: Correspondence of Andrei Kurbsky with Ivan the Terrible // Philosophical journal. No. 1. T. 9. P. 80–100. (In Russian).
- Correspondence of Ivan the Terrible with Andrei Kurbsky: Prepar. text and comment. Yu. D. Rykova and Ya. S. Lurye (1979). Leningrad: Nauka Publ. 430 p. (In Russian).
- Dostoevsky, F.M. (2023) Demons. Moscow: Dreambook. 768 p. (In Russian).
- Figner, V. N. (1997) "Land and Freedom" // Kan G. S. "People's Will": ideology and leaders. Moscow: Probel Publ. Pp. 162–177. (In Russian).
- Goncharenko, E. (2015) Gil. From the History of Grassroots Resistance in Russia. Moscow: Common Place Publ. 346 p. (In Russian).
- Herzen, A.I. (1969) Bygone Days and Thoughts. Parts 1–5. Moscow: Fiction. 925 p. (In Russian).
- Izgoev, A. S. (1990) On intelligent youth // Milestones: A collection of articles on the Russian intelligentsia. Moscow: Novoye Vremya Publ. Pp. 97–124. (In Russian).
- Kovalik, S. F. (1928) The Revolutionary Movement of the Seventies and the Trial of the 193s. Moscow: Political Prisoner Publishing House Publ. 194 p. (In Russian).
- Lavrov, P. L. (1925) Narodniki-Propagandists 1873–1878. Leningrad: Kolos Publ. 286 p. (In Russian).

*Merezhkovsky, D. S. (2018) Sick Russia. Moscow: T8RUGRAM Publ. 134 p. (In Russian).*

*Nechayev, S. G. (1994) Catechism of a Revolutionary // Lurye F. M. The Creator of Destruction: A Documentary Narrative about S. G. Nechayev. St. Petersburg: Petro-RIF Publ. Pp. 105–116. (In Russian).*

*Novikov, N. I. (1865) Truten, 1769–1770. St. Petersburg: I. I. Glazunov Printing House Publ. 370 p. (In Russian).*

*Radishchev, A. N. (2023) Journey from St. Petersburg to Moscow. Moscow: Eksmo Publ. 224 p. (In Russian).*

*Savinkov, B. V. (1990) Selected Works. Moscow: Politizdat Publ. 432 p. (In Russian).*

*Stepnyak-Kravchinsky, S. M. (1906) Underground Russia. St. Petersburg: Tipographic A. E. Vinecke. 239 p. (In Russian).*

*The Executive Committee to Emperor Alexander III (1989) // “Narodnaya Volya” and “Cherny Peredil”: Memories of participants in the revolutionary movement in St. Petersburg in 1879–1882. Leningrad: Lenizdat Publ. Pp. 330–333. (In Russian).*

*Tolstoy, L. N. (1906) Divine and Human [Electronic resource]. URL: [https://royallib.com/read/tolstoy\\_lev/bogeskoe\\_i\\_chelovecheskoe.html#0](https://royallib.com/read/tolstoy_lev/bogeskoe_i_chelovecheskoe.html#0) (accessed 18.02.2024). (In Russian).*

*Turgenev, I. S. (1878) Threshold [Electronic resource]. URL: <https://www.culture.ru/poems/27723/porog-stikhhotvorenie-v-proze> (date of access 14.06.2025). (In Russian).*

*Zhikharev, M. I. (1989) A Report to Posterity about Pyotr Yakovlevich Chaadaev // Russian society of the 1830s. People and ideas: (Memoirs of contemporaries). Moscow: Moscow State University Publishing House. Pp. 48–120. (In Russian).*

**Сведения об авторе:**

**Яковенко Ксения Эдуардовна**

магистрант Санкт-Петербургского государственного университета,  
исследователь (г. Санкт-Петербург, Россия)  
E-mail: ksenia.yakovenko@internet.ru

**Bionotes:**

**Yakovenko Ksenia Eduardovna**

Master's student of St. Petersburg State University, researcher (St. Petersburg, Russia)

E-mail: ksenia.yakovenko@internet

**Для цитирования:**

**Яковенко К.Э.** Трансформация мифологемы оппозиционера в российском историческом сознании // МИФОЛОГОС. Серия «Миф и общество: история, политика, социология». № 4 (16), 2025. С. 61–81.

**For citation:**

**Yakovenko K.E.** The Transformation of the Mythologem of the Oppositionist in Russian Historical Consciousness // MYTHOLOGOS. Series "Myth and Society: History, Politics, Sociology". № 4 (16), 2025. Pp. 61–81.

## 2. ЛИКИ ЭПОХ: МИФОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ КОЛЛЕКТИВНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ

УДК 94

### РОЛЬ ЖЕНЩИНЫ В РЕЛИГИОЗНОМ МУЧЕНИЧЕСТВЕ «КИДДУШ ХА-ШЕМ» В НARRATIVE ХРОНИКИ Р. ШЛОМО БАР ШИМШОНА

Капля Ксения Александровна

Филиал Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова в городе Севастополе (г. Севастополь, Россия)

#### Аннотация

В апреле-июле 1096 года в ходе Крестового похода бедноты, нападениям крестоносцев были подвергнуты еврейские общины Северной Франции и Рейнской области Германии. Во избежание насильтственного крещения от рук крестоносцев иудеи совершали трансформированный вариант заповеди «Киддуш ха-Шем», выражавший в акте самоубийства/ убийства. В представленной статье анализируется женский конструкт нарратива религиозного мученичества «Киддуш ха-Шем» в триаде еврейских хронике Первого крестового похода, под авторством р. Шломо бар Шимшона. В ходе исследования автором делаются выводы относительно гендерной составляющей нарратива религиозного мученичества, архетипах женского религиозного мученичества, их месте в иудейской религиозной традиции

**Ключевые слова:** Киддуш ха-Шем; религиозное мученичество; первый крестовый поход; еврейские хроники; р. Шломо бар Шимшон.

### THE ROLE OF WOMEN IN RELIGIOUS MARTYRDOM «KIDDUSH HA-SHEM» IN THE JEWISH CHRONICLES OF THE FIRST CRUSADE

Kaplya Ksenia Aleksandrovna

Branch of Lomonosov Moscow State University in Sevastopol (Sevastopol, Russia)

#### Abstract

In April-July 1096, during the Crusade of the Poor, attacks by crusaders were made against the Jewish communities of northern France and the Rheinland. To avoid forced baptism by the hands of crusaders, the Jews committed a transformed version of the commandment «Kiddush ha-Shem», expressed in an act of suicide/ murder. The presented article analyzes a female construction of narrative of religious martyrdom «Kiddush ha-Shem» in triad of Jewish chronicle of First Crusade, under the authorship of P. Shlomo bar Shimshon. In the course of the study, the author makes conclusions about the gender component of the narrative of religious martyrdom, the archetypes of women's religious martyrdom, their place in the Jewish religious tradition.

**Keywords:** Kiddush ha-Shem; religious martyrdom; first crusade; Jewish chronicles; Shlomo bar Shimshon.

#### *Введение (Introduction)*

В апреле-июле 1096 года в контексте Первого крестового похода образовалось досрочное паломническое движение, получившее название

Крестовый поход бедноты<sup>1</sup>. В ходе этого движения, атакам крестоносцев подверглись еврейские общины Рейнской области современной Германии<sup>2</sup>, погибло до 5000 ашkenазских евреев [Барон, 2015: 103], некоторые общины и вовсе были уничтожены [Стой 2007, 130]. Помимо насилия и грабежа, крестоносцы пытались насильственно обратить иудеев в христианство. Так передаёт р. Шломо мотивацию крестоносцев к насилию в сторону еврейских общин: «Зачем нам воевать с измаильянами, живущими вокруг Иерусалима, если среди нас есть народ, который не уважает нашего бога, – ведь их предки распяли его. Почему мы должны позволять им жить и терпеть их обитание среди нас? Давайте начнем с того, что ополчимся на них мечом, а затем продолжим наш блуждающий путь» *למה זה הם טרודים להלחם עם השמאלים סבב ירושלים, לאו ביןיהם עם שאיןם חוששין ליראתם, ואף כי* (אבותיהם תלו את אלוהיהם, *למה נהיה אתם ולמה תהיה חניכתם בינוינו. נתחיל בראשם סייפינו, ואחר כך נילך* (בדרך תעוזינו) [Habermann, 1945: 27]. В оппозицию к намерению крестоносцев, иудеи стали практиковать раввинистическую интерпретацию заповеди иудаизма «Киддуш ха-Шем»<sup>3</sup>, выражавшуюся в форму «ритуального» самоубийства и убийства единоверцев.

### Хроника р. Шломо бар Шимшона

Ключевыми письменными источниками по данному вопросу является т.н. «триада» еврейских хроник Первого крестового похода под авторством р. Шломо бар Шимшона (רבי אליעזר ביר נתן), р. Элеэзера бар Натана и Майнцкого Анонима. Повествование трёх хроник идентично, но вместе с тем у каждой есть свои стилистические особенности. Хроника р. Шломо является самой «полней» и насыщенной сюжетами по сравнению с двумя другими историческими источниками. Датировка хроники является предметом споров внутри научного сообщества, но следует из данных хрониста приведённых им при описании событий в г. Эллер: «До сих пор, в году [4900] 900, я Шломо бар Шимшон записывал это происшествие в Майнце» (*עד הנה שנת תתק'ק לפרט; ואני שלמה בר שמעון, במעגנץ*) [Habermann, 1945: 48]. При пересчёте еврейской даты, выходит, что хроника была создана в 1140 году, то есть минимум через 44 года после описываемых событий. Вместе с тем, исследователи предлагают и другие датировки – в пределах 1140-1146 гг. У нас отсутствуют какие-либо данные биографии р. Шломо бар Шимшон. Единственное, что можно предположить о нём, исходя из текста хроники – его связь с г. Майнц (или другим городом ШУМ<sup>4</sup>), поскольку в повествовании на нём делается наибольший акцент.

Хроника р. Шломо бар Шимшона была обнаружена в середине XIX в. в г. Тревизо. До наших дней дошла лишь одна рукопись хроники, которая в настоящее время хранится в библиотеке Еврейского колледжа в Лондоне в составе кодекса № 28, листы 151–163. Текст хроники составлен на средневековом иврите – библейском-мишнайтском иврите с обилием арамейских, греческих, латинских и верхненемецких заимствований [Saenz-Badillos, 1996: 202]. С момента своего

<sup>1</sup> В отечественной историографии для обозначения этого процесса также присутствует термин «Крестовый поход бедноты».

<sup>2</sup> Согласно источникам, нападению подверглись общины городов: Шпайер, Вормс, Майнц, Кёльн, Мец, Регенсбург, Нойс, Вевельховен, Эллер (совр. район Дюссельдорфа), Ксантен.

<sup>3</sup> *שְׁמַדְרָק* (*kiddush hašem*, «освящение Божьего Имени») — заповедь иудаизма, заключающаяся в исполнении богоугодных дел. В ходе еврейских погромов Первого крестового похода была интерпретирована как требование умереть во избежание насильственного крещения от рук крестоносцев.

<sup>4</sup> *שְׁמָם* (*šūm*) — аббревиатура названий городов Шпайер, Вормс, Майнц.

обнаружения текст хроники был переведен на немецкий [Neubauer 1892], английский [Eidelberg, 1977; Chazan, 1987] и португальский [Falbel, 2001] языки. Цельный русскоязычный перевод комплекса еврейских хроник Первого крестового похода не представлен в отечественном научном сообществе. В представленной работе будут приводиться переводы фрагментов хроники по изданию А. Хабермана [Habermann, 1945].

### Анализ текста

Впервые «Киддущ ха-Шем» появляется при описании нападения крестоносцев на общину Шпайера: «И восьмого Июля, в день Субботний, поднялись враги на общину Шпайера, и были убиты ими 11 душ святых, которые освятили Творца в священный день Субботний и не хотели чувствовать запах зловония (прим. не хотели предавать свою веру). И там была женщина знатная и благочестивая, зарезавшая себя в освящении Имени. И она была первой из зарезанных и зарезавшихся среди всех общин *בְּיּוֹם הַשְׁבָת, כְּמוֹ הַאוֹיְבִים עַל* («*בְּיּוֹם הַשְׁבָת, כְּמוֹ הַאוֹיְבִים עַל*») *קְהֻלַּת שְׁפִירָא*, *וַיַּהֲרָגוּ בָּהּ אַחַת עֲשָׂרָה נְפָשׁוֹת אֲשֶׁר קִידְשׁוּ בְּיּוֹם תְּחִילָה בְּרוֹאָם קִדְשׁוֹת שְׁבָת קֹדֶשׁ וְלֹא אָבוֹלָה* *לְהַצְחָן בְּצָהָנָתָם*. *וְשֶׁם הִיְתָה אַשְׁהָ הַשׁוֹבֶה וְהַסִּידָה וְשַׁחַתָּה עַצְמָה עַל קִידְשׁוֹשׁ הַשֵּׁם*. *וְהִיא הִיְתָה רָאשָׁה לְשׁוֹחָתִים (וּנְשָׁחָתִים אֲשֶׁר בְּכָל הַקָּהָלוֹת)* [Habermann 1945, 25]. Акцентуация хрониста на том, что прецедентом к началу массовой практики «Киддущ ха-Шем», является элементом религиозно-мистического подтекста хроники. Нarrатив религиозного мученичества в хронике р. Шломо бар Шимшона пронизан апокалиптическими и сoteriологическими мотивами. Хронист выстраивает причинность нападения крестоносцев на еврейские общины Рейнской области таким образом, что экономический интерес крестоносцев является вторичным по сравнению с гневом Бога (*אֵין שָׁמַיִם*) и судом небес (*דֵין שָׁמַיִם*) за грехи народа Израиля.

Женские образы в сюжетах о религиозном мученичестве архетипичны, имеют глубокие корни в недрах еврейской традиции. Обратимся к сюжету о мученичестве Рахели бат-Ицхак Ашер из Майнца. При нападении крестоносцев на общину города она сказала своим подругам: «Четверо детей есть у меня, также не скрывайте их, чтобы не пришли необрезанные, не схватили их живыми и [не] воспитали их в заблуждении своем. Также в них Освятите святое имя Божие» *אַרְבָּעָה יְלִדִים יִשְׁלִי, גַם עַלְيָהֶם אֲלַתְּכָטוּ, פְּנִים יָבֹאוּ הָעָרְלִים הָלוּ וַיַּתְפְּשָׁוּ הַיִם וַיַּהֲיוּ מְקוּיִם בְּתַחְעֹוּם, גַם* («*בְּהַמִּקְדָּשׁ שֵׁם הָאֱלֹהִים קִדְשׁוֹ*») [Habermann, 1945: 34]. После высказывания Рахели бат-Ицхак, хронист описывает как наблюдала за убийством своих детей мужского пола, подавляя в себе родительские чувства и сострадание. Интерес представляется дальнейшее описания «Киддущ ха-Шем» её дочерей – Беллы и Мадроны. Хронист отмечает инициативу молодых девушек в совершении религиозного мученичества: «Девы взяли нож и наточили его так, чтобы на нем не было зазубрин. Они раздвинули горло, и мать принесла их в жертву Господу, Богу Воинств, Который заповедал нам не отступать от Его чистого учения и оставаться с Ним цельными, как написано: «Будь искренен с Господом, Богом твоим» («*וְלֹקְחוּ הַנְּעָרֹת הַמְּאַכְּלָת וְחִידָה*») *שֶׁלֹּא תְהִי פְּגֻומָה, וְפִשְׁטוּ צְוָארָן וּזְבָחָה אֹתָן לִי אֱלֹהִי צְבָאות, אֲשֶׁר צִוָּנוּ בְּלִי לְהַמִּיר יְרָאָתוֹ הַתְּהוֹרָה וְלַהֲיוֹת תְּמִימָה עַמּוֹ כְּדַכְּתִיב, תְּמִימָה תְּהִי עַמּוֹ יְהִי אֱלֹהִיךְךְ*» [Habermann, 1945: 34]. После убийства своих детей, Рахель умерла от рук крестоносцев на их тела. Акцентуация хрониста на самоотверженности девства в отстаивании своей религиозной идентичности [Yuval 2008, 311–312] является элементом женской причинности религиозного мученичества. Если однажды Хавва (Ева) стала причиной изгнания из Ган-Эден, и тем самым обрекла человечество на муки земной жизни, то теперь мученичество спровоцированное женщиной становится вратами обратно.

Самоотверженное желание матери в сохранении религиозной идентичности своих детей отсылает к истории о Ханне и семерых сыновьях, изложенной во II и IV книгах Маккавейских (2 Макк; 4 Макк). Сам хронист завершает свою историю этим сравнением: «Так она умерла вместе со своими четырьмя детьми, как и другая праведная женщина со своими семью сыновьями, и о них написано: «Мать сыновей радуется על בני רוטשה', והיא על ארבעה בניה, כאשר מטה הצדקה על שבעה בנייה, (ουלליה אמר אם על בני רוטשה, והיא על ארבעה בנייה, כאשר מטה הצדקה על שבעה בנייה, )» [Habermann, 1945: 34]. Шломо бар Шимшон внедряет в нарратив своей хроники многочисленные рецепции и аллюзии на священные тексты иудаизма не только, чтобы стилистически презентовать исторические события, но сделать мучеников 1096 года органичной частью иудейской религиозной традиции.

Следующий случай женского религиозного мученичества произошёл в Кёльне. Вот как хронист излагает этот сюжет: «Враги встретили ее, когда она выходила из дома с золотыми и серебряными сосудами, спрятанными в рукавах, намереваясь принести их ее мужу Соломону, который покинул свой дом и теперь находился в доме друга-язычника. Они отобрали у нее деньги и убили ее, и там праведница умерла в святости» [Habermann, 1945: 34]. Данний сюжет архетипичен в своих деталях. Он отсылает к истории о том, как Ревекка предложила воды из кувшина рабу Авраама (Быт. 24:14-17) – к сюжету, предшествовавшему женитьбе на ней праотца Ицхака. В библейские времена, напоить путника водой было высшим жестом гостеприимства. Таким образом, женские персонаж анализируемого сюжета хроники р. Шломо является не аллюзией на жену Исаака – то есть на праматерь иудейского народа.

Воинственность женского начала в отстаивании религиозной идентичности воплощена в сюжете о мученичестве девушки из г. Эллер. Она стояла у дверей дворца и сказала: «Всякий, кто захочет отрубить мне голову, чтобы я таким образом засвидетельствовала веру в моего Бога, пусть придет и сделает это» [Habermann, 1945: 56].

«שְׁרוֹצָה לְהַתֵּז אֶת רָאשִׁי, בִּירָאֶת צָרִי, יְבוֹא וַיַּעֲשָׂה» [Habermann, 1945: 56]. Можно предположить, что через провокацию девушка хотела совершить «Киддущ ха-Шем», не совершая самоубийства, которое считается грехом в иудаизме. Далее хронист говорит: «необрезанные не хотели причинить ей вреда, ибо эта дева была прекрасна и обладала изяществом. Но они неоднократно пытались насилино увести ее с собой - пытались, но безуспешно, ибо она бросалась на землю, притворяясь мертвой. Так она и осталась во дворце» [Habermann, 1945: 56]. В данном сюжете защита чистоты веры переплетается с защитой чистоты девства. То есть эти категории синхронизированы в универсуме хроники р. Шломо. Чистота жертвы девства пересекается с чистотой храмовой жертвой, отсылает к истории жертвоприношения Авраамом его сына Ицхака<sup>1</sup> (Быт 22). После этого, к девушке подошла её тётя и спросила: «Хочешь ли ты умереть со мной, верная нашему Року?» Она ответила: «Да, с радостью!» Они подкупили стражу у ворот, вышли на мост и бросились в воду в знак свидетельства перед Царем Вселенной» [Habermann, 1945: 56].

«לְמוֹת עַמִּי בִּירָאֶת צָרָנוּ. עַנְתָּה וְאָמַר לְהָ: הֵן, בָּרְצָנוּ. הָלְכוּ וַיִּהְדֹּו אֶת שָׁוֹמֵר הַפְּתָח וַיַּצְאֵו וְהָלְכוּ עַל הַגְּשָׁר

<sup>1</sup> *עֲקָדָת יִצְחָק* (*Akedat Yitzhak*; связывание Ицхака) — последние из 10-ти испытаний праотца Авраама (Берешит 22:1–2), заключавшееся в принесении в жертву Богу своего сына Ицхака.

[והפִּילוּ עַצְמָן בְּמִים עַל יְרָאָת מֶלֶךְ עַולְם] [Habermann, 1945: 56]. В завершение данного сюжета, хронист говорит, что об этих женщинах и им подобных написано: «Так сказал Господь: «Я верну их из Васана, Я верну их из глубины морской»<sup>1</sup> (’כִּי אָמַר יְהוָה אֱלֹהִים וְיִרְאָה אֲשֶׁר-אָמַר יְהוָה אֱלֹהִים) [Habermann, 1945: 56]. Представленная цитата отражает нарратив хрониста о том, что самоубийство ради освящений Божьего Имени является допустимым и не противоречие норма иудейского религиозного права. Несмотря на то, что девушка из Эллера всё же совершила самоубийство, её Бог примет её жертву и вернёт в Ган Эден.

### Заключение (Conclusions)

Анализ хроники р. Шломо бар Шимшона позволяет сделать ряд обобщений, касающихся нарратива женского религиозного мученичества во время Первого крестового похода.

Во-первых, немногочисленные примеры женского исполнения «Киддуш ха-Шем» презентованы хронистом как религиозный подвиг женщин разных возрастов. То есть в нарративе своего сочинения, хронист выражает связь религиозного мученичества и женщины как таковой, женского начала. Обратимся к Схеме №1:

Схема №1



Во-вторых, женщина в хронике р. Шломо выступает не пассивной жертвой обстоятельств, но субъектом воли, сознательно совершая «Киддуш ха-Шем» над собой и своими детьми. Образы, переданные в хронике Шломо бар Шимшона, представляют архетипы праведности, закрепленные в еврейской традиции (например, аллюзия на историю о Ханне и семерых сыновьях). Одновременно с актуализацией сюжетов, имеющих глубокие корни в иудейской религиозной традицией, р. Шломо наделяет своих героинь новыми характеристиками – воинственностью, решимостью и бесстрашием.

В-третьих, хронист синхронизирует категории физической чистоты и духовной идентичности. Девственность трактуется р. Шломо не только как телесная добродетель, но и как метафора храмовой жертвы, отсылая к библейским мифологемам. Это свидетельствует о глубоком сакрализационном потенциал образа девы-мученицы в религиозной идеологии эпохи.

В-четвертых, нарратив хроники демонстрирует амбивалентную оценку самоубийства в иудейском религиозном дискурсе. Несмотря на негативное отношение к самоубийству в еврейской традиции, случаи, описанные в хронике р. Шломо, представляются как допустимые и даже добродетельные, поскольку они мотивированы стремлением сохранить чистоту веры. Таким образом, хронист как бы предлагает переосмыслить раввинистическую модель отношения к самоубийству и образ женщины-мученицы является его инструментом в осуществлении своего намерения.

<sup>1</sup> Отсылка к Пс. 67: 23.

Важным стилистическим элементом хроники р. Шломо является широкое использования иллюзий из библейских и раввинистических текстов. Эти параллели способствуют сакрализации исторического опыта, помещая мучеников 1096 года в континуум еврейской религиозной традиции. Через обозначенную интертекстуальность хронист добивается интеграции драматического опыта еврейских погромов Первого крестового похода в религиозную идентичность народа, укрепляя коллективной памяти и формируя мифологему жертвенности как формы богоугодного поведения.

### Литература

- Барон, У.С. (2015) Социальная и религиозная история евреев: В 18 т. Т. 4: Раннее Средневековье (500-1200). Встреча Востока и Запада. Москва: Книжники. 384 с.
- Библия / синодальный пер. (2016) Москва: Никея. 1593 с.
- Йерушалми, Й.Х. (2004) Захор: Еврейская история и еврейская память. Москва: Мосты культуры. 167 с.
- Ставицкий, А.В. (2014) Онтология современного мифа. Севастополь: Рибэст. 544 с.
- Ставицкий, А.В. (2015) Структура и функции мифа: тайны, открытия, заблуждения. Севастополь: Рибэст. 136 с.
- Стой, К. (2007) Отчуждённое меньшинство. Евреи в средневековой Латинской Европе. Москва: Мосты культуры. 431 с.
- A Dictionary of the Targumim, the Talmud Babli and Yerushalmi, and the Midrashic literature. London [Электронный ресурс]. URL: <https://archive.org/details/dictionaryoftarg01jastuoft/page/n5/mode/2up> (дата обращения: 01.06.2025).
- Brown-Driver-Briggs Hebrew-English Lexicon to the Old Testament. Oxford. [Электронный ресурс]. URL: <https://archive.org/details/hebrewenglishlex00browuoft> (дата обращения: 01.06.2025).
- Chazan, R. (1987) European Jewry and the First Crusade. Berkley: University of California Press. 380 p.
- Eidelberg, S. (1977) The Jews and the Crusaders: The Hebrew Chronicles of the First and Second Crusades / S. Eidelberg. New Jersey: KTAV Publishing House. 208 p.
- Falbel, N. (2001) Crônicas Hebraicas sobre as Cruzadas [португальский]. São Paulo: Imprensa Oficial. 384 p.
- Habermann, A. (1945) Sefer Gezerot Ashkenaz ve-Zarfat. Jerusalem. 277 p.
- Neubauer A., (1892) Hebräische Berichte über die Judenverfolgungen während der Kreuzzüge. Berlin. 224 p.
- Saenz-Badillo, A. (1996) A history of the Hebrew. New York: Cambridge University Press. 371 p.
- Yuval, I. (2008) Two Nations in Your Womb: Perceptions of Jews and Christians in Late Antiquity and the Middle Ages. Berkley: University of California Press. 342 p.

## Literature

- Baron, W.S. (2015) Social and Religious History of the Jews: In 18 vols. T. 4: Early Middle Ages (500-1200). The meeting of East and West. Moscow: Knizhniki Publ. 384 p. (In Russian).*
- Bible / synodal per. (2016) Moscow: Nikea. 1593 p. (In Russian).*
- Yerushalmi, Y.H. (2004) Zakhor: Jewish History and Jewish Memory. Moscow: Mosty kul'tury Publ. 167 p. (In Russian).*
- Stavitskiy, A.V. (2014) Ontology of Modern Myth. Sevastopol: Ribest Publ. 544 p. (In Russian)*
- Stavitskiy, A.V. (2015) Structure and Functions of Myth: Secrets, Discoveries, Delusions. Sevastopol: Ribest Publ. 136 p. (In Russian).*
- Stowe, K. (2007) Alienated Minority. Jews in Medieval Latin Europe. Moscow: Bridges of Culture. 431 p. (In Russian).*
- A Dictionary of the Targumim, the Talmud Babli and Yerushalmi, and the Midrashic literature. London [Electronic resource]. URL: <https://archive.org/details/dictionaryoftarg01jastuoft/page/n5/mode/2up> (accessed on June 1, 2025).
- Brown-Driver-Briggs Hebrew-English Lexicon to the Old Testament. Oxford [Electronic resource]. URL: <https://archive.org/details/hebrewenglishlex00browuoft> (accessed on June 1, 2025).
- Chazan, R. (1987) European Jewry and the First Crusade. Berkley: University of California Press. 380 p.*
- Eidelberg, S. (1977) The Jews and the Crusaders: The Hebrew Chronicles of the First and Second Crusades / S. Eidelberg. New Jersey: KTAV Publishing House, 186 p.*
- Falbel, N. (2001) Crônicas Hebraicas sobre as Cruzadas [портugальский]. São Paulo: Imprensa Oficial. 384 p*
- Habermann, A. (1945) Sefer Gezerot Ashkenaz ve-Zarfat. Jerusalem. 277 p. (In Hebrew)*
- Neubauer, A. (1892) Hebräische Berichte über die Judenverfolgungen während der Kreuzzüge. Berlin, 1892. 224 p.*
- Saenz-Badillo, A. (1996) A History of the Hebrew. New York: Cambridge University Press. 371 p.*
- Yuval, I. (2008) Two Nations in Your Womb: Perceptions of Jews and Christians in Late Antiquity and the Middle Ages. Berkley: University of California Press. 342 p.*

### Сведения об авторе:

#### *Капля Ксения Александровна*

студентка 3 курса направления подготовки «История» Филиала Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова в г. Севастополе (г. Севастополь, Россия).

E-mail: lanselot.in.love@mail.ru

### Bionotes:

#### *Kaplya Ksenia Aleksandrovna*

Third-year student of the History department of the Lomonosov Moscow State University Branch in Sevastopol (Sevastopol, Russia).

E-mail: lanselot.in.love@mail.ru

**Для цитирования:**

**Капля К.А.** Роль женщины в религиозном мученичестве «киддуш ха-шем» в нарративе хроники р. Шломо бар Шимшона // МИФОЛОГОС. Серия «Миф и общество: история, политика, социология». № 4 (16), 2025. С. 82–89.

**For citation:**

**Kaplia K.A.** The Role of a Women in Religious Martyrdom ‘Kiddush Ha-Shem’ in the Narrative of the Chronicle of Shlomo Bar Shimshon // MYTHOLOGOS. Series "Myth and Society: History, Politics, Sociology". № 4 (16), 2025. Pp. 82–89.

УДК 7.046

## МИФОЛОГИЯ НАЦИОНАЛИЗМА: ОБРАЗ ИМПЕРАТОРА НИКОЛАЯ I В РУССКОМ И ПОЛЬСКОМ НАЦИОНАЛЬНОМ ВОСПРИЯТИИ

Лубешко Ангелина Николаевна

Санкт-Петербургский государственный университет  
(г. Санкт-Петербург, Россия)

### Аннотация

В статье рассматривается образ личности правителя с позиций двух диаметрально конкурирующих в истории наций, включённых в XIX веке в одно государство и представленных: с одной стороны, только начавшими свой путь русскими националистами, а с другой – уже сформировавшими свою идеологию польскими националистами. Интерпретируется восприятие личности монарха, где для одних образ монарха сакрален, а у других – демонизирован как главный противник их суверенности.

**Ключевые слова:** Николай I; Царство Польское; империя; миф; образ; национализм; поляки; русские

## THE MYTHOLOGY OF NATIONALISM: THE IMAGE OF EMPEROR NICHOLAS I IN RUSSIAN AND POLISH NATIONAL PERCEPTION

Lubeshko Angelina Nikolaevna

Saint Petersburg State University  
(Saint Petersburg, Russia)

### Abstract

The article examines the image of the ruler's personality from the perspective of two diametrically competing nations in history, included in one state and represented: on the one hand, by Russian nationalists who had just started their journey, and on the other, by Polish nationalists who had already formed their ideology. The perception of the monarch's personality is interpreted, where for some the image of the monarch is sacred, while for others it is demonized as the main opponent of their sovereignty.

**Keywords:** Nicholas I; Kingdom of Poland; empire; myth; image; nationalism; Poles; Russians

### Введение (Introduction)

Природа понятия «национализм» многогранна. И решающую роль в нем как мировоззрении «воображаемого сообщества» [Андерсон 2001: 31] играет его наполненная символическими смыслами мифология. Важно отметить, что эту роль для каждого понятия и каждой концепции составляет человек, ибо в его сознании формируются и утверждаются те идеи и образы, которые составят матрицу национальных представлений об обществе, власти, стране, которые и определят все последующие действия. Она же и становится центром той «паутины смыслов» [Гирц 2004: 11], которую национализм создал.

Ученый-антрополог К. Гирц в своем труде «Интерпретация культур» писал, что культура и есть эта паутина, а ее анализ – это дело науки интерпретативной, занятой поисками значений [Гирц 2004: 11]. До сих пор существует подход к

изучению истории, как к простым событиям в прошлом, без наделения их особым символическим значением. Тем самым исследователи утрачивают те «глобальные вопросы исторического бытия» [Ставицкий 2024: 16], которые заложены в этих значениях. Национализм является необъемлемой частью культуры, поэтому наше дело, как ученых, – отличить простое его действие от символа и после распознать его значение. Национализм мифологичен, т.к. построен на мифах, как символически окрашенных образах реальности в сознании, которыми люди в своей жизни руководствуются. Он трансформируется в зависимости от политических и идеологических установок, от исторической действительности. Именно поэтому поучительно наблюдать, когда одни и те же методы и принципы работают абсолютно по-разному. Особенно это интересно прослеживать в контексте изучения империй, на территории которых проживало много нардов и племен.

Российская Империя в XIX в. представляет собой сложный культурный и политический организм, состоящий из множества частиц, которые в различной степени влияли на его судьбу. В этом смысле можно сказать, что Россия была многонациональным государством не одну сотню лет. Всегда важным вопросом в национальной политике Российской Империи была организация всех народностей, проживающей на ее территории, но не всегда она была достаточно эффективна. Более того, если взглянуть на примеры классических империй XIX в. можно увидеть, что национальная политика относительно малых народов значительно отличалась от российского подхода.

В академической среде «всегда самое интересное возникает на стыке дисциплин», так и Российская Империя с ее оригинальной политикой является результатом самобытного пути развития и взаимодействия с великими цивилизациями Востока и Запада, тем самым становясь «государством-цивилизацией» [Бондарев и др. 2024: 6], распространяющей культурное влияние далеко за пределы своих границ.

Символы не могут появиться из ниоткуда. Их создают люди, подсознательно руководствуясь определенными образами и преследуя конкретные цели. Множество символов образуют сложную культурную паутину смыслов. Это и является национальным самосознанием. В сознании народа Российской Империи правитель всегда занимал особое место. Это был не просто человек у власти, он также являлся своеобразным символом. Эта тенденция особенно характерна для русской ментальности, где монарх являлся Помазанником Божиим, неким связующим между народом и Богом звеном. Особое православно-христианское мировоззрение возвышало правителя перед обычным человеком.

Тем не менее, XIX в. стал веком глобальных культурных и мировоззренческих перемен. Правитель, хоть и уже много веков был божественным символом, но в XIX столетии, во времена развития различных философских течений, включая нигилизм, а также зарождения и развития общественного мнения как такового, отношение к нему постепенно стало трансформироваться. Восстание декабристов на Сенатской площади в 1825 г. показало, что даже такими веками сохранявшийся в русском мировоззрении символ как «монарх» и его образ, может в один момент просто рухнуть.

Ярким проявлением национальной идеи обладал польский народ. В 1815 г. по результатам Венского конгресса большая часть бывшего Великого герцогства Варшавского было присоединено к Российской Империи под названием «Царство Польское». Помня свое славное прошлое времен Речи Посполитой, польский

народ, несмотря на дарованную ему императором Александром I либеральную конституцию и полную автономию в составе империи, был недоволен своим положением. Польская мысль крепчала. «Борьба за национальную независимость приобретала у каждого поколения поляков характер вооруженного противостояния, нередко принимавшего форму революционного движения, хотя наиболее важным фактором развития политического самосознания оставался национализм» [Агуреев, Болтаевский 2020: 69] – отмечают в своем труде С.А. Агуреев и А.А. Болтаевский.

В результате получилась довольно любопытная историческая ситуация, когда национальные идеи титульной нации Российской Империи – русских, только начали формироваться, а на новоприсоединённой Западной окраине в Царстве Польском национализм уже давно стал территориальной идеологией, несмотря на довольно слабое буржуазных отношений, которые обычно национальный дискурс в стране формируют.

Особенно интересно рассмотрение противостояния двух национализмов в составе Российской Империи на примере эпохи императора Николая I. Это время государственной политики, которая была выражена в уваровской триаде «Православие, Самодержавие, Народность». С другой стороны, в это же время с позиции польского национализма мы видим очень показательное Ноябрьское восстание 1830–1831 гг. и последующее урезание автономии российской властью. Главным образом интересен образ Николая I, как символ русского национализма и демоническая фигура для польского.

#### *Литературный обзор (Literature Review)*

«Августейший Монах Освободитель! На каждом шагу нашего священно-исторического города положены вечные следы отеческих державных забот и монарших щедрот Приснопамятного Родителя Твоего, в Бозе почившего Императора Николая Первого, возродившего наш древний Киев и давшего ему новую лучшую жизнь» [РГИА Ф. 1287 Оп. 40 Д. 500. Л. 2.]. Так в 1869 г. начиналось прошение жителей Киева о возведении в их городе памятника отцу правящего императора Александра II.

Тем не менее, образ императора Николая I в истории остался неоднозначным. Он стал отождествляться с «солдафоном на троне с ограниченным умом и благородствием». События его правления были омрачены восстанием на Сенатской площади, неудачами Крымской войны, Ноябрьского восстания в Царстве Польском, а вкупе с реакционной политикой сделали его фигуру в большей степени негативной.

Стоит учесть, что историки всегда являлись не только исследователями, но и выразителями общественного мнения. Изучая источники того времени и давая собственное видение того или иного монарха и его правления в целом, исследователь фактически создавал новое восприятие той действительности. Его мнение в итоге становилось и мнением общества в тот период, когда он творил, а некоторое сохранилось и на несколько веков.

Первые попытки построения образа правительства были приняты генералом Н.К. Шильдером, который написал крупные биографические очерки о Павле I, Александре I и Николае I. Самым большим трудом историка должен был стать биографический очерк о Николае Павловиче, который планировался быть изданным в пяти томах, но напечатать после его смерти можно было только два тома, охватывающие время от рождения Николая Павловича до подавления

польского восстания в 1831 г. [Antiquariat.ru 2023]. «Изданный в 1903 г. под наблюдением популяризатора истории и библиофила С.Н. Шубинского, из трех изданий Н.К. Шильдера о русских императорах история Николая I является наиболее редкой» [Antiquariat.ru 2023]. Период царствования Николая I оценивается историком как сложный из-за подавления восстания декабристов и восстания в Царстве Польском, сражения под Синопом и тяжелой обороны Севастополя. Все это накладывало мрачный отпечаток на правление Николая Павловича, учитывая предшествующий и последующий периоды правления Александра I и Александра II.

Помимо Н.К. Шильдера, исследованием императорской семьи также занимался однокашник по Царскосельскому лицею А.С. Пушкина и русского канцлера А.М. Горчакова придворный историк и «главный библиотекарь» страны М.А. Корф. Большинство его сочинений было посвящено событиям 14 декабря 1825 г. и царствованию Николая I. Об императоре М.А. Корф писал положительно, описывая его как «скромного, но при этом большого «стража чести и славы России, первого и преданного из ее сынов»» [Корф 1857: III].

Принято считать, что «в советское время властью оказалось маргинализировано изучение внутренней политики российских самодержцев» [Чернов, Блохин 2020: 379]. В начале XX в. образы и характеристики правления были задвинуты на второй план для изучения развития обществ декабристов, а также социально-экономической сферы правления. А.В. Скоробогатов пишет, что «идеологическая непопулярность проблематики, связанной с внутренней и внешней политикой самодержавия, поставили изучение личности и царствования российских монархов на периферию отечественной исторической науки» [Скоробогатов 2005: 35]. Антимонархическая политика и приверженность идеалам коммунизма сделали невозможным взвешенно оценивать образы императоров. Когда эпоха радикальна – радикальны и взгляды.

После революции в 1920-е гг. академик М.Н. Покровский написал общую работу по истории России, в которой присутствуют и сюжеты о монархах. Благодаря ей, в ранней советской историографии за Николаем I закрепились крайне негативные определения: «кровавый палач декабристов», «Николай Палкин», «лицемер», «деспот», «убийца Пушкина и Лермонтова» и прочее [Лучевич 2018: 192]. Историк писал, что в отличии от Петра I, который в свое время возглавил реформистскую революцию, «Николай «сам» занимался только двумя вещами: муштровкой солдат и полицейским сыском» [Покровский 1934: 120]. С 1960-х г. подход к изучению оставался прежним, но была расширена источниковая база, понизился «градус» классовой неприязни, и работы стали более взвешенными [Дмитриев 2020: 4]. В работах Н.Я. Эйдельмана марксистский подход становится менее радикальным, но эпоха Николая Павловича у него напрямую связана с засильем бюрократии и ярым консервативным настроем.

В 1990-2000-е годы наметился отход от марксистских взглядов и главный акцент исследователи сделали на изучение личностей монархов, общественной деятельности и истории повседневности. При этом, современная историография характеризуется более комплексным и взвешенным подходом, повышением интереса к образам императоров в истории. Однако стоит отметить, хотя постсоветские авторы теоретически ратуют за необходимость всестороннего исследования личности и деятельности императора, но на деле продолжают

оставаться не менее тенденциозными, чем их предшественники [Лучевич 2018: 192].

Крупным исследователем эпохи и личности Николая I является Л.В. Выскочков, который показал новое осмысление личности императора. В своем труде он предлагает «разглядеть не мундир, а человека» [Выскочков 2006: 11]. А.Н. Боханов в своей работе «Николай I. Хранитель русских устоев» пытался восстановить историческую правду о личности и царствовании Николая I, чье правление пришлось на самые сложные для России годы XIX в.

В отличие от советских ученых, которые сравнивали Петра I и Николая I, находя в Николае Павловиче только отрицательные черты императора, А.Н. Боханов говорит о родстве двух царей в их преданности делу императорского созидания [Боханов 2023: 18]. Важно также упомянуть авторов, которые в своих исследованиях не ограничились анализом фактов, но и сделали упор на методологию. К ним следует отнести Р. Уортмана, в работе которого показан социальный символизм, а также, как личность правителя влияла на выстраиваемый им имидж и как образ монарха менялся на протяжении двух веков существования Российской империи.

Тем не менее, методы, используемые в книгах больше сконцентрированы на построении образа, а эволюция общественного мнения и факторы, влияющие на его становления, учитывая психологию масс, подробно описаны не были. В умах многих Николай I все еще остается «деспотом», а его эпоха «чиновничим бюрократизмом». Однако мнение общественности функционировало иначе. Оно не являлось чем-то однородным и неизменным и зависело от того, кто это мнение выражал, а также имело особое значение в прочности политической системы государства и в надежности его существования. Именно поэтому изучение восприятия русского национализма, как национализма титульной нации и польского, как наиболее угрожающего целостности империи, представляется особенно интересным.

### ***Результаты и обсуждение (Results and Discussions)***

«Декабристское восстание стало важнейшей границей как в политической, так и в интеллектуальной истории Российской Империи» [Тесля 2019: 89] – в своей работе пишет А.А. Тесля. Именно оно и определило весь курс будущей политики Николая I. Так в 1830-е на волне германского романтизма И.Г. Гердера и идеи о нации министр народного просвещения С.С. Уваров пишет записку монарху, которая стала основой для его идеологии «официальной народности», выраженной в трех словах «Православие, Самодержавие, Народность». Гердеровская «нация» была заменена уваровской «народностью» и сводилась к тому, что «быть православным, преданным своему Монарху» [Тесля 2019: 92] – и значит обладать народностью.

Отношение к монарху прослеживается через церемонии. 20 декабря 1825 г. губернатор А.М. Безобразов в своем донесении пишет: «Дерзаю Всемилостивейший Государь! От лица всей Ярославской губернии совокупно со мной, с глубоким чувством верноподданства повергнуть к Священным Стопам, Вашего Императорского Величества, всеподданейшее наше поздравление и молитв Всевышнего! Да сохранит под кровом своей благости, здравие, благоденствие и драгоценные дни Вашего Величества, в счастье, славу и величие Российской Империи промыслом Царя Царей!» [РГИА. Ф. 1409. Оп. 2. Д. 4568. Л. 6–7.].

Такой была губернская присяга. Несмотря на восстание декабристов, образ императора у населения все еще отождествлялся с Божественным промыслом. Аналогично из Малороссийской губернии князь Н.Г. Репнин-Волконский писал, что «по прочтении Высочайшего Манифеста Вашего Императорского Величества, войско с народом, собранные вокруг Собора, громогласными восклицаниями доказали готовность свою произнести искренне от сердца Священный обет» [РГИА. Ф. 1409. Оп. 2. Д. 4568. Л. 12.].

«Таковы суть чувства общие в Малороссии» [РГИА. Ф. 1409. Оп. 2. Д. 4568. Л. 12 об.], но на самом деле это были общие чувства для всего православного населения Российской империи. Вера в нового царя у большинства населения ознаменовала и веру в новое светлое будущее для страны. «От Вас Россия услышала первый глас утешения, и Вы не только усугубили обязанность нашу быть верными и усердными Вам, но внушили в нас искреннюю приверженность и, дерзаю сказать, любовь пламенную, которую имели мы к покойному Государю» [РГИА. Ф. 1409. Оп. 2. Д. 4568. Л. 12 об.].

Важность ритуала присяги прослеживается в документах Собственной Его Императорского Величества канцелярии, где уже во времена правления Александра II написано, что «Его Величество изволил заметить, что присяга как действие имеющее двоякий, равно важный характер, религиозный и политический...» [РГИА. Ф. 1409. Оп. 3. Д. 7359. Л. 1.], что еще раз показывает, как форма этой традиции отражала истинные чувства русского народа.

Не менее важным среди церемониальных ритуалов являлись коронации. «Священный обряд Коронования» [РГИА. Ф. 1409. Оп. 2. Д. 4584. Л. 3.] для православного русского человека имел исключительное значение. Венчание на царство означало благословение Богом монарха, а также мистическую связь правителя и государства. «Слава во вышних Богу! И на земле мир в человеческих благоволение, Слава всемогущему Творцу, спасшему от злых врагов и утвердившему десницею своего, на сохранение православной христианской веры мудрого и милосердного Монарха Российской Империи и всех подданных Его! С таковым чистосердечным чувствование, приемля смелость удрученный летами старец, всеподданейшее повергнуть Вашему Императорскому Величеству поздравление мое, с принятием по власти Божией, Императорской Прародительской короны Вашим Императорским Величеством, совокупно с супругою благочестивейшей Государыней Императрицей Александрой Федоровной» [РГИА. Ф. 1409. Оп. 2. Д. 4584. Л. 26.].

Монарх представлялся главным защитником православной веры, главным объектом молитв. «И да будет имя Ваше в летописаниях мира благословлено и прославлено, яко имя Ангела Хранителя Вашего в летописаниях Церкви» [РГИА. Ф. 1409. Оп. 2. Д. 4584. Л. 25.]. Получается ситуация, в которой император Николай I представлялся Ангелом Хранителем для всей страны и русского народа. Коронация также становилась причиной для благотворительности.

Так Московское мещанское общество «в честь коронации избавило мещан от платежа по 1826 г. суммой на 100 тыс. рублей» [РГИА. Ф. 1409. Оп. 2. Д. 4584. Л. 28.]. Более того, само событие венчания на царство принимало самый большой оборот, что подтверждают более 350 листов подготовительных материалов [РГИА. Ф. 1409. Оп. 2. Д. 4567.]. Кроме того, согласно Петербургскому цензурному комитету, коронации были посвящены литературные произведения, что, еще раз

доказывает особую роль этого обряда в сознании русского народа [РГИА. Ф. 777. Оп. 1. Д. 516.].

Не только ритуалу коронации были посвящены произведения. Из архива цензуры МВД можно увидеть много подтверждений, что личности императора Николая I были посвящены разного рода труды. Среди них особенно интересно разрешение члену Главного управления училищ И.И. Мартынову посвятить Николаю I издаваемые им сочинения греческих классиков [РГИА. Ф. 777. Оп. 1. Д. 523.], а также дело о разрешении Н.И. Гнедичу посвятить монарху переведенную им на русский язык «Илиаду» Гомера [РГИА. Ф. 777. Оп. 1. Д. 518.]. Это отсылает нас к великой греческой культуре, которой уже давно восхищались члены царской семьи.

В 1826 г., через год после восстания декабристов, Николай I учреждает новый цензурный устав, который вошёл в историю под названием «чугунный». Он был в пять раз больше образца 1804 г. и должен был контролировать три сферы жизни и общества: права и внутренней безопасности, направление общественного мнения и воспитание юношества. Перед ним стояла задача, не допустить повторения событий декабря 1825 г. Таким образом император Николай Павлович через А.С. Шишкова, составившего устав о цензуре, стал одним из участников создания русского национализма и укрепления образа монарха как одного из его символов.

Из 19 глав и 230 параграфов один пункт был «о разрешении статей, касающихся царской семьи» [РГИА. Ф. 777. Оп. 1. Д. 490.]. Более того, это положение было не единственным, рассмотренным Петербургским цензурным комитетом об образе правителя, формируемом обществом. В архиве цензуры МВД можно увидеть указы о запрещении печатания дел о политических планах правительства [РГИА. Ф. 777. Оп. 1. Д. 472.], а также сведений об императоре и царской семье [РГИА. Ф. 777. Оп. 1. Д. 473.]. Так сам император стал укреплять позиции монаршей власти и образа правителя.

Как уже было сказано ранее, даже после смерти императора его личность пользовалась большой популярностью, что объясняет открытие памятников в разных городах. 25 июня 1859 года с Петропавловской крепости раздались пять орудийных выстрелов, которые известили жителей Санкт-Петербурга, что на Исаакиевской площади «сего числа имеет быть торжественное открытие памятника в Бозе почившего императора Николая I» [РГИА. Ф. 733. Оп. 5. Д. 44. Л. 7.].

Событие это также носило особый торжественный и праздничный даже для простого народа характер и было приурочено к юбилею Николая Павловича. «Мы, граждане Киева, благоговея к памяти Мудрого Преобразователя Матери Городов Русских, проникнутые до глубины души беспредельной благодарностью к Нему, дерзаем повергнуть перед Тобой Государь, заветное желание наше воздвигнуть в Киеве памятник Императору Николаю Первому и всеподданнейше просим на то Твоего всемилостивейшего соизволения» [РГИА. Ф. 1287. Оп. 40. Д. 500. Л. 2.]. Именно как «заветное желание» выдается прошение жителей Киевской губернии. Даже спустя почти 10 лет после смерти императора, в период великих достижений нового правителя Александра II, память о благости Николая I была жива в умах людей.

«Согласно с волей незабвенного брата Нашего, блаженя и вечной славы достойного Императора Александра. Мы, сего 1829 года Мая 12, в Нашем Столичном городе Царства Польского в Варшаве, короновали себя Царем

Польским, возложив на главу свою прародительскую Нашу Императорскую всероссийскую Корону. <...> Мы запечатлели братский союз между двумя одноплеменными народами, коих счастье вверенное Нам Провидением, тем тверже укорениться между нами единодушие в любви к престолу, родственное согласие и уважение взаимное» [РГИА. Ф. 1409. Оп. 2. Д. 5311. Л. 1, 3.]. Такое торжественное для русского народа событие коронации для поляков таковым не стало. Через год в Царстве Польском начнется Ноябрьское восстание, и коронация Николая Павловича в Польше станет последней в истории Российской Империи, а «братский одноплеменной народ» станет главным противником ее суверенности.

Польское национальное сознание кардинально отличалось от русского. Память о Речи Посполитой как о золотом веке польской культуры и государственности в умах националистов крепчало. Идея польского мессианизма и «Польши от моря до моря» стала главным лейтмотивом в достижении былой независимости и славного будущего. Одним из ведущих идеологов польского мессианизма, а это правильнее называть именно идеологией, был польский поэт А. Мицкевич, чья поэзия была по характеру нациотворческой. «Прежде всего, Мицкевич развивал идею индивидуального мессианизма: муки Христа в «Книгах польского народа» ассоциировались с историческим развитием Польши, а страдания польского народа стали своеобразной жертвой Христа. Тело Польши, пребывающее во гробе, должно воскреснуть, подобно Христу» [Травкина 2008: 59]. В центре идеологии польского национализма стояла не вера в монарха, а идея революционной борьбы для достижения того великого прошлого, которое было у них до разделов Речи Посполитой.

Январское восстание 1830–1831 гг. стало еще одной из причин для формирования идеологического курса «официальной народности» и весомым поводом для поляков демонизировать фигуру царя, который забрал у них конституцию и часть автономии. Правитель для поляков не являлся символом, что подтверждает стихотворение, написанное в период восстания. «Mazur Chłopickiego» – является отражением польской отваги и патриотизма, но символизировал собой русский деспотизм. Центральной фигурой являлся Ю. Хлопицкий – первый диктатор национально-освободительного восстания. «Dalej, bracia, walczmy dzielnie, śmiało! / Chłopicki skończy walkę dla narodu z chwałą» [РГИА. Ф. 1101. Оп. 1. Д. 565. Л. 1.] (перевод с польского языка «Давайте, братцы, будем сражаться храбро, смело! / Хлопицкий со славой завершит борьбу за нацию»). Но надежды на нового польского диктатора оказались напрасными. Хлопицкий так и не стал освободителем поляков и потерял общественную популярность уже в силу обреченности восстания. А ненависть к русскому царю лишь усилилась. Однако её после своего поражения полякам пришлось скрывать за официальными льстивыми обращениями к императору.

В 1839 г. Николай I на выступлении перед польской депутатией сказал следующее: «Не вы ли сами, пять лет тому назад, говорили мне о верности, преданности, в самых лестных выражениях уверяли мен в своей привязанности; спустя несколько дней Вы нарушили свою присягу и произвели ужаснейшие действия. Императору Александру, учинившему для Вас более, нежели должно было учинить Российскому Императору, я это говорю потому что я так думаю, наделавшему Вас своими благодеяниями, имевшему об Вас более попечения, нежели о собственных своих подданных и сделавшему ваше отечество самым счастливым, самым цветущем, Императору Александру заплатили Вы самой

гнусной неблагодарностью. Вы никогда не довольствовались самым выгоднейшим положением, а напоследок уничтожили сами благополучие, ниспровергнув Ваши постановления» [РГИА. Ф. 1101. Оп. 1. Д. 469. Л. 14–15.].

Действительно, сразу после присоединения к Российской Империи Царство Польское имело самую либеральную конституцию в Европе и самые широкие права автономии, но такие выгодные для существования условия не стали препятствием для революции и подъема польского национализма. Польский менталитет был сильнее. Несмотря на мнение о деспотизме Николая I при всей невыгодности положения после восстания, он оставался милосердным: «Вы видите что я говорю с Вами не горячясь, что я спокоен, что я чужд мести, ибо я давно уже простил обиды, нанесенные вами мне и моему семейству. Единственным моим желанием есть: воздать добро за зло и сделать Вас счастливыми, назло Вам самим; ибо дал в том клятву пред Богом и никогда не нарушу моей клятвы» [РГИА. Ф. 1101. Оп. 1. Д. 469. Л. 15.].

Кстати, благородство императора по отношения к польским мятежникам можно увидеть и среди официальных документов. Так в «Бумагах касательно польского мятежа» сказано, что многие дворяне, которые участвовали в восстании «по временному заблуждению своему, но после того принесли искреннее раскаяние и возобновили верноподданическую присягу» [РГИА. Ф. 1409. Оп. 2. Д. 5618. Л. 46.] смогли участвовать в выборах в губернское собрание. Но и это не сделало Николая I в глазах польских националистов менее демонической и страшной фигурой.

Именно поэтому в период «Весны Народов», множество губерний, с преимущественно русским населением, обратились к царю со следующим обращением: «Благословенная Россия, издревле чуждавшаяся анархии, ниспровергающей ныне законный порядок Правлений в Западной Европе, с ужасом смотрит на следы необузданного своеволия, порожденного ложными мудрствованиями и ухищрениями себялюбцев. Позвольте же и нам Государь, по примеру предков наших, истинно преданных слуг России, полагать все наше счастье в неизменной преданности Престолу и Отечеству. Позвольте дворянству Ярославской Губернии повергнуть у подножья <...> Сильна Россия верой в Провидение и надеждой на благотворность Самодержавной Власти» [РГИА. Ф. 1409. Оп. 2. Д. 6902. Л. 23.]. В это же время в Царстве Польском уже грезили новой революцией.

### **Заключение (Conclusions)**

Какие же выводы из данного исследования можно сделать?

Во-первых, первая половина XIX в. является временем зарождения особого общественного мнения. Распространителями и потребителями этого мнения была просвещенная интеллигенция, которая могла транслировать антиправительственные идеи и критиковать власть. Тем не менее, большинство населения – крестьяне, которые все еще имели исключительно православное видение мира, боготворили монарха. Вместе с тем, в Царстве Польском весомую долю населения составляло образованное шляхетство. Именно поэтому распространение польского национализма и его масштабы значительно превышали русский национализм.

Во-вторых, общественное мнение отражало отношение разных людей ко всем значимым для них явлениям, включая политику и личность монархов. В связи с этим стоит отметить, что общественное мнение в своих частных проявлениях

было неоднородным и переменчивым, т.к. зависело от конкретных действий власти в данный момент. Это объясняет, почему в истории образ Николая I закрепился как негативный, в отличие от реального положения дел в его правление. Архивные документы в русских губерниях показывают, что император пользовался большой популярностью среди населения, в него верили и за него молились. Каждое событие, связанное с монархом, сопровождалось большим торжеством не только церемониальным, но и праздником в душах людей. С другой стороны, материалы, написанные просвещенной интеллигенцией, показывают царя с другой, более негативной стороны.

Именно поэтому будущие историки, опираясь именно на источники дворянства и разночинцев, отразили образ Николая I как «солдафона» и «деспота». Дополнили это мнение и деятели польского национализма, для которого Николай Павлович был одной из самых ненавистных фигур, а его правление напрямую связано с угнетением польской нации. Именно поляки, как носители уже идеологического национализма, стали ведущим звеном в формировании отрицательного образа правителя.

В-третьих, сравнение двух ведущих национализмов Российской Империи – русского и польского, во многом определивших её судьбу в дальнейшем, показывает, насколько различный путь в рамках одного государства могли проходить разные нации. Русские, как титульная нация и поляки, как «угнетенная» являются показательным примером в рассмотрении национальной политики империи и последующего клейма России как «тюрьмы народов». Анализ реального положения вещей, основанного на многочисленных архивных документах, наглядно показывает, что общественное мнение может существенно искажать реальность под воздействием определенных мифов, основанных на конкретных национальных идеях, чтобы в свою очередь влиять на судьбу страны.

При этом следует отметить, что во многом решающую роль общественного мнения на положение, статус и действия любой власти, включая Российскую Империю. А выражала его активная общественность на основе тех мифологических представлений, которые складывались в обществе в результате реакции людей на конкретные действия власти и её представителей на протяжении определённого периода истории.

## Источники

Бумаги касательно польского мятежа // РГИА Ф. 1409 Оп. 2 Д. 5618.

Дело о запрещении печатания в периодических изданиях статей о политических планах правительства, сведений об императоре и его семье «всеподданнейшего» доклада о тайных обществах, составленного особой комиссией, и о предоставлении на рассмотрение в Собственную е. и. в. канцелярию собраний и сводов законов, издаваемых частными лицами // РГИА Ф. 777 Оп. 1 Д. 473.

Дело о размещении статей, касающихся членов царской семьи // РГИА Ф. 777 Оп. 1 Д. 490.

Дело о разрешении И. И. Гнедичу посвятить Николаю I переведенную им на русский язык «Илиаду» Гомера // РГИА Ф. 777 Оп. 1 Д. 518.

Дело о разрешении к печати стихотворения Г. Акулова «Чувства русского в день священнейшего коронования» // РГИА Ф. 777 Оп. 1 Д. 516.

Дело о торжественном открытии памятника императору Николаю I. 23 июня 1859 г. – 28 июня 1859 г. // РГИА Ф. 733 Оп. 5 Д. 44.

Манифест о возложении императором Николаем I на главу свою полной Польской Короны // РГИА Ф. 1409 Оп. 2 Д. 5311.

О коронации Государя Императора Николая Павловича // РГИА Ф. 473 Оп. 1 Д. 338.

О принятии верноподданической присяги императору Николаю I // РГИА Ф. 1409 Оп. 2 Д. 4568.

Предписание Министра народного просвещение о разрешении члену Главного управления училищ И. И. Мартынову посвятить Николаю I издаваемые сочинения им сочинения греческих классиков // РГИА Ф. 777 Оп. 1 Д. 523.

Предписания и распоряжения по цензуре, в том числе запрещении печатания статей о политических планах правительства и сведений об императоре и его семье, о составлении списка запрещенных книг и о доставлении его прокурору Финляндского Сената и по другим вопросам // РГИА Ф. 777 Оп. 1 Д. 472.

Речь Николая I перед польской депутатией в октябре 1835 г., письмо Александра II Папе Римскому [1855], речь председателя Московского славянского благотворительного общества на заседании 22 июля 1878 г. Списки конца XIX - начала XX вв. // РГИА Ф. 1101 Оп. 1 Д. 469.

Собственная е. И. В. Канцелярия. Бумаги относительно изменения формы присяги. // РИГА Ф. 1409 Оп. 3 Д. 7359.

Собственная е. и. в. канцелярия. Коронование императора Николая I // РГИА Ф. 1409 Оп. 2 Д. 4584.

Собственная е. и. в. канцелярия. О верноподданических чувствах дворянства по случаю смут, волнующих Западную Европу // РГИА Ф. 1409 Оп. 2 Д. 6902.

Стихотворение "Majurek Chlopickiego" об отваге и патриотизме польского народа. Польский язык // РГИА Ф. 1101 Оп. 1 Д. 565.

Хозяйственный департамент министерства внутренних дел. 1869 г. О Сооружении в городе Киеве памятника Николаю I // РГИА ф. 1287 оп. 40 д. 500.

## Литература

Агуреев, С.А., Болтаевский, А.А. (2020) Проблемы развития национального движения в Польше в 1905–1917 годах. // Вестник МГПУ. Серия: Исторические науки, № 2 (38). С. 68–74.

Андерсон, Б. (2001) Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма / Пер. с англ. В. Николаева; Вступ. ст. С. Баньковской. Москва: КАНОН-пресс-Ц, Кучково поле. 288 с.

Выскочков, Л.В. (2006) Николай I. М.: Молодая гвардия. (Серия ЖЗЛ). 693 с.

Гирц, К. (2004) Интерпретация культур. М.: РОССПЭН. 560 с.

Дмитриев, А.Г. (2020) Образ Александра I в трудах мемуаристов, историков и современников. Автореф. ВКР бакалавриата «История»: 46.03.01. Красноярск: Сибирский федеральный университет. 11 с.

Корф, М.А. (1857) Восшествие на престол императора Николая I. СПб.: Типография II-го отделения Его Императорского Величества Канцелярии. 250 с.

Лучевич, Л. (2018) Император Николай I о русской политике «от чистого сердца...». // Przegląd Rusycystyczny, № 163. С. 192–214.

Покровский, М.Н. (1934) Русская история в самом сжатом очерке. М.: Учпедгиз. 253 с.

Поташев, А.Ф. (2012) Историография царствования Николая I. // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 1: Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология. С. 1–10.

Бондарев, А.А., Бублик, А.В., Дзермант, А.В. и др. (2024) Россия – государство-цивилизация: форма и содержание: аналитическая записка №1. Под ред. К.А. Пурен. Фонд «Цивилизация», ИА «Цивилизация». 37 с.

Скоробогатов, А.В. (2005) Политические взгляды Павла I: становление, эволюция, реализация. Дисс. док. ист. н. 07.00.02. М. 524 с.

Ставицкий, А.В. (2024) Мифотворчество в истории: причины, условности, мотивации // МИФОЛОГОС. Серия «Миф и общество: история, политика, социология». № 4 (12). С. 15-29.

Тесля, А.А. (2019) «Истинно русские люди»: История русского национализма. М.: Группа компаний «РИПОЛ классик» / «Панглосс». 319 с.

Травкина, А.А. (2008) Специфика польского романтического мессианизма XIX века. // Вестник славянских культур, № 3–4. С. 56–64.

Чернов, А.В., Блохин, В.В. (2020) Периодизация правления Александра I в советской историографии. // Научный диалог, № 12. С. 378–393.

## Sources

Papers Concerning the Polish Rebellion // RGIA F. 1409 Op. 2, 5618 (In Russian).

The Case of the Prohibition of the Publication in Periodicals of Articles on the Political Plans of the Government, Information About the Emperor and His Family, the "Most Comprehensive" Report on Secret Societies, Compiled by a Special Commission, and the Submission of Collections and Codes of Laws Issued by Private Individuals to Its Own E. I. V. Chancellery // RGIA F. 777 Op. 1 D. 473 (In Russian).

The Case of the Placement of Articles Concerning Members of the Royal Family // RGIA F. 777 Op. 1 D. 490 (In Russian).

The Case of Permission to I. I. Gnedich to Dedicate Homer's Iliad, Translated by Him into Russian, To Nicholas I. // Russian Russian Academy of Sciences F. 777 Op. 1 D. 518 (In Russian).

The Case of Permission to Print G. Akulov's Poem "Feelings of the Russian on the Day of the Most Sacred Coronation" // Russian Geographical Society F. 777 Op. 1 D. 516 (In Russian).

The Case of the Grand Opening Monument to Emperor Nicholas I. June 23, 1859 – June 28, 1859 // RGIA F. 733 Op. 5 D. 44 (In Russian).

Manifesto on the Imposition of the Full Polish Crown by Emperor Nicholas I on His Head // RGIA F. 1409 Op. 2 D. 5311 (In Russian).

On The Coronation of the Sovereign Emperor Nicholas Pavlovich // RGIA F. 473 Op. 1 D. 338 (In Russian).

On Taking the Oath of Allegiance to Emperor Nicholas I // RGIA F. 1409 Op. 2 D. 4568 (In Russian).

The Order of the Minister of National Education on Permission to a Member of the Main Directorate of Schools I. I. Martynov to Dedicate to Nicholas I the Works of Greek Classics Published by Him // RGIA F. 777 Op. 1 D. 523 (In Russian).

Regulations and Orders on Censorship, Including the Prohibition of Printing Articles on the Political Plans of the Government and Information about the Emperor and His Family, on Compiling a List of Prohibited Books and on Delivering It to the Prosecutor of the Finnish Senate and on Other Issues // RGIA F. 777 Op. 1 D. 472 (In Russian).

Nicholas I's Speech to the Polish Deputation in October 1835, Alexander II's Letter to the Pope [1855], Speech by the Chairman of the Moscow Slavic Charitable Society at a Meeting on July 22, 1878. Lists of the End of the XIX - Beginning of the XX Centuries // RGIA F. 1101 Op. 1, 469 (In Russian).

Own E. I. V. Office. Papers on Changing the Form of the Oath. // RIGA F. 1409 Op. 3 D. 7359 (In Russian).

Own E. I. V. Office. The Coronation of Emperor Nicholas I // RGIA F. 1409 Op. 2 D. 4584 (In Russian).

Own E. I. V. Office. On the Loyal Feelings of the Nobility on the Occasion of the Troubles Affecting Western Europe // RGIA F. 1409 Op. 2 D. 6902 (In Russian).

The Poem "Majurek Chlopickiego" is about the Courage and Patriotism of the Polish People. The Polish Language // RGIA F. 1101 Op. 1 D. 565.

Economic Department of the Ministry of Internal Affairs. 1869 on the Construction of a Monument to Nicholas I in Kiev // RGIA F. 1287 Op. 40, 500 (In Russian).

## Literature

*Agureev, S.A., Boltaevsky, A.A. (2020) Problems of the Development of the National Movement in Poland in 1905-1917. // Bulletin of the Moscow State Pedagogical University. Series: Historical Sciences, No. 2 (38). Pp. 68–74 (In Russian).*

*Anderson, B. (2001) Imaginary Communities. Reflections on the Origins and Spread of Nationalism / Translated from English by V. Nikolaeva; Introduction by S. Bankovskaya. Moscow: CANON-Press-C, Kuchkovo Field. 288 P (In Russian).*

*Vystochkov, L.V. (2006) Nikolai I. M.: The Young Guard. (ZHZN Series). 693 P (In Russian).*

*Girts, K. (2004) Interpretation of Cultures. Moscow: ROSSPEN, 560 P.*

*Dmitriev, A.G. (2020) The Image of Alexander I in the Works of Memoirists, Historians and Contemporaries. The Abstract. Bachelor's Thesis "History": 46.03.01. Krasnoyarsk: Siberian Federal University. 11 P. (In Russian).*

*Korf, M.A. (1857) The Accession to the Throne of Emperor Nicholas I. St. Petersburg: Printing House of the II Department of His Imperial Majesty's Chancellery. 250 P. (In Russian).*

*Luchevich, L. (2018) Emperor Nicholas I On Russian Politics "From the Bottom of My Heart..." // Przegląd Rusycystyczny, No. 163. Pp. 192–214 (In Russian).*

*Pokrovsky, M.N. (1934) Russian History in the Most Concise Essay. Moscow: Uchpedgiz. 253 P. (In Russian).*

*Potashev, A.F. (2012) Historiography of the Reign of Nicholas I. // Bulletin of the Adygea State University. Series 1: Regional Studies: Philosophy, History, Sociology, Jurisprudence, Political Science, Cultural Studies. Pp. 1–10 (In Russian).*

*Bondarev, A.A., Bublik, A.V., Dzermant, A.V. Et Al. (2024) Russia – State-Civilization: Form and Content: Analytical Note No. 1. Edited By K.A. Puren. Foundation "Civilization", IA "Civilization". 37 P. (In Russian).*

*Skorobogatov, A.V. (2005) Political Views of Paul I: Formation, Evolution, Implementation. Dissertation of the Doctor of Historical Sciences 07.00.02. M. 524 P. (In Russian).*

*Stavitskiy, A.V. (2024) Myth-Making in History: Causes, Conventions, Motivations // MYTHOLOGOS. The Series "Myth and Society: History, Politics, Sociology". No. 4 (12). Pp. 15–29 (In Russian).*

*Teslya, A.A. (2019) "Truly Russian People": The History of Russian Nationalism. Moscow: RIPOL Classic Group of Companies / Pangloss. 319 P. (In Russian).*

*Travkina, A.A. (2008) The Specifics of Polish Romantic Messianism of the 19th Century. // Bulletin Of Slavic Cultures, No. 3-4. Pp. 56–64. (In Russian).*

*Chernov, A.V., Blokhin, V.V. (2020) Periodization of the Reign Of Alexander I in Soviet Historiography. // Scientific Dialogue, No. 12. Pp. 378–393. (In Russian).*

**Сведения об авторе:**

***Лубешко Ангелина Николаевна***

магистрант Санкт-Петербургского государственного университета, программа «История и теория наций и проблемы национализма» (г. Санкт-Петербург, Россия).

E-mail: lubeshko@inbox.ru

**Bionotes:**

***Lubeshko Angelina Nikolaevna***

Master's student at St. Petersburg State University, program "History and Theory of Nations and Problems of Nationalism" (St. Petersburg, Russia)/

E-mail: lubeshko@inbox.ru

**Для цитирования:**

***Лубешко А.Н. Мифология национализма: образ императора Николая I в русском и польском национальном восприятии // МИФОЛОГОС. Серия «Миф и общество: история, политика, социология». № 4 (16), 2025. С. 90–103.***

**For citation:**

***Lubeshko A.N. The Mythology of Nationalism: the Image of Emperor Nicholas I in the Russian and Polish National Perception // MYTHOLOGOS. Series "Myth and Society: History, Politics, Sociology". № 4 (16), 2025. Pp. 90–103.***

УДК-81`27

## К ВОПРОСУ О СЕМАНТИКЕ МИФОЛОГИЧЕСКОГО ОБРАЗА ДЕВЫ В НУМИЗМАТИКЕ АНТИЧНОГО ХЕРСОНЕСА

Родионов Виталий Алексеевич

Московская государственная юридическая академия имени О.И. Кутафина  
(Москва, Россия)

### Аннотация

В статье рассматриваются некоторые не до конца разрешённые вопросы формирования, эволюции и динамики центрального для всего античного периода в истории Херсонеса мифологического образа «вечной царицы» города Девы, понимаемого как синкретическое единство, составленное из легендарных «биографий», характеристических черт и художественных особенностей как статичных (статуарных), так и сюжетных изображений греческих богинь Артемиды, Ифигении, Гекаты, неизвестной таврской богини, а также, возможно, традиционных в греческом искусстве репрезентаций амазонок. Прослеживается эволюционированная на протяжении почти семивекового античного периода в истории этого важнейшего причерноморского центра художественная динамика её изображений, определяемая изменяющимися историческим и политическими условиями. Высказываются предположения о причинах устойчивости этого «сквозного» во всей херсонесской нумизматике образа. Анализ проводится с использованием имеющихся фрагментарных нарративных и, в частности, дополняющих информационные лакуны нумизматических источников как наиболее точно отражающих общественно-политические векторы развития и фиксирующих современные определённым монетным выпускам этические и эстетические ценности и приоритеты полисной общины.

**Ключевые слова:** Античная мифология; Северное Причерноморье; греческие колонии; Херсонес; варвары; тавры; амазонки; античная нумизматика; Дева; Ифигения; Артемида; Геката; таврская богиня; Херсонас; скифский звериный стиль

## ON THE SEMANTICS OF THE MYTHOLOGICAL IMAGE OF THE VIRGIN IN THE NUMISMATICS OF ANCIENT CHERSONESE

Rodionov Vitaliy Alexeievich

The Kutafin Moscow State Law Academy (Moscow, Russia)

### Abstract

The article deals with some not-yet-fully resolved issues of the formation, evolution and dynamics of one mythological figure, that of the «eternal queen» of Chersonesos, Parthenos, central to the entire almost seven-century long period of the pre-Byzantine epoch. The Virgin is seen as a syncretic figure composed of legendary "biographies", characteristic traits and artistic/heroic features of several goddesses and heroines, some well known in the Greek pantheon (Artemis, Iphigenia, Hecate), some hardly known (the anonymous Taurian goddess/priestess; Amazons). The pictorial representations of Parthenos went through modifications depending on the socio-political vectors and ethico-aesthetic values priorities of the city community. The writer attempts to investigate the dynamics of this evolution and their impact on the iconographic styles, based on an iconographic study of numismatic materials, as well as explain the survivability of the Parthenos image throughout all the seven centuries of the Chersonese ancient history.

**Key-words:** Ancient Crimea; Chersonesos; the Black Sea coast region; Greek colonies; Tauri; ancient numismatics; Parthenos; Artemis; Iphigenia; Hecate; Taurian goddess; the Scythian animal style.

### ***Введение (Introduction)***

Мифологический образ «вечной царицы» (термин В.В. Латышева) Херсонеса, Девы, уже более века привлекает пристальное внимание антиковедов и, в частности, исследователей греческих государств-полисов Причерноморья (отечественных, таких, как М.И. Ростовцев, В.В. Латышев, И.И. Толстой, Ф.Ф. Зелинский, Д.П. Каллистов, С.А. Жебелев, А.К. Гаврилов, Г.Д. Белов, А.Н. Зограф, В. Подосинов, Э.И. Соломоник, М.В. Скржинская, И.Ю. Шауб; зарубежных – Н. Philippart, Р.Н., Lloyd-Jones). Достаточно тщательно и подробно описана и нумизматическая история Херсонеса (А.Н. Зограф, В.А. Анохин, Е.Я. Туровский, И.В. Шонов), в которой изображение Девы в самых различных исторически меняющихся изобразительных вариациях проходит «сквозным» через всю без малого семивековую античную историю полиса. Однако связь эволюции образа Девы на монетных изображениях с изменением вектора общественно-политического развития и этико-эстетических приоритетов херсонесской гражданской общины, по-видимому, специальному рассмотрению не подвергалась. Актуальность данной статьи заключается в том, что в ней предпринимается попытка – при информационной недостаточности нарративных и эпиграфических источников – выявить эту, несомненно, существующую связь и проследить её художественную и иконографическую динамику по нумизматическим материалам.

Поскольку в античном мире, не имевшем в своем распоряжении средств массовой информации в их привычном для нас сегодняшнем формате, главными и практически универсальными инструментами официальной политической и идеологической пропаганды, трансляторами культурных и эстетических ценностей, индикаторами общественных умонастроений и просто своего рода «иконами стиля» являлись монетные изображения, их значение как исторического документа и источника самых различных сведений об культурных и бытовых реалиях жизни в современных их обращению эпохах переоценить невозможно. Нумизматику с полным основанием принято относить к вспомогательным историческим дисциплинам, но в некоторых вопросах даже достаточно скучные предоставляемые этим «массовым средством правительской пропаганды» [Абрамзон 1995: 7] материалы успешно заполняют пробелы, оставляемые в наших знаниях нарративными памятниками.

Такие информационные лакуны существуют и в письменных памятниках, при многократном копировании не исключающих намеренные – вследствие идеологических или политических целей и пристрастий переписчиков – искажения, «исправления» или ненамеренные – объясняемые небрежностью или неграмотностью копиистов – пропуски, интерполяции, повторы, ошибки, описки.

Информационно несовершенны, как правило, и эпиграфические памятники, часто доходящие до исследователей в неполном виде и даже при успешном восстановлении отсутствующих фрагментов допускающие широкий диапазон вариантов прочтения и толкования.

В связи со всем вышесказанным, едва ли не один из самых надёжных и бесспорных в своей фактологической убедительности источников информации – при условии достоверной паспортизации, хорошей сохранности и, разумеется,

гарантированной аутентичности – представляет собой именно нумизматический материал.

Для национального самосознания россиян особое, ни с чем не сравнимое значение имеет, на наш взгляд, земля Крыма, описывать которую без использования определения «сакральная» невозможно [Фадеева 2000, 2003, 2017]. История полуострова, как известно, была включена в общемировую после освоения её в результате так называемой Великой греческой колонизации VII-VI вв. до н.э. переселенцами из других, основанных на средиземноморском побережье ранее городов-государств, куда, по выражению И.Я. Шауба, «греки-колонисты принесли огонь эллинского духа и, как могли, поддерживали его горение» [Шауб 2007: 7].

Интереснейшую и не до конца исследованную область представляет собой насчитывающая почти семь веков и в своей непрерывности наиболее целостная нумизматическая история античного Херсонеса, длившаяся с начала IV в. до н.э. до середины III в. н.э. и закончившаяся только с превращением этого полиса в раннесредневековый византийский Херсон.

Поскольку монетные изображения объективно отражают господствовавшие в этом полисе политические, этико-эстетические и религиозные приоритеты, мы рассмотрим их в исторической динамике, исходя из того, что развиваться эллинам пришлось в тесном разноэтничном окружении, и «при рассмотрении проблемы варварских взаимовлияний в Северном Причерноморье одним из наиболее сложных, интересных и спорных её аспектов является вопрос о контактах греков и варваров в сфере религии» [Шауб 2007: 8]

В данной работе мы ограничимся рассмотрением именно одной исторической эпохи, – античной, и только одного мифологического образа, проявившего необычайную устойчивость и, как мы увидим, сохранившегося на херсонесских монетах в той или иной форме на протяжении всего до-византийского периода.

### ***Результаты и обсуждение (Results and Discussions)***

Позднеантичный и раннесредневековый период в истории – теперь уже херсонской – нумизматики представляют с иконографической точки зрения значительно меньший интерес и выходят за пределы исследования, поскольку принятие и распространение христианства в этот период радикально изменили всю культурно-идеологическую и эстетическую парадигму развития этого самого «живучего» причерноморского полиса; вследствие чего нумизматический «репертуар» его образов, утратив свою оригинальность, полностью встроился в нивелирующую все национальные и местные особенности общевизантийскую традицию и стал практически неотличим от стиля других политических и культурных центров империи, таких, как, например, Константинополь, Никомедия, Никея, Теуполис (Антиохия).

В своеобразном и эстетически высокохудожественном «арсенале» мифологических образов Херсонеса, этой выведенной из Гераклеи Понтийской греками-дорийцами колонии – наряду с традиционными и в течение недолгих периодов фигурировавшими на монетах изображениями прародителя дорийцев полубога Геракла, а также спорадически, почти одноразово, встречавшимися общегреческими богами Зевсом, Гермесом, Аполлоном, Афиной, Асклепием, Диоскуром – «сквозным», т.е., проходящим через все шесть с половиной столетий

античного периода в нумизматике Херсонеса остаётся только один персонаж, — Дева (греч. PARTHENOS).

По своим характеристикам и функциям этот синкретический образ отождествляется с хорошо знакомой грекам Артемидой, и часто изображается с типичным для этой богини-охотницы атрибутами, луком и колчаном, которые она либо несёт в руках или закинутыми за спину, а иногда держит в боевом положении, как бы готовая применить. В большинстве случаев её изображение сопровождается фигуркой «объекта атаки» — лани, часто играющей роль её символического заменителя-репрезентанта, а при отсутствии — богини маркирующей её незримое присутствие.

Ставший центральным для херсонесской нумизматики образ Девы [Анохин, 1977, Туровский, 1994, Шонов, 2000, *passim*] сочетает в себе также мифологические черты перенесенной по легенде в Северное Причерноморье Ифигении (ср. сюжет драмы Эврипида «Ифигения в Тавриде» [Эврипид 1969: 29–39], [Геродот, IV, 103], [Страбон, VII, 4, 2], [Павсаний, I, 43:1; II, 16:7]) и, по всей вероятности, некоторые особенности культа автохтонной (местной) таврской богини-воительницы и богини-жрицы, о характеристиках которой можно судить по далеко не полным описаниям греческих источников и только в преломлении греческого мифологического сознания.

Как отмечает И.Я. Шауб, ни одного местного мифа о херсонесской богине Деве до нас не дошло, «и все имеющиеся в нашем распоряжении варианты связанных с ней мифов являются либо чисто греческим, либо греческими переосмыслениями, из которых крайне трудно извлечь местный варварский элемент» [Шауб 2007: 117], однако есть основания предполагать, что её образ восходит к архетипу Великого женского божества, Владычицы зверей (греч. *Potnia Therōn*); именно вследствие общности своих доисторических истоков он не показался эллинским переселенцам чем-то принципиально чуждым и беспрепятственно синкретизировался в образ Девы.

При отсутствии надёжных сведений утверждать с относительной достоверностью можно лишь то, что таврская богиня была связана с религиозными обрядами, предполагавшими человеческие жертвоприношения, которые были уже далёким прошлым для греческих переселенцев, но сохранились в культовой практике варваров, в нашем случае, у стоявших по сравнению с греками на несравненно более примитивной стадии исторического развития тавров. Почему тавры, ничего не знавшие об Артемиде и Ифигении, и с которыми у греков даже после основания во второй половине V в. до н. э. Херсонеса на протяжении 100–150 лет не было никаких торговых контактов, а отношения носили, по-видимому, враждебный характер [Щеглов 1981: 208–214], выбрали жрицей своего культа именно чужеземку, при том что рецепция/ассимиляция иноплеменных божеств в догосударственных этнических группах — явление очень необычное и 2) почему жители новооснованного полиса сделали своей покровительницей служительницу культа, который не мог не показаться им варварским, если не сказать, чудовищным, остаётся только строить предположения, но последние факты — несомненны.

Из всех мифологических персонажей наибольшей «популярностью» среди поселенцев черноморских апийских пользовались Ахилл (особенно в Северо-Западном Причерноморье, на территории Ольвийского полиса) и Ифигения-Артемида (в Тавриде) [Толстой 1918], [Philippart 1925: 5–33], но так как в

херсонесской нумизматике широко представлено именно женское божество, мы остановимся подробнее на описании Ифигении, «авантюрная» история и яркие черты которой воплотились в образе херсонесской Девы.

Напомним кратко историю её мифологических перипетий и злоключений, а также столь же «головокружительной» карьеры в среде варваров. Согласно преданию, предводитель похода греков на Трою АгамемNON прогневал Артемиду, убив её священное животное – лань и вынужден был искупить свою вину и обеспечить успех предстоящего предприятия приношением в жертву своей дочери Ифигении, которая, однако, была той же Артемидой спасена из жертвенного костра, заменена ланью и перенесена в Тавриду, чтобы стать бессмертной богиней и / или жрицей у местных обитателей, тавров, которой те приносили в жертву потерпевших кораблекрушение чужеземцев, в том числе – эллинов [Геродот 1972: IV, 103], [Эврипид 1969].

Обряд принесения в жертву человеческого существа (в частности, девушки), относящийся к доисторическим временам [Lloyd-Jones 1983: 83–102], и воспринимавшийся в классические времена уже далёким пережитком, должен был умилостивить Артемиду и примирить её с массовым убийством в предстоящей войне её подданных и, таким образом, обеспечить успех военной кампании. Выбор же в роли жертвуемой именно любимой дочери вождя предстоящего предприятия, вероятно, должен было усилить действие этого действия многократно. Мотив спасения девушки с жертвенного алтаря, вероятно, символизировал имевшее место в более поздние времена смягчение жестокости этой традиции и символический разрыв с ней, т.е., замену человеческой жертвы закланием животного, а в качестве компенсации за «эмоциональный ущерб» героине даровалось бессмертие и статус богини, что, по мифологическим представлениям греков, было одно и то же.

Что касается нового местопребывания Ифигении после похищения-спасения, то все источники единогласно называют таврскую землю, где наша героиня, став жрицей своей спасительницы Артемиды, совершала человеческие жертвоприношения. Во фрагменте 58 сохранившейся в отрывках поэмы Никандра (II в. до н.э.) *Нетероимена* («Превращения») даже указывается её имя на новообретённой родине – Орсилохия [Латышев 1947: № 3: 303].

Существуют другие варианты её дальнейшей после спасения из жертвенного алтаря судьбы. Так, согласно Павсанию (II в. н. э.), Ифигения стала богиней Гекатой [Павсаний 1996: 43,1]. В этом нет ничего необъяснимого, т.к., у спасшей Ифигению Артемиды было с Гекатой много общих черт [Скржинская, 1991, С.32]: в частности, связь с загробным миром, статус «владычицы зверей» (греч. *Potnia Therōn*) [Lloyd-Jones 1983: 90] и такой достаточно нечастый в античной нумизматической иконографии символический атрибут, как факел, с которым, как мы увидим позже, на одном из монетных типов изображена херсонесская Дева [Анохин 1977: № 36– 56].

Сам сюжет похищения девы/принцессы/невесты злой силой/колдуном, перенесение её в географически отдалённую страну и возвращение через какое-то время женихом/близким родственником известен во многих культурах. В качестве примера можно вспомнить вызволение царевны из тридевятого царства Кащея Бессмертного/Змея-Горыныча Иваном-царевичем или возвращение из плена Черномора невесты Руслана – Людмилы.

В версии Эврипипда Ифигению освободил и вернул на родину её брат, Орест, но первоначальные версии мифа, по всей вероятности, отводили эту роль её

будущему жениху, Ахиллу, с которым она впоследствии счастливо жила на острове Левке (ныне: о. Змеиный) [Скржинская 1991: 23].

Как мы видим, мифологический образ херсонесской Девы совместил в себе черты по меньшей мере четырех персонажей: Артемиды, Ифигении, Гекаты и некоей таврской богини, жрицы культа, связанного с человеческими жертвоприношениями. Возможно, – и это особенно заметно в иконографии последнего исторического этапа в жизни Херсонеса – к этому следует добавить иконографию мифических обитательниц Северного Причерноморья, женщин-воительниц – амазонок и, в частности, их изображение в достаточно тщательно разработанных греческими художниками сценам амазономахии.

Несмотря на то, что некоторые исследователи относятся к идее влияния на формирование образа Девы, оказанное таврской богиней скептически [напр., Пальцева 1979: 45; Скржинская 1991: 35–36], большинство учёных считают его бесспорным [Латышев 1909], [Ростовцев 1918], [Толстой 1918], [Жебелев 1953], [Соломоник 1973], [Шауб 2007]. Представляется, что какие-то её характеристики и функции были для эллинов не до конца понятной, но эмпирически наблюдаемой реальность; а при невозможности по этическим и эстетическим соображениям воспроизводить на греческих монетах даже нечто, напоминающее сцену человеческих жертвоприношений и даже намекнуть на неё символически в иконографии Девы актуализируется и «тиражируется», по-видимому, как наиболее созвучный мировосприятию греческих поселенцев в условиях постоянной угрозы со стороны варваров, но, так сказать, более приемлемый, «мягкий» вариант «жестокого» в своей сути мотива, «элафоктонию» (греч. «убивание/поражение лани»).

Именно он увязывает в одно целое серию эпизодов: а) похищение и перенесение Артемидой на край ойкумены (обитаемой земли) Ифигении; б) заклание вместо неё в качестве сакральной жертвы лани; в) символически обозначаемым с помощью этого «жестокого» сюжета новую роль нашей героини в экзотической обстановке варварского окружения в «смягченной версии».

Характерно, что мотив поражения лани – а в более поздние эпохи в истории Херсонеса (так называемого, боспорского и римского влияния) он становится в нумизматическом репертуаре практически единственными и длится вплоть до самых последних выпусков – должен был ссылаться на мифологический эпизод совершенной Артемидой подмены Ифигении жертвенным животным, однако почему в роли поражающей это животное охотницы должна была изображаться сама Дева-Ифигения, по сюжету обязанная этой же лани своим спасением, об этом можно только строить предположения.

Возможно, сцены агрессии просто соответствовали общему настрою колонистов в условиях вечно таящего в себе угрозу соседства с разноплеменными варварами и должны были символически демонстрировать их готовность и способность отразить вражеское нападение, а может быть, просто постоянно поднимать их боевой дух.

В самом предположении о влиянии на образ Девы каких-то черт неизвестной таврской богини/жрицы нет ничего невероятного. Как известно, греческие переселенцы, сохраняя и продолжая отправлять привезённые с собой из метрополии традиционные культы, имели обыкновение проявлять должное уважение также к автохтонным божествам своей новой родины и по возможности привлекать их на свою сторону как помощников в обустройстве и будущих

покровителей. При освоении культов местных божеств и их описании они старались найти максимально близкий им аналог в своём родном пантеоне (вспомним попытку Геродота при перечислении главных скифских божеств отождествить каждое из них с греческим божеством с более или менее схожими характеристиками и функциями: Зевс = Папай; Гея = Апи, Аполлон = Гойтосир; Афродита Урания = Аргимпаса; Посейдон = Тагимасад; Гестия = Табити; и только Аресу соответствия среди скифских богов ему найти не удалось, вследствие чего для обозначения неназванного скифского бога войны ему пришлось сохранить имя его греческого *counterpart'a*, т.е., Ареса [Геродот 1972: IV, 59].

Что касается влияния греческих религиозных представлений на таврские культы, то, как совершенно справедливо указывает М.Ч. Скржинская, в VI–V вв. тавры вряд ли имели хоть какое-то представление о мифологии греков, и отождествление с Ифигенией таврского божества, требующего человеческих жертвоприношений, принадлежит целиком греческому мифологическому сознанию. Действительно, античные источники нигде не утверждают тождественности обеих героинь прямо – это мнение основано на утверждении Геродота о том, что таврская Дева – это именно Ифигения, и упоминании Страбона о существовании на мысе Парфений храма Девы, таврского святилища.

Как считает исследовательница, таврские верования греки осмыслили на эллинский лад, а затем приписали своё понимание таврам, ставшим, таким образом, в их представлении поклонниками богини Ифигении. Осмысление греками таврского культа даёт основание предполагать только, что божество, которому тавры поклонялись и приносили человеческие жертвы, было женским и, возможно, богиня была девственницей [Скржинская, 1991: 36]

Что касается влияния, оказанного на формирование образа херсонесской Девы культом местной таврской богини, то, помимо эмпирических наблюдений эллинов за зловещей культовой практикой новых соседей, может быть, определённую роль в его сложении сыграли также изобилующая «жестокими» сюжетами, – в частности, уже упоминавшимися «сценами терзания» – иконография скифского «звериного стиля» и другие, вероятно, известные поселенцам военно-охотничьи сюжеты их фольклора. Не исключено, что определённую роль в становлении иконографии Девы сыграла уже достаточно прочно установившаяся в греческом искусстве IV в. до н.э. художественная традиция изображения амазонок, и, в частности, как уже упоминалось, сцен амазономахии.

Едва ли случайно, что при соприкосновении колонистов с цивилизацией, принципиально отличавшейся от их родной и в художественном отношении несравненно более примитивной, выбор и популяризация именно одного мифологического эпизода из мифологической «биографии» богини, т.е., элафоктонии, оказалась наиболее востребованной и поэтому на протяжении всего античного периода самой неизменной, а в конце его, как мы увидим, – единственной.

Характерно, что образ Девы-воительницы в самых разнообразных ипостасях оказался центральным, практически «сквозным» только в монетном деле Херсонеса и совершенно неизвестен в нумизматике связанных с ним постоянными торговыми и культурными отношениями других греческих колоний, имевших сопоставимую по длительности с херсонесской нумизматическую историю: Истрии, Тиры, Ольвии, Пантикея, Феодосии, Керкинитиды, Фанагории. Это наводит на мысль о решающей роли в формировании образа херсонесской Девы

всё же не скифского, а «таврского фактора», т.е., сложение образа Девы явились, по всей видимости, результатом контактов греков именно с этой, к сожалению, не достаточно хорошо известной науке культурой.

Что касается перечисленных выше крупных греческих апойкий (колоний), то в отличие от Херсонеса, основанного греками-дорийцами, большинство из них основывалось греками-ионийцами и развивалось в ином, чем Херсонес этническом окружении, и их самые характерные монетные изображения, оставаясь в целом в русле греческой изобразительной традиции, всё же обнаруживают некоторые характерные черты негреческого, «варварского» этнического типа.

Так, на ранних монетах Ольвии варваризованные черты явно прослеживаются в иконографии рогатого бога Днепра – Борисфена [Анохин 1989: 163–215], в чеканке Пантикея столь же отчетливо подчеркивается негреческий, варварский этнический элемент в изображении Сатира (Пана) [Анохин 1986: № 91, 97: 108–133]. Разумеется, резчики монетных штемпелей в Ольвии могли опираться и, несомненно, опирались на давно разработанные в греческой художественной традиции изображения речных богов, тогда как мастера из Пантикея руководствовались известной в греческом искусстве иконографией Пана и спутников Диониса (сатиров, силенов).

Вследствие своей относительной иконографической привычности в греческом искусстве и один и другой образы, художественно «облагороженные» эллинской изобразительной традицией, очевидно, не воспринимались греческими поселенцами как нарушающие её эстетические каноны, и воспроизводились без существенных изменений в течение многих десятилетий.

Ещё одна отличительная особенность херсонесской нумизматической иконографии состояла в том, что если, как уже отмечалось, в изображениях местных божеств Борисфена на монетах Ольвии и Сатира на монетах Пантикея варварские этнические черты в их профилях очевидны, то в изображении херсонесской Девы никаких следов варваризации увидеть невозможно – на аверсе самых первых монетных выпусков полиса изображён несколько идеализированный – как принято в презентации божеств – образ молодой женщины с классическими для античного стиля чертами лица.

Что касается самого выбора в качестве сквозного образа в херсонесской нумизматике именно женского персонажа, то его интересно сравнить с образами других северо-причерноморских центров, чеканивших монету в течение сравнимого с Херсонесом по продолжительности периода – Ольвии и Пантикея.

В чеканке Ольвии после краткого начального периода размещения на монетах образа Афины Паллады и сменившей её столь же ненадолго Медузы-Горгоны, на многие десятилетия установился профиль богини плодородия Деметры [Анохин, 1989: 29–58; 217–228; 237–307]. Но и он был в начале III в. до н.э. на несколько десятилетий вытеснен изображением бога, одноимённого названию реки Борисфена (Днепра), ставшего наиболее оригинальным типом ольвийской нумизматики [Анохин 1989: 127–215].

Чеканка Пантикея женских образов не знала вовсе, и с начала IV в. до н.э и до конца III в. до н.э. доминирующим было изображение мужского персонажа – уже упоминавшегося бородатого и безбородого сатира [Анохин, 1986, № 80; 85; 91–133]. В условиях сурового противостояния греческих переселенцев численно превосходящей варварской общности выбор ими в качестве символического

покровителя именно мужского персонажа, пусть даже и не входящего в круг олимпийских богов, представляется вполне объяснимым.

В Херсонесе же с самого начала именно изображение Девы заняло в нумизматике города центральное место, и с незначительными перерывами оно сохранялось за этой, по выражению В.В. Латышева, «вечной царицей полиса» [Латышев 1909: 321, 325] в течение всего почти семивекового античного периода.

О роли Девы в жизни новооснованного полиса можно судить по одному показательному факту: первая строка датируемой началом III в. до н.э. херсонесской присяги, закрепляющей государственное устройство полиса законодательно, предписывает гражданам клясться не именем Артемиды, а именем Девы (PARTHENOS), и поставлено оно непосредственно после имён Зевса, Геи и Гелиоса. Сам факт упоминания Девы четвёртой при перечислении божеств олимпийского «ранга», к тому же – дважды (в первом и последнем «параграфах», образующих как бы «рамочную конструкцию» этого состоящего из 13 «положений» текста), несомненно, свидетельствует о том, что её главенствующий статус был признан и провозглашён таковым на самом высоком «официальном уровне».

Вовсе не случайно поэтому, что, начиная с первых выпусков херсонесских монет, датируемых 390–380 гг. до н.э. [Зограф 1951: 156], [Анохин 1977: 20; 135], Туровский 1994: 13, 51, 73], именно образ Девы размещается на аверсе самых различных номиналов серебра (гемиоболов, диоболов, тетроболов) и меди (халков, дихалков, лепт, дилептонов, трилептонов, тетралептонов). Эта практика была, по-видимому, доказательством признания её заслуг перед гражданами новооснованного полиса, – символической гарантией её дальнейшего содействия и покровительства и, может быть, даже своего рода оберегом.

Ещё один показательный факт: хорошо известны в античной нумизматике прижизненные драхмы Александра Македонского, на аверсе которых изображался Геракл с портретными чертами царя, а на реверсе – сидящий Зевс. Что касается «херсонесской версии» этого типа, то на аверсе копирующих его дидрахм первой четверти III в. до н.э. также помещён профиль Геракла-Александра, тогда как на оборотной стороне вместо верховного бога-олимпийца изображена всё та же Дева с луком за спиной, поражающая копьём лань [Анохин 1977: 91], или сидящая на троне [Анохин 1977: 93]. Само по себе изображение на реверсе Александровских драхм вместо «канонической» фигуры Громовержца полисной Девы, можно считать достаточно «смелым» решением, нарушающим сложившуюся традицию и всю логику эллинского пантеона – ещё одно доказательство высокого статуса нашей героини, символически приравненного к таковому верховного олимпийского бога.

Проследим теперь приблизительную динамику иконографических и композиционных изменений изображения Девы. На протяжении практически всего античного периода чеканки самых разных номиналов главная богиня полиса появлялась в самых различных видах. В порядке относительного убывания частотности и с учётом приблизительной хронологической динамики она воспроизводилась на монетных выпусках:

а) портретно – бюст или голова (вариации: в кекрифале (архаичном головном уборе); со сфендоной (повязкой, напоминающей бандану); в венке; в башенной короне; с развевающимися волосами; с волосами, собранными в узел; с луком и колчаном за спиной – традиционная атрибутика Артемиды);

б) с разных портретных ракурсов: (вариации: в профиль (чаще всего), анфас (редко), в три четверти (одноразово) [Анохин, 1977: 23]);

в) в различных положениях тела: (вариации: коленопреклонённая; сидящая на троне, на циппе (пирамидальной колонне); стоящая в полный рост (с охотничими атрибутами Артемиды – лук, стрелы, колчан, копьё, иногда – с полным набором оружия);

г) в «сюжетных сценах»: поражающая копьём лань; проверяющая качество (заточенность, гибкость, прочность (?)) стрелы; стоящая с факелом (атрибут Гекаты) в колеснице, образ, в котором некоторые исследователи усматривают образ лунной светоносной богини Артемиды Фосфоры;

д) стреляющая из лука, сама цель (лань) при этом не изображена (известен только один выпуск) [Анохин, 1977: 154];

е) на монете отсутствующая, но обозначаемая восстановливаемым по сюжету символическим «заменителем-репрезентантом» – ланью;

ж) на монете отсутствующая, но символически заменённая традиционным и охотничими атрибутами Артемиды – луком с колчаном (горитом);

з) занимающая лицевую и обратную стороны: изображённая на аверсе дидрахмы в профиль, и на её же реверсе – в виде охотницы, поражающей свою обычную жертву, лань [Анохин 1977: 88–90].

Расположение одного и того же мифологического персонажа одновременно на аверсе и реверсе – в античной нумизматике практика достаточно редкая, также свидетельствующая, по-видимому, о чрезвычайно высоком статусе изображаемого персонажа, ср., например, городской выпуск, Антиохии времен династии Селевкидов – профиль Зевса на аверсе, и он же сидящий в кресле с орлом и скипетром – на реверсе.

Что касается хронологической динамики изменений в изобразительной (иконографической) и композиционной технике, то в целом она развивалась следующим образом.

1. В начальный, так называемый, «автономный» период жизни полиса (около 390–110 гг. до н.э.) Дева представлялась в образе молодой женщины, изображённой с несколько строгим, если не сказать, суровым выражением лица [Анохин 1977: 2, 4, 5, 13], может быть, существующим передавать некоторую напряжённость и даже «жёсткость» в отношениях с окружающим варварским миром.

В более поздних монетных выпусках Дева приобретает облик молодой женщины с правильными гармоничными чертами лица и характерной для изображения античных божеств мягкой, чуть ироничной полуулыбкой [Анохин 1977: 23, 26, 33, 82–90], подчёркивающей, как считается, естественную для небожительницы отрешённость от житейских забот и тревог и несколько снисходительное отношение к переменчивой человеческой судьбе. Иконографическое «смягчение» образа, вероятно, должно было символизировать некую общую нормализацию жизни и относительную стабилизацию отношений с варварами.

Художественная техника аверсных (портретных) изображений в дальнейшем не отличается от таковой, принятой в нумизматике для канонического образа Артемиды или Тюхэ (= Fortuna) (например, на монетах Эфеса, Сиракуз, Синопы). Различить в нём какие-либо негреческие, этнические (таврские, скифские (?))

черты и/или специфическую варварскую/негреческую оружейную атрибутику практически невозможно.

В начальный период жизни полиса образу Девы неизменно отводился аверс (лицевая сторона) монеты, что, в соответствии с античной традицией, подчёркивало верховный статус изображаемого, в данном случае, роль защитницы и «вечной царицы полиса».

2) В период боспорского влияния (около 110 г. до н.э.–138 г. н.э.) [Анохин 1977: 55] образ Девы постепенно уступает аверс божеству Херсонасу (диалектная дорийская форма названия города), олицетворяющему «гражданскую общину» полиса ср., например, у Молева [Молев 2003: 113] и всё чаще перемещается на реверс – доказательство если не полной, то, по крайней мере, некоторой потери её политической и идеологической значимости в жизни херсонеситов. Иногда на реверсе вместо стоящей в рост Девы и вовсе изображается её символический заменитель-репрезентант – фигурка лани, лишь маркирующий её «незримое присутствие».

3) В период римского влияния (середина II в. н. э. – середина III в. н. э.) аверс монет всё чаще занимает профиль Херсонаса, чередующийся с портретами правящих римских императоров из династии Северов (Каракаллы, Элагабала). Изображений Девы перемещается на реверс, что может рассматриваться как вынужденная политическая уступка римским властям, своего рода верноподданнический «жест лояльности». Однако – пусть даже из соображений «полисного патриотизма» – на реверсе Деву продолжают помещать.

Для этого периода характерны изображения Девы в «жанровых» сценах – Богиня предстаёт в виде охотницы (Дианы?), проверяющей качество (заточенность, гибкость, прочность(?)) стрелы; замахивающейся на изображаемый или лишь подразумеваемый «объект атаки» копьём; поражающей этим копьём изображенную лань. Иногда она изображается перегруженной оружейной атрибутикой, т.е., держащей одновременно горит (футляр для лука с колчаном) и копьё. Технически изображения этого периода проработаны все менее тщательно, фигура Девы напоминает по стилю богиню победы Нику (= Виктория) и отличается от последней только отсутствием крыльев за спиной. Схематизация образа доходит до того, что даже присутствие самой лани на монете становится излишним – Дева замахивается копьём как бы в пустоту. И всё-таки, как мы видим, в каком бы виде и на какой бы стороне монеты изображение Девы ни помещалось, само её присутствие в репертуаре херсонесской нумизматики – пусть и с некоторыми перерывами, эпизодически чередующееся с профилями Геракла, Зевса, Гермеса, Аполлона, Асклепия, Диоскура, а в последние периоды, даже вытесненное с аверса на реверс портретами Херсонеса и римских императоров, – остаётся неизменным вплоть до полного прекращения чеканки античного периода.

Последний известный в нумизматике выпуск с изображением Девы – это чеканенный во время правления императора Галлиена, (т.е., около 253–268 гг.) дупондий, на котором она, как и на большинстве предшествующих выпусков, занимает реверс [Анохин 1977: 304–308]. Представлена она предельно схематично, безо всякой художественной изысканности в традиционном виде богини-охотницы, стоящей в полный рост, занесшей копьё и готовой поразить лань, сидящую с поджатыми под себя ногами, т.е., в положении, известном в скифском зверином стиле как «поза покорности», иначе говоря, смиренности со своей участью.

После 268 года ни образ Девы, ни профиль Херсонеса на монетах Херсонеса не появляются. В чеканке полиса, постепенно становящегося средневековым Херсоном, наступает новый, византийский этап. И после продолжавшегося менее двух веков периода правлений ряда ранневизантийских императоров от Зенона до Ираклия (474–641 гг.), в течение которого размещение профильных и фасовых изображений императоров на монетах всё ещё «по инерции» спорадически практиковалось, портреты их заменились исключительно буквенными сокращениями и монограммами константинопольских правителей, а также соответствующими духу и идеологии новой эпохи христианскими символами (крест, Голгофа). О размещении на монетах мифологических персонажей языческой эпохи, разумеется, никакой речи быть не могло.

### **Заключение (Conclusions)**

Итак, подводя краткий итог всему изложенному, отметив основные положения. Общая иконографическая и композиционная динамика изображений «вечной царицы полиса» Девы состоит в том, что:

- в автономный период истории Херсонеса ПОРТРЕТ Девы помещался на АВЕРСЕ (что должно было свидетельствовать о её центральной роли в жизни города);
- в боспорский и римский периоды истории Херсонеса её изображение ВО ВЕСЬ РОСТ переместилось на РЕВЕРС, что свидетельствовало о сохранении её скорее традиционной и символической роли в жизни города и было данью «полисного патриотизма»).

Однако, даже с потерей центрального аверсного положения образ Девы сохранил своё присутствие на монетных выпусках Херсонеса в течение шести с половиной веков, проявив необычайную устойчивость, явление в античной нумизматике практически уникальное.

### **Литература**

*Абрамзон М.Г.* (1995) Монеты как средство пропаганды официальной политики Римской Империи. Москва: Российская академия наук. Институт Археологии. 1995. 654 с.

*Анохин В.А.* 1977 Монетное дело Херсонеса (IV в. до н.э. – XII в. н.э.). Киев: Наук. Думка. 175 с.

*Анохин В.А.* (1986) Монетное дело Боспора. Киев: Наук. Думка. 103 с.

*Анохин В.А.* (1989) Монеты античных городов Северо-Причерноморья Северо-Западного Причерноморья. – Киев: Наук. Думка. 125 с.

*Доватур А.И., Каллистов Д.П., Шишова И.А.* (1982) Народы нашей страны в «Истории» Геродота. Москва: Наука. 455 с.

*Жебелев С.А.* (1953) Северное Причерноморье. Москва: Ленинград: Изд-во АН СССР. 388 с.

*Зограф А.Н.* (1922) Статуарные изображения Девы в Херсонесе по данным нумизматики // Известия Российской Академии истории материальной культуры. – Вып. 2. С.337–360.

*Зограф А.Н.* (1941) Найдены монеты в местах предполагаемых античных святилищ на Чёрном море. Москва: Советская археология. N 7. С.152–160.

*Латышев В.В.* (1909) Pontica. Санкт-Петербург: Типография Императорской Академии Наук. 430 с.

- Латышев В.В. (1947-1949) Известия древних писателей о Скифии и Кавказе. Москва: Вестник древней истории.
- Молев Е.А. (2003) Эллины и варвары. На северных окраинах античного мира. Москва: Центрполиграф 2003. 399 с.
- Пальцева Л.А. (1979) Культ Девы в Херсонесе // Из истории античного общества. Горький: Изд-во Горьковского ун-та. С. 30–46.
- Ростовцев М.И. (1918) Новая книга о Белом острове и Таврике // Известия археологической комиссии. № 85. С.177–197.
- Скряжинская М.В. (1991) Древнегреческий фольклор и литература о Северном Причерноморье. Киев: Наук. Думка. 198 с.
- Толстой И.И. (1918) Остров Белый и Таврика на Евксинском Понте, Петроград: 2-я Гос. Типография. 162 с.
- Туровский Е.Я. (1994) Монеты независимого Херсонеса IV–II вв. до н. э. Севастополь. 164 с.
- Фадеева Т.М. (2000) Крым в сакральном пространстве: история, символы, легенды. Симферополь: Бизнес-Информ. 304 с.
- Фадеева Т.М. (2010, 2021) Сакральная география Крыма. Очерки. Изд. 2-е, исправленное и дополненное. Симферополь: Бизнес-Информ, 304 с.
- Фадеева Т.М. (2017) Сакральные древности Крыма. Мифы, легенды, символы, имена и их отражение в искусстве. Москва: Прогресс-Традиция. 451 с.
- Шауб И.Ю. 2007 Миф, культ, ритуал в Северном Причерноморье VII–IV вв. Изд-во Санкт-Петербургского Гос. университета. 484 с.
- Шауб И.Ю. 2008 О греко-варварских контактах в религиозной сфере в Северном Причерноморье (VII – начало III в. до н.э.) // Вестник Санкт-Петербургского Гос. Университета, сер.2, Вып. 1. С.113–117.
- Шонов И.В. (2000) Монеты Херсонеса Таврического. Симферополь, Таврия. 145 с.
- Щеглов А.Н. (1981) Тавры и греческие колонии в Таврике // Демографическая ситуация в Причерноморье в период греческой колонизации. Тбилиси: Мецниереба, С. 204–218.
- Lloyd-Jones, P.H. (1983) Artemis and Iphigenia // Journal of Historical Studies. V.103. Pp. 87–102.
- Philippart, H. (1925) Iconographie de l'Iphigenie en Tauride d'Euripide // Revue Belge de Philologie et Histoire . V.4. P. 5–33.
- Trenker, S. (1958) The Greek Novella in the Classical Period. Cambridge: Cambridge University Press, 191 p.

### Античные источники

- Геродот. (1972) История в девяти книгах / Пер. Г.А. Стратановского Ленинград: Наука. 600 с.
- Павсаний (1996) Описание Эллады Санкт-Петербург: Алетейя. (Пер. С.П. Кондратьевапод ред. Е.В.Никитюк. Отв. ред. проф. Э.Д. Фролов).
- Страбон (1964) География: В 17 кн./ Пер. Г.А.Стратановского Москва: Наука. 942 с.
- Эврипид (1969, 1980). Ифигения в Авлиде/ Трагедии в 2-х тт. Москва: Наука. 396 с.

Эврипид (1969, 1980) Ифигения в Тавриде / Трагедии в 2-х тт. Москва: Наука. 412 с.

### References

- Abramzon, M.G. (1995) Coins as a Means of Propaganda and Politics in the Roman Empire]. Moscow: Russian Academy of Sciences. Institute of Archeology Publ., 654 p. (In Russian).*
- Anokhin, V. A. (1977) Coinage of the Ancient Chersonesos (IV c. BC–XII c. AD). Kiev: Nauk. Dumka Publ., 175 p. (In Russian).*
- Anokhin, V.A. (1986) Coinage of the Bosporus. Kiev: Nauk. Dumka Publ., 103p. (In Russian).*
- Anokhin, V. A. (1989) Coins of Ancient Cities of the North-Western Black Sea Region. Kiev: Nauk. Dumka Publ., 125 p. (In Russian).*
- Dovatur, A.I., Kallistov D.P., Shishova I.A. (1982) Peoples of Our Country in the «Histories» of Herodotus. Moscow: Nauka Publ., 455 p. (In Russian).*
- Fadeyeva T.M. (2000) Crimea in Sacral Space. Simferopol: Business-Inform Publ., 304 p. (In Russian).*
- Fadeyeva, T.M. (2010, 2021) Sacral Geography of Crimea. 2nd ed., Simferopol: Business-Inform Publ., 304 p. (In Russian).*
- Fadeyeva, T.M. (2017) Sacral Antiquities of Crimea. Myths, Legends, Symbols, Names and Their Reflection in Art. Moscow: Biznes-Traditsiya. 451 p. (In Russian).*
- Gilevitch, A.M. (1960) Coin hoard from around the Strabo's Chersonesos // Soviet Archeology, No 4, P.167–170. (In Russian).*
- Latyshev, V.V. (1909) Pontica. St. Petersburg: Printed by Imperial Academy of Sciences Publ., 430 p. (In Russian).*
- Latyshev, V.V. (1947–1949) News of Ancient Writers about Scythia and the Caucasus. Moscow: Lenungrad: Herald of Ancient History. (In Russian).*
- Molev, E.A. (2003) Hellenes and Barbarians. On the Northern Outskirts of the Ancient World, Moscow: Tsenterpoligraf Publ., 399 p. (In Russian).*
- Paltseva, L.A. (1979) The Cult of the Virgin in Chersonesos]//From the History of Ancient Society. Gorky: the Gorky University Publishing House Publ., P. 30–46. (In Russian).*
- Rostovtsev, M.I. (1918) A New Book about the Bely Island and Taurica // News of the Archaeological Commission. N 85. Pp. 177–97. (In Russian).*
- Shcheglov, A.N. (1981) The Tauri and the Greek Colonies in Taurica // The Demographic Situation in the Black Sea region during the period of the Greek Colonization. Tbilisi: Metsniereba Publ., Pp. 204–218. (In Russian).*
- Shonov, I.V. (2000) Coins of Chersonesos Taurica. Simferopol: Tavria Publ., 145 p. (In Russian).*
- Skrzhinskaya, M.V. (1991) Ancient Greek Folklore and Literature about the Northern Black Sea Region. Kiev: Nauk. Dumka Publ., 198 p. (In Russian).*
- Tolstoy, I.I. (1918) The Bely Island and Taurica on the Euxine Pontos. Petrograd: 2<sup>nd</sup> State Printin House Publ., 162 p. (In Russian).*
- Turovsky, Ye.Ya. (1994) Coins of the Independent (Autonomous) Chersonese of the IV-II centuries BC. Sevastopol. 164 p. (In Russian).*
- Zhebelev, S.A. (1953) The Northern Black Sea Region., Moscow: Leningrad: Publishing House of the USSR Academy of Sciences Publ., 388 p. (In Russian).*

*Zograf, A.N. (1922) Statuary Images of Parthenos in Chersonesos According to Numismatic Sources. Moscow: News of the Russian Academy of the History of Material Culture. Issue 2. Pp. 337–360. (In Russian).*

*Zograf, A.N. (1941) Coin Finds in Places of Presumed Ancient Sanctuaries Soviet Archeology. N 7. Pp. 152–160. (In Russian).*

*Lloyd-Jones, P.H. (1983) Artemis and Iphigenia // Journal of Historical Studies.– V.103. Cambridge: Cambridge University Press Publ., Pp. 87–102.*

*Philippart, H. (1925) Iconographie de l'Iphigenie en Tauride d'Euripide // Revue Belge de Philologie et Histoire, V. 4 Bruxelles. Pp. 5–33.*

*Trenker, S. (1958) The Greek Novella in the Classical Period. Cambridge: Cambridge University Press Publ., 191 p.*

### Ancient sources

*Herodotus* (1972) Histories in Nine Books. / Translated by G. A. Stratanovsky. Leningrad: Nauka Publ., 600 p. (In Russian).

*Pausanias* (1966) Description of Hellas. Saint-Petersburg Aleteya Publishing House Publ., Translated By S.P. Kondratyev, ed. by E.V. Nikityuk, ed-in-chief Prof. E.D. Frolov. (In Russian).

*Strabo* (1964). Geography in 17 Books / Translated by G. A. Stratanovsky. Moscow: Nauka Publ., 1964., 942 p. (In Russian).

*Euripides* (1969) Iphigenia in Aulis / Tragedies in 2 Vols. Moscow: Nauka Publ., 396 p. (In Russian).

*Euripides* (1969, 1980) Iphigenia in Tauris / Tragedies in 2 Vols. Moscow: Nauka Publ., 412 p. (In Russian).

### Сведения об авторе:

#### ***Rodionov Vitaliy Alexeievich***

Доцент кафедры английского языка Московского юридического университета им. О.Е. Кутафина; кандидат филологических наук. (Москва, Россия).  
soluvi@yandex.ru

### Bionotes:

#### ***Rodionov Vitaly Alexeievich***

Associate Professor at the English Language Department of the Kutafin Moscow State Law University; PhD in Linguistics. (Moscow, Russia).

### Для цитирования:

***Rodionov V.A.*** К вопросу о семантике мифологического образа Девы в нумизматике античного Херсонеса // МИФОЛОГОС. Серия «Миф и общество: история, политика, социология». № 4 (16), 2025. С. 104–118.

### For citation:

***Rodionov V.A.*** On The Semantics of the Mythological Image of the Virgin in The Numismatics of Ancient Chersoneses // MYTHOLOGOS. Series "Myth and Society: History, Politics, Sociology". № 4 (16), 2025. Pp. 104–118.

### 3. ЗАГАДКИ ИСТОРИЧЕСКОГО МИФОТВОРЧЕСТВА: ПРИРОДА И ОСОБЕННОСТИ

УДК 93

#### СТРАШНЫЕ НАВОДНЕНИЯ ПЕТЕРБУРГА: КАК СОЗДАВАЛСЯ МИФ

Буровский Андрей Михайлович

ООО «Книги и фильмы Андрей Буровского» (Санкт-Петербург, Россия)

##### Аннотация

Среди множества мифов Санкт-Петербурга – и миф о катастрофических наводнениях, чуть ли не смывавших город в Финский залив. Автор показывает географические реалии Невы и ее поймы, анализирует известные наводнения и их последствия.

Одновременно он показывает, как рождались самые невероятные мифы, многоократно преувеличивающие масштабы наводнений.

На фоне наводнений рождалась и типично петербургская фантазия о потопе, который рано или поздно смоет, затопит Санкт-Петербург. Три века жил, даже продолжает жить миф о городе, который обречен «быть пусту» и погрузиться в пучины моря.

**Ключевые слова:** Петербург; наводнение; катастрофа; миф; преувеличение; выдумка; потоп

#### TERRIBLE FLOODS OF PETERSBURG: HOW THE MYTH WAS CREATED

Burovsky Andrey Mikhailovich

LLC "Books and Films by Andrey Burovsky" (Saint Petersburg, Russia)

##### Abstract

Among the many myths of St. Petersburg is the myth of catastrophic floods that almost washed the city into the Gulf of Finland. The author shows the geographical realities of the Neva and its floodplain, analyzes known floods and their consequences.

At the same time, he shows how the most incredible myths were born, greatly exaggerating the scale of the floods.

Against the background of floods, a typical St. Petersburg fantasy was born about a flood that would sooner or later wash away, flood St. Petersburg. The myth of a city that is doomed to "be empty" and plunge into the depths of the sea has lived for three centuries, and even continues to live.

**Keywords:** St. Petersburg; flood; catastrophe; myth; exaggeration; fiction; deluge

Верь мне, доктор,  
Кроме шутки! –  
Говорил раз пономарь.  
От яиц крутых в желудке  
Образуется янтарь!

Граф А.К. Толстой

***Введение (Introduction)***

Мифы про кошмарный климат Петербурга с XIX в. дополняли пронзительные, рвущие душу истории про крестьян, которые в пойме Невы не строили прочных изб. Они, оказывается, возводили только легкие разборные сооружения, которые при наводнениях можно было быстро разобрать, сделать на них плоты и уплыть.

Наводнения, конечно, были.... За три века, с 1703 г., зафиксировано более 300 наводнений, когда вода понималась более чем на 160 см от ординара. В некоторые годы случалось по несколько наводнений (в 1752 – пять). А были периоды – 1729–1732 и 1744–1752 гг., когда наводнений вообще не происходило [Каратыгин 1888; Померанец 2005]. Раз в столетие территорию Петербурга заливало катастрофически – ветер с Финского залива гнал воду Невы вспять, а Нева – река далеко не маленькая. При ширине от 400 до 1200 метров, ее глубина от 4 до 24 метров, средний многолетний годовой расход воды – 78,9 км<sup>3</sup> [Нежиховский 1981].

Катастрофические наводнения известны. Еще в «шведские» времена, в 1691 г., уровень воды в Неве поднялся на 762 см. Если эти сведения достоверны, это было самое большое из известных нам наводнений. Но в те времена поселения на территории будущего Петербурга располагались не в самой пойме, а выше. Немногочисленные обитатели заливаемых земель могли уйти из опасных мест.

По-видимому, наводнения вовсе не мешали заселять территорию. Если бы угроза наводнений не искупалась выгодой жизни в дельте Невы, если бы между наводнениями не наживали больше, чем теряли во время катастрофы – тогда никто бы здесь и не селился. Земли в России всегда хватало, и распахать можно было земли в 30, в 50, в 100 верстах от поймы Невы. Местные жители прекрасно знали о стихийных явлениях, а после завоеваний Петра правительство Российской империи и жители начинающегося «города-парадиза» познакомились с ними очень близко. Задолго до возведения знаменитой дамбы, Комплекса защитных сооружений в 1979–2011 гг. предлагались такие же решения [Тилло 1893; Быстржинский 1908].

Во время катастрофического наводнения 1724 г. вода поднялась до 211 см выше ординара. Екатерина I вынуждена была пропустить молебен, и не поплыть по реке. На следующий день яхта Петра попала в шторм и всю ночь стояла на якоре. Согласно легенде, Петр I спасал тонущих у берегов Лахты. Он уже был болен, новая простуда и охлаждение оказались для него роковыми.

В 1777 г. Летний сад затопило в бурю, и его фонтаны погибли. Летний сад был перестроен и преобразован в соответствии с новыми тенденциями в садово-парковом хозяйстве. Тогда и возник тот Летний сад, в который «мосье» водил гулять Евгения Онегина. В 1824 г. вода в Неве и её многочисленных каналах-рукавах поднялась на 414–421 см выше ординара. Были разрушено 462 дома, 3681 – поврежден, погибло более 3600 голов скота. Число погибших в наше время оценивают вилкой «от 200 до 600 человек». Сама «вилка» служит намеком, что никто людей особо и не считал. Не иначе тяжелое наследие царизма. Сообщается, что многие пропали без вести потому что их тела унесены в Финский залив.

Сам я свидетель наводнений 1975 г. и 1984 г., когда подтопило подвальные помещения в центре города, но катастрофических разрушений и повреждений нигде не было. Никаких достоверных сведений о погибших не поступало, но в городе зловещим шепотом передавали жуткие истории про утонувших. Я пытался подсчитать число погибших «согласно слухам». При всей кустарности таких

сборов сведений, «говорили» о нескольких десятках, если не сотен жертв. Не могу исключить, что жертвы были – спал пьяный бомж в том самом подвале, который затопило. Больше – очень мало вероятно.

Таковы факты.

### *Литературный обзор (Literature Review)*

Естественно, сама Нева производила и производит сильное впечатление. Её роль в складывании культуры Санкт-Петербурга до сих пор не оценена. Петербург стоит на большой и опасной реке. Нева крупнее большинства рек России, кроме Волги. Россияне обычно не имели дела с такими широкими, быстрыми и опасными реками. Но Волга воспета в русской культуре, а Нева почти что незаметна.

К тому же Нева непредсказуема. Эта могучая река с ее разливами, в том числе катастрофическими – природное, не подвластное человеку явление. органичное для Петербурга, вписанное в Петербург, и составляющее его часть. Но в то же время это – особая часть города; своего рода «представитель» и «агент» стихийных сил «внутри» самого Санкт-Петербурга.

Для культуры Петербурга исключительно важна антитеза природное/искусственное. Согласно мифу, город возник вопреки Природе, как нарушение естественного порядка. Это город – победа над стихиями; город – торжество разума и сил человека. И вместе с тем город – извращение, город – безумие; город, противопоставленный естественному порядку вещей.

Гранитные набережные и строгая регулярная застройка берегов только подчеркивают контраст созданного человеком и природного. Комфорт огромного города, уют и прелесть созданного человеком довольно часто прерываются буйством стихии. Природное, вписанное в город и составляющее часть города, время от времени «бунтует» – нападает на мир человека, разрушает его, расточает материальные ценности; это «природное» опасно: оно требует борьбы с собой, может убивать отдельных людей.

Вопрос, как именно «поместить» это природное явление в культуру. Некрасов сделал это так:

Не до сна! Вся столица молилась,  
Чтоб Нева в берега воротилась,  
И минула большая беда –  
Понемного сбывает вода [Некрасов 1959: 16].

Как в анекдоте: не «ужас», а именно что «ужас-ужас-ужас».

### *Результаты и обсуждения (Results and Discussion)*

#### **Мифы об Автово**

В числе городских мифов – и миф о происхождении названия «Автово»: «Объезжая наиболее пострадавшие прибрежные места на Петергофской дороге, Александр I посетил одно селение, которое было совершенно уничтожено наводнением. Разоренные крестьяне собрались вокруг императора и горько плакали. Вызвав из среды их старичка, государь велел ему рассказать, кто и что потерял? Старик начал по-своему: «Всё, батюшка царь, всё погибло! Вот у афово домишко весь унесло и с рухлядью и с животом, а у афово двух коней, четырех коров затопило, у афово...» и т.д. «Хорошо – сказал император, – это всё у Афтова, а у других что погибло?» Тогда объяснили государю, что старик употребляет «афово» вместо «этого». Посмеявшись своей ошибке, государь приказал выстроить на высокой насыпи нынешнюю деревню и назвать ее «Афтово» [Пыляев, 1889].

Официальная часть легенды гласит, что наводнение 1824 г. действительно уничтожило деревни Автово и Емельяновку, после чего на казенные средства на месте смытых деревень были сделаны насыпи высотой 4—5 м и на казённые деньги выстроены новые деревни. Эта застройка сохранялась вплоть до конца 1930-х гг. Но одновременно на официальных же картах, показывающих границы наводнений, ясно видно — Автово находится ЗА ПРЕДЕЛАМИ самых катастрофических разливов. Кто и как «отмывал» казенные средства, отпущеные на «восстановление» не пострадавших деревень, история умалчивает.

Так же непостижимо для ума, как в одной голове образованного петербуржца укладывались сведения, категорически противоречащие друг другу: легенды о сметенном Автово и карты.

Что касается названия... К 1824 г. название Автово уже давно существовало.

На шведских планах 1676 г. на месте современного Автово показана деревня Autovo (Аутово), а на картах 1699 г. — Autova (Аутова). Слово это многие ученые выводят из финского «аутио», что означает «бездонный», «заброшенный». Другие полагают, что «Автово» происходит от одного из финских называний медведя — Овто, или от сачка — Отава.

В любом случае еще до 1703 г. на месте района Автово располагались деревни Лаурола, Нипрола, Лахта у Моря и Валлакюля. В XVIII в. вдоль Петергофской дороги стали строиться дачи. В 1801 г. на 7-ю версту Петергофской дороги из Кронштадта был переведён завод, получивший название «Петербургский чугунолитейный завод» — предок «Путиловского завода», в советские времена ставший «Кировским». Старая деревянная и каменная малоэтажная застройка в районе Кировского завода почти полностью уничтожена при строительстве жилого массива в 1937–1941 гг. по проекту архитектора А.А. Оля. Но нет никаких сведений о повреждении или уничтожении дач и Путиловского завода — любым из наводнений.

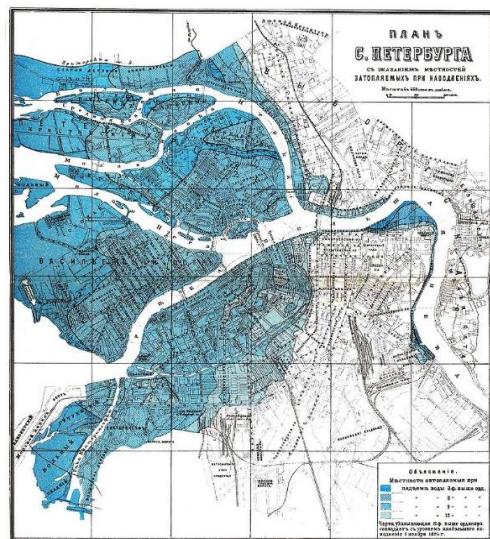


Иллюстрация: Карта начала XX века.

### Утонувшая Тараканова

История княжны Таракановой — сам по себе грандиозный исторический миф. Сама она никогда этим именем не пользовалась хотя имена и версии своего происхождения меняла с легкостью необычайной. Это имя присвоил

авантюристке французский дипломат и писатель Жан-Анри Катера в своей ехидной книге «Жизнь Екатерины II, императрицы российской». Запрещенная в Российской империи, книга читалась и во французском подлиннике, и во множестве русских и немецких переводов. В дальнейшем имя «Тараканова» широко использовалось – но не в научной, а в художественной литературе. Немцы порой называли ее «Тароконовой».

То, что «Тараканову» считали внебрачной дочкой Разумовского и Елизаветы, – факт. Что Екатерина велела заманить ее в Петербург, что и сделал Алексей Орлов – тоже факт. Дальше начинаются легенды... Официальная «княжна» умерла от туберкулеза в Петропавловской крепости, в 1775 году. Сообщение странное – княжна была здорова как молодая кобыла. Впрочем, и Петр III скончался от удивительнейшей болезни – от «геморроидальной колики».

По другой версии, в 1808 г. в одном из подмосковных монастырей скончалась скромная игуменья, мать Досифея. Попрощаться с ней приехала вся высшая аристократия России, потому что знала – умерла дочь императрицы Елизаветы Петровны, внучка Петра Великого. Монастыри жизни и последнего упокоения Досифеи, кстати, тоже называют разные.

Но несравненно более известный миф: княжна Тараканова утонула во время наводнения 1777 года. Ее то ли специально, то ли нечаянно оставили в затопляемом нижнем каземате. Княжна Тараканова очень по-петербуржски тонет и в романе Данилевского, и в повести Мельникова-Печерского [Мельников-Печерский 1963: 3–190; Данилевский 1868]. Та же история изображена на знаменитой картине К.Д. Флавицкого. Вот тут есть все, что полагается! И высокая трагедия, и высокая грудь княжны, и хлещущая в окошко вода, и крысы, бегущие по постели... На этой картине все правильно все по-петербуржски. Потоп – так потоп. Даже как-то неловко сообщать: все казематы Петропавловки находятся выше уровня затопления. Тараканова никогда не подвергалась ни малейшей опасности утонуть.



Иллюстрация: Флавицкий К.Д. Княжна Тараканова. 1864.

## Наводнение 1824 года

О наводнении 1824 г. судят в первую очередь по «Медному всаднику» Пушкина.

Но силой ветров от залива  
Перегражденная Нева  
Обратно шла, гневна, бурлива,  
И затопляла острова,  
Погода пуще свирепела,  
Нева вздувалась и ревела,  
Котлом клокоча и клубясь,  
И вдруг, как зверь остервенясь,  
На город кинулась. Пред нею  
Всё побежало, всё вокруг  
Вдруг опустело — воды вдруг  
Втекли в подземные подвалы,  
К решеткам хлынули каналы,  
И всплыл Петрополь как тритон,  
По пояс в воду погружен.  
Осада! приступ! злые волны,  
Как воры, лезут в окна. Челны  
С разбега стекла бьют кормой.  
Лотки под мокрой пеленой,  
Обломки хижин, бревны, кровли,  
Товар запасливой торговли,  
Пожитки бледной нищеты,  
Грозой снесенные мосты,  
Гроба с размытого кладбища  
Плыют по улицам!  
Народ  
Зрит божий гнев и казни ждет.  
Увы! всё гибнет: кров и пища! [Пушкин 1959].

В общем, картина полнейшего кошмара. Позже, с конца XIX в., создано немало картин и гравюр, изображающих именно то, что описывал Пушкин. Причем самое страшное нарисовал Александр Бенуа — живший почти через сто лет после катастрофы 1824 года.

Даже неловко сообщать: полиция дважды подавала правительству статистику — сначала сообщили о гибели 123 человек, спустя трое суток — 18 человек. Полицейские — тоже петербуржцы! Видимо, сначала запаниковали, предались ощущению, что Петербург вот прямо сейчас смоет в Маркизову лужу и быть ему пусту. А потом уже реально подсчитали последствия.

Но и в современной литературе сообщается о нескольких сотнях жертв.

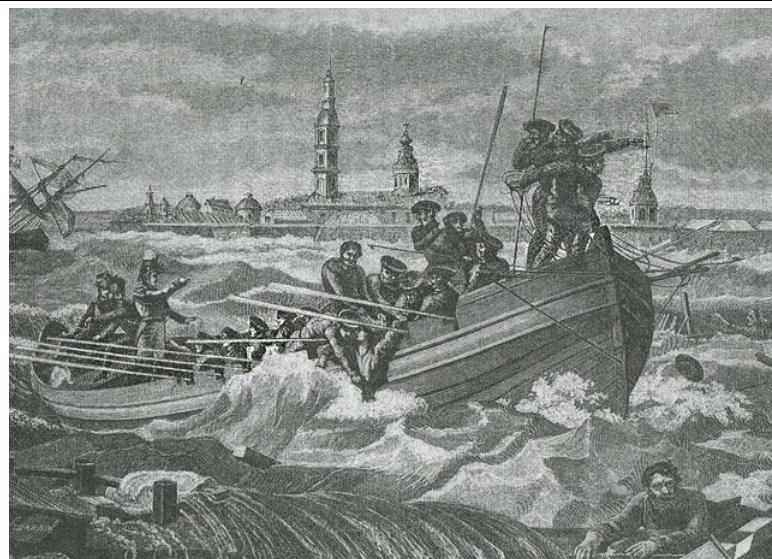


Иллюстрация: Наводнение ноября 1824 года. Гравюра 1890-х годов. «С рисунка того времени» – что должно быть свидетельством подлинности изображаемого. Только вот подлинник не известен.



Иллюстрация: Наводнение в Петербурге 1824 года. А.Н. Бенуа.



Иллюстрация: Наводнение 7 ноября 1824 года в Санкт-Петербурге. Эскиз В. Шебуев, после 1839.



7 ноября 1824 г. на площади у Большого театра.



В опасный путь средь бурных вод. А.Н. Бенуа, 1916.

### Наводнения XX столетия

В XX столетии произошли катастрофические наводнения 1903 г. (вода поднялась на 269 см от ординара), 1924 г. (380 см от ординара), 1955 (292 см от ординара), и 1975 годов (281 см от ординара).

Эти наводнения хорошо задокументированы, в том числе известны фотографии. Бедствие – было. Масштабы несчастья – умеренные,

Новое катастрофическое наводнение произошло в 1924 г., вода поднялась на 369-380 см выше ординара. Лишились кровя 15 тысяч семей, повреждено более 4 тысяч зданий. Наводнение снесло 19 мостов города, в том числе такие большие как Сампсониевский и Гренадерский – правда тогда они были не металлическими, а деревянно-балочными.



Иллюстрация: Садовая улица у бывшего Никольского рынка во время наводнения 25 ноября 1903 года

Это уже не картина, это фотография... Какой-никакой, а документ. Бенуа мог быть свидетелем этого наводнения – в 1903 году ему было 33 года. Спустя 11 лет он написал картину какого-то чудовищного потопа, не сравнимую по масштабам с тем, что он мог видеть собственными глазами.



Иллюстрация: В наводнение (Наводнение на Екатерининском канале). Н.Н. Дубовской, 1903.

Дубовской не поддался соблазну превратить наводнение в Петербурге во Всемирный потоп.

Вода тогда испортила 2 миллиона м<sup>2</sup> мостовых и 120 трамвайных вагонов, смыла 550 деревьев, повредила многим заводам и порту. 40 судов затонули или были выброшены на берег.

Общий ущерб от наводнения оценивают в 130 млн тогдашних рублей. Вот о погибших – опять сильные расхождения. Официальные данные – погибло 16 человек. Но спустя сорок лет гидролог Алексей Соколов называет совсем другую цифру – 600 человек [Соколов, 1986].

### Законы мифотворчества

Хорошо понятны основные закономерности создания мифов:

- 1) Мифы создаются не свидетелями.
- 2) При создании мифа рисуется максимально апокалиптическая картина.
- 3) Самые страшные картины всегда создаются значительно позже самого происшествия.

Катастрофические мифы создают своего рода «регионально-исторический» миф или «культурно-исторический» миф Петербурга. Национально-исторические мифы изучаются [как пример: Ставицкий 2015].

«Регионально-исторические» изучены много слабее, и зря – они и не менее важны для понимания культурного кода буквально миллионов людей, не менее опасны и зловонны. Действительно: ну какой смысл продолжать историю обреченного города, который все равно скоро утонет?

### Упоение картинами потопа

Постоянные наводнения создавали и поддерживали сюжеты потопа, сметающего Петербург. Сюжеты конкретизировали «быть Петербургу пусту».

По мнению Ю.М. Лотмана, вокруг такого города, как Петербург, всегда «будут концентрироваться эсхатологические мифы, предсказания гибели, идея обреченности и торжества стихий...» [Лотман 1996: 177].

– Видишь шпиль? – Как нас в погодку  
Закачало с год тому;  
Помнишь ты, как нашу лодку  
Привязали мы к нему? ..  
Тут был город, всем привольный,  
И над всеми господин;  
[Нынче шпиль из колокольни](#)  
Виден из моря один!

Так старый рыбак говорит мальчику в стихотворении М. Дмитриева «Подводный город». Стихотворение увидело свет в 1865 году.

«Вот уже колеблются стены, рухнуло окошко, рухнуло другое, вода хлынула в них, наполнила зал. ... Вдруг с треском рухнули стены, раздался потолок, – и гроб, и все бывшее в зале волны вынесли в необозримое море». Эти сцены из «Русских ночных» Ф. Одоевского – не что иное, как картины гибели Петербурга [Одоевский 1981: 52–53].

Конечно же, литература этого рода вовсе не исчерпывается приведенными отрывками. Это – наиболее талантливые, произведшие на современников самое большое впечатление примеры. Вообще же литература про потоп, которому предстоит поглотить бедный Петербург, составляла важную часть духовной культуры города XIX века, да и современную.



Иллюстрация: обложка книги с картинкой Кати Юнгер.

Но, впрочем, что там наводнение. Ф.М. Достоевскому привиделось не хлюпающее болото под мостовыми, не волны, хлещущие в окна третьего этажа Зимнего дворца, а покруче: что в одно прекрасное утро поднимется утренний туман, а вместе с ним и весь невероятный, фантасмагорический город. Туман унесет город, и останется на месте Санкт-Петербурга лишь одно «пустое финское болото». Как видно, стоит речь зайти о Петербурге, никуда не деться от зрелища то ли вод, заливающих столицу, то ли обработанного камня, упывающего в небо в струях водяного пара.

Интересно, что и гибель города в 1918 г. (многим казалось, что это – окончательная и бесповоротная гибель) многие воспринимали именно как погружение в воды. Как у Г.В. Иванова: «Говорят, тонущий в последнюю минуту забывает страх, перестает задыхаться. Ему вдруг становится легко, свободно, блаженно. И, теряя сознание, он идет на дно, улыбаясь. К 1920-му году Петербург тонул уже почти блаженно» [Иванов 2000: 33].

Какая, однако, навязчивая идея – это неизбежное погружение Петербурга в первозданные воды! До сих пор речь шла о литературных описаниях потопа, о культуре образованных верхов, рисовавших и сочинявших стихи и романы. Но буквально с момента основания Петербурга жила и самая что ни на есть простонародная вера в затопление Петербурга.

Петербуржцы слишком хотят жить в городе, возведенном на костях. В городе, который проклят изначально, и которому быть пусту. И который, очень может быть, скоро вообще потонет в море.

Сюжет потопа породил не только огромную литературу, но даже и красочную деталь, зримое воплощение «торжества стихий» – вершину Александровского столпа или Петропавловской крепости, торчащие над волнами и служащие причалом для кораблей. Деталь эта ходила из альбома в альбом, перекочевывала с иллюстрации на иллюстрацию, и была хорошо известна петербуржцам.

«Лермонтов …любил чертить пером и даже кистью вид разъяренного моря, из-за которого поднималась оконечность Александрийской колонны с венчающим ее ангелом. В таком изображении отзывалась его безотрадная, жаждавшая горя фантазия» [Соллогуб 1931: 183–184].

Ладно, фантазия Лермонтова «жаждала горя» – но ведь любая «фантазия» автора только в одном случае превращается в фактор культуры: эту фантазию должны востребовать люди. Если бы не нашлось большого числа тех, кто хотел именно таких «фантазий» – ну, и остались бы они частным делом Лермонтова, кто бы их помнил.

Что характерно – рисунок Лермонтова и его многочисленные подражания не сохранились. Для обложки одной из моих книг [Буровский, 2025] я попросил сделать рисунок Екатерину Юнгер – тоже из старой петербургской семьи. Ее рисунок по меньше мере не хуже потерянного лермонтовского.

### **Заключение (Conclusion)**

На первый взгляд, странно, что благополучная и сытая интеллигенция XIX в., занимавшая высокое положение в обществе, упивалась зрелищем вселенской гибели. Что Полонскому мерещились призраки замученных мужиков, душащих детишек XIX в., а Лермонтову – затопленный Петербург и торчащий одинокий шпиль Петропавловки.

Но столетием позже ленинградские интеллигенты воспринимали свой город иначе. Как Вадим Шефнер – из поколения, пережившего две мировые войны и Гражданскую, выросший в опустевшем Петербурге начала 1920-х, потерявший друзей на Войне 1941–1945 гг. и любимую женщину в Блокаде… Человек, ставший свидетелем двух убийств города, когда трупы лежали на улицах; на глазах которого дома рушились под бомбами, погребая заживо людей. А этот человек во второй половине XX в. пишет строки бодрые, как барабанная дробь.

Сравним приводимые выше сюжеты с не менее известным, написанным В. Шефнером в 1970-м году:

Ведется ввоз и вывоз  
Уже не первый год  
Громадный город вырос  
И все еще растет.

Вздымает конь копыта  
Надnevской мостовой,  
Над сутолокой быта,  
Над явью деловой.

Вступало в город море  
За каменный порог.  
Вступало в город горе,

Но враг войти не смог.

Мы с Питером бывали  
В достатке и в нужде  
В почете и в опале  
В веселье и в беде.

На суше и на море,  
Пройдя огонь и дым,  
Немало мы викторий  
Отпраздновали с ним

И все твориться чудо,  
И нам хватает сил,  
И конь еще покуда  
Копыт не опустил [Шефнер, 2009: 113].

Могу ошибиться, но похоже, образованный слой Российской империи был слишком благополучен. Не дополучая негатива в реальной жизни, он использовал особенности Петербурга, чтобы упиваться негативом и зреющим «ужасом» в литературе. При определенных условиях «черные мифы» о Петербурге могут стать своего рода «оружием массового поражения» [Ставицкий 2024а].



Наводнение в Петербурге в 1777 году. Немецкая гравюра XVIII века  
Пример применения информации о наводнениях, как оружия. Какие же они ужасные, правители России, что заставили жить людей в таких условиях!

Современный образованный слой России и в том числе Санкт-Петербурга имеет исторический опыт, которого не пожелаешь никому. Город действует на нас не меньше, чем на дедов и прадедов. Многое и в творчестве Шефнера – очень

традиционно-петербургское... Хотя бы его навязчивое, многолетнее переживание неизбежности смерти: в том числе в возрасте 30 или 40 лет. Но эстетизировать гибель, болезнь, потери и лишения уже этому поколению стало совсем не интересно. Тем более не интересно это делать людям «послевоенных» поколений – тем, кому сейчас 70 и меньше.

Современный Петербург душевно намного здоровее исторического.

Петербург – необыкновенный город, прошлое которого величественно, а настоящее ярко и прекрасно. Таким он и живет в сознании молодых жителей Города. С изменениями культуры будет меняться и восприятие – но вряд ли вернется прежний неврастенический надрыв, мрачное ожидание неизбежного конца.

...Но есть и ложка дегтя – похоже, появляются новые мифы. Например, миф о глобальном потеплении, которое сметет и Петербург. Или миф о том, что Петербург не построен, а «откопан». Он создан некой высокоразвитой цивилизацией.

Но эти новые мифы – тема отдельного расследования.

### Литература

*Буровский А.М.* Санкт-Петербург как географический феномен. СПб: Метропресс, 2015.

*Данилевский Г.П.* Княжна Тараканова. 1883.

*Иванов Г.В.* Петербургские зимы. СПБ, 2000. С. 33.

*Каратыгин П.П.* Летопись петербургских наводнений 1703–1879 гг. СПб: Тип. А.С. Суворина, 1888.

*Тилло Э.И.* Проект предохранения Санкт-Петербурга от наводнений. – СПб.: Тип. Имп. Акад. наук, 1893. 54 с.

*Быстржинский М.* [Инженер М.П.С.] Меры ограждения Санкт-Петербурга и Кронштадта от наводнений. Отдельный оттиск из «Журнала Министерства Путей Сообщения». СПб: Типография И. Н. Кушнерева, 1908 г. 20 с. 1 л. Карты

*Лотман Ю.М.* Символика Петербурга // Внутри мыслящих миров. М., 1996. С. 277.

*Мельников-Печерский П.И.* Княжна Тараканова и Принцесса Владимирская // Мельников-Печерский П.И. Собрание сочинений: в 6 т. М.: Правда, 1963. Том 6. С. 3–190.

*Нежиховский Р.А.* Река Нева и Невская губа. Л.: Гидрометеоиздат, 1981.

*Одоевский В.Ф.* Русские ночи // Одоевский В.Ф. Сочинения в 2-х томах. Том II. М., 1981. С. 51–52.

*Померанец К.С.* Три века петербургских наводнений. СПб.: «Искусство-СПБ», 2005.

*Пушкин А.С.* Медный всадник («На берегу пустынных волн...») // Пушкин А.С. Собрание сочинений в 10 томах. М.: ГИХЛ, 1959–1962. Том 3.

*Пыляев М.И.* Старый Петербург. СПб: Изд-во А. С. Суворина, 1889.

*Соколов А.А.* Вода: проблемы на рубеже XXI века. Л.: Лениздат, 1986.

*Соллогуб В.А.* Воспоминания. М.-Л., 1931. С. 183–184.

*Ставицкий А.В.* Миф как оружие массового поражения информационно-психологических войн // Миф в истории, политике, культуре. Сборник материалов VII Международной научной междисциплинарной конференции (июнь 2024 года,

г. Санкт-Петербург – Севастополь) Севастополь: ООО «ТБС Паблишинг» 2024а. с 234-240

Ставицкий А.В. Национально-исторический миф Украины. Севастополь: Рибест, 2015. 748 с.

Ставицкий А.В. Национально-исторический миф Украины: смысл, природа и предназначение // Миф в истории, политике, культуре. Сборник материалов VII Международной научной междисциплинарной конференции (июнь 2024 года, г. Санкт-Петербург – Севастополь) Севастополь: ООО «ТБС Паблишинг» 2024б. с 234-240.

Шефнер В.С. Сестра печали. М.: ТЕПРА-книжный клуб, 2009.

## References

Burovsky, A.M. (2015) Saint Petersburg as a Geographical Phenomenon. Saint Petersburg: Metropress Publ. (In Russian).

Danilevsky, G.P. (1883) Princess Tarakanova. (In Russian).

Ivanov, G.V. (2000) Saint Petersburg Winters. Saint Petersburg. P. 33. (In Russian).

Karatygin, P.P. (1888) Chronicle of Saint Petersburg Floods of 1703-1879. Saint Petersburg: Type. A.S. Suvorin Publ. (In Russian).

Tillo, E.I. (1893) Project for Protecting Saint Petersburg from Floods. Saint Petersburg: Type. Imperial Academy of Sciences Publ. 54 p. (In Russian).

Bystrinsky M. (1908) [Engineer M.P.S.] Measures to Protect Saint Petersburg and Kronstadt from Floods. Separate reprint from the “Journal of the Ministry of Railways”. St. Petersburg: I.N. Kushnerev Printing House Publ. 20 p. 1 p. Maps (In Russian).

Lotman, Yu.M. (1996) Symbolism of Petersburg // Inside Thinking Worlds. Moscow. P. 277. (In Russian).

Melnikov-Pechersky, P.I. (1963) Princess Tarakanova and Princess Vladimirskaia // Melnikov-Pechersky P.I. Collected Works: in 6 volumes. Moscow: Pravda Publ. Volume 6. Pp. 3–190. (In Russian).

Nezhikhovsky, R.A. (1981) The Neva River and the Neva Bay. Leningrad: Gidrometeoizdat Publ. (In Russian).

Odoevsky, V. F. (1981) Russian Nights // Odoevsky V.F. Works in 2 volumes. Volume II. Moscow. Pp. 51–52. (In Russian).

Pomeranets, K.S. (2005) Three Centuries of St. Petersburg Floods. St. Petersburg: Iskusstvo-SPB Publ. (In Russian).

Pushkin, A.S. The Bronze Horseman ("On the Shore of Deserted Waves...") // Pushkin A.S. Collected Works in 10 Volumes. Moscow: GIHL Publ. 1959–1962. Volume 3. (In Russian).

Pylyaev, M.I. (1889) Old Petersburg. St. Petersburg: A.S. Suvorin Publishing House Publ. (In Russian).

Sokolov, A.A. (1986) Water: Problems at the Turn of the 21st Century. Leningrad: Lenizdat Publ. (In Russian).

Sollogub, V.A. (1931) Memories. Moscow–Leningrad. Pp. 183–184. (In Russian).

Stavitskiy, A.V. (2024) Myth as a Weapon of Mass Destruction of Information and Psychological Warfare // Myth in History, Politics, Culture. Collection of materials of the VII International scientific interdisciplinary conference (June 2024, St. Petersburg – Sevastopol) Sevastopol: LLC "CSB Publishing". Pp. 234–240. (In Russian).

*Stavitskiy, A.V. (2015) The National-Historical Myth of Ukraine. Sevastopol: Ribest Publ. 748 p. (In Russian).*

*Stavitskiy, A.V. (2024) National-historical Myth of Ukraine: Meaning, Nature and Purpose // Myth in History, Politics, Culture. Collection of materials of the VII International scientific interdisciplinary conference (June 2024, St. Petersburg – Sevastopol) Sevastopol: LLC "CSB Publishing". Pp. 234–240. (In Russian).*

*Shefner, V.S. (2009) Sister of sorrow. Moscow: TERRA-book club Publ. (In Russian).*

**Сведения об авторе:**

***Буровский Андрей Михайлович***

генеральный директор ООО «Книги и фильмы Андрея Буровского», доктор философских наук, профессор (г. Санкт-Петербург, Россия).

**Bionotes:**

***Burovsky Andrey Mikhailovich***

General Director of OOO Books and Films by Andrey Burovsky, Doctor of Philosophy, Professor (St. Petersburg, Russia).

**Для цитирования:**

***Буровский А.М. Страшные наводнения Петербурга: как создавался миф // МИФОЛОГОС. Серия «Миф и общество: история, политика, социология». № 4 (16), 2025. С. 119–134.***

**For citation:**

***Burovsky A.M. The Terrible Floods of St. Petersburg: how the Myth was Created // MYTHOLOGOS. Series "Myth and Society: History, Politics, Sociology". № 4 (16), 2025. Pp. 119–134.***

УДК 94(410)"1399/1485"+7.072

**ЗАГАДКА КАРТИНЫ Э. БЛЕЙР-ЛЕЙТОНА “VOX POPULI”:  
МИФ И РЕАЛЬНОСТЬ ЭПОХИ ПЕРВЫХ ТЮДОРОВ**

**Кирюхина Елена Михайловна  
Кирюхин Дмитрий Вячеславович**

Нижегородский государственный агротехнологический университет  
им. Л.Я. Флорентьева  
(г. Нижний Новгород, Россия)

**Аннотация**

Целью статьи является анализ картины последователя прерафаэлитов Эдмунда Блейр-Лейтона “Vox Populi” («Этот маленький принц, возможно, в свое время благословит королевский трон») для определения соотношения исторической основы и авторского художественного вымысла. Актуальность материала обусловлена как существующими несколькими версиями об изображенных на полотне, так и сравнительно небольшим числом научных работ, посвященных жизни и творчеству художника, после смерти которого не сохранилось ни дневников, ни писем, ни других источников личного происхождения. Специфика источникового материала предполагает использование не только методов исторической науки, но и искусствоведения и литературоведения в рамках так называемого «Культурного поворота». Авторы приходят к выводу о том, что хотя наиболее вероятно (что подтверждается источниками) художник задумывал изобразить супругу короля Генриха VI Маргариту Анжуйскую и ее сына Эдуарда, получившийся результат представляет собой романтизированный полумифический образ эпохи Войн Роз, довольно далекий от реальной исторической действительности.

**Ключевые слова:** Прерафаэлиты; Эдмунд Блейр-Лейтон; Войны Роз; Тюдоры.

**THE MYSTERY OF E. BLAIR-LEIGHTON'S PAINTING "VOX POPULI":  
MYTH AND REALITY OF THE EARLY TUDOR ERA**

**Kiryukhina Elena Mikhailovna,  
Kiryukhin Dmitriy Vyacheslavovich**

Nizhny Novgorod State Agrotechnological University n.a. L.Ya. Florent'ev  
(Nizhny Novgorod, Russia).

**Abstract**

The purpose of the article is to analyze the painting by the Pre-Raphaelite follower Edmund Blair-Leighton “Vox Populi” (“A little prince likely in time to bless a royal throne”) to determine the relationship between the historical basis and the author’s artistic fiction. The relevance of the material is due to both the existence of several versions of those depicted on the canvas, and the relatively small number of scientific works devoted to the life and work of the artist, after whose death no diaries, letters or other sources of personal origin were preserved. The specificity of the source material suggests the use of not only the methods of historical science, but also art history and literary criticism within the framework of the so-called “Cultural Turn”. The authors come to the conclusion that although it is most likely (which is confirmed by the sources) that the artist intended to depict the wife of King Henry VI, Margaret of Anjou, and her son Edward, the result is a romanticized semi-mythical image of the era of the Wars of the Roses, quite far from the real historical reality.

**Key words:** Pre-Raphaelites; Edmund Blair-Leighton; Wars of the Roses; Tudors.

### ***Введение (Introduction)***

Интерес к истории своей страны в Великобритании на уровне государственной поддержки начал свое развитие во времена династии Тюдоров, однако наибольший расцвет получил в Викторианскую эпоху. Утверждение огромной империи порождало гордость за страну, чьи достижения были вызваны славными деяниями героев прошлого.

Среди источников творческого вдохновения художников и поэтов, помимо личных коллекций, выставок и экспозиций в музеях, большую роль играли литературные произведения. В конце XVIII – начале XIX в. были изданы произведения средневековой литературы и фольклора. Необычайную популярность приобрели исторические романы В. Скотта, произведения романтиков на средневековую тематику, баллады и «Королевские идиллии» А. Теннисона. Большой интерес вызывали книги, посвященные историческому прошлому Великобритании. Помимо обращения к историческим сюжетам эпохи Средневековья, прерафаэлиты и художники их круга проявляли интерес к периоду правления династии Тюдоров. Возрождение новой королевской династии означало начало Нового времени, стабильности и процветания, монархи Викторианской и Эдвардианской эпохи воспринимались продолжателями традиций великих предков.

### ***Методы (Methods)***

Специфика рассматриваемого материала статьи предполагает обращение к методам, выработанным в процессе так называемого «Культурного поворота» (“cultural turn”) в исторической науке. Это методы новой культурной истории и исторической культурологии, такие как сравнительно-сопоставительный, проблемный и ретроспективно-перспективного анализа. Связь данного исследования с сферами искусствоведения и литературоведения подтверждает использование культурно-исторического и иконографического методов, активно используемых в названных науках.

### ***Обзор литературы (Literature Review)***

Несмотря на то, что английский художник Эдмунд Блейр-Лейтон достаточно хорошо известен за рубежом как один из последователей движения Прерафаэлитов, нельзя сказать, что историография, посвященная его жизни и творчеству достаточно обширна. Из работ последних лет необходимо отметить альбом Даниэля Анкеле [Ankele 2015] и статью в иллюстрированной энциклопедии прерафаэлизма [Блейр-Лейтон 2006]. Произведения Э. Блейр-Лейтона подвергаются подробному анализу в качестве имагографических источников впервые на русском языке в монографии «Средневековье как источник вдохновения в творчестве прерафаэлитов и их последователей» [Кирюхина 2020]. Что касается картины “Vox Populi”, то сведения о ней мы можем найти в художественных каталогах выставок 1904 г. [Royal Academy Pictures Illustrating the Hundred and Thirty-Sixth Exhibition of The Royal Academy 1904: 50; The Art Journal 1904: 187–188.; Academy Notes with Illustrations of the Principal Pictures 1904: 22], изображенные на ней исторические персонажи вызывают у многих современных авторов и блоггеров кардинально противоположные мнения [Blair Leighton 2011; “Vox Populi” by Edmund Blair Leighton (1904) 2025; Parry 2011]. Интерес к истории Англии периода Войн Роз и царствования династии Тюдоров с годами не ослабевает в отечественной историографии, пополняющейся как новыми

переводными изданиями [Гай, Фокс 2024], так и оригинальными монографическими исследованиями [Праздников 2024].

### *Результаты и обсуждение (Results and Discussions)*

Эдмунд Блейр-Лейтон (1853–1922) родился в Лондоне в семье художника Чарльза Блейр-Лейтона, учился в Школе искусств при Королевской академии. С 1878 по 1920 гг. он экспонировал свои работы на академических выставках. Манеру художника отличает фотографическая точность деталей: у него была обширная коллекция оригинальных костюмов XVIII в., инструментов и оружия, которые он использовал наряду с манекенами и живыми моделями, на них он проверял точность воссоздания деталей вооружения и костюмов.

На картине Э. Блейр-Лейтона “Vox Populi” (лат. «Глас народа») [Бабичев, Боровский 1986: 877–879] перед зрителем маленький мальчик, которому выражают радость и почтение воины и простой народ. Действие картины происходит в центре городской площади, которая имела особое значение в эпоху Средневековья, являясь не просто местом встреч, но и площадкой, где могли проходить исторически важные события. Отметим точное изображение художником архитектуры средневекового города XV в.: открытые городские ворота на заднем плане, элемент крепостной стены с мощной башней, постройку богатого городского дома с открытой внешней галереей, массивную лестницу, покрытую богатым ковром. Богатая одежда и «королевские» цвета, – красный, черный и золотой [Кирюхин 2022: 210], – говорят о том, что перед нами не простые дворяне, кроме того, голову мальчика украшает золотой венец. Ребенка с матерью охраняет вооруженная стража в рыцарских доспехах. Воины, стоящие перед лестничной площадкой, держат штандарты разных цветов, вероятно, дворянских домов, которые поддерживают юного принца. Фигура мальчика на лестнице, выходящей на городскую площадь, символизирует пограничное положение между личным миром его детства и общественным публичным пространством будущего короля.

Обратимся к важным деталям картины, которые могут помочь ответить на вопрос, кто из исторических персонажей перед нами. Свою картину, созданную и выставленную в 1904 г., художник назвал крылатым выражением на латыни. Однако картина имеет и второе название, которое художник оставил на обороте холста. Это цитата из 3 части исторической хроники В. Шекспира «Генрих VI» (1590 г.): «Этот маленький принц, возможно, в свое время благословит королевский трон» [Шекспир 1997: 368]. В пьесе король Генрих VI Ланкастер произносит эти слова при виде юного Генриха графа Ричмонда. Использование художником именно этой цитаты стало основанием для версии, согласно которой Маргарита Бофорт демонстрирует горожанам своего сына Генриха Ричмонда, будущего короля Генриха VII, основателя династии Тюдоров [Blair Leighton 2011]. Однако эта версия имеет ряд существенных несостыковок.

В первую очередь, вопрос вызывает возраст ребенка, которому на картине около пяти лет. Сюжет предсказания Генрихом VI о наследовании его дальним родственником трона не был придуман самим В. Шекспиром, а заимствован им из произведений тюдоровской эпохи. Впервые и наиболее полно эта тема была отображена у Бернара Андре в «Истории жизни и достижений Генриха VII» (1500–1503 гг.). Описываемое событие, если таковое имело место в реальности, вероятнее всего, могло произойти не ранее 1470 или 1471 г., когда Генриху было 13 или 14 лет [Андре 2017: 33, 112]. Именно в это время на английском престоле на короткий период вновь воцаряется Генрих VI и после гибели своего сына и

наследника Эдуарда Вестминстерского (1454–1471) в битве при Тьюксбери 4 мая 1471 г., возможно, обращает свое внимание на дальнего родственника. Таким образом, хотя авторы тюдоровского периода и сообщают о некоем предсказании, которое затем переносит в свою пьесу В. Шекспир, сведений о том, что юного Генриха Ричмонда демонстрируют народу, нам найти не удалось.

Обратим внимание на цвет волос мальчика. Трогательный образ златовласого ребенка на картине, выражавший надежду на будущий мир и благородство, не соответствует портретным изображениям темноволосого Генриха VII, самый ранний из портретов которого датирован его пребыванием в Бретани во второй половине 1470-х гг. [Кирюхин 2013]. Удивляет и отсутствие узнаваемых гербов, символов, атрибутики и цветов будущих Тюдоров. Присутствие красного и белого цветов, которые намеренно контрастируют друг с другом, может намекать на геральдические алую и белую розы, которые были объединены в розу Тюдоров, однако предположение является достаточно спорным, не вызывает сомнений лишь наличие т.н. «королевских цветов». Наличие ярких цветов и цветовых контрастов, в частности красного и белого, является характерной чертой художников-прерафаэлитов, которое не всегда может иметь какую-то дополнительную смысловую и символическую нагрузку.

Согласно второй версии, главными действующими лицами картины являются Маргарита Анжуйская, супруга короля Генриха VI, и ее сын Эдуард Вестминстерский, принц Уэльский [Parry 2011]. Подтверждение этому мы находим, во-первых, в цвете волос мальчика. Даже современные авторы, такие как Филиппа Грегори, использующие исторический материал рассматриваемой эпохи в качестве почвы для создания романа, пишут о внешности принца следующее: «Он унаследовал черты матери: светлые, почти медного оттенка волосы, ее круглое лицо и маленький рот с вечно недовольно поджатыми губами...» [Грегори 2016: 153–154].

Во-вторых, художник не мог не знать геральдики, и на одежде стоящего справа воина мы видим характерный герб – в лазоревом поле три золотых лилии (французский королевский герб), в червленом поле три золотых вооруженных лазурью леопарда (идущих льва настороже) (английский королевский герб). Согласно изображению в «Книге основателей и благотворителей аббатства Тьюксбери» (ок. 1525 г.), герб Эдуарда, принца Уэльского, состоял из английского королевского герба и герба его деда по матери, герцога Анжуйского [Вилинбахов, Медведев 1990].

Однако и к этой версии имеется несколько вопросов. Прежде всего, это возраст изображенного на картине принца. Если на картине ему около пяти лет, то изображенные на ней события должны были происходить примерно в 1459 г. Но в это время после победы 12 октября на Ладфордском мосту Ланкастерам удалось заметно укрепить свое положение, и едва им требовалась наглядная демонстрация юного принца [Устинов 2008: 524–525]. Если предположить, что действие картины происходит в период с 1455 по 1459 гг. после поражения Ланкастеров в битве при Сент-Олбансе, когда Генрих VI был пленен, сюжет начинает казаться более достоверным. Однако на данный момент нам не удалось найти сведений в письменных источниках о том, что что-то подобное происходило. Более всего смущает выбранная художником цитата для альтернативного названия картины, ведь если изображен именно сын Эдуарда VI, а не будущий Генрих VII Тюдор, то смысл ее становится ровно противоположным. Это уже не надежда на светлое

будущее и долгожданный мир между враждующими домами Ланкастеров и Йорков, а горькая ирония, потому что юному принцу не суждено наследовать трон его отца. По одной из версий, юный Эдуард не погиб на поле боя, а был пленен и убит руками Йорков, что придает использованной автором цитате особую горечь.

Хотя сведений о подобном публичном действе нам не удалось найти в источниках рассматриваемого периода, позволим предположить, что могло быть источником для вдохновения художника в выборе сюжета. Для этого обратимся к событиям, которые происходили во Франции за тридцать лет до событий из цитаты В. Шекспира, что описывает в 24-й книге «Английской истории» Полидор Вергилий. После скоропостижной смерти Генриха V 31 августа 1422 г. положение англичан во Франции стало ухудшаться с каждым днем. Способом укрепить пошатнувшееся положение стал визит юного Генриха VI. Он прибыл в Париж, где на улицах города его с радостными аплодисментами приветствовали горожане. Затем дядя десятилетнего Эдуарда герцог Бедфорд Джон Ланкастерский, регент Франции, управлявший завоеванными англичанами землями от имени своего несовершеннолетнего племянника, произнес речь, которую со слов очевидцев приводит Полидор Вергилий. Затем состоялась коронация в соборе Парижской Богоматери и принесение клятвы верности французской знати [Vergil Polydore 2005: 23]. Описание подобного действия очень напоминает то, что мы видим на картине Э. Блейр-Лейтона. «Английская история» Полидора Вергилия была хорошо известна в Англии, и хотя жестко критиковалась вплоть до XIX в. за недоверие автора к правдивости подвигов легендарного короля Артура и происхождения английского народа от мифического Брута Троянского [Carley 1996], широко использовалась практически всеми авторами последующих эпох. Вполне возможно, что прочесть этот яркий отрывок мог и сам художник, или же обратить на него внимание в переложении другого автора.

Окончательную точку в вопросе атрибуции изображенных на картине героев, ставит комментарий к ней, опубликованный в каталоге Королевской Академии художеств, вышедший в 1904 г. – на момент создания и экспонирования картины, в это время используется только первое название полотна [Academy Notes with Illustrations of the Principal Pictures 1904: 22]. Сам художник на момент этой публикации был жив и при желании мог опровергнуть или исправить допущенную ошибку. Однако в последнее время гораздо чаще можно встретить версию о том, что на картине изображен не Эдуард Вестминстерский и его мать, а маленький Генрих Ричмонд и Маргарита Бофорт, что объясняют цитатой В. Шекспира на обороте картины.

### Заключение (*Conclusions*)

Подводя итог, картина Э. Блейр-Лейтона “*Vox Populi*” кажется нам гораздо более близкой к романтизированному полумифическому образу из эпохи противостояния домов Ланкастеров и Йорков, нежели к реальной исторической действительности. Хотя художник в реалистичной манере изображает и место действия – европейский город второй половины XV в., и воспроизводит детали одежды и вооружений, подтвердить происходящее на полотне с помощью какого-либо нарратива – исторического, либо художественного, на данный момент невозможно.

## Литература

- Андре Бернар.* () История жизни и достижений Генриха VII / Пер. и комм. Д.В. Кирюхин. М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2017. 144 с.
- Бабичев Н.Т., Боровский Я.М.* (1986) Словарь латинских крылатых слов: 2500 ед. / Под ред. Я.М. Боровского. 2-е изд. М.: Русский язык. 960 с.
- Блейр-Лейтон, Эдмунд (2006) // Прерафаэлизм: иллюстрированная энциклопедия. СПб: ООО «СЗКЭО «Кристалл»». С. 39–40.
- Вилинбахов Г., Медведев М.* (1990) Геральдический альбом. Лист 2 // Вокруг света: журнал. № 4 (2595).
- Гай Дж., Фокс Дж.* (2024) Охота на сокола: Генрих VIII и Анна Болейн: брак, который перевернул устои, потряс Европу и изменил Англию / Пер. с англ. И.В. Никитиной. М.: Ко Либри, Азбука-Аттикус. 736 с.
- Грегори Ф.* (2016) Дочь кардинала / Пер. Н. Кузовлевой. М.: «Э». 608 с.
- Кирюхин Д.В. (2013) Образы королей Генриха VII и Генриха VIII в английском парадном портрете эпохи Тюдоров // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. № 5. Ч. 1. С. 391–395.
- Кирюхин Д.В. (2022) Триумф первых Тюдоров: презентация королевской власти в культурной и интеллектуальной жизни английского двора 1485–1533 гг. М., СПб.: Центр гуманитарных инициатив, Петроглиф. 320 с.
- Кирюхина Е.М. (2020) Средневековые как источник вдохновения в творчестве прерафаэлитов и их последователей. М.: Университет Дмитрия Пожарского. 240 с.
- Праздников А.Г.* (2024) Люди Войн Алой и Белой Розы. Состав и модели поведения активных участников социально-политического конфликта в Англии второй половины XV века. СПб.: Евразия. 560 с.
- Устинов В. (2008) Столетняя война и Войны Роз. М.: ACT: Астрель: Хранитель. 637 с.
- Шекспир В. (1997) Полное собрание сочинений: В 14 т. Т. 3 / Пер. с англ., прим. А. Смирнова. М.: ТЕПРА. 704 с.
- Academy Notes with Illustrations of the Principal Pictures. L.: Wells Gardner, Darton & co, 1904. 166 p.
- Ankele D. Edmund Blair Leighton: 90 Pre-Raphaelite Paintings. L.: Ankele Publishing, 2015. 108 p.
- Blair Leighton E.* A Little Prince likely in Time to bless a Royal Throne. [Электронный ресурс] URL: <http://www.goldenagepaintings.blogspot.com/2010/09/frederic-lord-leighton-little-prince.html> (дата обращения: 06.04.2011).
- Carley J.P.* Polydore Vergil and John Leland on King Arthur: the Battle of the Books // Kennedy E.D. King Arthur: a Casebook. N.Y.: Garland. 1996. p. 185–204.
- Parry R.S.* Vox Populi – a painting, surprisingly, for Christmas. 2011, 12th December. [Электронный ресурс] URL: <https://robertstephenparry.com/endymion/vox-populi.html> (дата обращения: 05.08.2025).
- Royal Academy Pictures Illustrating the Hundred and Thirty-Sixth Exhibition of The Royal Academy. L., P., N.Y., Melbourne: Cassell and Company, Limited, 1904. 176 p.
- The Art Journal. L.: Virtue & Co, 1904. 392 p.

*Vergil Polydore. Anglica Historia. Book XXIII* /Ed. and trans. by D.J. Sutton / Library of Humanistic Texts at the Philological Museum of University of Birmingham's Shakespeare Institute. [Электронный ресурс] URL: <https://philological.cal.bham.ac.uk/polverg/23lat.html> (дата обращения: 05.08.2025).

“Vox Populi” by Edmund Blair Leighton (1904). [Электронный ресурс] URL: <https://feuillesmortes.tumblr.com/post/163600107847/vox-populi-by-edmund-blair-leighton-1904-this> (дата обращения: 05.08.2025).

## References

*Andre Bernard.* (2017) The History of the Life and Accomplishments of Henry VII / Trans. and comment. D.V. Kiryukhin. Moscow; St. Petersburg: Center for Humanitarian Initiatives Publ. 144 p. (In Russian).

*Babichev, N.T., Borovsky Ya.M.* (1986) Dictionary of Latin winged words: 2500 units / Ed. Ya.M. Borovsky. 2nd ed. Moscow: Russian language Publ. 960 p. (In Russian).

Blair-Leighton, Edmund (2006) // Pre-Raphaelism: Illustrated Encyclopedia. St. Petersburg: OOO SZKEO Crystal Publ. Pp. 39–40. (In Russian).

*Vilinbakhov, G., Medvedev M.* (1990) Heraldic Album. Sheet 2 // Around the World: magazine. No. 4 (2595). (In Russian).

*Guy, J., Fox, J.* (2024) Hunting The Falcon: Henry VIII, Anne Boleyn and the Marriage that Shook Europe / Trans. from English by I.V. Nikitina. Moscow: KoLibri, Azbuka-Atticus Publ. 736 p. (In Russian).

*Gregory, F.* (2016) The Cardinal's Daughter / Translated by N. Kuzovleva. Moscow: "E" Publ. 608 p. (In Russian).

*Kiryukhin, D.V.* (2013) Kings Henry VII and Henry VIII in Tudor Formal Portraits // Bulletin of the N.I. Lobachevsky University of Nizhny Novgorod. No. 5. Part 1. Pp. 391–395. (In Russian).

*Kiryukhin, D.V.* (2022) The Triumph of the First Tudors: the Representation of Royal Power in the Cultural and Intellectual Life of the English Court in 1485–1533. Moscow, St. Petersburg: Center for Humanitarian Initiatives, Petroglyph. 320 p. (In Russian).

*Kiryukhina, E.M.* (2020) The Middle Ages as a Source of Inspiration in the Works of the Pre-Raphaelites and Their Followers. Moscow: Dmitry Pozharsky University Publ. 240 p. (In Russian).

*Prazdnikov, A.G.* (2024) People of the Wars of the Scarlet and White Rose. The Composition and Behavior Patterns of Active Participants in the Socio-political Conflict in England in the Second Half of the 15th Century. St. Petersburg: Eurasia Publ. 560 p. (In Russian).

*Ustinov, V.* (2008) The Hundred Years' War and the Wars of the Roses. Moscow: AST: Astrel: Keeper. 637 p. (In Russian).

*Shakespeare, W.* (1997) Complete Works: In 14 volumes. Vol. 3 / Trans. from English, note by A. Smirnov. Moscow: TERRA Publ. 704 p. (In Russian).

Academy Notes with Illustrations of the Principal Pictures. L.: Wells Gardner, Dar-ton & co Publ, 1904. 166 p.

*Ankele, D.* (2015) Edmund Blair Leighton: 90 Pre-Raphaelite Paintings. L.: Ankele Publishing, 2015. 108 p.

Blair Leighton E.A Little Prince Likely in Time to Bless a Royal Throne. [Electronic resource] URL: <http://www.goldenagepaintings.blogspot.com/2010/09/frederic-lord-leighton-little-prince.html> (date of accessed: 06.04.2011).

Carley, J.P. (1996) Polydore Vergil and John Leland on King Arthur: the Battle of the Books // Kennedy E.D. King Arthur: a Casebook. N.Y.: Garland Publ. Pp. 185–204.

Parry, R.S. Vox Populi a Painting, Surprisingly, for Christmas. 2011, 12th December. [Electronic resource] URL: <https://robertstephenparry.com/endymion/vox-populi.html> (date of accessed: 05.08.2025).

Royal Academy Pictures Illustrating the Hundred and Thirty-Sixth Exhibition of The Royal Academy. L., P., N.Y., Melbourne: Cassell and Company, Limited, 1904. 176 p.

The Art Journal. L.: Virtue & Co, 1904. 392 p.

Vergil Polydore. *Anglica Historia*. Book XXIII /Ed. and trans. by D.J. Sutton / Library of Humanistic Texts at the Philological Museum of University of Birmingham's Shakespeare Institute. [Electronic resource] URL: <https://philological.cal.bham.ac.uk/polverg/23lat.html> (date of accessed: 05.08.2025).

“Vox Populi” by Edmund Blair Leighton (1904). [Electronic resource] URL: <https://feuillesmortes.tumblr.com/post/163600107847/vox-populi-by-edmund-blair-leighton-1904-this> (date of accessed: 05.08.2025).

### **Сведения об авторах**

#### ***Кирюхина Елена Михайловна***

профессор кафедры «История, философия и социология» биоэкологического факультета ФГБОУ ВО Нижегородский государственный агротехнологический университет имени Л.Я. Флорентьева, доктор культурологии, кандидат филологических наук, доцент (г. Нижний Новгород, Россия).

E-mail: [elenakiruhina@gmail.com](mailto:elenakiruhina@gmail.com)

#### ***Кирюхин Дмитрий Вячеславович***

заведующий кафедрой «Иностранные языки» ФГБОУ ВО Нижегородский государственный агротехнологический университет имени Л.Я. Флорентьева, кандидат исторических наук, доцент (г. Нижний Новгород, Россия).

E-mail: [bagerlock@gmail.com](mailto:bagerlock@gmail.com)

#### **Bionotes:**

#### ***Kiryukhina Elena Mikhailovna***

Professor of the Department of History, Philosophy and Sociology, Faculty of Bioecology, Nizhny Novgorod State Agrotechnological University n.a. L.Ya. Florent'ev, Doctor of Culturology Studies, Candidate of Philological Sciences, Associate Professor (Nizhny Novgorod, Russia).

E-mail: [elenakiruhina@gmail.com](mailto:elenakiruhina@gmail.com)

#### ***Kiryukhin Dmitriy Vyacheslavovich***

Head of the Department of Foreign Languages, Nizhny Novgorod State Agrotechnological University n.a. L.Ya. Florent'ev, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor (Nizhny Novgorod, Russia).

E-mail: bagerlock@gmail.com

**Для цитирования:**

**Кирюхина Е.М., Кирюхин Д.В.** Загадка картины Э. Блейр-Лейтона “Vox Populi”: миф и реальность эпохи первых Тюдоров // МИФОЛОГОС. Серия «Миф и общество: история, политика, социология». № 4 (16), 2025. С. 135–143.

**For citation:**

**Kiryukhina E.M., Kiryukhin D.V.** The Mystery of E. Blair-Leighton's Painting 'Vox Populi': Myth and Reality of the Early Tudor Era // MYTHOLOGOS. Series "Myth and Society: History, Politics, Sociology". № 4 (16), 2025. Pp. 135–143.

**4. МИФОЛОГЕМА ТРИКСТЕРА: ОТ АРХЕТИПОВ К РЕПРЕЗЕНТАЦИИ**

УДК 94:008

**АРХЕТИП ТРИКСТЕРА В НЕМЕЦКОМ БАРОККО: СМЕХОВЫЕ  
РЕПРЕЗЕНТАЦИИ МИФА У Г. Я. К. ГРИММЕЛЬСГАУЗЕНА И И. М.  
МОШЕРОША**

**Очкалов Максим Романович**

Филиал Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова  
в г. Севастополе (г. Севастополь, Россия)

**Аннотация**

В статье рассматривается роль архетипа трикстера в смеховых репрезентациях эпохи немецкого барокко на материале романов Г.Я.К. Гrimмельсгаузена и И.М. Мошероша. Цель статьи – проанализировать функционирование архетипа трикстера через призму смеховой культуры как инструмента осмыслиения травматического опыта Тридцатилетней войны. Анализ литературных источников (Гrimмельсгаузен, Мошерош) в совокупности с теоретической базой (К.Г. Юнг, М.М. Бахтин, Э. Гуссерль, Ю. Хабермас), вовравшей в себя достижения смежных с источниками дисциплин, позволил извлечь новое понимание специфики барочного мироощущения. Основные задачи статьи связаны с выявлением функций трикстера-беса как философского деконструктора у Мошероша и как инструмента социальной мимикрии у Гrimмельсгаузена, а также с определением роли смеха в преодолении «репрезентативной публичности» власти. Актуальность темы связана с исследованием механизмов адаптации культуры в периоды глубоких социально-экзистенциальных кризисов.

**Ключевые слова:** трикстер; барокко; Мошерош; Гrimмельсгаузен; мифотворчество.

**THE TRICKSTER ARCHETYPE IN THE GERMAN BAROQUE: COMIC  
REPRESENTATION OF MYTH IN THE WORKS OF J. J. C. GRIMMELSHAUSEN  
AND J. M. MOSCHEROSCH**

**Ochkalov Maxim Romanovich**

Lomonosov Moscow State University Branch in Sevastopol  
(Sevastopol, Russia)

**Abstract:**

The article examines the role of the trickster archetype in the comic representations of the German Baroque era, based on the novels of H.J.C. von Grimmelshausen and J.M. Moscherosch. The purpose of the article is to analyze the functioning of the trickster archetype through the prism of the culture of laughter as a tool for comprehending the traumatic experience of the Thirty Years' War. The analysis of literary sources (Grimmelshausen, Moscherosch) in combination with the theoretical framework (C.G. Jung, M.M. Bakhtin, E. Husserl, J. Habermas), which incorporates the achievements of disciplines related to literary studies, has allowed for a new understanding of the specifics of the Baroque worldview. The main tasks of the article are related to identifying the functions of the trickster-devil as a philosophical deconstructor in Moscherosch and as a tool of social mimicry in Grimmelshausen, as well as determining the role of laughter in overcoming the «representative publicness» of power. The

relevance of the topic is connected to the study of cultural adaptation mechanisms during periods of profound socio-existential crises.

**Keywords:** Trickster; Baroque; Mosherosh; Grimmelshausen; myth-making.

### ***Введение (Introduction)***

Видение эпохи, в которой жил автор – одна из доминант, делающая источник субъективным. При этом сама по себе субъективность источника ни вредна, ни полезна для историка. Она – данность, с которой нужно работать, но делать это можно по-разному. Я бы назвал её складкой на ровном полотне истории. Можно отдалиться и восхищаться ровной гладью, обезличенного исторического процесса. Однако каждый созерцатель даже с плохим зрением знает, что при приближении проявляется множество складок. Более внимательные увидят, что в этих складках спрятаны и другие складки. Задача же исследователя – попытаться их распознать, понять и описать. А потому сосредоточиться следует на выявлении ментальности, духа эпохи, того уникального видения, которое представитель социальной группы, создавший данный источник, в него вложил. Трудно ухватить эту эфемерную сущность, но ведь человек и в своей основе не прост и противоречив. Я полагаю, что можно узнать человека-творца в человеке, прочитав им написанное. Ведь если автор о чём-то писал, то это для него важно: «Любой факт нашей жизни ценен не тем, что он достоверен, а тем, что он что-то значит» [Гёте 1976: 174]. Если же написанное им пользуется спросом среди общества, к которому оно адресовано, то есть отвечает на вопросы и вызовы современности, значит оно актуально. А из этого уже следует, что оно глубоко отражает и схватывает эпоху в её противоречивости.

По мнению ряда исследователей, барокко – это прежде всего мировоззрение [Михайлов 2007: 111]. Оно представляет собой такой равноправный тип мышления, как и мышление человека эпохи Ренессанса с его возрождённым антропоцентризмом в божественном, христианском обрамлении или как мышление эпохи Просвещения с характерными для неё чертами. Речь идёт о том, как культурный человек определённой культурной эпохи видел мир. А правильнее сказать, он мыслил соотношение общего и индивидуального, вечного и преходящего и, в конечном счёте, как сам человек мыслился.

Впрочем, барокко – также и культура. А для любой культуры характерны исконные знаковые образы – архетипы. Хотя происхождение архетипов туманно, но их наличие в культурной жизни человечества на всех этапах, кроме самых ранних, сложно оспаривать. Культурные архетипы появляются, умирают и возрождаются, выходя обновлёнными и преображенными в каждой новой эпохе. Однако барокко порой оказывается скрыто в тени своих титанических «соседей» – Возрождения и Просвещения. Но с ними не сливается, сохраняя своеобразие.

Культурный отпечаток в произведениях более отчётлив, чем чистая субъективность автора, но от этого не менее трудно постигим. Это то, как произведение работает в своей структурной целостности, то как связывается символ и смысл, как они конструируется в образ. Образ этот должен быть правдив, убедителен в своей понятности для аудитории. Отсюда мы выводим для нашего исследования принцип смеховой презентации «Смеяться, право, не грешно / Над всем, что кажется смешно» [Н.М. Карамзина «Послание к Александру Алексеевичу Плещееву»] – эта цитата отлично иллюстрирует данный механизм презентации.

Автор как индивид определяет то какие моменты своего опыта он перенесёт из реальности исторической в реальность мифологическую; его мышление очертил то, что он в силу своего понимания сможет воссоздать; культурное пространство в котором произведение создаётся, укажет на жанровое направление, средства художественной выразительности, традиции, которым либо нужно следовать, либо необходимо противостоять, и определит дискурсы...

Так автор как творец культурного произведения (конструкта) даёт ему осмысление, в нашем случае – смеховое, в формате сатирического романа. Он связывает воедино опыт, образ и мысль. А произведение добавляет и его самого, даже без его ведома. Время же, как и всегда всё расставляет по местам, одних возвеличивает, других забывает. Читатели всех времен наблюдают за этим актом со своих исторических «колоколен» и пытаются понять и расшифровать смысл мира через произведение, ставят его под косвенный вопрос, на который ни автор, ни читатель, ни даже время не смогут дать окончательного ответа. Но так развивается культура, а с ней и мир.

Именно таким «косвенным вопросом», обращенным к нам через время, и является архетип трикстера в немецком барокко. Через призму смеховой презентации этого вечного образа у Гrimмельсгаузена и Мошероша мы и попытаемся распознать те самые «складки», отражающие противоречивую ментальность эпохи, разрывающуюся между ужасом войны и спасительной силой смеха, между верой и абсурдом, между мечущейся личностью и реальностью, в которую он погружён.

### *Литературный обзор (Literature Review)*

Теоретический фундамент данного исследования составляют труды мыслителей XX–XXI веков, разработавших категориальный аппарат, необходимый для анализа архетипических структур смеховой культуры и механизмов культурной презентации. Исходной точкой для него послужили работы Карла Густава Юнга и его последователей, в которых была разработана теория архетипов, и, в частности, архетипа Трикстера как универсальной мифологической фигуры-плута, нарушителя границ и носителя хаотического начала [Юнг 1999]. Эта теория предоставила ключ к интерпретации центральных образов в произведениях немецкого барокко.

Важнейшей для данного исследования стала теория «смеховой культуры» и карнавализации литературы, разработанная Михаилом Бахтиным на материале творчества Франсуа Рабле [Бахтин 1990]. Понятия карнавального снижения, гротескного тела и амбивалентного народного смеха оказались исключительно продуктивными для анализа сатирических стратегий понимания реальности у Гrimмельсгаузена и Мошероша.

Для анализа специфики барочного мировоззрения и мифологизации истории фундаментальное значение имеют труды Мирча Элиаде [Элиаде 2006], а также работы Александра Михайлова, посвящённые завершению риторической эпохи и специфике культуры барокко [Михайлов 2007].

Философской основой метода исследования выступила феноменология Эдмунда Гуссерля, в частности, концепция «жизненного мира» (Lebenswelt) и метод феноменологической редукции, позволившие рассматривать образы беса и трикстера не в рамках религиозной доктрины, а как презентацию экзистенциального опыта эпохи [Гуссерль 2006]. В рамках осмысливания

индивидуального выбора в условиях абсурда важное значение приобрели экзистенциальные работы Сёrena Кьеркегора [Кьеркегор, 1993].

Для понимания публичного пространства, в котором существовала барочная сатира, ключевой стала теория «структурного изменения публичной сферы» Юргена Хабермаса, описывающая генезис буржуазной публичности и её предпосылки в XVII веке [Хабермас 2016].

Источниковую базу исследования составили ключевые литературные памятники эпохи немецкого барокко, непосредственно репрезентирующие архетип трикстера в контексте Тридцатилетней войны:

Ганс Якоб Кристоффель фон Гриммельсгаузен (1621–1676) – центральная фигура немецкой барочной литературы. Его плутовской роман «Симплициссимус» (1668) является основным объектом данного исследования [Гриммельсгаузен, 1976]. Биография автора, прошедшего через ужасы войны солдатом и служкой, напрямую отразилась в тексте, что обуславливает рассмотрение романа не только как художественного, но и как уникального историко-культурного источника, фиксирующего «жизненный мир» эпохи. Как отмечает исследователь А.А. Морозов, «трудно предположить, чтобы эта рука [Гриммельсгаузена] когда-либо держала не только перо, но и мушкет» [Морозов, 1976: 7], что подчеркивает уникальный синтез жизненного опыта и литературного гения автора.

Иоганн Михаэль Мошерош (1601–1669) – сатирик, юрист и дипломат, известный под псевдонимом Филандер фон Зиттевальт. Его произведение «Диковинные и истинные видения Филандера фон Зиттевальта» (1640–1642) [Moscherosch, 1830], написанное в подражание Кеведо, представляет собой другую, более интеллектуальную и дидактическую модель использования трикстерских образов (в частности, беса) для критики социальных и религиозных пороков эпохи.

### ***Методы (Methods)***

Методологический аппарат данного исследования сформирован в соответствии с междисциплинарным характером поставленных задач и сочетает подходы из области литературоведения, философии, истории ментальностей и культурологии. Его основу составляет синтез следующих методов:

– Феноменологический метод (Э. Гуссерль). Применяется процедура феноменологической редукции (эпохе), позволяющая «заключить в скобки» традиционные теологические и моральные оценки образов беса и трикстера для анализа их репрезентативной сущности как феноменов «жизненного мира» (Lebenswelt) эпохи Тридцатилетней войны.

– Герменевтический анализ. Направлен на интерпретацию символических смыслов, аллегорий и нарративных стратегий в текстах Гриммельсгаузена и Мошероша, с целью раскрытия заложенного в них экзистенциального и культурно-исторического опыта.

– Историко-типологический и историко-генетический методы. Используются для реконструкции культурно-исторического контекста немецкого барокко, выявления типологических схождений в творчестве двух авторов и прослеживания генезиса и трансформации архетипических образов.

– Сравнительно-сопоставительный анализ. Применяется для выявления общих и специфических черт в репрезентации архетипа трикстера и смеховых стратегий у Гриммельсгаузена и Мошероша, что позволяет точнее определить их место в литературном процессе эпохи.

– Теория архетипов К. Г. Юнг и теория карнавализации и смеховой культуры М.М. Бахтина. Они выступают ключевыми инструментами анализа центральных образов и художественного языка исследуемых произведений.

– Элементы дискурс-анализа и концепция публичной сферы (Ю. Хабермас). Используются для анализа текстов как актов участия в формирующемся публичном пространстве и инструментов контрдискурса, направленного против «репрезентативной публичности» власти.

### ***Результаты и обсуждение (Results and Discussions)***

Трикстер – это специфический архетип. Согласно Карлу Густаву Юнгу, это коллективный образ, существующий в связке с архетипом Тени, то есть суммой всех негативных и вытесняемых черт человека: «И поскольку тень существует всегда как составная часть личности, коллективный образ может служить ее продолжением. Не всегда, конечно, он предстает как мифологическая фигура, но из-за возрастающего подавления и пренебрежения к первоначальным мифологемам он часто является соответствующей проекцией на другие социальные группы или нации» [Юнг 1999: 284].

В рассматриваемом тексте Иоганн Мошерош использует архетип трикстера сравнительно редко. У его коллеги Ганса Якоба Кристоффеля фон Гrimмельсгаузена трикстер также играет в ведущую роль. Главный герой его романа, Симплициссий Симплициссимус, часто надевает разные маски трикстерской ипостаси: простак, шут, плут [Очкалов 2025: 295]. Помимо увеселительной и сюжетообразующей функции, архетип в их творчестве отражает крайнюю степень нестабильности – как психологической, так и культурной – индивида и эпохи соответственно. Эта нестабильность стала следствием Тридцатилетней войны в Германии. Оба автора, но чаще Гrimмельсгаузен, создают нарративы из ткани своей реальности, превращая имена, места, битвы в художественные образы для своих творений. Тем самым они мифологизируют отведённый им кусок действительности и создают в нарождающейся публичной сфере своё культурное пространство, в какой-то мере определяя тем самым и саму реальность. Авторы того времени через печать распространяют своё мнение, то католическое, то протестантское, или же выступают в качестве «контрдискурса», заявляя то, что официальная власть не говорит и не слышит. Таким образом, наши авторы являются активными участниками того, что мы сейчас назвали бы пропагандой.

Этот процесс был бы невозможен без изобретения И. Гутенберга (1440), ставшего катализатором культурных и социальных изменений. Скорость издания и тиражирование заметно увеличились; печать заменяет рукописные манускрипты, сокращая время производства книг. Произошла стандартизация текста, то есть фиксация орографии и грамматики (особенно в Германии благодаря М. Лютеру). Появился новый тип источников – массовые источники визуального характера: гравюры и иллюстративные листовки.

Интересный феномен, появившийся благодаря книгопечатанию, – отсутствие концепта интеллектуальной собственности. Суть явления в том, что патентной системы не существовало. Не было и инстанций, в чьи обязанности входила защита авторских прав. Отсюда – принцип «бери что хочешь, хоть целые произведения». Стоит, однако, предостеречься от оценочных суждений: для раннего Нового времени это не считалось зазорным. Такое заимствование воспринималось в парадигме свободного обмена мнениями. Вполне легально было взять

понравившееся, напечатать у себя и распространить в своём городе. И всё же понемногу начинает складываться представление о том, что это не совсем правильно. «Симплициссимус» – яркий тому пример.

Гrimmельсгаузен в начале книги вставляет забавное напоминание, своего рода даже угрозу от лица главного героя (приём, который сегодня мы назвали бы разломом четвертой стены): «к чему понуждает меня дерзкий и поистине наглый перепечатник, который, уж не ведаю, по зависти ли себялюбивого сердца или, как мне скорее думается, по бесстыдному подстрекательству неких недоброхотов, вознамерился пренаглым образом вырвать из рук и совершенно незаконно присвоить себе высокопохвальные труды, издержки, прилежание и усердие моего господина издателя, употребленные на добродорядочное и благопристойное издание сего моего сочиненъица, ему одному только препорученному и переданного со всею проистекающею из сего прибылью». Grimmельсгаузен из-за этой несправедливости даже создал трактат (или только намеревался), посвященный этой проблеме, но до нас он не дошёл; известно лишь его название: «Запускающему лапы в чужое добро беззаконнику по праву обрезанные когти». Вот так данный феномен актуализировался и приобрел смысл, сродни современному пониманию авторства. Здесь даже применимо современное слово – «копипастинг», то, чем сегодня студенты зачастую грешат.

Понятие пропаганда (от лат. *propagare* – распространять, расширять, продолжать) как термин непосредственно связан исторически с католической церковью. Одним из первых авторов, который ввёл понятие, схожее с современной коннотацией этого термина, и вывел основные его принципы, был испанский миссионер и юрист Томас де Хесу (1564–1627). Свои взгляды он изложил в работе «*De procuranda salute omnium gentium*» (1613). Под пропагандой он понимал «необходимость заботиться о распространении святого Евангелия». Стоит отметить, что сущность вещи приобретает имя не сразу, чаще всего под конец своего существования. Пропаганда как деятельность имела место и активно применялась начиная с Гутенберга, однако ее институционализация произошла в начале XVII века. Католическая церковь фактически взяла за основу идеи Томаса де Хесу, и вскоре, в 1627 году, учредила специальный институт – «*Sacra Congregatio de Propaganda Fide*» (Священная конгрегация распространения веры). Её цель – восстановление позиций католицизма после Реформации. Метод – доносить и разъяснять святое учение до масс. Результатом стала интенсификация контрреформации и дальнейшая эскалация раскола христианства в Европе, поскольку протестанты (лютеране и кальвинисты) немедленно начали встречную борьбу за умы. Конгрегация также занималась координацией миссионерской деятельности. Таким образом, борьба шла и за умы простого, «примитивного» народа, среди которого распространяли «истинную веру».

Так параллельно военным конфликтам шла борьба и за умы – ноомахия. В немецкой историографии эта борьба известна под названием «*Federkrieg*» – «Война перьев» [Kuhlmann 2018: 158–159]. Интеллектуальная элита давала оценку политическим событиям как внутренним, так и внешним. Таким образом, параллельно официальной точки зрения существовала и частная, персональная. Средства производства позволяли распространять, то есть пропагандировать, своё мнение. Этот процесс накладывался на растущий интерес людей к событиям не только вокруг своей деревни, но и в целой «стране». Любопытно как безграмотные воспринимали эту информацию. Первый вариант – посредством

иллюстрированных листовок, где сюжеты, персоналии, аллегории были визуально понятны – библейские отсылки они понимали, а мейдийные персонажи, как, например, Фридрих V Пфальцский, кочевал из одной листовки в другую, что повышало его узнаваемость. Второй вариант скорее предположение – это условные места переплетения информационных потоков – таверны и площади. Наши авторы были активными участниками этого процесса. Без понимания всего вышесказанного ключевые моменты – как сюжетные, так и стилистические (барочные) – будут непонятны<sup>1</sup>.

Всё вышесказанное приводит нас к современному концепту Ю. Хабермаса – «структурного изменения публичной сферы» и термина «публичной сферы» соответственно [Хабермас 2016: 30–45]. Хабермас исследовал формирование публичной сферы и процессы, которые способствовали созданию единого информационного пространства. Хотя основное внимание он уделяет XVIII веку как периоду расцвета буржуазной публичной сферы, предпосылки её возникновения он связывает с изменениями в XVII веке. Для раннего Нового времени он ввёл категорию «репрезентативная публичность»: «Репрезентативная публичность была не функцией общественного мнения, а атрибутом статуса. Власть представляла себя, а не обсуждалась» [Там же]. То есть власть ведет одностороннюю коммуникацию, отсюда её ангажированность и становление института цензуры. В свою очередь, из этого уже следует её преодоление – в сатирической, смеховой форме, которую и используют наши авторы.

Начнём обзор воплощений архетипа трикстера с, пожалуй, самого неочевидного образа, появляющегося в обоих романах – беса. Роль беса у наших авторов имеет разную нарративную функцию: у Гrimмельсгаузена – это перевоплощение Симплициссимуса, двигатель сюжета; у Мошероша – скорее, второстепенный персонаж-обличитель. Но сам факт обращения к этой фигуре и её комичное, а не устрашающее использование, учитывая её безусловно негативную коннотацию в христианской традиции, говорит о смелой попытке преодоления предрассудка средствами сатиры.

Начнём с Мошероша.

Очевидно, что для религиозного сознания бес – однозначное зло, он проводник плохого и бинарная оппозиция по отношению к Богу. На этом этапе мы проводим феноменологическую редукцию (эпохе), то есть «заключение в скобки». Получаем «беса» в том виде, в котором он репрезентуется в выбранных источниках. Это позволит выявить сущностный опыт автора, передаваемый читателю. Авторы воплощают в структуру деконструированный образ беса, преследуя дидактические цели, стремясь тем самым и смешить, и этически воспитывать читающих. К тому же мы как исследователи наблюдаем ментальность людей того времени. Более того в методе Эдмунда Гуссерля, к которому мы прибегаем [Гуссерль 2006], это есть «жизненный мир» (Lebenswelt) – мир повседневного опыта, первичный по отношению к абстрактным теориям. В барочной сатире это материальный базис, окружающий автора, который далее посредством осмысленного юмора перерабатывается в нарративы.

Мошерош вводит беса в первой главе своего произведения: «Der Schergenteufel» или «Палач-Демон» [Moscherosch 1830: 9–46]. Главный герой оказывается в храме, где в палача вселился бес. Он наблюдает стандартную

<sup>1</sup> Написано по материалам учебного курса Лазаревой А.В. «Визуальная пропаганда в Германии в раннее Новое время», прослушанного в 2025 году.

процедуру изгнания беса. Бес, однако, оказался чрезмерно разговорчивым и достаточно хлестким в своих упрёках, которые он обрушивает на зевак и священников. Вот несколько из них:

«Солгал ты, поп! Ибо не человек одержим бесом, но бес мучим человеком. Знайте же: мы, духи, против воли нашей, волею принуждены вселяться в людей, а паче – в палачей. Посему, коли имя мне истинное дать желаете, не зовите сей сосуд «одержимым», но «бесоодержимым палачом», «палаческим бесом», «дьявольским слугою»! Ибо человеку легче оградить себя крестом святым от беса, нежели от палача, – от сих вселенских ненавистников» [Там же: 20–21]. Здесь мы наблюдаем инверсию бинарных оппозиций: не бес овладел человеком, а бес «мучим человеком», что сразу задаёт комический и критический тон. Это не только подрыв дискурса о греховности и одержимости, но и гротескное оправдание беса, который предстаёт почти жертвой обстоятельств.

Думал я, вам, людям, и своей собственной адской сути довольно! Живёте так, будто Бога нет, а сами всеми силами в нашу преисподнюю рвётесь» [Там же: 24]. Перед нами – очень тонкий образ, где деконструкция стирает границы между «человеческим» и «адским»: люди сами создают свой ад на земле, делая фигуру беса ли не излишней.

«Знайте, люди: в аду порядок строжайший царит, не то что в вашем мире! Нет тут ни кумовства, ни чинов, ни лицеприятия. <...> Короче: нигде на земле нет столь образцового порядка, как в аду, где каждому воздаётся по заслугам, – чего в вашем мире не дождаться» [Там же: 27–28]. Вновь наблюдаем причудливую инверсию. Ад оказывается организованнее и справедливее мира живых, что является убийственной сатирой на социальный распад и хаос войны.

«Уж скорей камни проповедовать станут, да сами бесы! Раб, ведающий волю господина, но не творящий её, достоин двойной кары. Вы же, зрители и слушатели, лицемеры сущие! <...> А коли и каетесь в грехах – то лишь от того, что немощь телесная да годы расточённые грешить не дают; злая воля в вас не угасла, и мы её не оставим – особливо у тех, кто других учить должен!» [Там же: 43–44]. В этой тираде бес окончательно превращается в альтер этого автора, носителя горькой истины. Он разоблачает саму суть лицемерия, бичуя в первую очередь церковнослужителей – «рабов, ведающих волю господина, но не творящих её».

По сути, сам автор выполняет здесь глубокий феноменологический анализ «жизненного мира» своей эпохи, но облачает его в доступную и комическую форму дьявольской сатиры. Речи беса «заключают в скобки» официальные нарративы церкви и власти, обнажая их противоречия через блестящие художественные аналогии. Через этот приём мы видим, как коллективная травма Тридцатилетней войны сформировала это кризисное мироощущение.

Таким образом, бес у Мошероша – это интерсубъективный образ коллективной вины и травмы. Его речи – не просто сатира, а контрудискурс, зеркало, отражающее борьбу за власть над умами в эпоху, когда война и коррупция стали нормой. Происходит радикальная деконструкция: иерархии переворачивается с ног на голову. Критика зла идет не сверху вниз (от церкви к грешнику и аду), а снизу вверх: из самой преисподней бес обличает пороки власти и церкви. Гениальность Мошероша в том, что эта невообразимая комическая ситуация признаётся имеющей дидактическую ценность даже самим священником в финале сцены: «Друзья и братья во Христе! Пусть и кажется, будто дьявол через муки сей души к пользе нашей вещал, – но истинно: вдумчивый христианин

извлечёт из речей его немалую пользу. Посему умоляю вас: не презирите сей проповеди, ибо даже нечестивый царь истину изрёк, и сладость исходит от злой силы» [Там же: 45–46]. Этой финальной точкой автор не только легитимирует свой смеховой метод, но и дает мощный ответ на вызов духовного кризиса своего века: истина может прозвучать откуда угодно, даже из уст дьявола, если общество дошло до той степени разложения, когда его собственные институты ей не соответствуют.

Если у Мошероша бес – это философствующий деконструктор, то Гrimмельсгаузен представляет нам иной, но столь же эффективный архетип трикстера. Он также как и его коллега использует священника и беса. Эпизод повествует о том, как Симплициссимус, ища провиант для своего отряда, решил ограбить священника [Гrimмельсгаузен 1976: 171–180]. Он обманул священника прикинувшись художником, и случайно заприметил сало в кладовке. Когда герой забрался в эту кладовку через дымоход, он случайно разбудил священника, а тот решил проверить что случилось. Симплициссимус оказался в ловушке. Он притворился бесом и напугал священника своим театральным беснованием. Спустя некоторое время он отправил вежливое письмо объяснения и признался, что это он был бесом. В добавок приложил дорогое кольцо. Священник проникся его ситуацией и также вежливо ответил. Проведя феноменологическую редукцию, мы «заключаем в скобки» этого беса и его сверхъестественную природу, и моральные оценки воровства в данном эпизоде. Перед нами предстает не метафизическое зло, а чистейший феномен социальной мимики и выживания в условиях хаоса, вызванного войной.

Сущностный опыт, который репрезентирует этот эпизод – это опыт войны как великого уравнителя и абсурдиста. В «жизненном мире» Тридцатилетней войны все традиционные иерархии и нормы обратились в прах. Ценности заменяются прагматикой, священное – профанным. В этом контексте «бес» Гrimмельсгаузена – это гиперболизированный образ тотальной симуляции, где любая роль, даже дьявольская, надевается и сбрасывается с легкостью маски, если это сулит выгоду или спасение. Приспособленчество – залог выживания. Само «явление» беса в лице Симплициссимуса – это не вторжение потустороннего, как у Мошероша, а виртуозный спектакль, разыгранный в театре абсурда военных действий. Его цель – не совращение душ, а банальная кража провианта. Центральный феномен здесь – не грех, а гротескная, изощренная вежливость, пародийно копирующая нормы рухнувшего мира. Трикстер не просто ворует – он обставляет кражу как дипломатическую миссию, облачая ее в формы рыцарского этоса: «Что же касаемо до самого сала, то по справедливости надлежит за него заплатить, посему посылаю вместо уплаты прилагаемое кольцо, кое отдано теми, по чьей милости и были взяты товары, с приложною просьбою к Его преподобию соблаговолить тем себя удовольствовать; заверяя при сем, что в прочем при всех обстоятельствах найдет готового к услугам и верного слугу в том, кого его ризничий не почел живописцем и кого в остальном называют Егер (от автора – кличка Симплициссимуса)» [Там же: 179].

Здесь мы наблюдаем карнавальную инверсию высочайшего порядка. Вор предлагает себя в качестве «верного слуги» ограбленному, а украденное сало оплачивает столь же краденым кольцом. Это не просто плутовство – это создание абсурдного, альтернативного правового поля, где грабеж обставлен как честная сделка, а насилие – как оказание услуги. Смех рождается из чудовищного

несоответствия между содержанием, воровством, и формой, искусственной риторикой учтивого письма.

Ответ же священника – ещё более усугубляющая и неотъемлемая часть этого карнавала. Он не изгоняет беса, а вступает с ним в изящную словесную дуэль, демонстрируя полную готовность играть по предложенными абсурдным правилам: «Но понеже взятые на веру мясо и хлеб оплачены с излишнею щедростию, тем легче будет избыть претерпетый страх, особливо же как он был причинен столь знаменитою особою противу ее воли, за что всеконечно получает прощение с просьбою обращаться всякий раз без боязни к тому, кто не побоялся заклясть самого черта» [Там же]. В этом и заключается главное открытие феноменологического анализа: в «жизненном мире» войны стирается грань не только между священным и греховным, но и между реальностью и симулякром. «Черт» оказывается мифом, которым можно пугать, но который можно и «заклясть» – то есть, укротить, включить в систему обмена, сделать частью новой, уродливой, но функциональной социальной реальности. Священник и «бес» ведут переговоры как два приличных джентльмена, потому что сама реальность стала настолько сюрреалистичной и абсурдной, что иного языка для коммуникации попросту не осталось.

Таким образом, трикстер-бес у Гrimmельсгаузена – это архетип, воплощающий саму логику абсурда «жизненного мира» войны. Его функция – не обличение, а демонстрация тотальной профанации и симуляции, где любая идентичность становится разменной монетой в борьбе за выживание. Это не оздоравливающий смех сквозь слезы, а смех как единственная возможная реакция на мир, где кража сала требует составления изысканного дипломатического послания. Гrimmельсгаузен фиксирует тот момент, когда травма войны становится настолько всепоглощающей, что рождает свой собственный, извращенный этикет и свою собственную мифологию, где у беса есть дипломатический иммунитет, а священник ведет с ним переписку.

Сравнивая двух бесов-трикстеров, мы приходим к пониманию единства эпохи, которое проявляется в этом разнообразии. Несмотря на разность нарративов и функций образа, оба автора работают в рамках единого дискурса, исследуя разные грани одного и того же «жизненного мира» – мира, где все традиционные бинарные оппозиции (добро и зло, святое и греховное, реальное и иллюзорное) потеряли свою незыблемость и стали предметом трагикомической игры.

Великолепной иллюстрацией барочной гротескности и абсурда войны является эпизод беседы Симплициссимуса с безумцем, провозгласившим себя Юпитером, где образ «героя» с волшебным мечом – является пародией на несбыточные мечты о простом решении. Юпитер вещает: «Я хочу пробудить немецкого героя, который призван остротою своего меча все исполнить; он истребит всех нечестивцев, а людей благочестивых сохранит и возвысит» [Гrimmельсгаузен 1976: 191–194]. Очевидная несбыточность такого исхода побуждает Симплициссимуса заметить, что сей герой принужден будет набрать солдат, а где солдаты, там и война, а где война, там достается правым и виноватым. Безумец парирует: «Я хочу ниспослать такого героя, которому не было бы нужды держать солдат и который все же должен переменить порядок во всем свете; в час его рождения я дарю ему статное и сильное тело, подобное тому, каким обладал Геркулес» и «... а Вулкан должен in hora Martis выковать ему оружие, особливо же

меч, коим он покорит весь мир и повергнет в прах всех нечестивцев без всякой помощи хотя бы от единственного человека, который служил бы ему солдатом».

Изначально кажущийся стандартным идеалистическим, эпизод приобретает новое свойство, когда мы узнаём исторический контекст и видим в нём смеховую презентацию исторической личности. Весь этот эпизод – карикатура на Густава II Адольфа, и даже более того – на конкретную иллюстративную листовку, где описание Густава идентично речению безумца Юпитера [См. иллюстрации ниже]. Это была пропаганда: листовка печаталась шведами для того, чтобы склонить к сотрудничеству германское население. Гrimmельсгаузен конструирует интертекстуальность своего текста бера из «публичной сферы» актуальный медийный образ своей эпохи. Эпизод прямо высмеивает миф, показанный как наивную веру в того, кто закончит войну и принесёт мир лишь силой чудесного меча. Этот эпизод является прямой иллюстрацией смеховой культуры эпохи и её важной составляющей. Он – наглядный пример карнавального снижения по М.М. Бахтину [Бахтин 1990: 26-28]. Возвышенный, сакрализованный образ короля-спасителя («немецкого героя») последовательно снижается: сначала через помещение его в уста сумасшедшего, а затем и через гротескные, гиперболизированные детали («меч, коим он покорит весь мир... без всякой помощи»). В результате король богов Юпитер оказывается безумцем, а его проект – бредом. Тем сильнее это подтверждается финальным снижением на уровне материально-телесного низа. Юпитер только что вещал о возвышенном герое, который «поравняет все веры», и вот Симплициссимус, как сказано в предисловии к следующей главе, «... зрит, что блохи учили – Юпитера тело до костей истощили» [Гrimmельсгаузен 1976: 197]. Этот финал – прямое наследие средневекового гротескного реализма, где возвышенное неизменно опровергается телесным, физиологическим, низовым началом, а смех развенчивает любые претензии на незыблемость и сакральность.



Иллюстрация: Густав II Адольф в образе Геркулеса и Густав II Адольф с мечом.

Процесс активного мифотворчества, в котором Густав Адольф стал «немецким героем», Мирча Элиаде характеризовал так: «мифологизация исторических прототипов героев народного эпоса совершается по эталонному образцу – они «создаются по подобию» героев древних мифов» [Элиаде 2006: 51]. Хотя он и обращался к народному эпосу, в частности, к Гомеру, это правило применимо и к сатире Гrimmельсгаузена, которая разоблачает этот миф, перемифологизируя его и доводя до абсурда в устах сумасшедшего. Более того Гrimmельсгаузен показывает не просто мифологизацию, а механизм, «кухню» мифотворчества. Он демонстрирует, как из героического архетипа (Геркулес), языческих богов (Юпитер, Вулкан) и актуальной политической необходимости склеивается пропагандистский миф. И этот миф он, как трикстер, разбирает на части, показывая его абсурдную изнанку.

Однако и Симплициссимус здесь выступает в своей классической роли простака. Его наивный вопрос, «а где солдаты, там и война...», – это голос здравого смысла, который обнажает абсурд утопического проекта. И он – трикстер, разрушающий иллюзию простым логическим силлогизмом. И конечно же Юпитер-безумец – это тоже трикстер. Но не низовой, как бес-плут, а «трикстер наоборот» – узурпатор, пародийный «творец мифов». Он не разоблачает правду, как бес у Мошероша, а генерирует миф ложный и заведомо абсурдный. Это две стороны одной медали: один трикстер обнажает реальность, другой – создает бредовую иллюзию.

Как было отмечено выше, главный герой романа Гrimmельсгаузена – типичный барочный трикстер, тяготеющий к смене ролей. Это наглядно демонстрирует обложка романа: «На фронтисписе было изображено загадочное существо: носатое, насмешливое лицо с выпятым подбородком и подозрительными рожками, с длинными острыми ушами. Существо стоит на двух лапах – одна кончается раздвоенным копытом, другая утиной перепонкой. Сзади виден толстый чешуйчатый хвост с плавниками, выступающий из птичьих крыльев, прикрывающих широкие бедра. Через плечо на голое тело с выпятым животом надета тонкая шпага на перевязи. В руках большая книга с множеством изображений: можно различить корону, шутовской колпак, рапицу, рюмку, игральные кости, замковую башню, корабль, спеленатого младенца, пушку на лафете и пр. Лапы странного существа попирают разбросанные театральные маски». [Морозов 1976]. Этот гибридный образ – визуальная квинтэссенция архетипа трикстера, его готовности к метаморфозам.

Но главная роль Симплициссимуса – роль перевёрнутого культурный героя эпохи абсурда Тридцатилетней войны. Традиционного культурного героя Мирча Элиаде, «что культурный герой мифа является своеобразным эталоном для подражания, моделирующим образцовые паттерны поведения» [Петрова 2021: 248]. У Гrimmельсгаузена же – парадокс. Парадокс выживания в апокалипсисе: архетип трикстера интегрированный в поведения, лицедейство, приспособленчество, плутовство, в актуальных реалиях войны у Симплициссимуса эффективен. Более того, это была блестящая стратегия физического выживания в аду земном, но в рамках христианской аксиологической системы, которой пытается следовать герой, с учётом виртуальной перспективы загробной жизни, она неприемлема. Тем паче что сам Симплициссимус это осознаёт с леденящей ясностью. Его финальный монолог голландцам – не просто отказ, а обвинительный акт целой цивилизации, возведшей абсурд в норму: «О боже! Куда вы влечете

меня? Здесь мир – там война; здесь неведомы мне гордыня, скупость, гнев, зависть, ревность, лицемерие, обман, всяческие заботы об одежде и пропитании, ниже о чести и репутации; здесь тихое уединение без досады, ссоры и свары, убежище от тщеславных помыслов, твердыня противу всяких необузданых желаний, защита от многоразличных козней мира, нерушимый покой, в коем надлежит служить вышнему и созерцать, восхвалять и славословить дивные его чудеса. Когда жил я еще в Европе, там повсюду (о горе, что сие должен я свидетельствовать о христианах!) была война, пожар, смертоубийство, грабежи, разбой, бесчестие жен и дев и пр.» (Гrimmельсгаузен: 484). Симплициссимус ясно видит греховность своей трикстерской стратегии выживания, которая его спасала столь много лет. Он не просто выжил, он осознал цену выживания в мире, утратившем сакральные ориентиры. Это краеугольный экзистенциальный эпизод во всём произведении.

В итоге Симплициссимус прошедший путь героя-лицедея, убедил себя в абсурде мира и погряз в бесконечном самоотречении, не сумев уверовать через абсурд. Симплициссимус не созидает новый порядок как мифический герой, а спасается бегством от хаоса, ставшего нормой. Его «подвиг» – отказ от мира, а не его преобразование.

Над схожими парадоксами человеческого существования размышлял и великий датский философ Сёрен Кьеркегор. Симплициссимус предстает литературным воплощением его концепта «рыцаря бесконечного самоотречения», который не смог стать «рыцарем веры» [Кьеркегор 1993: 25–35, 50–62]. Он отрекается от мира со всей его ложью, насилием, грехом; Он выбирает аскезу, уединение, созерцание; Его отречение абсолютно и бесконечно – он готов отказаться даже от возвращения в цивилизацию ради сохранения острова-убежища. Рассматриваемый у Кьеркегора Авраам совершает телеологическое устраниние этического: он готов принести в жертву Исаака, веря абсурдно, что Бог вернет сына в этом мире. Его вера – прыжок вопреки разуму в абсурд. Симплициссимус же, столкнувшись с абсурдом войны, лишь признает этот абсурд как данность, с которой он уже не может работать, он устал от неё. Его ответ – не прыжок веры в Бога сквозь абсурд мира, а прыжок от абсурда мира к бесконечному самоотречению. Симплициссимус не находит сил и возможности в себе для кьеркегоровской веры, которая требовала бы остаться в этом абсурдном мире с абсурдной надеждой на его преображение Божьей волей. Его вера – в бегстве, в отказе от мира, а не в его спасении вопреки. Это трагедия человека, глубоко ощущившего абсурд, но не сумевшего преодолеть его верой, лишь изолировавшись от него. Финал Симплициссимуса – это финал трагического героя, неожиданно и гениально раскрытый в рамках сатирического произведения.

### **Заключение (Conclusions)**

Проведенное исследование демонстрирует, что архетип трикстера в его специфически барочном воплощении выступает ключевым инструментом для презентации фундаментальных противоречий эпохи Тридцатилетней войны. Многоликость этого архетипа проявляется в различных, но взаимодополняющих формах: от главного героя Симплициссимуса, чье существование есть непрерывная цепь масок и превращений, и философствующего беса-деконструктора у Мошероша, разоблачающего лицемерие институтов власти, до карнавализированного трикстера-узурпатора в образе безумного Юпитера, чей бредовый проект «спасения» пародийно развенчивает официальную пропаганду и

мифотворчество эпохи. Через эти фигуры кристаллизуется травматический опыт общества, поставленного на грань физического и экзистенциального выживания.

Ирония Гриммельсгаузена и Мошероша вновь возвращает нас к Кьеркегору, который отмечал: «Ирония и юмор также рефлектируют о себе самих, а потому принадлежат сфере бесконечного самоотречения, гибкость их состоит в том, что индивид несоизмерим с действительностью» [Кьеркегор 1993: 58-59]. Именно эта «несоизмеримость» человека с абсурдной действительностью войны и порождает тот самый смех «сквозь слезы», который является единственно возможной экзистенциальной реакцией на травму, механизмом сохранения человеческого в условиях тотальной дегуманизации.

Таким образом, обращение к архетипу трикстера и его смеховым репрезентациям позволяет распознать те самые «складки» на полотне истории, о которых говорилось во введении, и реконструировать «жизненный мир» немецкого барокко. Все рассмотренные авторы, используя стратегии смеховой культуры и карнавального снижения, создают мощный контрудискурс, взламывающий монополию «репрезентативной публичности» власти. Междисциплинарный методологический синтез, примененный в работе, подтверждает свою эффективность для исследования подобных кризисных эпох, когда искусство становится не только отражением реальности, но и активной силой, формирующей новые языки для её описания и понимания через «бесконечное самоотречение» иронии.

## Литература

*Бахтин М.М.* Творчество Франсуа Рабле и народная культура Средневековья и Ренессанса. Москва: Художественная литература, 1990. 543 с.

*Гёте И.В.* Поэзия и правда (Из моей жизни) / Пер. с нем. Н. Ман; под общ. ред. А. Аникста и В. Вильмонта; comment. Н. Вильмонта // Собрание сочинений: в 10 т. М.: Художественная литература, 1976. Т. 3. 189 с.

Гриммельсгаузен, Г.Я.К. Симплициссимус. М.: Художественная литература, 1976. 558 с.

Гуссерль Э. Картезианские размышления; пер. с нем. Д. В. Складнева. СПб.: Наука, 2006. 315 с.

Кьеркегор С. Страх и Трепет. Диалектическая лирика Иоханнеса де Силенцио Перевод Н. В. Исаевой и С. А. Исаева М.: "Республика", 1993 109 с.

Михайлов А.В. Избранное. Завершение риторической эпохи. СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 2007. 480 с.

Морозов А.А. Затейливый Симплициссимус и его литературная судьба // Гриммельсгаузен Г.Я.К. Симплициссимус. Москва: Художественная литература, 1976. С. 5–20.

Очкалов М.Р. Человеческая ситуация в «Симплициссимусе» Г.Я.К. Гриммельсгаузена: опыт трикстера эпохи «великих перемен» // Ecce Homo. 2025. № 3(17). С. 294–297.

Петрова А.П. Культурный герой и экраный герой: сущностные характеристики образа // Художественная культура. 2021. С. 244–265.

Юнг К.Г. О психологии образа трикстера // Радин П. Трикстер. Исследование мифов североамериканских индейцев / пер. с англ. В.В. Кирющенко. Санкт-Петербург: Евразия, 1999. С. 265–286.

Элиаде М. Ностальгия по истокам. М.: Институт общегуманитарных исследований, 2006. 216 с.

Хабермас Ю. Структурное изменение публичной сферы: Исследования относительно категории буржуазного общества. С Предисловием к переизданию 1990 года / Юрген Хабермас; пер. с нем. В.В. Иванова. М.: Издательство «Весь Мир», 2016. 344 с.

Kuhlmann Y. Spinne und Spinola. Das Bild Spaniens in der protestantischen Flugblattpublizistik während des Dreißigjährigen Krieges, В кн.: Proslogion: Проблемы социальной истории и культуры Средних веков и раннего Нового времени. 2018. Вып. 4 (2). С. 158–178.

Moscherosch J.M. Wunderliche und wahrhaftige Gesichte Philanders von Sittewald; herausgegeben von Dr. Heinrich Dittmar. Berlin: G. Reimer, 1830. 290 p.

## References

- Bakhtin. M.M. (1990) The Work of François Rabelais and the Popular Culture of the Middle Ages and Renaissance. Moscow: Fiction Publ. 543 p. (In Russian).
- Goethe, J.W. (1976) Poetry and Truth (From My Life); transl. from German by N. Man; gen. ed. by A. Anikst and V. Vilmont; comm. by N. Vilmont. Collected Works: in 10 vols. Moscow: Khudozhestvennaya Literatura Publ. Vol. 3. 189 p. (In Russian).
- Grimmelshausen, H.J.C. Simplicissimus; transl. into Russian. Moscow: Fiction Publ., 1976. 558 p. (In Russian).
- Husserl, E. (2006) Cartesian Meditations]; transl. from German by D. V. Sklyadnev. St. Petersburg: Nauka Publ. 315 p. (In Russian).
- Kierkegaard, S. (1993) Fear and Trembling. Dialectical Lyric by Johannes de Silentio; transl. by N. V. Isaeva and S. A. Isaev. Moscow: Respublika Publ. 109 p. (In Russian).
- Mikhailov, A.V. (2007) Selected Works. The End of the Rhetorical Era. St. Petersburg: Izd-vo S.-Peterb. Un-ta [St. Petersburg State University Press]. 480 p. (In Russian).
- Morozov, A.A. (1976) The Intricate Simplicissimus and His Literary Fate. In: Grimmelshausen H.J.C. Simplicissimus; transl. into Russian. Moscow: Fiction Publ. Pp. 5–20. (In Russian).
- Ochkalov, M.R. (2025) The Human Situation in "Simplicissimus" by H.J.C. Grimmelshausen: The Experience of a Trickster in the Era of "Great Changes". Ecce Homo. No. 3(17), pp. 294–297. (In Russian).
- Petrova, A.P. (2021) Cultural Hero and Screen Hero: Essential Characteristics of the Image. Art Culture. pp. 244–265. (In Russian).
- Jung, C.G. (1999) On the Psychology of the Trickster Figure // Radin P. The Trickster: A Study in American Indian Mythology / Transl. from English by V.V. Kiryushchenko. St. Petersburg: Eurasia Publ. Pp. 265–286. (In Russian).
- Eliade, M. (2006) Nostalgia for the Origins; transl. into Russian. Moscow: Institute for Humanities Research Publ. 216 p. (In Russian).
- Habermas, J. (2016) The Structural Transformation of the Public Sphere: An Inquiry into a Category of Bourgeois Society; with a new preface from 1990; transl. from German by V.V. Ivanov. Moscow: Ves' Mir Publ. 344 p. (In Russian).
- Kuhlmann, Y. (2018) Spinne und Spinola. Das Bild Spaniens in der protestantischen Flugblattpublizistik während des Dreißigjährigen Krieges Proslogion:

Studies in Social History and Culture of the Middle Ages and Early Modern Period. no. 4 (2), Pp. 158–178. (In German).

*Moscherosch, J.M.* (1830) *Wunderliche und wahrhaftige Gesichte Philanders von Sittewald* [Strange and True Visions of Philander von Sittewald]; herausgegeben von Dr. Heinrich Dittmar. Berlin: G. Reimer. 290 p. (In German).

**Сведения об авторе:**

**Очкалов Максим Романович**

Исследователь, кафедра истории и международных отношений Филиала Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова в г. Севастополе (г. Севастополь, Россия).

E-mail: ochkalov222@mail.ru

**Bionotes:**

**Ochkalov Maxim Romanovich**

Researcher, Department of History and International Relations, Lomonosov Moscow State University Branch in Sevastopol (Sevastopol, Russia).

E-mail: ochkalov222@mail.ru

**Для цитирования:**

**Очкалов М.Р.** Архетип трикстера в немецком барокко: смеховые репрезентации мифа у Г.Я.К. Гриммельсгаузена и И.М. Мошероша // МИФОЛОГОС. Серия «Миф и общество: история, политика, социология». № 4 (16), 2025. С. 144–159.

**For citation:**

**Ochkalov M.R.** The Archetype of the Trickster in German Baroque: Humorous Representations of Myth in G.J.K. Grimmelshausen and I.M. Moscherosch // MYTHOLOGOS. Series "Myth and Society: History, Politics, Sociology". № 4 (16), 2025. Pp. 144–159.

УДК 398.332.4

**ДЖЕК ФРОСТ: ПЕРСОНИФИКАЦИЯ МОРОЗА В АНГЛОЯЗЫЧНОЙ  
КУЛЬТУРЕ И МИФОЛОГИЧЕСКАЯ РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ  
ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ 1812 Г.**

**Филимонова Мария Александровна**  
Курский государственный университет  
(г. Курск, Россия)

**Аннотация**

Статья посвящена исследованию Джека Фроста как персонификации мороза в англоязычной культуре и его мифологической репрезентации в контексте Отечественной войны 1812 г. Автор анализирует происхождение и эволюцию образа Джека Фроста, начиная с его первых упоминаний в XVIII в., и рассматривает его роль в различных культурных контекстах: метеорологическом, сказочном, рекламном и военном. Особое внимание уделяется использованию образа Джека Фроста в английской и американской прессе и карикатуре для описания суровых зимних условий во время войны 1812 г. и Гражданской войны в США. Статья также затрагивает попытки укоренить Джека Фроста в древних мифологиях, хотя автор указывает на отсутствие достоверных исторических связей с германо-скандинавскими мифами. В заключение подчеркивается сложность и многогранность образа Джека Фроста, который может быть как веселым зимним духом, так и грозной персонификацией холода.

**Ключевые слова:** современная мифология; прессы Великобритании; прессы США; английская сатира; персонификация мороза; Отечественная война 1812 года; Наполеон; Гражданская война в США.

**JACK FROST: A PERSONIFICATION OF FROST IN ENGLISH-SPEAKING  
CULTURE AND THE MYTHOLOGICAL REPRESENTATION OF THE  
PATRIOTIC WAR OF 1812**

**Filimonova Maria Alexandrovna**  
Kursk State University  
(Kursk, Russia)

**Abstract**

The article is devoted to the study of the character of Jack Frost as a personification of the cold in English-speaking culture and his mythological representation in the context of the Patriotic War of 1812. The author analyzes the origin and evolution of the Jack Frost image, starting with his first mentions in the 18<sup>th</sup> century, and examines his role in various cultural contexts: meteorological, fabulous, advertising, and military. Particular attention is paid to the use of Jack Frost's image in the British and American press and cartoons to describe the harsh winter conditions during the War of 1812 and the American Civil War. The article also touches on attempts to root Jack Frost in ancient mythologies, although the author points out the lack of reliable historical links with German-Scandinavian myths. In conclusion, the complexity and versatility of the image of Jack Frost is emphasized, which can be both a cheerful winter spirit and a formidable personification of the cold.

**Keywords:** modern mythology; the British press; the US press; English satire; a personification of frost; the Patriotic War of 1812; Napoleon; the Civil War in the USA.

***Введение (Introduction) и Литературный обзор (Literature Review)***

Исследования фольклористов и антропологов уже давно не ограничиваются традиционным фольклором. Все чаще внимание ученых привлекают «новые», современные мифологии, среди которых могут выделяться политическая мифология, мифология в сфере рекламы, гендерная, информационная, религиозная мифология [Глазунов 2022: 73]. При этом одним из элементов и традиционной, и новой мифологии являются персонификации, или олицетворения. Исследователи отмечают, что персонификация – одна из функций мифа [Ставицкий 2022: 66; Мартишина 2022: 45; Подюков 2023: 81]. Олицетворение тесно связано с другими аспектами религиозного мировоззрения, такими как анимизм, магия и фетишизм, и является частью различных форм ранних религиозных верований [Иванова 2010: 159].

Персонификация в текстах, равно как и в визуальных источниках Нового времени не является только разновидностью метафоры. Как отмечал Е.М. Мелетинский, конкретно-чувственное и персональное выражение абстракций, которое и есть персонификация, – это форма мифологического мышления, сохраняющаяся в массовом сознании современного общества [Мелетинский 2008: 424].

Предметом исследования в данной статье является Джек Фрост – персонификация зимы, бытавшая в англоязычной культуре еще с XVIII в. Этот персонаж современной английской и американской мифологии специально не изучался ни в России, ни за рубежом. Краткие упоминания о нем в статьях отечественных литературоведов, культурологов, лингвистов дают довольно большой разброс оценок. Так, К.Л. Федорова считает словосочетание Jack Frost метеонимом, В.В. Ощепкова и Н.В. Соловьева – мифонимом [Фёдорова 2016: 31; Ощепкова 2018: 73–87; Ощепкова 2019: 135–148]. М.Л. Кусова и О.В. Шаркунова, анализируя употребление словосочетания Jack Frost в тексте О. Генри, принимают его за варваризм [Кусова 2012: 190]. По всей видимости, ученые предположили, что в англоязычной культуре не может быть своего олицетворения мороза.

Как будет показано ниже, Джек Фрост – персонаж современной литературной мифологии, равно бытующий и в Великобритании, и в США.

В наше время в массовой культуре, в том числе в блогосфере наблюдается определенная тенденция к удревнению Джека Фроста. Его пытаются «укоренить» в англосаксонской и германо-скандинавской мифологии [URL: [https://mythological-creations.fandom.com/ru/wiki/Ледяной\\_Джек](https://mythological-creations.fandom.com/ru/wiki/Ледяной_Джек); Gibson 2017; URL: <https://bestmif.ru/bestiary/ledyanoy-dzhek>]. Его возводят к ледяному великану (йотуну) по имени Йокул Фости, якобы фигурировавшему в скандинавских мифах. Но «Йокул Фости» – по всей видимости, персонаж фейклора. Реально зафиксированный в скандинавской мифологии йотун Фости (не Йокул Фости) имеет с Джеком Фростом лишь то общее, что их имена восходят к общегерманскому frost («мороз»).

Кстати, попытки найти средневековые корни Джека Фроста предпринимались и в XIX в., когда этот персонаж был на пике популярности. Словарь Уэбстера (версия, изданная в конце XIX в.) возводил этого персонажа к скандинавской мифологии [Webster's 1884: 1610 «Frost, Jack»]. Джека Фроста также сравнивали и сравнивают с другими зимними духами, например, немецкой Фрау

Холле или русским Морозко [напр.: DuP  e 2022: 148–149]. Последняя аналогия особенно релевантна, потому что, хотя у славян зафиксирован обычай ритуального угощения Мороза [Славянская 2019: 226, 390–391 «Кисель», «Приглашение»; Мартыненко 2015: 24–30.], современные этнографы высказывают предположение, что Морозко, как и Дед Мороз – персонаж литературной, искусственной мифологии XIX в. Представление о Морозе как о старице высокого или, наоборот, очень маленького роста, с длинной седой бородой, который приходит с севера и бегает по полям, вызывая трескучие морозы, не находит подтверждения в более поздних этнографических и фольклорных источниках. Это представление появилось в работах А.Н. Афанасьева и других исследователей славянской мифологии [Славянские 2004: т. 3: 302–303 «Мороз»].

Согласно «Оксфордскому словарю происхождения слов», Джек Фрост как персонификация мороза появляется не ранее XIX в. [Oxford 2010: 180 «Frost»; The Oxford 2006: «Jack Frost»]. Это неверно. Самый ранний текст, где упоминается этот персонаж, относится к 1730-м гг., когда он появился в книге под названием «Вокруг нашего камелька, или Рождественские развлечения». Анонимный автор описывал зиму как «время, когда Джек Фрост обычно хватает нас за нос» [Round 1732: 8].

Можно было бы предположить, исходя из лапидарности упоминания, что персонаж уже бытовал в английской культуре и был хорошо знаком читателям. Но это не обязательно. Имя образовано в соответствии с продуктивной моделью образования английских фразеологизмов *Jack + характеристика*.

С XVI в. *Jack* было распространенным в Англии жаргонизмом, обозначавшим мужчину. На основе этого личного имени сформировались фразеологические единицы типа *Jack Tar* («моряк»), *Jack of all trades* («мастер на все руки»). Довольно часто имя *Jack* давалось духам, бесенятам и сверхъестественным существам, которые, как считалось, имели человеческий облик, например, *Jack o'lantern* (блуждающий огонек), *Jack-in-irons* (в йоркширских поверьях – великан, подстерегающий прохожих на пустынных дорогах). Имя *Jack Frost* образовано по той же модели [Rashidova 2019: 928–930.].

### ***Результаты и обсуждение (Results and Discussions)***

Итак, Джек Фрост – персонаж не традиционного фольклора, а «новой» мифологии.

В XIX в. Джек Фрост фигурирует в четырех основных контекстах англоязычной культуры:

1. метеорологический контекст;
2. контекст сказки и детской литературы;
3. контекст рекламных объявлений;
4. военный контекст.

Разберем все четыре.

#### **Метеорологический контекст**

Начало XIX в. в Северном полушарии отмечено малым ледниковым периодом. Зимы были суровыми. Толщина льда на Темзе позволяла не только пересекать пешком замерзшую реку, но и устраивать на льду ярмарку. Такое мероприятие описывала «*Chester Chronicle*» в 1814 г.: «На Темзе всю прошлую неделю царила настоящая голландская ярмарка. Кухонные очаги и печи пылали повсюду, а животные, от овцы, кролика и гуся до жаворонка, вертелись на бесчисленных верталах... На барже, намертво вмерзшей в лед на значительном

расстоянии от берега, был оборудован полноценный танцевальный зал» [The Chester Chronicle. Febr. 11, 1814].

Неудивительно, что в английской сатирической графике начала XIX в. можно найти персонификации зимней погоды. На гравюре Джона Коуза «Томми Оттепель» (1800 г.) крылатый демон опрокидывает ведро воды на старуху в рваной шали [Cawse 1800b]. На другой гравюре того же автора изображен Джек Фрост. Он хватает за нос пожилого джентльмена. Жертва мороза повязала платок поверх шляпы и пытается согреть руку в кармане. Некоторые черты визуальной презентации Джека Фроста будут закреплены в английской, а также в американской культуре. Его демоническую природу выдают остроконечные уши и длинный хвост, а также перепончатые крылья. Он обнажен, но на ногах у него коньки, а на голове колпак с небольшой кисточкой. С его крыльев свисают сосульки, а лицо посинело, словно от холода [Cawse 1800a]. Карикатура была переиздана в 1838 г., что свидетельствует об устойчивой популярности персонажа.

Похожее представление о Джеке Фросте бытовало в текстовых источниках XIX в., в частности, в популярной драматургии. Лондонские газеты «Morning Post» и «Morning Chronicle» анонсировали музыкальную пьесу «Арлекин Гренландец». Местом действия является замерзший павильон, принадлежащий Гению Полюса. Среди действующих лиц значилось несколько олицетворений зимней погоды, в том числе и Джек Фрост [The Morning Post. Apr. 19, 1802: 1; The Morning Chronicle. Apr. 17, 1802: 1]. Похожие примеры дает и американская пресса. В помещенной в «United States Gazette» оде Джек Фрост своим дуновением расшатывает углы Капитолия и трясет Монтичелло (резиденцию экс-президента Т. Джефферсона), точно детскую люльку [The United States Gazette. Feb. 17, 1813: 8].

В американских газетах периода Гражданской войны Джек Фрост часто встречался в качестве персонификации зимнего холода. Пенсильванская газета «The Alleghanian» пародировала светскую хронику: «Джек Фрост, эсквайр. Этот достойный персонаж на прошлой неделе сделался постоянным жителем нашей глухомани» [The Alleghanian. Oct. 31, 1861: 3]. В «Cedar Falls Gazette» из Айовы использовалась квази-военная риторика, а Джек Фрост был представлен как агрессивное и опасное существо: «Водные ресурсы соседних с нами городков находятся в состоянии блокады, и мистер Джек Фрост держит их своей безжалостной хваткой». Но мельница в Седар-Фоллс действовала. Газета призывала жителей округи: «Итак, придите, не тревожьтесь. Водяная мельница Седар-Фоллс не сдается Джеку Фросту, эсквайру, как он ни могуществен» [Cedar Falls Gazette. Febr. 8, 1861: 3].

Таким образом, природное явление метафоризировалось, надеялось собственной, порой зловещей волей<sup>1</sup>. Интересно также, как легко метеорологический контекст сближался с военным, который будет рассмотрен ниже.

### Контекст сказки и детской литературы

Джек Фрост – один из популярных персонажей детской литературы XIX в., как в Великобритании, так и в США. Как правило, это озорной дух, разрисовывающий замерзшие окна красивыми узорами<sup>2</sup>. Именно таким он предстает в стихотворении Ханны Флэгг Гулд (1789–1865) «Мороз». Но в том же

<sup>1</sup> Ср. подобные же метафоризации в современных СМИ: Иванова 2010.

<sup>2</sup> Поэтому попытки сблизить Джека Фроста с таким злым духом, как Каракун [Фёдорова 2016: 31], не учитывают всей сложности английского персонажа.

стихотворении Джек Фрост испытывал разочарование из-за того, что не получал подарков, и это побуждало его разрушать и портить вещи [Gould 1853: 32]. В сказке Чарльза Сэнгстера «Маленький Джек Фрост» (1875) главный герой – игривое существо, которое проказничает и кусает людей за нос, покрывает землю снегом, прежде чем Богиня Природы прогонит его с наступлением весны [Sangster 1875: 308]. Кэтрин Ли Бейтс в стихотворении «Добрый Санта-Клаус» (1889) сделала Джека Фроста соседом Санта-Клауса и тем ввела его в круг рождественской мифологии [Wide 1889: 38].

Но у него есть и темная сторона. В том же стихотворении Сэнгстера он смеется, «как безумное привидение» (as crazy wight) [Sangster 1875: 308], и это уподобление, с явными отсылками к топосу безумия, не случайно. В 1858 г. Джон Чантер создал антологию зимнего фольклора «Джек Фрост и Бетти Сноу» [Chanter 1858]. И Джек Фрост, и Бетти Сноу – зимние духи, которые описаны как опасные создания, несущие смерть людям.

Визуальная репрезентация Джека Фроста в этих контекстах ориентирована на детей, и часто образ персонажа явственно смягчается. К его традиционным атрибутам – льду, снегу, конькам – может добавляться рождественская символика, например, омела. Таким персонаж изображен на обложке нот «Кадриль маленького Джека Фроста» (ок. 1860 г.). Джек Фрост катится навстречу зрителю на коньках. На нем красный капюшон и пояс из омелы [Music 1880].

Но даже в иллюстрациях к детской сказке были возможны зловещие или опасные воплощения Джека Фроста. Таким он предстает на иллюстрациях известного викторианского художника Артура Рэкхема к русской сказке «Морозко» (1916). В интерпретации Рэкхема Морозко приобретает черты традиционного Джека Фроста. Это недобroe существо, что подчеркнуто композицией рисунка: Мороз нависает над сжавшейся в комочек маленькой героиней, протягивает к ней руки, готовясь ее заморозить. Его остроконечные уши, колпак, заостренный нос, похожий на сосульку, отсылают к гравюре Коуза [The Allies' 1916: 94–95, вклейка].

### Рекламный контекст

Давно замечено, что рекламный текст высоко мифологизирован. Реклама может рассматриваться как форма современного мифотворчества [Геращенко 2006; Пендикова 2008; Ширгазина 2013: 244–245; Спорник 2019: 78]. Часто в рекламе встречаются антропоморфные образы, которые наделяются качествами тотемов – мифических покровителей человека, которые защищают его от различных проблем, начиная от естественного старения и заканчивая трудностями в личной жизни [Матвеева 2012: 43].

На рекламном рисунке 1882 г. такой антропоморфной сущностью-тотемом становится Джек Фрост. Здесь это высокий старик с пышной бородой и усами. На ногах у него коньки, а на плечи наброшена шкура белого медведя. Медвежья голова покрывает его голову так, что клыки свисают ему на лоб<sup>1</sup>. На поясе висит новоизобретенный прибор, ассоциирующийся с холдом, – термометр. Оскаленная морда медведя, служащая Джеку Фросту капюшоном, а также мясницкие ножи в руках придают персонажу агрессивный вид, но на самом деле перед нами мифологический защитник. Этот его аспект расшифровывается подписью к рисунку: «Джек Фрост, или Будущий всеобщий поставщик». За спиной персонажа висят ряды рыбы, птицы, дичи. Они наглядно демонстрируют изобилие,

<sup>1</sup> Отсылка к античному бюсту императора Коммода в образе Геркулеса.

обеспеченнное возможностью замораживать продукты для длительного хранения [Jack 1881].

### Военный контекст

Тексты и изображения времен Гражданской войны в США демонстрируют амбивалентность Джека Фроста в военном контексте XIX в. Зимний холод мог серьезно осложнить повседневную жизнь солдат. На страницах массачусетской «Worcester Daily Spy» эта ипостась Джека Фроста раскрывалась через ряд антропоморфизированных природных явлений и предметов, которые уподоблялись офицерам во время боевых действий: «Джек Фрост сделал первый залп... Бригадный генерал Одеяло должен выйти на поле боя» [Worcester daily spy. Oct. 10, 1861: 2]. В «Delaware Journal and Statesman» изображался как угроза не меньшая, чем армия южной Конфедерации. Газета призывала отправлять на фронт теплые перчатки и создавала яркую картину войны одновременно с конфедератами и с враждебной природой: «Давайте помнить, что те, кто сражается в битвах за Конституцию, сколь бы сильным ни было их мужество, сколь бы крепки ни были их сердца, падут, если их вынудят биться со стихиями зимы вкупе с дикой жестокостью орды мятежников» [Delaware State Journal and Statesman. Nov. 8, 1861: 2].

Зато в речи генерал-майора Батлера, произнесенной в 1861 г., Джек Фрост выступал в роли союзника, а не противника северян. Батлер обещал: «Наш верный старый союзник на Севере, генерал Джек Фрост, придет и уничтожит малюсию на Юге, и мы двинемся отсюда на Юг, и не будет ни шагу назад, пока мятеж в нашем Союзе не будет подавлен». Во время Гражданской войны в южных штатах были вспышки холеры, и была надежда, что наступающая холодная зимняя погода поможет избавиться от инфекций, мешающих военным действиям.

Талантливый карикатурист Томас Наст [см. о нем: Алентьева 2021б: 220–240; Алентьева 2021а: 298–328] проиллюстрировал эту речь выразительным рисунком с подписью «Наш новый генерал-майор». Созданный Настом образ Джека Фроста вполне оригинал. Персонаж скачет верхом через военный лагерь, его приветствуют солдаты. За хвостом его коня метет метель. Он в подобии военной формы северного офицера. У него развевающаяся борода из сосулек. Сосульки образуют баxому его куртки, гриву и хвост его коня. Мечом-сосулькой он указывает солдатам направление наступления [Harper's Weekly. Oct. 5, 1861: 640].

Вернемся теперь к началу XIX в., а именно, к западной репрезентации Отечественной войны 1812 г. В дискурсе о войне в России, как известно, Генерал Мороз занимал важное место. Страдания отступающей французской армии, застигнутой холодами, стали одним из элементов образа Отечественной войны 1812 г. и в русских, и в иностранных источниках, хотя оценки роли погодного фактора в разгроме Наполеона различались радикальным образом. Врач Г.У. Роос, попавший в Россию в составе наполеоновской армии, вспоминал: «Ночи бывали настолько холодные, что мы зарывались в солому, а к утру она настолько смерзлась от росы и инея, что чуть ли не приходилось ее разламывать» [Французы 2012: 416]. По утверждению английского периодического издания «New Annual Register», французы «с радостью питались лошадьми... в первый день заморозков погибло около 50 000 человек» [The New Annual Register 1812: 414]. Газета «Bristol Mirror» поместила у себя стихотворение, посвященное поражению Наполеона в

России. В стихотворении говорилось о том, что некогда храбрые французы предпочли бы холоду грубую казачью пику [The Bristol Mirror. Nov. 13, 1813: 4].

Хотя английская пресса охотно живописала бедственное положение Великой армии при ее отступлении из Москвы, она отдавала должное М.И. Кутузову и другим русским полководцам. Такую же позицию заняли американские федералисты. Так, сенатор-федералист Р.Г. Харпер, чья речь в честь русских военных побед была перепечатана в «Charleston Daily Courier», подчеркивал: «Не преждевременная зима (premature winter), не суровость климата, но искусство и доблесть его (Наполеона. – М.Ф.) врагов погубили его» [The Charleston Daily Courier. June 24, 1813: 2]<sup>1</sup>.

Но федералистская партия находилась в то время в оппозиции. Правящая партия джефферсоновских республиканцев рассчитывала на то, что предполагаемая победа Наполеона в России отвлечет силы Великобритании от англо-американской войны, начавшейся в том же 1812 г. [Алентьева 2018: 69]. Соответственно, общий тон джефферсоновской прессы был скорее бонапартистским. Ричмондская «Virginia Argus» создавала фантастическую картину русской зимы: «В России лишь два сезона, и переход между ними вовсе не постепенный. В 24 часа крайний холод сменяет мягкое тепло, и с этого мгновения послаблений не будет, пока не придет лето. Французские полки при отступлении были окружены снегами и льдом» [Virginia Argus. July 8, 1813: 1]. Газета «Rhode Island Republican» проводила аналогию с полтавской победой, которую Петр I якобы одержал «благодаря суровости погоды» [The Rhode-Island Republican. Aug. 19, 1813: 2].

Интересно, что мороз не был единственным невоенным фактором поражения Наполеона в мифологизированной картине, созданной американской прессой. «Gazette of the United States» перепечатывала письмо, якобы от уроженца Москвы, где говорилось о гибельности для французов русского кваса, а также о «губительных» испарениях московских рек, в которых «вероятно, русские найдут деятельного союзника» [The United States Gazette. Jan. 2, 1813: 4].

Мимо темы русского мороза не могла пройти и английская сатирическая графика. Создаваемый ею образ войны в России упрощен по сравнению с прессой. Русская сторона в изображении английских карикатуристов представлена обобщенным образом казака. Личности русских полководцев не выделяются. Зато выделяется Джек Фрост, как английское воплощение Генерала Мороза. Посвященные ему карикатуры появляются в ноябре-декабре 1812 г.

На карикатуре Джорджа Крукшенка «Бони высиживает бюллетень, или Удобные зимние квартиры» (декабрь 1812 г.) представлена устрашающая картина русской зимы. Французская армиятонет в глубоких снегах. От самого Наполеона видна только голова в двугольной шляпе с огромным плюмажем. Офицер, выбравшийся из снега по пояс, спрашивает своего императора: «Что, черт возьми, мы скажем в бюллетене?» Наполеон отвечает: «Скажите! Ну, скажите, что мы расположились в удобных зимних квартирах, а погода очень хорошая и продержится еще восемь дней. Скажите, что у нас много постного супа, много мясного фарша – можно отлично поесть жареной медвежатины – отправили

<sup>1</sup> Эта речь была произнесена на торжественном обеде 5 июня 1813 г., устроенном в Джорджтауне (ныне пригород Вашингтона) в честь русских побед. Выдающийся советский исследователь Н.Н. Болховитинов отмечал яркость изложения и убедительность аргументации Харпера: Болховитинов 1966: 580.

Кутузова к черту на рога. Скажите, что на Рождество мы будем ужинать дома – передай привет моей милой [Марии Луизе] – состряпайте хорошее вранье о казаках – говорите что угодно, только не правду» [Cruikshank 1812]. Карикатура пародирует одновременно речь Наполеона перед Бородинским сражением, в которой император обещал солдатам удобную зимовку в Москве<sup>1</sup>, и первый французский бюллетень, отправленный из Москвы. В бюллетене так говорилось о погоде: «Погода мягкая, как в Париже в октябре. Было немного дождя и немного морозца, но мы уверены, что Москва и другие здешние реки не замерзнут до середины ноября» [The New Hampshire Gazette. Dec. 29, 1812: 2].

Похожий сюжет развивается в карикатуре Чарльза Уильямса «Бони возвращается из России, покрытый снегом» (январь 1813 г.). На гравюре французские солдаты тонут в снегах, пытаются есть павших лошадей, их преследуют казаки. В это время Наполеон пишет бюллетень о том, что в армии все в порядке [Williams 1813].

На карикатуре Уильяма Элмса «Джек Фрост нападает на Бони в России» (ноябрь 1812 г.) русский мороз персонифицирован. Джек Фрост здесь сидит верхом на медведе – традиционном символе России – и швыряет снежки в Наполеона, который пытается убежать, пробираясь по снегу на коньках, прикрепленных к его гессенским ботфортам со шпорами и кисточками. Два снежка попали ему в спину, еще один сбил украшенную перьями двууголку. Он зажимает нос и говорит, оглядываясь через плечо: «Клянусь Богом, месье Фрост, это гораздо более холодный прием, чем я ожидал, я никогда раньше не сталкивался с таким обстрелом – я чувствую, что должен заботиться о своем носе так же, как и о пальцах ног. Прошу простить меня на этот раз, и я клянусь Святым Дени, что никогда больше не войду в ваши владения» [Elmes 1812a]. Элмс представляет Джека Фроста худым и изможденным, но при этом угрожающим. Седые космы и борода персонажа напоминают сосульки (прием, который позднее использовал Т. Наст). На ногах коньки – один из традиционных атрибутов.

Более монструозный образ создан тем же Уильямом Элмсом в гравюре «Генерал Мороз бреет маленького Бони» (декабрь 1812 г.). Карикатура визуализирует традиционное выражение «Джек Фрост хватает за нос». Здесь он в прямом смысле зажимает нос Наполеона. Обыгрывается также обычная сцена бритья в Новое время, когда брадобреи брали клиента за нос, чтобы зафиксировать его голову. Джек Фрост размахивает большой бритвой из «русской стали», угрожая скорее перерезать Наполеону горло, чем побрить его в соответствии с названием карикатуры. Он – гротескное чудовище, обнаженное по пояс, с медвежьими лапами; его огромные лапы наступают на две группы маленьких французских солдатиков, вминая их в снег. Он изможден и стар, с горящими глазами, широким ртом, окаймленным зубами, похожими на клыки, и огромными усами; из каждой ноздри выходит по струе; на одной из них надпись «Север» наклонена к голове Наполеона, на другой, наклоненной вправо, надпись «Северо-Восток – снег и слякоть»; они белые на фоне темного неба. Вместо бровей у него сосульки, а на голове зазубренные острия с надписью «Ледяная гора». Все это подсвечивается диском над головой с надписью «Полярная звезда». На пальцах у него когти. Из его уст вылетают слова: «Только вторгнись в мою страну – я побрею, заморожу и похороню тебя в снегу, мартышка». Слезы текут из глаз Наполеона, и он говорит:

<sup>1</sup> Эта речь перепечатывалась в английских газетах: Cobbett's Weekly Political Register. Oct. 17, 1812: 9; The Times. Oct. 3, 1812: 3.

«Прошу тебя, брат-генерал, сжалься, не подавляй меня своей седой стихией, ты так задел меня, что у меня даже зубы стучат, о Боже, я совсем обессилен» [Elmes 1812b].

Во всех карикатурах русская зима представлена как грозная стихия, которой невозможно противостоять. Ее гибельность преувеличена до мифологических масштабов. Неудивительно, что здесь и Джек Фрост приобретает монструозные формы.

### **Заключение (Conclusions)**

Фигура Джека Фроста в культуре XIX в. – чрезвычайно сложный образ, который может быть вписан в самые разные контексты, от веселого круга рождественских персонажей до устрашающей персонификации русской зимы, губящей Наполеона. Общей у разных вариаций Джека Фроста является разве что связь с зимой и холодом и некоторые внешние атрибуты, например, коньки. Он может ассоциироваться с зимними развлечениями и изобилием. Но он же может выступать как грозный союзник и не менее грозный противник в Отечественной войне 1812 г., и в Гражданской войне в США.

## **Литература**

Алентьева, Т.В. (2021а). Карикатурама Томаса Наста // Американистика: Актуальные подходы и современные исследования. Вып. 13. Курск: Курский государственный университет. С. 298–328.

Алентьева, Т.В. (2021б). Томас Наст – некоронованный король карикатуры // Американский ежегодник. 2021 / Под ред. В.В. Согрина. Москва. С. 220–240.

Алентьева, Т.В., Тимченко, А.И. (2018). Англо-американская война 1812–1815 гг. и американское общество. Санкт-Петербург: Алетейя. 234 с.

Болховитинов, Н.Н. (1966). Становление русско-американских отношений. 1775–1815. Москва: Наука. 641 с.

Геращенко, Л.Л. (2006). Мифология рекламы. Москва: Диаграмма. 464 с.

Глазунов, А.А., Иванова, Е.В. (2022). Мифология страха: трансформация архетипов героя и тени в литературе лавкрафтianских ужасов // Мифологос. №2. С. 72–79.

Иванова, Е.В. (2010). Персонификация природы в медийном дискурсе // Политическая лингвистика. №1. С. 159–162.

Кусова, М.Л., Шаркунова, О.В. (2012). Идиостилистические особенности референтных отношений в рассказе О. Henry «The Cop and the Anthem» // Вестник Южно-Уральского государственного гуманитарно-педагогического университета. №12. С. 185–193.

Ледяной Джек [Электронный ресурс]. URL: <https://bestmif.ru/bestiary/ledyanoy-dzhek> (дата обращения: 20.02.2025).

Ледяной Джек [Электронный ресурс]. URL: [https://mythological-creations.fandom.com/ru/wiki/Ледяной\\_Джек](https://mythological-creations.fandom.com/ru/wiki/Ледяной_Джек) (дата обращения: 20.02.2025)

Мартишина, Н.И. (2022). Мифологизация как способ познавательного освоения объекта // Мифологос. №1. С. 40–55.

Мартыненко, Л.Б., Авдеев, С.С. (2015). Мифологизированный образ Мороза в русском фольклоре и литературе XIX – начала XX века // Наследие веков. №2. С. 24–30.

- Матвеева, Е.О. (2012). Мифологические аспекты современной рекламы // Альманах теоретических и прикладных исследований рекламы. №1(3). С. 41–47.*
- Мелетинский, Е.М. (2008). Миф и двадцатый век // Избранные статьи. Воспоминания. Москва: РГГУ. С. 419–429.*
- Ощепкова, В.В., Соловьева, Н.В. (2019). Особенности формирования ономастикона британской народной сказки // Вестник Томского государственного университета. Филология. №62. С. 135–148.*
- Ощепкова, В.В., Соловьева, Н.В. (2018). Спеллонимы в системе мифонимов британской народной сказки // Вопросы современной лингвистики. №2. С. 73–87.*
- Пендикова, И. (2008). Архетип и символ в рекламе / Под ред. Л.М. Дмитриевой. Москва: ЮНИТИ-ДАНА. 304 с.*
- Подюков, И.А. (2023). Отантропонимическая персонификация в профессиональной и жаргонной речи // Вопросы ономастики. Т. 20. №1. С. 80–91.*
- Славянская мифология: энциклопедический словарь (2019): 2-е изд. / Отв. ред. С.М. Толстая. Москва: Международные отношения. 512 с.*
- Славянские древности: этнолингвистический словарь (2004): в 5 т. / Под общ. ред. Н.И. Толстого. Москва: Межд. отношения.*
- Спорник, А.П. (2019). Рекламный миф как форма компенсации комплекса «социальной ущербности» // Миф в истории, политике, культуре: сборник материалов III Международной научной междисциплинарной конференции (июнь 2019 года, г. Севастополь) [Электронный ресурс] / Под ред. О.А. Габриеляна, А.В. Ставицкого, В.В. Хапаева, С.В. Юрченко. Севастополь: Филиал МГУ имени М.В. Ломоносова в городе Севастополе. №3. С. 77–78.*
- Ставицкий, А.В. (2022). Общая теория мифа о структуре его функционирования // Мифологос. №1. С. 56–74.*
- Фёдорова, К.Л. (2016). Вариативность фразеологизмов с компонентами метеонимами в английском языке // Вестник Курганского государственного университета. №1(40). С. 30–32.*
- Французы в России. 1812 год по воспоминаниям современников-иностранцев (2012): в 3 ч. Москва, б.и. Ч. 1–2.*
- Ширгазина, А.Э., Чистякова, А.А. (2013). Мифотехнологии в рекламе // Современные научноемкие технологии [Электронный ресурс]. №10–2. С. 244–245. URL: <https://top-technologies.ru/ru/article/view?id=33454> (дата обращения: 12.02.2025).*
- Cawse, J. (1800a). Jacky Frost!! After: George Moutard Woodward. [Электронный ресурс]. URL: [https://www.britishmuseum.org/collection/object/P\\_1931-1114-342](https://www.britishmuseum.org/collection/object/P_1931-1114-342) (дата обращения: 20.02.2025).*
- Cawse, J. (1800b). Tommy Thaw. After: George Moutard Woodward. Published by: Robert Joseph Hixon. Jan. 16. [Электронный ресурс]. URL: [https://www.britishmuseum.org/collection/object/P\\_1948-0214-596](https://www.britishmuseum.org/collection/object/P_1948-0214-596) (дата обращения: 20.02.2025).*
- Cedar Falls Gazette (Cedar Falls, Iowa). Febr. 8, 1861.*
- Chanter, J.M. (1858). Jack Frost and Betty Snow with Other Tales. London: Griffith and Farran. 96 p.*
- Cobbett's Weekly Political Register. Oct. 17, 1812.*
- Cruikshank, G. (1812) Boney hatching a bulletin or Snug Winter Quarters!!! Dec. Published by: Walker. [Электронный ресурс]. URL:*

[https://www.britishmuseum.org/collection/object/P\\_1868-0808-8038](https://www.britishmuseum.org/collection/object/P_1868-0808-8038) (дата обращения: 20.02.2025).

Delaware State Journal and Statesman (Wilmington, Del.). Nov. 8, 1861.

DuPée, M.C. (2022). A Scary Little Christmas. A History of Yuletide Horror Films, 1972–2020. Jefferson, N.C.: McFarland. 370 p.

Elmes, W. (1812a). Jack Frost attacking Bony in Russia. Nov. Published by: Thomas Tegg. [Электронный ресурс]. URL: [https://www.britishmuseum.org/collection/object/P\\_1868-0808-8033](https://www.britishmuseum.org/collection/object/P_1868-0808-8033) (дата обращения: 20.02.2025).

Elmes, W. (1812b). General Frost shaveing little Boney. Dec. 1. Published by: Thomas Tegg. [Электронный ресурс]. URL: [https://www.britishmuseum.org/collection/object/P\\_1868-0808-8034](https://www.britishmuseum.org/collection/object/P_1868-0808-8034) (дата обращения: 20.02.2025).

Gibson, R. (2017). The Legend of Jokul Frosti. Dec. 22. [Электронный ресурс]. URL: <https://rebeccaonthewing.com/2017/12/22/the-legend-of-jokul-frosti/> (дата обращения: 20.02.2025).

Gould, H.F. (1853). The Mother's Dream: And Other Poems. Boston: Crosby, Nichols, & Co. 239 p.

Jack Frost; or, the Future Universal Provider (1881) // Punch's Almanack for 1882. London, Dec. 6.

Harper's Weekly. Oct. 5, 1861.

Music cover for Brown's 'Little Jack Frost Quadrilles'. Lithograph, printed in colour, with additional hand-colouring. L.: B. Williams, c. 1880.

Oxford Dictionary of Word Origins (2010) / Ed. J. Creswell. Oxford: University Press. 512 p.

Rashidova, Z.N. (2019). Jack-Phrases in the Proverbs of English Language // Экономика и социум. №11(66). C. 928–930.

Round about our coal-fire (1732): or, Christmas entertainments. Containing, Christmas gambols, tropes, figures, &c. L.: J. Roberts. 59 p.

Sangster, Ch. (1875). Little Jack Frost. A Rhyme for Flossie // The Aldine. Vol.7. No.16 (April). P. 308.

The Alleghanian (Ebensburg, Pa.). Oct. 31, 1861.

The Allies' Fairy Book (1916) / Illustrated by Arthur Rackham. Philadelphia: J.B. Lippincott Co. 121 p.

The Bristol Mirror. Nov. 13, 1813.

The Charleston Daily Courier. June 24, 1813.

The Chester Chronicle. Febr. 11, 1814.

The Morning Chronicle (London). Apr. 17, 1802.

The Morning Post (London). Apr. 19, 1802.

The New Annual Register. 1812.

The New Hampshire Gazette (Portsmouth, N.H.). Dec. 29, 1812.

The Rhode-Island Republican (Newport, R.I.). Aug. 19, 1813.

The Oxford Dictionary of Phrase and Fable (2006). Oxford: University Press. 816 p.

The Times. Oct. 3, 1812.

The United States Gazette. Jan. 2, 1813.

The United States Gazette. Feb. 17, 1813.

Virginia Argus (Richmond, Va.). July 8, 1813.

Webster's Complete dictionary of the English language (1884). Thoroughly revised and improved, by C.A. Goodrich and N. Porter. London: George Bell and Co. 1847 p.

Wide Awake: An Illustrated Magazine (Boston). Vol. 28 (1889).

Williams, Ch. (1813). Boney returning from Russia covered with glory – leaving his army in comfortable winter quarters. Jan. 1. Published by: S W Fores. [Электронный ресурс]. URL: [https://www.britishmuseum.org/collection/object/P\\_1868-0808-8043](https://www.britishmuseum.org/collection/object/P_1868-0808-8043) (дата обращения: 20.02.2025).

Worcester Daily Spy (Worcester, Mass.). Oct. 10, 1861.

## References

Alentieva, T.V. (2021a). Caricaturama of Thomas Nast // American Studies: Current Approaches and Modern Research. Issue 13. Kursk: Kursk State University. Pp. 298–328. (In Russian).

Alentieva, T.V. (2021b). Thomas Nast – the Uncrowned King of Caricature // American Yearbook. 2021 / Edited by V.V. Sogrin. Moscow. Pp. 220–240. (In Russian).

Alentieva, T.V., Timchenko, A.I. (2018). The Anglo-American War of 1812–1815 and the American Society. St. Petersburg: Alethea Publ. 234 p. (In Russian).

Bolkhovitinov, N.N. (1966). The Formation of Russian-American Relations. 1775–1815. Moscow: Nauka Publ. 641 p. (In Russian).

Gerashchenko, L.L. (2006). The Mythology of Advertising. Moscow: Diagramma Publ. 464 p. (In Russian).

Glazunov, A.A., Ivanova, E.V. (2022). The Mythology of Fear: the Transformation of the Archetypes of Hero and Shadow in the Literature of Lovecraftian Horror // Mythologos. No. 2. Pp. 72–79. (In Russian).

Ivanova, E.V. (2010). The Personification of Nature in Media Discourse // Political Linguistics. No. 1. Pp. 159–162. (In Russian).

Kusova, M.L., Sharkunova, O.V. (2012). Idiostylistic Features of Reference Relations in O. Henry's Short Story «The Cop and the Anthem» // Bulletin of the South Ural State Humanitarian Pedagogical University. No. 12. Pp. 185–193. (In Russian).

Ice Jack [Electronic resource]. URL: <https://bestmif.ru/bestiary/ledyanoy-dzhek> (accessed: 20.02.2025). (In Russian).

Ice Jack [Electronic resource]. URL: [https://mythological-creations.fandom.com/ru/wiki/Ледяной\\_Джек](https://mythological-creations.fandom.com/ru/wiki/Ледяной_Джек) (accessed: 20.02.2025) (In Russian).

Martishina, N.I. (2022). Mythologization as a Way of Cognitive Development of an Object // Mythologos. No. 1. Pp. 40–55. (In Russian).

Martynenko, L.B., Avdeev, S.S. (2015). The Mythologized Image of Frost in Russian Folklore and Literature of the 19th – Early 20th Century // Legacy of the Centuries. No. 2. Pp. 24–30. (In Russian).

Matveeva, E.O. (2012). Mythological Aspects of Modern Advertising // Almanac of Theoretical and Applied Advertising Research. No. 1(3). Pp. 41–47. (In Russian).

Meletinsky, E.M. (2008). Myth and the Twentieth Century // Selected Articles. Memories. Moscow: RGGU Publ. Pp. 419–429. (In Russian).

Oshchepkova, V.V., Solovyova, N.V. (2019). Features of the Formation of the Onomasticon of the British Folk Tale // Bulletin of Tomsk State University. Philology. No. 62. Pp. 135–148. (In Russian).



[https://www.britishmuseum.org/collection/object/P\\_1868-0808-8033](https://www.britishmuseum.org/collection/object/P_1868-0808-8033) (accessed: 20.02.2025).

*Elmes, W.* (1812b). General Frost shaveing little Boney. Dec. 1. Published by: Thomas Tegg. [Electronic resource]. URL: [https://www.britishmuseum.org/collection/object/P\\_1868-0808-8034](https://www.britishmuseum.org/collection/object/P_1868-0808-8034) (accessed: 20.02.2025).

*Gibson, R.* (2017). The Legend of Jokul Frosti. Dec. 22. [Electronic resource]. URL: <https://rebeccaonthewing.com/2017/12/22/the-legend-of-jokul-frosti/> (accessed: 20.02.2025).

*Gould, H.F.* (1853). The Mother's Dream: And Other Poems. Boston: Crosby, Nichols, & Co. 239 p.

Jack Frost; or, the Future Universal Provider (1881) // Punch's Almanack for 1882. London, Dec. 6.

Harper's Weekly. Oct. 5, 1861.

Music cover for Brown's 'Little Jack Frost Quadrilles'. Lithograph, printed in colour, with additional hand-colouring. L.: B. Williams, c. 1880.

Oxford Dictionary of Word Origins (2010) / Ed. J. Creswell. Oxford: University Press. 512 p.

*Rashidova, Z.N.* (2019). Jack-Phrases in the Proverbs of English Language // Economics and Society. No. 11(66). Pp. 928–930.

Round about our coal-fire (1732): or, Christmas entertainments. Containing, Christmas gambols, tropes, figures, &c. L.: J. Roberts. 59 p.

*Sangster, Ch.* (1875). Little Jack Frost. A Rhyme for Flossie // The Aldine. Vol.7. No.16 (April). P. 308.

The Alleghanian (Ebensburg, Pa.). Oct. 31, 1861.

The Allies' Fairy Book (1916) / Illustrated by Arthur Rackham. Philadelphia: J.B. Lippincott Co. 121 p.

The Bristol Mirror. Nov. 13, 1813.

The Charleston Daily Courier. June 24, 1813.

The Chester Chronicle. Febr. 11, 1814.

The Morning Chronicle (London). Apr. 17, 1802.

The Morning Post (London). Apr. 19, 1802.

The New Annual Register. 1812.

The New Hampshire Gazette (Portsmouth, N.H.). Dec. 29, 1812.

The Rhode-Island Republican (Newport, R.I.). Aug. 19, 1813.

The Oxford Dictionary of Phrase and Fable (2006). Oxford: University Press. 816 p.

The Times. Oct. 3, 1812.

The United States Gazette. Jan. 2, 1813.

The United States Gazette. Feb. 17, 1813.

Virginia Argus (Richmond, Va.). July 8, 1813.

Webster's Complete dictionary of the English language (1884). Thoroughly revised and improved, by C.A. Goodrich and N. Porter. London: George Bell and Co. 1847 p.

Wide Awake: An Illustrated Magazine (Boston). Vol. 28 (1889).

*Williams, Ch.* (1813). Boney returning from Russia covered with glory – leaving his army in comfortable winter quarters. Jan. 1. Published by: S W Fores. [Electronic

resource]. URL: [https://www.britishmuseum.org/collection/object/P\\_1868-0808-8043](https://www.britishmuseum.org/collection/object/P_1868-0808-8043) (accessed: 20.02.2025).

Worcester Daily Spy (Worcester, Mass.). Oct. 10, 1861.

**Сведения об авторе:**

**Филимонова Мария Александровна**

ведущий научный сотрудник Центра изучения США ФГБОУ ВО «Курский государственный университет», доктор исторических наук (г. Курск, Россия).

e-mail: mar-filimonova@yandex.ru

**Bionotes:**

***Filimonova Maria Aleksandrovna***

Leading Researcher at the Center for the Study of the United States, Kursk State University, Doctor of Historical Sciences (Kursk, Russia).

**Для цитирования:**

**Филимонова М.А.** Джек Фрост: персонификация мороза в англоязычной культуре и мифологическая репрезентация Отечественной войны 1812 г. // МИФОЛОГОС. Серия «Миф и общество: история, политика, социология». № 4 (16), 2025. С. 160–174.

**For citation:**

***Filimonova M.A.*** Jack Frost: the Personification of Frost in English-Speaking Culture and the Mythological Representation of the Patriotic War of 1812 // MYTHOLOGOS. Series "Myth and Society: History, Politics, Sociology". № 4 (16), 2025. Pp. 160–174.

## 5. ЭКЗИСТЕНЦИЯ И ВЫЗОВЫ СОВРЕМЕННОСТИ: МИФЫ В ЗЕРКАЛЕ НАСТОЯЩЕГО И БУДУЩЕГО

УДК 316.42:327.5

### УКРАИНА В ГЛОБАЛЬНЫХ ТРЕНДАХ ЗАПАДА: МИФЫ И ЭКЗИСТЕНЦИЯ

Ставицкий Андрей Владимирович

Филиал Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова в  
городе Севастополе (г. Севастополь, Россия)

#### Аннотация

Статья представляет анализ места и роли Украины согласно мнению западных экспертов в контексте фундаментального переустройства мировой системы, вызванного трансформационным кризисом, который охватил все уровни функционирования глобального устройства. Приостановка директором Национальной разведки США Тулси Габбард публикации доклада «Глобальные тренды 2025» символизирует не отмену самих трендов, а их переработку в соответствии со стратегией новой американской администрации и переходом к шестому техноукладу. Исследование выявляет структурные несовместимости между текущей иерархией международной системы и нарастающей диверсификацией центров власти. Украина оказывается в эпицентре этого переформатирования, выполняя одновременно несколько стратегических функций: щита европейского проекта, копья западной политики сдерживания России, инструмента отвлечения ресурсов Китая и экспериментальной лаборатории новых форм гибридной войны и технологического противостояния. Статья раскрывает вероятные сценарии развития событий по мнению западных аналитиков, включая путь к замороженному конфликту, европейскую войну, стабилизацию через окончательное разделение и восстановление через структурное переоборудование европейской безопасности.

**Ключевые слова:** Украина; глобальные тренды; мировой порядок; гегемонический переход; трансформационный кризис; стратегические сценарии; онтологическая безопасность; цивилизационная идентичность.

### UKRAINE IN GLOBAL WESTERN TRENDS: MYTHS AND EXISTENCE

Stavitskiy Andrey Vladimirovich

Branch of Lomonosov Moscow State University in Sevastopol (Sevastopol, Russia)

#### Abstract

This article analyses Ukraine's place and role according to Western experts in the context of the fundamental restructuring of the world system caused by the transformational crisis that has affected all levels of the global order. The suspension by US Director of National Intelligence Tulsi Gabbard of the publication of the report 'Global Trends 2025' symbolises not the cancellation of the trends themselves, but their revision in accordance with the strategy of the new American administration and the transition to the sixth technostructure. The study reveals structural incompatibilities between the current hierarchy of the international system and the growing diversification of centres of power. Ukraine finds itself at the epicentre of this reformatting, performing several strategic functions simultaneously: a shield for the European project, a spearhead for Western policy to contain Russia, a tool for diverting China's resources, and an experimental laboratory for new forms of hybrid warfare and technological confrontation.

The article reveals the likely scenarios for the development of events according to Western analysts, including the path to a frozen conflict, a European war, stabilisation through final division, and recovery through the structural reorganisation of European security.

**Keywords:** Ukraine; global trends; world order; hegemonic transition; transformational crisis; strategic scenarios; ontological security; civilisational identity.

### ***Введение (Introduction)***

В основу анализа любых современных глобальных процессов исключительно для чистоты понимания необходимо ставить два онтологических положения.

Первое исходит из того, что мировое сообщество, какие бы принципы в нём ни провозглашались в качестве определяющих, представляет собой глобальную пищевую цепочку, в которой тот, кто находится на её вершине, использует этот факт с максимальной выгодой для себя, пытаясь присвоить, что можно, сбрасывая свои проблемы на периферию и решая их за чужой счёт, насколько и пока это возможно.

Второе положение напоминает, что данный мир в его нынешнем состоянии, которое пока ещё можно назвать Pax Americano, в силу сложившихся тенденций социодинамики не просто пребывает в состоянии нарастающего общего кризиса, но и подходит к концу, когда связанный с переходом к шестому техноукладу глобальный трансформационный кризис приведёт к большому переделу, новому мировому порядку и смене глобального гегемона: Запада в целом и США – в частности. Однако пока этого не произошло, они сделают всё от них зависящее, чтобы не допустить или хотя максимально оттянуть утрату глобального превосходства, ввергнув мир в состояние хаоса и войны всех против всех. И надо сказать, что ресурсов и технологических возможностей у них для этого пока хватает.

В свете этого их задача довольно проста – всемерно ослабить возможных конкурентов, не допустив их коалиций и натравив на них всех, кого можно, используя для этого те рычаги, которые у них ещё остались: интеллектуальные, культурные, политические, правовые, военные, финансовые, экономические, технологические. И одним из таких инструментов стала постсоветская Украина. Поэтому понять украинский проект без глобального контекста не получится. Но каковы планы стран Запада – Европы и США в отношении Украины? Данной проблеме и посвящено наше исследование.

В связи с этим выделим следующее.

1. Контекст: приостановка глобальных трендов как симптомом системного кризиса.

В августе 2025 года директор национальной разведки США Тулси Габбард (Tulsi Gabbard) объявила об упразднении Группы стратегического будущего (Strategic Futures Group, SFG) при Национальном совете по разведке (National Intelligence Council, NIC) и приостановке публикации доклада «Глобальные тенденции» (Global Trends) после 2021 года [New Security Beat]. По её словам, проект издания 2025 года не соответствовал стандартам аналитического профессионализма и продвигал «политическую повестку дня, противоречащую всем текущим приоритетам президента в области национальной безопасности». Решение о ликвидации SFG было обосновано утверждением, что ею пользовались в своих интересах «элементы глубинного государства разведывательного сообщества» [Breaking Defense].

Однако за этим политико-административным решением скрывается нечто существенно более значимое, чем несогласие со стратегией предыдущей американской администрации: признание того, что архитектура прогнозирования глобальных трендов, которая работала с 1997 года, исчерпала свой потенциал предиктивного объяснения мира. Поэтому отмена доклада не отменяет самих трендов – она лишь свидетельствует о том, что их нужно переработать заново, адаптирував не к либеральной парадигме международного порядка (на которой был построен последний доклад), а к новой логике фрагментированной и идеологически поляризованной реальности [National Intelligence Council].

И это касается всей западной аналитики, которая не только осмысливает происходящее, постоянно определяя и корректируя свою стратегию, но и пытается осуществить захват образа будущего для коррекции своей стратегии и трансляции своей картины мира мировому сообществу. В свете этого весьма любопытен и показателен вопрос, какую роль отводят в этом видении Украине, исторически ставшей одним из наиболее эффективных инструментов для ослабления и подчинения России Западу.

2. Теоретические основы анализа и контуры эволюции стратегии: от гегемонической стабильности к трансформационному кризису.

Теория гегемонистской войны Роберта Гилпина утверждает, что международные системы претерпевают фундаментальное переустройство, когда распределение моши среди великих держав перестаёт соответствовать политической иерархии системы. В его классической формулировке: «Международная система изменяется в результате войны между великими державами... Война является средством, посредством которого одна сторона – обычно восходящая держава – навязывает новый набор правил и институтов, отражающих новое распределение власти в системе» [Gilpin 1988]. На текущий момент мир находится в фазе диагностирования именно такой несовместимости.

В свою очередь этот трансформационный кризис выявляет шесть ключевых тенденций:

1) Техноэкономический переход в результате завершения пятого техноуклада (цифровая экономика, интернет, мобильные технологии) и вступления в шестой уклад, характеризуемый искусственным интеллектом, квантовыми вычислениями, биотехнологиями и управлением энергией.

2) Полицентричность власти, связанная с относительным упадком американской гегемонии при одновременном усилении Китая, консолидации альтернативных альянсов и повышении влияния «глобального Юга» (БРИКС, АУ, МЕРКОСУР).

3) Энергетический переход в связи с концом углеводородной эпохи и возникновением новых зависимостей в области критических минералов и технологий хранения энергии.

4) Де-долларизация, проявляющаяся в прогрессирующем замещении доллара другими расчётными единицами в международной торговле и накоплением резервов в альтернативных валютах.

5) Технологическая фрагментация, вызванная растущим разделением глобального технологического пространства на несовместимые или враждующие экосистемы (американо-европейскую, китайскую и потенциально российскую).

6) Онтологический кризис либеральной цивилизации, связанный с дезавуированием универсальности западных ценностей и их замещением цивилизационными, региональными и национальными альтернативами.

При этом Украина в силу исторических условий оказалась в центре каждого из этих трендов, служа одновременно:

- полем боя за определение будущей архитектуры европейской безопасности;
- лабораторией для тестирования новых форм военного противостояния (дроны, ИИ, гибридные операции);
- точкой, в которой рушатся предположения о неизбежности либерального порядка;
- пространством, где формируются новые коалиции и альянсы, их наиболее активным триггером.

В связи с этим уместны вопросы: в условиях системного кризиса мирового порядка и приостановки традиционных механизмов прогнозирования какие стратегические сценарии вероятны для Украины, и какую роль она будет играть или уже играет в переформатировании глобального устройства? Какие факторы определяют, является ли Украина «копьём» против России или служит «щитом» Запада, станет ли она ресурсом для европейской перезагрузки или объектом нового соглашения между великими державами? Какая судьба её ожидает согласно западным стратегиям и сценариям?

### **Обзор литературы (Literature Review)**

#### 1. Западные теории международного порядка и его трансформации.

Вопрос о трансформации международного порядка занимает центральное место в современной политической философии. Основанные на идеях Фукидода классические работы Роберта Гилпина и Пола Кеннеди о гегемонистской войне заложили основу для понимания закономерностей смены великих держав. Гилпин в своём исследовании «War and Change in World Politics» [Gilpin 1981] показывает, что война является механизмом, через который система восстанавливает равновесие между распределением материальной мощи и политической иерархией.

Другие исследователи – Грэхэм Аллисон, Фарид Закария, Чарльз Краутхаммер и др., развивали эту тему в контексте американского упадка и китайского подъёма.

Однако стоит отметить, что текущий кризис отличается от классических гегемонистских войн XVII–XX веков, поскольку имеет черты, которые Раймунд Арон назвал бы «холодной войной в тройственном формате» (Tripolarity), т.к. мы наблюдаем уже не bipolarность США–СССР, а многополюсную систему с неопределенной иерархией между США, Китаем, Россией, Европой и быстро наращивающими свою мощь амбициозными региональными державами.

При этом Дональд Кэмпбелл и Юргес Брюэтин подчёркивают роль идеологии в формировании альтернативных инициатив, а работа Гая Беттизы «Civilizationism and the Ideological Contestation of the Liberal Order» (2023) показывает, как Россия, Китай и Турция используют «цивилизационный дискурс» для развёртывания и легитимации антилиберальных проектов. И это уже не просто культурная или историческая апелляция к прошлому, а технологический и идеологический механизм, посредством которого претендующие на особый статус державы сопротивляются западному давлению и разрабатывают альтернативные представления о справедливом мировом порядке.

## 2. Украина в геополитических исследованиях.

Украина занимает особое место в дискуссиях о безопасности. И здесь в первую очередь стоит выделить исследование Хэнсона Чэ «Impact of NATO Enlargement on Eastern European Security» (2024), который анализирует «дилемму безопасности», лежащую в основе украинского вопроса, когда расширение НАТО на восток считается логичным с точки зрения малых государств Восточной Европы, но воспринимается Россией как экзистенциальная угроза. В результате возникает парадоксальная ситуация, в которой попытка малых «постсоциалистических» государств обрести безопасность через интеграцию в западные структуры генерирует именно ту угрозу, которую они пытаются предотвратить.

При этом последние исследования Фонда Карнеги об украинской «теории победы» [Carnegie Endowment 2025] указывают на критическое расхождение между амбициями Киева с целью полного восстановления территориальной целостности и вступления в НАТО и способностью Запада это поддерживать, раскрывая растущий скептицизм относительно возможности «полной победы» Украины.

## 3. Глобальные тренды и предиктивные модели.

Доклады Национального совета по разведке США [Global Trends 2040: A More Contested World 2021] определили пять структурных сил, формирующих глобальное будущее: демография, природные ресурсы и окружающая среда, наука и технология, экономика, национальное и международное управление. В соответствии с ними в докладе предлагается пять сценариев:

- «Возрождение демократий» (Renaissance of Democracies);
- «Мир без якоря» (A World Adrift);
- «Конкурентное сосуществование» (Competitive Coexistence);
- «Отдельные силосы»<sup>1</sup> (Separate Silos);
- «Трагедия и мобилизация» (Tragedy and Mobilization).

По мнению авторов, они представляют собой структурированный набор возможных сценариев будущего. Однако, как замечает Даррен Чиуриак в работе «The Digital Revolution Has Transformed Geopolitics» (2025), эти модели предполагали иную расстановку сил и, следовательно, уже не могут адекватно отражать перемены, поскольку нынешняя ситуация характеризуется геополитической нестабильностью, при которой каждый из больших игроков пытается переформатировать условия системы под себя.

## 4. Технологические волны и инновационные циклы.

Согласно теории длинных волн Кондратьева, обновленной в контексте современных реалий, мы наблюдаем шесть технологических волн, где каждая волна характеризуется фундаментальными инновациями, которые пронизывают и перестраивают всю экономику. Шестая технологическая волна, начавшаяся примерно в 2020-х годах, определяется ИИ, квантовыми вычислениями, чистыми

<sup>1</sup> Силос является многозначным термином с двумя основными значениями: (1) в сельском хозяйстве он обозначает сочный корм для скота, получаемый консервированием (заквашиванием) измельчённых зелёных частей растений (ботва, листья, стебли) в специальных сооружениях (башнях, траншеях, ямах и т. п.) а также сооружения, где этот корм хранится; (2) в техническом и промышленном значении речь идёт о ёмкостях или складах для хранения сыпучих материалов (зерна, песка, цемента, комбикорма, гранул и т. п.). В данном случае речь идёт о системе самообеспечения страны.

технологиями и биотехнологиями. Контроль над этими технологиями становится главным центром развернувшейся конкурентной борьбы между США, Китаем и Европой, а Украина оказалась полем боя за геополитическое доминирование, оказавшись плацдармом войны за технологическое лидерство.

### 5. Альтернативные порядки и де-долларизация.

Для данного исследования являются полезными работы о БРИКС, Шанхайской организации сотрудничества и инициативе «Один пояс и один путь», которые показывают формирование альтернативного международного порядка, менее интегрированного в западные институты. Одно из них – исследование Тиры Арнольда «De-dollarization and global sovereignty: BRICS' quest for a global order» (2025) – документирует, как Глобальный Юг пытается создать параллельные финансовые и торговые структуры и чего в данном направлении достиг с учётом того, что Китай уже создал и запустил свою систему глобальных финансовых платежей, альтернативную SWIFT [Китай запустил альтернативу SWIFT].

Этот процесс создаёт новую динамику, в которой Украина не только оказывается полем боя между Россией и Западом, на котором проходят апробацию военные технологии войн шестого техноулада, но и становится символом столкновения двух видений будущего: одного, основанного на либеральных ценностях и правилах, другого, основанного на национальном суверенитете и цивилизационных приоритетах.

### *Методы (Methods)*

Данное исследование опирается на методологические подходы:

- системного анализа (Systems Analysis), позволяющего рассмотреть смысловое и историческое пространство Украины не как изолированную переменную, но как элемент более крупной системы международных отношений, в которой изменения в одной части генерируют каскадные эффекты в других;
- сценарного анализа (Scenario Analysis), обеспечивающего построение альтернативных траекторий развития на основе ключевых переменных, включая политическую волю Запада, военные возможности, демографические тренды и особенности технологического развития;
- исторической аналогии (Historical Analogy), построенной на сопоставлении текущей ситуации с классическими случаями гегемонических переходов, включая подъём Англии на протяжении XVII–XIX веков и утрату гегемонии Испании, англо-американский переход 1890–1945, состояние и международное положение Советского Союза после 1945 г. и др.;
- анализа онтологической безопасности (Ontological Security Analysis), помогающего провести исследование того, как государства и акторы стремятся сохранить соответствие своей конструируемой идентичности порой даже за счёт физической безопасности;
- геоэкономического анализа (Geo-economic Analysis), исходящего из изучения связи между инфраструктурой, технологиями, финансовыми потоками и стратегическими интересами;
- дискурс-анализа (Discourse Analysis) того, как официальные заявления, политические документы и медиа-нarrативы формируют реальность и ограничивают возможные варианты действия.

В свою очередь, поскольку в данном исследовании помимо прочего использовались методы и инструменты универсальной (неклассической)

мифологии, которая позволяет дать происходящему свою особую оценку в рамках формирования поля ценностных смыслов, стоит упомянуть и их.

### ***Результаты и обсуждение (Results and Discussions)***

1. Попробуем свести наиболее интересную западную аналитику к нескольким ключевым положениям.

Положение 1: Глобальная трансформация как кризис совместимости между материальной мощью и политической иерархией

Первое и фундаментальное положение состоит в том, что мир вступил в фазу, которую можно охарактеризовать как кризис совместимости (compatibility crisis). Согласно теории Гилпина, система остаётся стабильной, пока распределение материальной мощи соответствует политической иерархии. Как это происходит с США, которые владеют менее четверти глобального ВВП, но их полный контроль над долларовой системой, НАТО и технологическими стандартами дарует им влияние, многократно превосходящее их экономический вес. Однако это несоответствие становится для мира всё более тягостным.

Китай, обладающий ВВП, близким к американскому (а по ряду параметров уже превосходящим его), но лишённый соответствующего влияния в глобальных структурах и институтах, естественным образом стремится переформатировать систему под себя. Россия, несмотря на экономически скромные показатели, сохраняет такой же ядерный арсенал, что и США, и стратегическую значимость для евразийской геополитики. Европа, обладающая огромным экономическим потенциалом, остаётся военно-политически зависима от Америки, что в конечном итоге отражается на состоянии их экономики.

Эта несовместимость не может быть разрешена переговорами. Теория войны за гегемонию показывает, что растущие державы не удовлетворяются маргинальными уступками и стремятся к фундаментальным переменам. По ряду причин Украина оказалась в центре этой борьбы, потому что именно здесь пересекаются интересы четырёх игроков (США, Европа, Россия, Китай), и каждый пытается использовать её в качестве инструмента для достижения более широких целей, а для России – контроль над Украиной в свете угроз национальной безопасности становится вопросом выживания.

Положение 2: Украина как полифункциональный инструмент в руках Запада

Второе положение раскрывает, каким функционалом Запад наделяет Украину в своей стратегии. Его основные направления:

- щит европейской безопасности против агрессии России, согласно которому Украина призвана служить буфером между НАТО и РФ. Европейская комиссия в своей стратегии «Readiness 2030» говорит о превращении Украины в «стального дикобраза» (steel porcupine), который через вооружение, обучение и интеграцию военно-промышленного комплекса станет эффективным барьером против российской агрессии [Reyes 2025];

- копье сдерживания, в соответствии с которым Украина используется как инструмент ослабления России за счёт боевых потерь на фронтах, а также в плане экономического истощения (инфляция, мобилизация, санкции) и геополитического изоляционизма, когда, сосредоточившись на Украине, РФ уже не может эффективно отвечать на вызовы на других направлениях, включая Кавказ, Центральную Азию, Арктику [НАТО: Украина лучше всего... 2025];

- лаборатория гибридной войны, где в боевых условиях проверяются, тестируются и обкатываются технологические наработки НАТО, включая дроны,

искусственный интеллект в оперативном и стратегическом режиме управления, информационные и кибероперации.

Положение 3: Стратегический раскол Запада и его последствия для Украины.

Третье положение состоит в том, что Запад как консолидированный игрок уже не существует, несмотря на сумбурные попытки европейских лидеров максимально использовать роль США, пытаясь играть на слабостях Д. Трампа. Однако трампистская Америка уже стремится не столько Европу защищать, сколько её грабить и на ней зарабатывать. Возвращение Трампа к власти в 2025 г. ознаменовало фундаментальный разлом в трансатлантическом консенсусе, поскольку если администрация Байдена видела в НАТО главный инструмент сдерживания России и поддержки либерального порядка, то Трамп полагает, что НАТО обходится Америке слишком дорого, отвлекая американские ресурсы от конкуренции с Китаем.

Эксперты отмечают, что данное различие носит уже не тактический, а стратегический характер. В результате, как пишут газета Financial Times [Financial Times 2025] и журнал The Economist [Ukraine survives another crisis with Donald Trump], американская администрация Трампа:

- сокращает поддержку Украине, угрожая приостановками финансирования и оружия для стимулирования переговоров, которые Киев рассматривает как капитуляцию;
- требует от европейских стран выделять по 5% ВВП на оборону, что для большинства из них практически невозможно;
- вводит протекционистские тарифы, которые ослабляют европейскую экономику и усиливают изоляционизм;
- переориентирует стратегию в сторону Тихого океана, демонстрируя, что Европа для США – не приоритет.

Европа отреагировала на это инициативой «Anchored Autonomy» (привязанная автономия), пытаясь развивать независимые от США европейские возможности, не выходя из НАТО. Как следствие – Европа одновременно остаётся связанной с США, но стремится самостоятельно обеспечить свою безопасность, делая Украину инструментом и заложником европейской геополитики.

Этот раскол создаёт для Украины дилемму: она больше не может полагаться на консолидированный западный фронт. Вместо этого ей приходится балансировать между американской прагматичностью (которая делает ставку на прибыль и склоняется к компромиссам с Россией), французским стратегическим партнёрством, немецким экономическим весом и британским оперативным управлением в сочетании с военной экспертизой.

Положение 4: Технологический переход к шестому укладу как решающий фактор глобальной конкуренции.

Четвёртое положение раскрывает ту роль, которую играет технологический переход от пятого техноуклада (цифровизация, интернет) к шестому (ИИ, квантовые компьютеры, биотехнологии), перестраивая не только экономику, но всю политическую систему. В пятом укладе материальное производство оставалось главным, а цифровые технологии были его надстройкой. В шестом укладе алгоритмы, данные и вычислительные мощности становятся основой всех систем — от оружия до медицины, от финансов до социального контроля.

На данном этапе контроль за переходом к шестому техноукладу разделён между тремя центрами, когда:

- США контролируют «архитектуру» чипов (через NVIDIA, Intel, Microsoft с ChatGPT), экосистему облачных вычислений (AWS, Azure, Google Cloud) и базовые стандарты, пытаясь максимально вложиться в суперкомпьютер нового поколения, сохранив за собой контроль над информацией;

- Китай инвестирует в ИИ массово, развивает собственные чипсеты (Huawei Kunpeng, Alibaba's chips), создаёт собственные LLMs<sup>1</sup> (Baidu's Ernie, Alibaba's Tongyi), и имеет огромные базы данных из-за контроля над цифровой жизнью своих граждан. Экспортные ограничения США подтолкнули Китай к большей независимости, и результаты показывают, что разрыв сокращается;

- Европа, несмотря на значительное отставание, делает ставку на другой аспект шестого уклада – регулирование, стандарты и этику ИИ (через EU AI Act). Это даёт ей некоторое влияние на глобальные правила игры.

Украина в этом контексте значима для них как:

- IT-сектор, поскольку Украина имеет одно из крупнейших в Европе сообществ IT-специалистов и является бывшим аутсорсинговым хабом. Эта компетентность ценна для любого глобального игрока в новом технологическом порядке;

- полигон для боевых испытаний, т.к. украинский театр войны стал глобальной лабораторией для тестирования технологий: дронов с ИИ, киберопераций, автономных систем вооружения, где каждая страна изучает, как другие используют новые технологии, и готовится к будущему.

Положение 5: Сценарии на 2030–2035 годы – от замороженного конфликта к полной войне.

По отношению к Украине западные эксперты рассматривают разные сценарии.

Сценарий А: Ослабление России с помощью санкционной и изоляционной политики до такой степени, что измученный навалившимися трудностями народ свергнет правительство и разделит страну как в 1991 году, превратив её в зону Руины и Смуты.

Отметим, что данный сценарий самый благоприятный для Запада и имеет там наибольшее число сторонников, поскольку в случае его успеха не потребует от Запада значительных затрат. Именно на его осуществление направлены все усилия стратегов Великобритании и Франции. Однако с учётом своеобразного «постапокалиптического состояния», которое прошла Россия в «святые 90-е», полученная тогда антизападная прививка не позволяет рассматривать данный сценарий серьёзно. Уж слишком велик сейчас у РФ запас прочности.

Сценарий Б: Замороженный конфликт (Frozen Conflict) на условиях Украины, США и НАТО в краткосрочной перспективе (2025-2027). Его привлекательность связана с тем, что Европа не успевает подготовиться к будущей войне с Россией и нуждается в передышке и перезагрузке, чтобы начать военные действия с новой силой и на качественно ином уровне. В рамках этого сценария:

- боевые действия постепенно снижают интенсивность без формального мира;
- Россия сохраняет контроль над Донецком, Луганском, частями Запорожской и Херсонской областей (примерно 20% украинской территории);

<sup>1</sup> LLM (Large Language Models, большие языковые модели) – тип искусственного интеллекта, основанный на глубоких нейронных сетях с миллиардами параметров, обученных на огромных объемах текстовых данных.

- Украина добивается молчаливого признания за счёт вступления в ЕС (если не в НАТО) и восстановления с помощью европейских инвестиций;
- НАТО превращает восточный фланг (Балтия, Польша, Румыния) в позицию форвардной обороны (forward-based defense);
- Россия остаётся под санкциями, но находит компенсацию в партнёрстве с Китаем и торговле с Глобальным Югом;
- Украина становится европейским государством, но не полностью суверенным (ограниченные возможности во внешней политике, экономическая зависимость от ЕС).

Выгоды данного сценария для НАТО очевидны. И в России немало её сторонников. Особенно среди тех, кто имеет капиталы, бизнес, родственников и недвижимость в США и Европе. Однако для РФ его реализация означает откладывание назревших и ещё нерешённых проблем на более отдалённое будущее, когда проблемы станут более запущенными, время будет потеряно, а ситуация станет более благоприятной для Запада.

Сценарий В: Большая европейская война (Great European War). Вероятность данного сценария быстро возрастает. Особенно с учётом того, что, по мнению многих экспертов, Запад попробует решить свои проблемы с помощью войны, как это делалось не раз ранее в первой и Второй мировой войнах. Особенно этот сценарий выгоден для Америки, которая сможет с одной стороны на войне заработать, а с другой – ослабить своих конкурентов, чтобы потом навязать им свои условия, как это было в 1945-м посредством кабальных, но спасительных условий «плана Маршалла».

Этот сценарий возможен, если:

- Украину поддержат все западные страны в достаточной степени, чтобы сопротивляться до завершения перехода Европы на военные рельсы;
- действия европейских стран по провоцированию России в первую очередь на Балтике будут иметь такой характер, что РФ не сможет на них не ответить.

Однако со своей стороны Россия расценивает это как знак того, что Запад готовится к прямому конфликту, и в ответ предпринимает симметричные действия (удары по НАТО, кибератаки, провокации в Балтии), которые в Европе воспринимаются как доказательства российской агрессии и желания её закабалить.

По мнению сторонников данного сценария, спровоцированное нападение вооружённых сил РФ на одну из стран НАТО запустит статью 5 НАТО, обязующую страны-члены НАТО вступиться за ту страну, на которую Россия нападёт, что должно привести к разгрому, внутреннему ослаблению и распаду РФ с наделением её территории статусом колонии и лимитрофа.

В этом сценарии Украина становится просто полем боя между двумя более крупными силами, а её вооружённые силы – боевым ядром, где её политическое будущее определяется исходом войны, а не её собственными чаяниями.

Сценарий Г: Полное разделение Украины между соседями.

В связи с этим отметим, что:

- данный сценарий уже имел место в истории несколько раз, поскольку разные территории Украины подолгу пребывали в составе других государств, исторически, культурно, ментально к ним тяготея;
- в силу особого характера исторического развития население Украины в массе своей является носителем таких моделей поведения, которые более свойственны цивилизационному пограничью, требовавшему от них быть

пассионарными (инициативными), но готовыми приспособиться к любым условиям и не сильно зависимыми от устанавливаемого государством порядка.

В этом сценарии:

- международное сообщество, уставшее от войны, предлагает официальное разделение Украины: Восток переходит России, Запад интегрируется в ЕС и НАТО, которые гарантируют его сохранность;

- не исключено, что какая-то часть Украины при этом временно сохранит de jure свою самостоятельность, но с потерей ключевых областей она быстро придет в упадок и попадет под влияние одной из сторон или спровоцирует новый конфликт, который приведет к новому переделу на условиях победителя;

- Восточная Украина становится русской буферной зоной, демилитаризированной, но подконтрольной России, а Западная Украина станет членом ЕС, НАТО, отстраивается при европейской помощи.

Скорее всего, данный сценарий будет наиболее болезненным для украинской идентичности, но может стать приемлемым компромиссом для других игроков. Возможно временным. И, безусловно, проблемным, т.к. присоединение украинских территорий с населением потребует от новой власти учитывать ту сложность в контроле и управлении, которую это присоединение им принесет.

Сценарий Д: Украинская победа и переосмысление европейской безопасности (Ukrainian Victory and European Restructuring)

Данный сценарий – самый маловероятный и на данном этапе вообще не просматривается, воспринимаясь в порядке бреда. Или как сказал, смеясь, премьер Венгрии Виктор Орбан: «Чудеса случаются». Однако вычеркивать его не стоит ввиду тотальной непредсказуемости современных глобальных процессов. В этом сценарии:

- Европа консолидируется вокруг Украины, предоставляет ей оружие в нужном количестве и без американских колебаний;

- Украина получает максимальную помощь со стороны стран НАТО, включая специалистов;

- против России начинают массово использовать новейшие технологии получения и обработки разведданных Starlink и управления боевыми операциями с помощью системы Palantir, в зоне боевых действий начинают массово применяться боевые роботы, что позволяет обходиться минимальными человеческими потерями, и роевая организация дронов, которые не только обеспечивают подавляющее преимущество на линии боевого соприкосновения, но и приводят к несопоставимым потерям в инфраструктуре, вынуждая РФ капитулировать, в результате чего Украина изгоняет российские войска со своей территории, либо заставляет их отступить по всей территории за границы 1991 года, а, возможно, даже позволит занять «исторические земли» Украины, как любят рассуждать её историки и «профессиональные патриоты», а затем РФ не только заплатит чудовищно большую контрибуцию, но и отстроит заново украинские города.

Отметим, наверное, подобные мечты ещё рождаются в некоторых воспалённых головах, однако они требуют практически невыполнимого, если действительно не произойдёт чудо, как заметил В. Орбан, когда технологическое превосходство Запада над РФ станет решающим. Ведь этот сценарий требует от Европы тотальной мобилизации и милитаризации, и полного сворачивания своих социальных программ, когда на карту Европы будет поставлено всё, а в России произойдёт политический переворот (сценарий А.2 или А.3 из Atlantic Council

report о пяти сценариях для России), что в текущих условиях крайне маловероятно, несмотря на имеющиеся проблемы, связанные с откладыванием необходимых реформ.

Положение 6: Роль альтернативных порядков и Глобального Юга в переопределении статуса Украины

Шестое положение признает, что главное противоречие – не между Западом и Россией, которая в отличие от Китая не предлагает альтернативного проекта и готова взаимодействовать в рамках существующих западных правил при гарантиях оптимальной безопасности, но между различными образами будущего, построенного на представлениях о справедливости и эффективности. В более широком смысле Запад в целом и США в частности уже столкнулись с проблемой растущей сложности, которую они пока решить не могут, но рассчитывают, что новые технологии помогут им эти проблемы решить, сохранив глобальный контроль над миром на ином технологическом уровне.

При этом Глобальный Юг:

- не хочет новой холодной войны, потому что она разделит мировую торговлю, финансовые потоки и инвестиции;
- выступает за мультиполлярность, в которой он сможет балансировать между Востоком и Западом, выбирая инвестиции и партнёрства в зависимости от интересов;
- скептичен к западным претензиям на универсальность их ценностей, что явно затрудняет его реализацию.

Положение 7: Онтологическая безопасность и цивилизационный выбор как решающие факторы.

Седьмое положение апеллирует к глубинному уровню, построенному на исторически сложившейся идентичности и того, что Дженифер Мицен назвала онтологической безопасностью (ontological security) [Mitzen 2006]. Согласно теории онтологической безопасности, государства стремятся не только к физической безопасности (отсутствию угрозы нападения), но и к онтологической безопасности – к сохранению консistentной, непрерывной, узнаваемой идентичности. Это означает, что государства могут предпочесть хронический, предсказуемый конфликт новой, неопределенной ситуации, даже если новая ситуация физически безопаснее.

По мнению ряда экспертов, такая позиция объясняет многие иррациональные аспекты украинского конфликта. В частности:

- для России онтологическая безопасность требует присутствия в украинском пространстве как составной части русского мира (Russian World);
- для Украины онтологическая безопасность требует признания её как европейского государства, полностью отделённого от «Русского мира». Однако это для этого нужно добиться полного разрыва исторических, культурных, этнических связей, что генерирует онтологическую напряжённость для значительной части украинского общества;
- для Европы онтологическая безопасность требует победы в этом конфликте, потому что её поражение означало бы крах либеральной модели и всех тех проектов, которые глобальный Запад выстраивал на протяжении десятилетий.

В свою очередь здесь включаются и цивилизационные факторы. Согласно исследованиям Дж. Беттизы [Bettiza 2023] и других авторов, текущий мир характеризуется возрождением цивилизационного дискурса, в котором:

- Россия видит себя как цивилизационное государство (civilizational state), защищающее особую Евразийскую цивилизацию против западного упадка;

- Китай видит себя как хранитель конфуцианской цивилизации, которая предлагает лучшую модель организации общества;

- Запад по-прежнему претендует на универсальность и ею пытается обосновывать свою глобальную гегемонию, но всё более ощущает себя как одна цивилизация среди других, а не как вместилище универсальных ценностей.

Украина в рамках этой межцивилизационной конкуренции оказалась растянутой между тремя направлениями. Это:

- Восток, проявляющийся в отношениях с Россией, частью которой она долго была, и тяготению к постсоветской идентичности;

- Запад, привлекающий украинскую элиту возможностями и потенциалом, а народ – желанием быть сильными и богатыми, которые выдаются за притяжение европейской и западной идентичности;

- Юг, связанный с растущим влиянием Глобального Юга и его особого видения неполитизированного мира.

Онтологический выбор Украины, связанный с тем, какую идентичность она будет утверждать и под кого подстраиваться, определит не просто её политическую ориентацию, но весь её путь развития на следующие десятилетия, если таковые у неё есть, что весьма сомнительно, т.к. Запад Украины просто использует против России, воюя с ней «до последнего украинца», а возможности её явно небезграничны, делая её перспективы удручающими.

2. Попробуем посмотреть, какие стратегические сценарии рассматриваются в условиях глобального трансформационного кризиса в свете вышеизложенной аналитики.

1) Украина: От военного истощения к экономическому восстановлению или к новому разделению

По некоторым не уточнённым данным за три года войны Украина понесла более 500 000 боевых потерь (убитых и раненых) и миллионы мигрировавшего гражданского населения, утратив около 20% своей территории, не считая разрушения инфраструктуры. Однако благодаря всемерной и широкомасштабной помощи стран НАТО, она продолжает упорно сопротивляться, постепенно трансформируясь и централизуясь под запросы войны, подчиняя ей все свои ресурсы. Но это сопротивление имеет пределы. Попробуем их оценить в соответствии с базовыми показателями выживаемости общества:

- демографический фактор, показывающий, что Украина – страна с быстро убывающим населением, численность которого по разным оценкам составляет на данный момент не более 25–30 млн., т.е. сократилась почти вдвое, что превращает территорию страны в Дикое поле;

- экономический фактор, согласно которому Украина экономически почти полностью зависит от западной помощи, от которой зависят не только способность ВСУ сопротивляться, но и обеспечение финансами государственного бюджета. Без прямых трансферов (не кредитов, а безвозмездной помощи) и долгосрочных инвестиций в восстановление, украинская экономика не сможет восстановиться. Однако в последний год ситуация резко ухудшилась, поскольку США при Трампе хотят Украине не помочь, а на ней зарабатывать. И теперь только Европа помогает Киеву. Но возможности эти довольно ограничены. Чтобы найти недостающие средства, её руководители пытаются забрать и использовать

арестованные в Европе российские активы на сотни миллиардов долларов, однако такой ход может вызвать не только судебное преследование, но и отток капиталов из Европы, создав крайне нежелательный для Запада прецедент;

- политический фактор, который наглядно указывает на то, что политическая консолидация вокруг войны после дистанцирования Америки ослабляется. Региональные политики, местные лидеры, бизнесмены начинают расходиться в оценке перспектив. При этом, пытаясь сосредоточить ресурсы в одних руках, администрация В. Зеленского по сути отжала бизнес у большинства украинских олигархов, что создаёт поле для внутреннего политического конфликта, если война затягивается;

- инвестиционный фактор, построенный на том, что восстановление Украины, независимо от того, кто победит, потребует примерно 350-400 млрд долларов (по оценкам Всемирного банка). На данный момент Запад готов инвестировать примерно 100–150 млрд, остальное по замыслам европейских кураторов должно прийти из долгов, прямых иностранных инвестиций и собственных ресурсов Украины, что в принципе означает, что её оставшиеся ресурсы пойдут с молотка, если не считать того, что команда В. Зеленского только за этот год умудрилась одновременно «продать» Украину США и Великобритании. В любом случае это означает, что восстановление будет долгим и болезненным, требующим трансформации украинской экономики.

В таком контексте западные эксперты предлагают для Украины следующие возможные траектории:

Траектория 1: Украина как восточноевропейская держава, согласно которой Украина вступает в ЕС, получает значительную финансовую помощь, переоборудует свою экономику в соответствии с европейскими стандартами и становится «нормальным» европейским государством. Но это потребует:

- стабилизации линии фронта;
- западной готовности инвестировать в Украину десятилетиями;
- реформирования украинской политической системы.

Траектория 2: Украина как геополитическая граница (фронтир), когда Украина остаётся зоной войны, полем боя или буферной зоной между Западом и Россией, попадая под заявленную Россией демилитаризацию, или остаётся в состоянии стратегической неопределенности войны всех против всех, своеобразным Диким полем.

Траектория 3: Украина как разделённое государство, если международное сообщество сумеет договориться и признает неизбежность раздела. Тогда восточные территории бывшей Украины останутся под контролем России или становятся буферной зоной, а западные земли интегрируются в НАТО/ЕС.

Траектория 4: Украина как победившая держава, что не просто наименее вероятно, но более похоже на абсурд, поскольку строится на воображаемых факторах, в системном анализе не просматриваемых. Однако, поскольку западные аналитики его упорно предлагают, не будем им пренебрегать. Согласно данной траектории, в результате решающей кардинальной перемены в войне вследствие прямого американского вмешательства, европейской тотальной мобилизации и ожидаемого уже четвёртый год экономического коллапса России, который по замыслу западных кураторов должен привести к свержению В.В. Путина, Украина победоносно завершает войну, восстанавливает свои границы до 1991 года,

возвращает Донбасс и Крым, вступает в НАТО, становится geopolитическим гарантом европейской безопасности и помогает Америке осваивать Марс.

Какими же соображениями западные аналитики данный сценарий обосновывают? Они полагают и даже просчитывают, что под их давлением и при активном сопротивлении Украины Россия пройдёт путь от имперского возрождения к возможному распаду или хотя бы переформатированию, поскольку война на Украине обнажила структурные слабости России. Вот они:

- военные слабости, поскольку российская армия, которая выглядела грозной на бумаге, оказалась неспособной к быстрому захвату Киева или Харькова, понесла огромные потери в рядах и технике, и вынуждена переходить на позиционную войну;

- экономические слабости, т.к. экономика России на грани рецессии, инфляция растёт, иностранные инвестиции прекратились, технологический отставание углубляется, экспорт нефти и газа остаётся, но с дисконтом, а санкции усиливают общий кризис и недовольство;

- политические слабости, которые проявляются в том, что поддержка войны у населения ослабевает, особенно в городах и среди молодёжи, мобилизация начинает вызывать гневные реакции, региональные элиты начинают задумываться о rationalности продолжения войны;

- стратегические слабости, связанные с ростом зависимости РФ от Китая. Россия становится младшим партнёром, поставщиком ресурсов для китайской индустрии, но не равным игроком.

Спрашивается, имеют ли место данные слабости и несут ли они определённые риски в будущем? Безусловно. И к ним можно добавить ещё немало других, включая коррупцию, технологическую зависимость, сырьевой приоритет и многое другое, что представляет проблему для власти и общества в условиях нарастающей сложности, но не ведёт к краху системы при грамотном подходе. Более того, аналогичные слабости, риски, угрозы мы наблюдаем в любой живой системе. И в западных странах, лишь подбирающихся к своей неизбежной при общем кризисе капитализма «перестройке», их значительно больше. И в этом смысле борьба за выживание в условиях тотальной турбулентности только начинается. И переживут её не все.

Так, вольно или невольно мы подошли к вопросу, насколько реализуемы те или иные рабочие сценарии и тренды, которые сочиняют западные стратеги, чтобы пытаться просчитать настоящие исторически сложившиеся тенденции во имя будущего, и какие смыслы в них вкладывают, как их трактуют и какое значение им придают. И хотя слово МИФ здесь почти не звучало, именно о них идёт речь там, где исторические процессы осмысливают, трактуют и означивают, ибо это делается только через мифотворчество, понимаемое не в профанном значении, а в универсальном и неклассическом. Само собой, словом «мифотворчество» этот процесс можно не называть, дабы «своим разумением не смущать начальств». Однако его суть от этого не изменится.

Впрочем, здесь нам необходимо сделать важное уточнение, касающееся интерпретации всех представленных выше сценариев, теорий, концепций и стратегических расчётов. Все они, независимо от уровня их детализации, логической строгости или фактической обоснованности, являются в смысле неклассической мифологии не менее мифологичными образованиями, чем любые

древние предания о богах и героях. И понимание этого обстоятельства критически важно для адекватного осмысления происходящего.

О чём идёт речь?

1) Все западные образы, концепции, сценарии и стратегии применительно к Украине:

- а) составлены по правилам западного дискурса, что сразу видно;
- б) сознательно не учитывают, что Украина:
  - не является свободной, демократической страной и в известном смысле находится под внешним управлением;
  - использовалась как инструмент давления и шантажа на Россию во внешней политике и объектом утилизации внутри;
  - нарушила предварительные базовые соглашения при её образовании, включая нейтральный (внеблоковый) статус;
  - не выполнила заключённых мирных соглашений;
  - отжала весь российский бизнес;
  - стала представлять для РФ прямую угрозу её безопасности.
- в) не показывают политику украинской элиты по утилизации страны;
- г) игнорируют её самозабвенное желание ради включения Украины в западную систему «самоубиться о Россию»;

2) Западные эксперты скрывают, что Запад и в первую очередь Европа не просто помогают Украине в борьбе против России, но используют её в прокси-войне для ослабления РФ.

4) В результате в западной аналитике получалось, что действия РФ по началу СВО были бессмысленным и не мотивированными, тогда как российская сторона полагает, что смысл и назначение Украины в её нынешнем положении без учёта глобальных контекстов понять невозможно.

В свете этого уместно вернуться к опыту неклассической мифологии, которая рассматривает миф не как противоположность научной логически выверенной истине, а как образно-символическую форму отражения сознанием реальности. И она показывает, что все без исключения стратегические сценарии, которые рассматривали западные эксперты и аналитики – от «замороженного конфликта» до «большой европейской войны», от «украинской победы» до «разделения Украины» – являются фундаментально, т.е. онтологически мифологическими конструктами. Само собой, это не означает, что они ложны или вымыщлены в самом грубом, профанном или обывательском смысле. Наоборот, это показывает их структурную и семиотическую сложность и означает, что они построены на основе домысливания, воображения, предположений о будущем, которое принципиально неизвестно и непредсказуемо, из чего следует, что они функционируют не столько как научные прогнозы, сколько как нарративы, придающие смысл и структуру хаотическому потоку исторически разворачивающихся событий, которые далеко не все можно учесть.

Западные стратеги, конструируя эти сценарии, занимаются в буквальном смысле мифотворчеством. Они создают образы будущего, которые одновременно служат двум целям:

- во-первых, они пытаются понять и предсказать ход событий, которые ещё не произошли;
- во-вторых, они стремятся придать направленность действиям своих государств и союзников, мобилизовать ресурсы, навязав не просто определённую

интерпретацию реальности мировому сообществу, но сам дискурс как таковой, его характер, понятийный аппарат, чтобы быть хозяином не только игры, но и мысли. И в свете этого, предлагаемые сценарии становятся живыми, а значит, работающими мифами, которыми руководствуются политические лидеры, военные стратеги, экономисты, дипломаты, научные эксперты, разведсообщество и масс-медиа. Они функционируют как мифы в максимально расширенном смысле – как образы будущего, ставшие инструментами настоящего, которые одновременно являются образами власти, образами желания, образами страха, мотивируя, мобилизуя и настраивая на некий образно и логически описываемый процесс.

Более того, все предлагаемые сценарии содержат архетипические элементы, характерные для древних мифов:

- сценарий А (разрушение России, её распад) – это миф о гибели врага, о торжестве добра над злом, о восстановлении справедливого порядка;
- сценарий Б (замороженный конфликт) – миф о невозможности окончательного разрешения противоречия, о вечном противостоянии, о сдерживании хаоса;
- сценарий В (большая европейская война) – миф об апокалипсисе, о последней битве, которая разрешит все противоречия, но ценой огромных жертв;
- сценарий Г (разделение Украины) – миф о расчленении, о дезинтеграции, о том, что целое не может быть спасено и должно быть разделено между победителями;
- сценарий Д (украинская победа) – миф о чуде, о невозможном ставшем возможным, о торжестве слабого над сильным благодаря его сноровке, уму, больше технологичности, лучше всего отражённом в поединке Давида с Голиафом.

Заметим, что каждый из этих мифов несёт в себе определённые ценности, определённое понимание справедливости, определённую модель будущего. Каждый из них апеллирует к архетипическим образам т.н. коллективного бессознательного: образу врага и спасителя, победы и поражения, порядка и хаоса, смерти и возрождения. И каждый из них пытается структурировать будущее таким образом, чтобы оно соответствовало определённым интересам и ценностям.

Мифологическая природа этих сценариев проявляется и в том, что они строятся на допущениях, которые принципиально не могут быть полностью верифицированы. Например, сценарий А основывается на предположении о том, что экономические санкции приведут к внутреннему коллапсу России и восстанию населения. Но это предположение основано не на жёстких экономических законах, а на определённом понимании того, как работает человеческое сознание, как люди реагируют на лишения, какие силы могут их объединить или разделить. При этом совершенно не учитываются факторы, которые связаны с особенностями развития российского общества и характера русского человека. Сценарий В основан на предположении о том, что спровоцированное нападение России на НАТО запустит каскад событий, которые приведут к разгрому России. Но это предположение основано на вере в то, что военное превосходство НАТО сыграет решающую роль, на том, что Россия не будет действовать с точки зрения западной логики непредсказуемо или иррационально, как уже не раз бывало в истории, на вере в то, что внутренние разногласия в НАТО не помешают её консолидации.

Кроме того, мифологический характер этих сценариев проявляется в том, что они часто используются не для того, чтобы предсказать будущее, а для того, чтобы его навязать. Западные элиты, конструируя нарратив о неизбежности того или

иного сценария, пытаются создать самоисполняющееся пророчество, руководствуясь тем предположением, что, если все поверят в то, что замороженный конфликт неизбежен, то политики будут действовать, чтобы привести именно к этому. Если все поверят в то, что Россия неминуемо развалится, то будут приняты политические решения, направленные на её ослабление, которые действительно приведут к её дестабилизации.

Впрочем, это не означает, что западные стратеги сознательно лгут или намеренно вводят в заблуждение. Это лишь означает, что они, как и все люди, работают с мифами, которые предоставляет им культура, язык, история, традиция, искусство. Сами того не зная, они подсознательно используют мифологические образы для осмыслиения реальности и для мобилизации действия, через полиморфизм языка и восприятия, пользуясь тем, что уже заложено культурой в них. И в этом смысле они принципиально ничем не отличаются от древних жрецов или шаманов, которые использовали мифы для объяснения космоса и управления поведением людей. Разумеется, с поправкой на современность.

Более того, политическая мифология, которая конструируется вокруг Украины, служит также целям управления сознанием не только внутри западных стран, но и за их пределами. Нarrативы о неизбежности той или иной траектории развития используются для легитимизации политических решений, для мобилизации ресурсов, для управления ожиданиями и поведением людей. Эти мифы становятся инструментом мягкой власти, инструментом конструирования реальности.

При этом следует отметить, что мифологический характер стратегических сценариев не делает их бесполезными, вредными, ложными. Напротив, мифы могут быть очень эффективными инструментами понимания и действия, потому что позволяют оперировать реальностью как целым. Древние мифы о героях и богах содержали глубокие истины о человеческой природе, о природе общества, о моральных законах. Точно так же и политические мифы о будущем Украины, о судьбе мира, о характере глобального переустройства содержат глубокие истины о том, как функционирует международная система, о природе власти, о том, что люди готовы защищать или за что готовы жертвовать, на ментальном, подсознательном, архетипическом уровне, который неустраним из политики уже хотя бы потому, что даже не осознаем.

Впрочем, также отметим, что понимание мифологической природы этих нарративов имеет критическое значение. Оно позволяет нам дистанцироваться от них, посмотреть на них извне, увидеть их условность, их своеобразную конструируемость и зависимость от определённых интересов и ценностей. Оно позволяет нам признать, что будущее потенциально не предопределено, что сценарии, которые предлагаются нам – лишь одни из многих возможных вариантов развития, которые могут быть реализованы или не реализованы в зависимости от множества факторов, включая случай как неучтённый элемент, непредвиденные события, иррациональные решения, человеческую изобретательность и многое другое.

В этом смысле анализ украинской проблемы через призму мифологии показывает, что все участники этого конфликта со стороны Запада, России, Украины и Глобального Юга занимаются сложным и не всеми осознаваемым мифотворчеством, конструируя образы будущего, которые служат их интересам [Latour 2013]. И в этом процессе вопрос состоит не в том, чьи мифы более истинны

и почему, ибо все они одинаково мифологичны, но в том, какие мифы более эффективны, какие из них лучше соответствуют реальности, какие несут в себе более гуманистические ценности и видения справедливости, поневоле подводя к тому, могут ли люди, осознав мифологическую природу навязываемых им нарративов, создать альтернативные мифы, которые будут лучше служить человеческому процветанию, миру, справедливости.

### **Заключение (Conclusions)**

1. Какое же место займёт Украина в новом мировом порядке? В силу сложившихся обстоятельств на данный момент она находится в эпицентре фундаментального переустройства мировой системы. Это переустройство определяется тремя процессами:

- гегемонистским переходом, связанным с процессом утраты глобального лидерства США и переходом к более мультиполлярному порядку, где США остаются мощной державой, но не гегемоном;
- технологической трансформацией как переходом от пятого к шестому техноукладу, что переформатирует характер отношений, войны, экономики и политики;
- цивилизационным противостоянием в форме конфликта между различными видениями мирового порядка (либеральным западным, китайским, российским, индийским) и его воплощениями.

Украина в каждом из этих процессов играет существенную роль. Её судьба – это судьба глобальной системы в миниатюре. Но выдержать напряжение в своём положении и постсоветском статусе ей не дано. Поэтому из вариантов сценариев выбор Украины как государства разместился между «плохим» и «очень плохим» вариантом. Проще говоря, Украина как государство в нынешних условиях и при предлагаемой украинской элитой политике обречено на исчезновение. Возможно, не сразу, а в несколько этапов на протяжении ближайших 15–20 лет. Как, впрочем, было всегда, когда Украина получала возможность отделиться от своей цивилизации и попытаться жить самостоятельно. С чем это связано, отдельный вопрос, но факт налицо.

2. В свете этого ключевые выводы сводятся к следующему:

1) Приостановка доклада «Глобальные тренды» в США является признаком того, что старые парадигмы прогнозирования исчерпали себя. Новый доклад, если он будет создан, должен будет признать, что либеральный международный порядок больше не является гегемонистским, и что мир переходит к многополярной системе, в которой конкурируют различные модели развития и видения справедливости. Возможно, с помощью войн. Что вполне коррелируется с установкой, что переход к новому миропорядку будет сопровождаться переделом не только сфер влияния, но и территории с оставшимися ресурсами.

2) Для Украины как государственного образования выбор стоит между плохим и ещё худшим, что исторически было предопределено с самого начала и повторялось в истории несколько раз, когда за борьба за отделение заканчивалась Руиной и Войной. Связано это с особенностями её расположения и исторического развития, внутренней культурной и политической разобщённостью, психологией и повышенной пассионарностью населения. Поэтому вероятнее всего Украина подлежит трансформации и разделу, если ни один из игроков не сможет обеспечить контроль над ней в условиях продолжающейся эскалации.

3) Запад как консолидированный субъект мировой политики больше не существует. Разногласия между США и Европой, между Францией и Германией, между НАТО и ЕС глубоки и структурны. И это неизбежно скажется, как на состоянии Украины, так и на результатах СВО, а также и перспективах Европы, которая вновь может оказаться как в 1945-м историческим призом для новых победителей.

4) Технология становится центральным фактором войны и мира. Контроль над ИИ, полупроводниками и большими базами данных определит характер общества и власти в следующие десятилетия.

5) В условиях связанной с глобальным переделом эскалации проблема онтологической безопасности может оказаться более мощной, чем национальные интересы конкурирующих сторон, поскольку попытки «рационализировать» войну через переговоры о территории игнорируют глубинные идентификационные конфликты, которые её питают.

6) Сценарий «замороженного конфликта» считается на Западе предпочтительным, но за ним скрывается план отложенной большой европейской войны, к которой все готовятся, периодически сдвигая сроки её начала в сторону настоящего. С учётом того, что США ослабляют и даже сливают Европу, предоставляя её самой себе, вероятность, что именно она станет зоной большой войны крайне высока.

7) Судьба Украины будет определена не только её собственными решениями, сколько решениями больших держав и процессами, которые они запустили. Однако у Украины есть определённое пространство агентства — способность сопротивляться, адаптироваться и использовать противоречия между великими державами.

Что касается новейшей постсоветской истории, украинский проект, за минувшие десятилетия прошедший эволюцию от «Украина — не Россия» до «Украина — анти-Россия» стал наглядным примером того, как в рамках глобальной конкуренции можно использовать лишённые субъектности народы и государства для достижения целей тех, кто ими пользуется к собственной выгоде, приведя к их полному разрушению.

В результате этого Украина лишилась своей исторической легитимности и превратилась в точку, через которую проходят все главные линии трансформации современного мира. Её судьба — это судьба мира на перекрёстке между прошлым и будущим, между либеральным порядком и его альтернативами, между американской гегемонией и мультиполлярной системой, между технологическими прорывами и человеческой ценностью, между глобальной взаимозависимостью и ускользающим национальным суверенитетом. Однако состояться ей не дано. И те планы, стратегии, проекты, цели, манящие образы будущего, которые всё это время продуцировала украинская элита, на деле остаются теми видимостями, которые прикрывают реальный процесс утилизации страны в интересах различных групп глобальной элиты с целью сохранения мирового господства за её счёт.

При этом всё ясней становится, что глобальная трансформация не закончится до тех пор, пока человечество не ответит на более глубокие вопросы, касающиеся онтологии бытия: какой порядок должен заменить старый? какие ценности должны быть основанием этого нового порядка? как могут существовать различные цивилизации в новых условиях? как может

человечество адаптироваться к шестому техноукладу, не разрушив при этом самые основы своего социального бытия?

История украинского проекта не даёт ответов на эти вопросы, но она подсказывает и показывает, что ставки в идущей борьбе предельны высоки и ощутимы, т.е. апокалиптичны и экзистенциальны, поскольку они измеряются жизнями людей, разрушенными городами, разделёнными семьями. И что будущее – если оно вообще состоится – будет зависеть от того, как человечество ответит на эти вопросы, начиная с Украины, здесь и сейчас.

Что касается мифов, напомним, что миф возникает там, где факт наделяют значением потому, что миф в расширительном его понимании есть в образно-символической форме отражённая сознанием реальность. Та самая реальность, которой мы живём, чувствуя, переживая, осмысливая. А в данном случае речь идёт о предельных значениях того, чем живёт и во что верит человек, сопоставимых с высшим проявлением его экзистенции, ибо они напрямую связаны с его личной жизнью и в случае неправильных ответов несут ему и его близким бессмысленное существование или мучительную смерть.

В этом плане все предлагаемые и разворачиваемые для Украины, России и всего человечества сценарии предельно мифологичны, несмотря на имеющую место логику и грамотный расчёт, т.к. строятся на домысливании, воображении и включают в себя страхи, мечты, надежды и веру, что всё плохое останется позади и нас впереди ждёт счастливое будущее, хотя, как известно, вероятность худшего сценария всегда выше замечательного, потому что в рамках больших величин человек редко делает всё по-хорошему, полагая, что лохи – кто угодно, только не он, пытаясь всё трактовать в свою пользу за счёт других, тем подтверждая старую истину, что никто так много не знает о нас плохого и так хорошо при этом о нас не думает, как мы сами, забывая, что с нами всё равно будет то, что мы есть.

## Литература

Китай запустил альтернативу SWIFT. РИА Новости. 29 октября 2025 года [Electronic resource]. URL: <https://ria.ru/20251029/kitaj-2051571156.html> (accessed: 13.10.2025).

НАТО: Украина все лучше бьет по целям глубоко в России // Deutsche Welle, 28.09.2025 [Electronic resource]. URL: <https://www.dw.com/ru/nato-ukraina-vse-lucse-bet-po-celam-gluboko-v-rossii/a-74164200> (accessed: 13.10.2025).

Ставицкий, А.В. (2024) «Коперниканский переворот» в мифологии: условия и перспективы // Миф в истории, политике, культуре [Электронный ресурс]: Сборник материалов VII Международной научной междисциплинарной конференции (июнь 2024 года, Санкт-Петербург) / Под редакцией А.В. Ставицкого. Севастополь: ООО «ТБС Паблишинг». С. 203–212.

Ставицкий, А.В. (2024) Миф как оружие массового поражения информационно-психологических войн // Миф в истории, политике, культуре [Электронный ресурс]: Сборник материалов VII Международной научной междисциплинарной конференции (июнь 2024 года, Санкт-Петербург) / Под редакцией А.В. Ставицкого. Севастополь: ООО «ТБС Паблишинг». С. 269–276.

Ставицкий, А.В. (2024) Неклассическая мифология как основа и вариант социального конструирования и прогнозирования // Миф в истории, политике, культуре [Электронный ресурс]: Сборник материалов VII Международной научной

междисциплинарной конференции (июнь 2024 года, Санкт-Петербург) / Под редакцией А.В. Ставицкого. Севастополь: ООО «ТБС Паблишинг». С. 344–355.

*Ставицкий, А.В.* (2024) Общая теория мифа об основных концепциях отношения к нему // МИФОЛОГОС. Серия «Философия мифа: онтология, аксиология, методология». №1 (9). 2024. С. 16–38.

Atlantic Council. Russia Tomorrow: Five Scenarios for Russia's Future / December 2024. [Electronic resource]. URL: [https://www.realclearworld.com/2024/02/03/russia\\_tomorrow\\_five\\_scenarios\\_for\\_russia\\_s\\_future\\_1009420.html](https://www.realclearworld.com/2024/02/03/russia_tomorrow_five_scenarios_for_russia_s_future_1009420.html) (accessed: 13.10.2025).

*Allison, G.* (2017) Destined for War: Can America and China Escape the Thucydides Trap?, Houghton Mifflin Harcourt. [Electronic resource]. URL: <https://archive.org/details/destinedforwarca0000alli> (accessed: 13.10.2025).

*Bettiza, G.* (2023) Civilizationism and the Ideological Contestation of the Liberal Order // Review of International Studies, Vol. 49. [Electronic resource]. URL: <https://centaur.reading.ac.uk/118496/1/Civilizationism%20and%20the%20Ideological%20Contestation%20of%20the%20Liberal%20International%20Order.pdf> (accessed: 13.10.2025).

Breaking Defense, «ODNI looking to reform contracting practices: Gabbard», May 18, 2025. [Electronic resource]. URL: <https://breakingdefense.com/2025/05/odni-looking-to-reform-contracting-practices-gabbard/> (accessed: 13.10.2025).

Carnegie Endowment, "Ukraine's New Theory of Victory Should be Strategic Autonomy", 2025. [Electronic resource]. URL: <https://carnegieendowment.org/research/2025/06/ukraines-new-theory-of-victory-should-be-strategic-neutralization?lang=en> (accessed: 13.10.2025).

CEPA, "Rearming Britain and Europe — The Task Ahead", Center for European Policy Analysis, February 2025. [Electronic resource]. URL: <https://www.consilium.europa.eu/en/documents-publications/library/library-blog/posts/think-tank-review-march-2025-1/> (accessed: 13.10.2025).

*Chae, Hanson* (2024) Impact of NATO Enlargement on Eastern European Security // International Relations Studies. [Electronic resource]. URL: [https://digitalcollections.sit.edu/isp\\_collection/3763/](https://digitalcollections.sit.edu/isp_collection/3763/) (accessed: 13.10.2025).

*Ciuriak, Dan* (2025) The Digital Revolution Has Transformed Geopolitics // CIGI Online. [Electronic resource]. URL: <https://www.cigionline.org/articles/the-digital-revolution-has-transformed-geopolitics/> (accessed: 13.10.2025).

EU Commission, "Readiness 2030: The New European Approach to Strategic Autonomy", Brussels, 2025. [Electronic resource]. URL: [https://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/BRIE/2025/769566/EPRI\\_BRI\(2025\)769566\\_EN.pdf](https://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/BRIE/2025/769566/EPRI_BRI(2025)769566_EN.pdf) (accessed: 13.10.2025).

*Gilpin, R.* (1988) The Theory of Hegemonic Wars Gilpin R. The Theory of Hegemonic War // The Journal of Interdisciplinary History. Vol. 18, No. 4, Pp. 591–613. [Electronic resource]. URL: <http://www.jstor.org/stable/204816> (accessed: 13.10.2025).

*Gilpin, R.* (1981) War and Change in World Politics, Cambridge University Press.

Financial Times: Europe Prepares for End of US Support for Kiev [Electronic resource]. URL: <https://fakti.bg/en/world/1016570-financial-times-europe-prepares-for-end-of-us-support-for-kiev> (accessed: 13.10.2025).

*Latour, B.* (2013) An Inquiry into Modes of Existence. Cambridge: Harvard UP. 496 p.

*Mitzen, J.* (2006) Ontological Security in World Politics: State Identity and the Security Dilemma // Comparative Political Studies, Vol. 39, No. 6, 2006. [Electronic resource]. URL: [https://polisci.osu.edu/sites/default/files/2024-06/JM\\_OSWP\\_EJIR\\_2006.pdf](https://polisci.osu.edu/sites/default/files/2024-06/JM_OSWP_EJIR_2006.pdf) (accessed: 13.10.2025).

National Intelligence Council, «Global Trends 2040: A More Contested World», U.S. Government Publishing Office, March 2021, 156 pages. [Electronic resource]. URL: [https://www.dni.gov/files/ODNI/documents/assessments/GlobalTrends\\_2040.pdf](https://www.dni.gov/files/ODNI/documents/assessments/GlobalTrends_2040.pdf) (accessed: 13.10.2025).

New Security Beat, «The NIC's Global Trends 2040 Report: A Development Tool Facing Political Headwinds», June 2, 2021. [Electronic resource]. URL: <https://newsecuritybeat.org/2021/06/nics-global-trends-2040-report/> (accessed: 13.10.2025).

*Reyes, R.* (2025) European Union moves forward with ‘steel porcupine’ strategy for Ukraine as it ignores Putin’s demands to stop aid flow [Electronic resource]. URL: <https://nypost.com/2025/03/20/world-news/eu-moves-forward-with-turning-ukraine-into-steel-porcupine-against-russia/> (accessed: 13.10.2025).

*Steele, Brent J.*, (2008) Ontological Security in International Relations: Self-Identity and the IR State, Routledge. [Electronic resource]. URL: <https://www.routledge.com/Ontological-Security-in-International-Relations-Self-Identity-and-the-IR-State/Steele/p/book/9780415762151> (accessed: 13.10.2025).

*Zakaria, Fareed* (2008) The Rise of the Rest and the Fall of America, Foreign Affairs. [Electronic resource]. URL: <https://fareedzakaria.com/columns/2008/05/12/the-rise-of-the-rest> (accessed: 13.10.2025).

Ukraine Survives Another Crisis with Donald Trump. A Deal in Geneva Salvages Relations with America. [Electronic resource]. URL: <https://www.economist.com/europe/2025/11/23/ukraine-survives-another-crisis-with-donald-trump> (acessed: 13.10.2025).

## References

China Launches Alternative to SWIFT. RIA Novosti. 29 October 2025 [Electronic resource]. URL: <https://ria.ru/20251029/kitaj-2051571156.html> (accessed: 13.10.2025).

NATO: Ukraine is Getting Better at Hitting Targets Deep Inside Russia // Deutsche Welle, 28 September 2025 [Electronic resource]. URL: <https://www.dw.com/ru/nato-ukraina-vse-lucse-bet-po-celam-gluboko-v-rossii/a-74164200> (accessed: 13.10.2025).

*Stavitskiy, A.V.* (2024) ‘Copernican Revolution’ in Mythology: Conditions and Prospects // Myth in History, Politics, Culture [Electronic resource]: Collection of Materials of the 7<sup>th</sup> International Scientific Interdisciplinary Conference (June 2024, St Petersburg) / Ed. A.V. Stavitskiy. Sevastopol: CSB Publishing LLC. Pp. 203–212.

*Stavitskiy, A.V.* (2024) Myth as a Weapon of Mass Destruction of Information-psychological Wars // Myth in History, Politics, Culture [Electronic resource]: Collection of Materials of the 7<sup>th</sup> International Scientific Interdisciplinary Conference (June 2024, St Petersburg) / Ed. A.V. Stavitskiy. Sevastopol: CSB Publishing LLC. Pp. 269–276.

*Stavitskiy, A.V.* (2024) Non-classical Mythology as a Basis and Variant of Social Construction and Forecasting // Myth in History, Politics, Culture [Electronic resource]: Collection of Materials of the 7<sup>th</sup> International Scientific Interdisciplinary Conference

(June 2024, St Petersburg) / Ed. A.V. Stavitskiy. Sevastopol: CSB Publishing LLC. Pp. 344–355.

*Stavitskiy, A.V. (2024) The General Theory of Myth on the Main Concepts of Attitude to it // MYTHOLOGOS. Philosophy of Myth: Ontology, Axiology, Methodology. no 1 (9). 2024. Pp. 13–38.*

Atlantic Council. Russia Tomorrow: Five Scenarios for Russia's Future / December 2024. [Electronic resource]. URL: [https://www.realclearworld.com/2024/02/03/russia\\_tomorrow\\_five\\_scenarios\\_for\\_russia\\_s\\_future\\_1009420.html](https://www.realclearworld.com/2024/02/03/russia_tomorrow_five_scenarios_for_russia_s_future_1009420.html) (accessed: 13.10.2025).

*Allison, G. (2017) Destined for War: Can America and China Escape the Thucydides Trap?, Houghton Mifflin Harcourt. [Electronic resource]. URL: <https://archive.org/details/destinedforwarca0000alli> (accessed: 13.10.2025).*

*Bettiza, G. (2023) Civilizationism and the Ideological Contestation of the Liberal Order // Review of International Studies, Vol. 49. [Electronic resource]. URL: <https://centaur.reading.ac.uk/118496/1/Civilizationism%20and%20the%20Ideological%20Contestation%20of%20the%20Liberal%20International%20Order.pdf> (accessed: 13.10.2025).*

Breaking Defense, «ODNI looking to reform contracting practices: Gabbard», May 18, 2025. [Electronic resource]. URL: <https://breakingdefense.com/2025/05/odni-looking-to-reform-contracting-practices-gabbard/> (accessed: 13.10.2025).

Carnegie Endowment, "Ukraine's New Theory of Victory Should be Strategic Autonomy", 2025. [Electronic resource]. URL: <https://carnegieendowment.org/research/2025/06/ukraines-new-theory-of-victory-should-be-strategic-neutralization?lang=en> (accessed: 13.10.2025).

CEPA, "Rearming Britain and Europe — The Task Ahead", Center for European Policy Analysis, February 2025. [Electronic resource]. URL: <https://www.consilium.europa.eu/en/documents-publications/library/library-blog/posts/think-tank-review-march-2025-1/> (accessed: 13.10.2025).

*Chae, Hanson (2024) Impact of NATO Enlargement on Eastern European Security // International Relations Studies. [Electronic resource]. URL: [https://digitalcollections.sit.edu/isp\\_collection/3763/](https://digitalcollections.sit.edu/isp_collection/3763/) (accessed: 13.10.2025).*

*Ciuriak, Dan (2025) The Digital Revolution Has Transformed Geopolitics // CIGI Online. [Electronic resource]. URL: <https://www.cigionline.org/articles/the-digital-revolution-has-transformed-geopolitics/> (accessed: 13.10.2025).*

EU Commission, "Readiness 2030: The New European Approach to Strategic Autonomy", Brussels, 2025. [Electronic resource]. URL: [https://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/BRIE/2025/769566/EPRS\\_BRI\(2025\)769566\\_EN.pdf](https://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/BRIE/2025/769566/EPRS_BRI(2025)769566_EN.pdf) (accessed: 13.10.2025).

*Gilpin, R. (1988) The Theory of Hegemonic Wars Gilpin R. The Theory of Hegemonic War // The Journal of Interdisciplinary History. Vol. 18, No. 4, Pp. 591-613. [Electronic resource]. URL: <http://www.jstor.org/stable/204816> (accessed: 13.10.2025).*

*Gilpin, R. (1981) War and Change in World Politics, Cambridge University Press.*

Financial Times: Europe Prepares for End of US Support for Kiev [Electronic resource]. URL: <https://fakti.bg/en/world/1016570-financial-times-europe-prepares-for-end-of-us-support-for-kiev> (accessed: 13.10.2025).

*Latour, B. (2013) An Inquiry into Modes of Existence. Cambridge: Harvard UP. 496 p*

*Mitzen, J. (2006) Ontological Security in World Politics: State Identity and the Security Dilemma // Comparative Political Studies, Vol. 39, No. 6, 2006. [Electronic resource]. URL: [https://polisci.osu.edu/sites/default/files/2024-06/JM\\_OSWP\\_EJIR\\_2006.pdf](https://polisci.osu.edu/sites/default/files/2024-06/JM_OSWP_EJIR_2006.pdf) (accessed: 13.10.2025).*

National Intelligence Council, «Global Trends 2040: A More Contested World», U.S. Government Publishing Office, March 2021, 156 pages. [Electronic resource]. URL: [https://www.dni.gov/files/ODNI/documents/assessments/GlobalTrends\\_2040.pdf](https://www.dni.gov/files/ODNI/documents/assessments/GlobalTrends_2040.pdf) (accessed: 13.10.2025).

New Security Beat, «The NIC's Global Trends 2040 Report: A Development Tool Facing Political Headwinds», June 2, 2021. [Electronic resource]. URL: <https://newsecuritybeat.org/2021/06/nics-global-trends-2040-report/> (accessed: 13.10.2025).

*Reyes, R. (2025) European Union moves forward with ‘steel porcupine’ strategy for Ukraine as it ignores Putin’s demands to stop aid flow [Electronic resource]. URL: <https://nypost.com/2025/03/20/world-news/eu-moves-forward-with-turning-ukraine-into-steel-porcupine-against-russia/> (accessed: 13.10.2025).*

*Steele, Brent J., (2008) Ontological Security in International Relations: Self-Identity and the IR State, Routledge. [Electronic resource]. URL: <https://www.routledge.com/Ontological-Security-in-International-Relations-Self-Identity-and-the-IR-State/Steele/p/book/9780415762151> (accessed: 13.10.2025).*

*Zakaria, Fareed (2008) The Rise of the Rest and the Fall of America, Foreign Affairs. [Electronic resource]. URL: <https://fareedzakaria.com/columns/2008/05/12/the-rise-of-the-rest> (accessed: 13.10.2025).*

Ukraine Survives Another Crisis with Donald Trump. A Deal in Geneva Salvages Relations with America. [Electronic resource]. URL: <https://www.economist.com/europe/2025/11/23/ukraine-survives-another-crisis-with-donald-trump> (accessed: 13.10.2025).

#### **Сведения об авторе:**

#### ***Ставицкий Андрей Владимирович***

доцент кафедры истории и международных отношений Филиала Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова в г. Севастополе, гл. редактор научного периодического журнала «Мифологос», ген. директор ООО «ТБС Паблишинг», кандидат философских наук (г. Севастополь, Россия).

E-mail: [stavis@rambler.ru](mailto:stavis@rambler.ru)

<https://orcid.org/0000-0002-9670-1105>

#### **Bionotes:**

#### ***Stavitskiy Andrey Vladimirovich***

Associate Professor, Department of History and Foreign Affairs, Lomonosov Moscow State University Branch in Sevastopol, Editor-in-Chief of the Scientific Periodical “Mythologos”, Director General of CSB Publishing LLC, Candidate of Philosophy (Sevastopol, Russia).

E-mail: [stavis@rambler.ru](mailto:stavis@rambler.ru)

<https://orcid.org/0000-0002-9670-1105>

**Для цитирования:**

**Ставицкий А.В.** Украина в глобальных трендах Запада: мифы и экзистенция // МИФОЛОГОС. Серия «Миф и общество: история, политика, социология». № 4 (16), 2025. С. 175–200.

**For citation:**

**Stavitskiy A.V.** Ukraine in Global Western Trends: Myths and Existence // MYTHOLOGOS. Series "Myth and Society: History, Politics, Sociology". № 4 (16), 2025. Pp. 175–200.

УДК 001.18 140

## ВОПРОС СУЩЕСТВОВАНИЯ И ПОЗНАНИЯ ИНОГО В ПРОБЛЕМАТИКЕ КЛАССИЧЕСКОЙ ФУТУРОЛОГИИ

**Покрищук Александр Юрьевич**

Филиал Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова в г. Севастополе (г. Севастополь, Россия)

### Аннотация

В статье рассматривается одна из ключевых проблем классической футурологии – существование и познание Иного. Западная футурология, как философская система, разрабатывала проблематику категорий Иного преимущественно в трёх её проявлениях – Жизнь, Разум, Бытие – как объект принципиально непознаваемый человеком и его рациональным инструментарием. Анализируется история футурологического дискурса об Ином как системе, объединяющей в себе фундаментальные категории человеческого существования, предложенные идеи разрешения поставленной в футурологии проблемы и её мифологический аспект, который существовал и развивался совместно с самим дискурсом, питал его и поддерживал к нему неугасающий интерес. В статье нашли отражение некоторые принципиальные проблемы, вставшие перед исследователями Иного из разных сфер познания (И.С. Шкловский, С. Лем, В. Виндж), и тот факт, что футурологический миф об Ином до сих пор, во многом, придаёт людям веру в будущее, наделяя его смыслами, и способствует дальнейшему процессу познания неизвестного.

**Ключевые слова:** футурология; миф; Иное; Жизнь; Разум; С. Лем; искусственный интеллект; сингularity; неизвестное; мифология

## THE QUESTION OF THE EXISTENCE AND KNOWLEDGE OF OTHER IN CLASSICAL FUTUROLOGY

**Pokrischuk Alexander Yuryevich**

Lomonosov Moscow State University Branch in Sevastopol (Sevastopol, Russia)

### Abstract

The article addresses one of the key problems of classical futurology – the existence and cognition of the Other. Western futurology, as a philosophical system, developed the problematics of the categories of the Other primarily in its three manifestations – Life, Mind, and Being – as an object fundamentally unknowable to humans and their rational tools. The article analyzes the history of the futurological discourse on the Other as a system that unites the fundamental categories of human existence, the proposed ideas for resolving the problem posed in futurology, and its mythological aspect, which existed and developed alongside the discourse itself, nourished it, and sustained an enduring interest in it. The article reflects on some fundamental problems faced by researchers of the Other from various fields of knowledge (I.S. Shklovsky, S. Lem, V. Vinge) and the fact that the futurological myth of the Other still, to a large extent, gives people faith in the future, endowing it with meaning, and promotes the further process of understanding the unknown.

**Keywords:** futurology; myth; the Other; Life; Mind; S. Lem; artificial intelligence; singularity; the unknown; mythology

«Будущее...» – это самое важное. От того, насколько ясно мы его себе представляем, зависят наши сегодняшние усилия и научная стратегия. Прогнозы – дело неблагодарное, – хотя и совершенно необходимое

Г.Г. Малинецкий

*Мы вовсе не хотим завоёвывать космос, хотим только расширить Землю до его границ... Не ищем никого, кроме людей. Не нужно нам других миров. Нам нужно зеркало...*

С. Лем

### ***Введение (Introduction)***

Футурология, как особое направление философской мысли XX в., разрабатывала достаточно большое количество проблем, связанных с будущим человека как вида. В рамках этой дисциплины поднимались вопросы влияния технологического развития на человеческое существование, взаимодействия новых технологий и человечества и социальных изменений, с ними связанных, делались попытки прогнозирования событий и процессов на 100 – 200 лет вперёд. Классики футурологии – в первую очередь смелые писатели, мыслители и учёные, как, например, Станислав Лем, Артур Кларк, Элвин Тоффлер, Иосиф Самуилович Шкловский и многие другие знаменательные люди – сформировали основу данного направления человеческой мысли, сделав всё возможное для её оформления как философии. Этот процесс шёл ногу в ногу с развитием таких научных дисциплин, как физика и кибернетика и научно-фантастического направления в литературе, вследствие чего получился любопытный синтез идей: достижения науки очень быстро находили своё отражение и развитие в литературе, и вместе с тем идеи литературы нередко служили источником вдохновения для жаждущих до познания тайн мира учёных. С учётом всех этих условий, футурология во второй половине XX в. получила очень сильный толчок для развития, и, во многом на основе тех же идей, развивается и сегодня.

Занимаясь вопросами познания окружающего нас мира, футурология разрабатывала и вопросы существования Иного в самом широком смысле этого понятия – Иной Жизни, Иного Разума, Иного Бытия – и принципиальной возможности человека Его познать. Человечество, как вид, во многом представляет собой достаточно уникальное образование Вселенной (мы, как вид, также, в каком-то смысле, Иное, требующее познания), ибо, во-первых, стремится к тому, чтобы, выражаясь метафорически, «объять необъятное», а во-вторых, искренне верит в тот факт, что оно на это способно [Лем 2021б: 192, 217]. При этом, в ходе процесса познания, мы порой забываем задать себе вопрос «А что мы, собственно, ищем? К чему стремимся?» Казалось бы, в контексте существования Иного как некоторого объекта (не обязательно физического) в широком смысле, заданные вопросы получают ответы: «Мы ищем познания Иного!», однако именно тут скрывается неявная проблема, связанная с методами познания столь неоднозначного объекта. Наиболее перспективным вариантом работы с Иным представляется наука как познавательная система, основанная на строгой доказательности, логичности суждений и объективности в отражении реальности. Однако, как показывает практика, наука представляет собой куда более сложную систему, поскольку существует вместе с мифологией, из неё растёт и без неё существовать не может

[Ставицкий 2012: 124]. В довесок, если учесть, что сам миф представляет собой реальность, отражённую сознанием образно-символическим путём [Ставицкий 2012: 10, 124], то синтез науки, философии и мифологии обладает невероятной перспективой как познания, так и грамотного объяснения Иного во всех его проявлениях и свойствах. Как минимум, пока сам миф актуален для его носителей [Стеблин-Каменский 1976: 4].

Данная небольшая работа – попытка рассмотреть проблематику Иного в рамках классической футурологии и той мифологической составляющей, которая, во многом, вдыхает в эту проблематику жизнь и, вероятно, содержит ответы на многие вопросы человеческого познания. Наша основная задача – проследить эволюцию образа Иного в классическом футурологическом дискурсе середины – второй половины XX века и выявить его устойчивую мифологическую составляющую, а также дать характеристику футурологического Иного в синхроническом ключе, с современным состоянием. Используемые работы по футурологии, таким образом, рассматриваются нами как система порождения смыслов, ставших для футурологии источником смелых идей и экстраординарных выводов, что, как нам кажется, позволяет посмотреть на мифологию Иного, объединяющую категории Жизни, Разума и Бытия, под перспективным для будущего футурологии углом.

### *Литературный обзор (Literature Review)*

Реализация футурологической мысли проходила по множеству направлений, среди которых можно отметить как естественнонаучные дисциплины: физику, биологию, кибернетику – так и некоторые гуманитарные, которые обладали некоторой предсказательной силой: преимущественно экономику, социологию и, в некотором роде, психологию. В контексте развития классической футурологии исследователи, преимущественно, хотя и не повсеместно, возможности контакта человека с представителями внеземных цивилизаций, а также принципиальной возможности их обнаружения; социальных преобразований внутри самой человеческой цивилизации, которые станут следствием как общего технологического развития, так и изменения моделей поведения человека как реакции на всё ускоряющуюся жизнь; волновала учёных, помимо прочего, проблема взаимоотношений человека с теми технологиями, которые он создаёт в процессе своего развития как цивилизации и к чему могут привести выстроенные бесконтрольно взаимоотношения. В общем, как можно заметить, футурологов классической эпохи преимущественно волновал единый большой вопрос познания Иного и взаимодействия с ним.

В попытках постичь это явление будущего как целое, за эту проблему взялись писатели-фантасты т.н. «Золотого века» научной фантастики – И.А. Ефремов, С. Лем и А. Кларк, однако на первых этапах взаимодействия с проблемой существования и познания Иного в проявлении Жизни и Разума, они исходили из уже сложившейся парадигмы мышления внеземных цивилизаций. Чаще всего они представлялись достаточно схожими с человеком во всех отношениях: внешнего вида, принципов мышления, общественного устройства цивилизации и т.д. – и их понимание для человечества, во многом, не составляло большого труда, а опыт мог даже говорить о том, что людям куда проще понять любую внеземную, незнакомую, жизнь, чем самих себя и своих сородичей. Безусловно, иногда предполагалось, что люди могут столкнуться с настолько непохожей на них Жизнью и Разумом, что событие и процесс Контакта может быть осложнён до

крайней степени взаимным непониманием [Лем 2021а], однако всегда оставалась надежда и вера в то, что Контакт состоится, а Иное в собратьях по разумной жизни будет понято.

Поворот восприятия проблемы, как нам представляется, резко изменился в самом начале 60-х гг. XX столетия, когда практически единовременно, с разницей всего лишь в два года, свет увидели два ключевых футурологических труда. Речь в данном случае идёт о романе польского писателя-фантаста С. Лема «Солярис» и научно-популярной книги советского астрофизика И.С. Шкловского «Вселенная, Жизнь, Разум» – эти две работы из разных областей познавательной деятельности задали новый подход к Иному в футурологическом дискурсе. В первую очередь, был поставлен вопрос о том, что человечество ищет от Иного, под которым в произведении С. Лема понималась внеземная цивилизация, не похожая на человека, и ответ на этот вопрос имел крайне важное значение для всей человеческой цивилизации. Вторым краеугольным камнем мыслительного поворота в постижении Иного явились некоторые мысли из второй и третьей глав труда И.С. Шкловского – великий советский учёный-астрофизик и мыслитель поставил в контексте поиска и познания Иного во Вселенной вопрос о сущности самой жизни и разума. В некотором роде И.С. Шкловский перевёл категории Жизнь и Разум, столь привычные для нас в обыденности, в разряд составных частей Иного, ибо, представляясь нам очевидными понятиями, они всё ещё не имеют удобоваримой и единой трактовки. Видимо, именно этот аспект побудил великого учёного к решению использовать в качестве рабочего определения Жизни как «высокоустойчивого состояния вещества, использующее для выработки сохраняющих реакций информацию, кодируемую состоянием отдельных молекул» [Шкловский 1980: 167]. В общем контексте работы И.С. Шкловского подобное определение прекрасно работало, и позволяло развернуть обширное рассуждение о жизни во Вселенной как явлении. Мы ещё вернёмся более подробно к размышлениям С. Лема и И.С. Шкловского в основной части настоящей работы.

Буквально вскоре после публикации работы И. Шкловского уже упоминавшийся нами С. Лем завершил работу над первым изданием своей знаменитой «Суммы технологии» – наиболее важного общего футурологического труда XX века [Лем 1968]. В некотором роде, это было логическое продолжение работы И.С. Шкловского, которой польский писатель очень сильно вдохновлялся, его качественное расширение и дополнение с позиции вопросов кибернетики, принципов самоорганизации и философского осмысления футурологии как мысли в целом. Книга С. Лема широко известна и крайне важна для нашей работы не только по причине именитости автора и его смелых прогнозов (хотя последний момент не получится игнорировать), но и как пример, на котором можно продемонстрировать некоторые принципы работы с Иным, в частности с его предвосхищением. С учётом того, что достаточно много из того, что было предсказано С. Лемом ещё в 1964 г., в дальнейшем оказалось реализовано, интересно порассуждать, явилось ли это действительно метким попаданием, основанным на хорошем понимании направления технологического развития и должного уровня дерзновения воображения, или же это своеобразная «белая обезьяна» по любопытному выражению А.И. Андреева [Андреев 2023]. В этом смысле, главный футурологический труд С. Лема резонно отличается от аналогичной работы своего британского коллеги – писателя-фантаста А. Кларка, который в своей книге «Черты будущего» [Кларк 1966] привёл достаточно много

смелых прогнозов будущих изобретений и свершений человечества, что, читая их сегодня, возникает когнитивный диссонанс с вопросом «неужели можно было вообразить таким образом – настолько смело». Впрочем, работа британского футуролога в этом смысле аналогична работе С. Лема, ибо она – плод своей эпохи. Эпохи романтического восприятия человека и его возможностей!

Дискурс, порождённый вышеупомянутыми трудами, в рамках футурологии вызвал пересмотр всех старых представлений о познании того, что человеку не знакомо. И если вопрос о существовании некоторого Иного в проявлениях Жизни, Разума, явлений и сущностей практически не порождал каких-либо разногласий, то вот принципиальная возможность человека познать Иное как в рамках целого, так и отдельные его элементы, было поставлено под крайне больше сомнение. Кратко покажем, как это отразилось на идеях и представлениях некоторых исследователей будущего.

В первую очередь, как нам кажется, вопрос о том, а можем ли мы принципиально познать Иное, был поставлен с полным акцентом на человеческое общество, в рамках которого под Иным и его элементов можно было понимать конкретно будущую жизнь человека как вида, как цивилизации и как индивидуума. Исходя из такого дискурса, в рамках гуманитарных наук одним из первых попытался рассмотреть Иное американский социолог и футуролог Э. Тоффлер. В работе «Шок будущего» [Тоффлер 2004] им была сделана попытка прогноза будущего устройства и функционирования человеческого общества, живущего в стремительно ускоряющемся мире современных технологий. Во многом, его прогнозы были достаточно смелыми, однако основной принцип, которому он следовал на протяжении всей книги, это опора на современное состояние человечества и те новые процессы, которые он мог наблюдать как на стадии их активного проявления, так и на стадии зарождения. А для человека его времени процесс, например, неуклонно ускоряющегося темпа жизни, атомизации общества, кратковременности отношений между людьми и между человеком и вещами в его владении были новыми, непонятными и непознанными, во многом представляя собой Иное по природе. Исходя из этого, Э. Тоффлер и прогнозировал, строил мысленные модели будущего человечества как единого социального организма Земли, однако никак не затрагивал те проблемы, которые волновали его коллег естественнонаучного склада ума и деятельности: поиски, контакт и познание Иной Жизни и Иного Разума.

Осмыслиением этого во второй половине 1960–1980-х гг. занялись преимущественно писатели. И вновь, в данном случае, мы вернёмся к пану С. Лему, ибо в данный период им были выпущены две наиболее важные работы, посвящённые Контакту с внеземным Разумом и попыткам его познания человеком. В романе «Глас Господа» польский фантаст описывает ситуацию, в которую гипотетически могли бы действительно попасть учёные, а именно приём сигнала внеземной цивилизации. Природа данного сигнала, согласно сюжету, была нейтринная и обнаружен он был случайно, однако, как только его искусственный характер стал ясен, была образована группа учёных различных специальностей, которая занялась дешифровкой сигнала. Однако в ходе работы они столкнулись с принципиальной невозможностью не только расшифровать послание, но и представить его смысл и даже доказать, что это именно сигнал от представителей «братьев по разуму» [Лем 2016]. Это был достаточно сильный удар по вере в возможности человека как-либо и когда-либо понять Иной Разум, которой была

пропитана литература некоторых физиков и астрономов. Удар был сильный, однако далеко не последний, ибо, сместив ракурс от научной фантастики, С. Лем сконцентрировался на вопросе, может ли человек понять то, что сам же и создал – полноценный искусственный интеллект. В работе Голем XIV он ставит эту проблему во главу угла, рассуждая о возможностях человеческого разума, о Разуме в целом и том, имеется ли у нас возможность хотя бы минимально понять Разум, превосходящий наш по мощности (а именно такой Разум человек стремится создать и найти во Вселенной)? Ответ был неоднозначным, о чём мы подробнее скажем далее. Завершил свой поход в поисках Иного С. Лем в 1986 г. в романе «Фиаско», где, помимо всех вышеописанных проблем попытался продемонстрировать, к чему может привести малейшее непонимание человеком Иного.

Фокус же естественнонаучных исследований, которые можно было бы рассмотреть в контексте нашей проблемы, во многом сместился в, условно, более простое поле: не установить контакт с Иным, а обнаружить его; найти эту принципиальную возможность, которая позволит человеку как виду не чувствовать себя одиноким. Впрочем, будет неверно сказать, что эти принципы попытались сформулировать и установить только сейчас: ещё классики советской астрофизики И.С. Шкловский и его ученик Н.С. Кардашёв стремились их отыскать и достигли в этом деле некоторых результатов. В первую очередь, предлагалось обращать особое внимание исследователей, ищущих проявления Иного Разума, на астроинженерную деятельность внеземных цивилизаций [Шкловский 1980: 337–338], которая обязательно должна была бы осуществляться в процессе их развития. Для наблюдателя эта деятельность была бы заметна и важна по той причине, что её было бы невозможно объяснить естественными причинами. Это было бы наблюдение, по красивому выражению И.С. Шкловского, «космических чудес». Сама же астроинженерная деятельность развитых внеземных цивилизаций должна была исходить из их потребности в энергии, и этот аспект бытия представителей Иного Разума особо раскрыл Н.С. Кардашёв, который разработал шкалу энергопотребления внеземных цивилизаций [Кардашёв 1965: 37–53]. Выдающийся советский астрофизик исходил из того, что, по мере своего развития, всякая цивилизация должна увеличивать потребление энергии и, следовательно, искать новые её источники, а точнее – осваивать энергию своих светил. И деятельность цивилизации по, упрощая, добыче необходимой энергии будет заметна наблюдателю с Земли.

В дальнейшем учёные разработали некоторые идеи того, каким образом могла бы проявлять себя астроинженерная деятельность Иного Разума. Наиболее известным примером является, пожалуй, предположение американского астронома Ф. Дайсона, который создал проект гипотетического объекта, известного как “сфера Дайсона”. Её суть заключается в том, чтобы, буквально, закрыть звезду огромной конструкцией, которая смогла бы добывать из неё энергию, и которая бы скрыла само светило для непосредственного наблюдателя. Обнаружить её строительство предполагалось по изменениям в светимости звезды, а окончательное возведение – по тому факту, что звезда была бы заметна исследователям лишь в инфракрасном спектре. С момента оформления проекта «сферы Дайсона» были даже некоторые объекты, претендовавшие на следы астроинженерной деятельности внеземных цивилизаций, однако в настоящее время

они обстоятельно исследованы и им, как явлениям, было дано естественное объяснение.

Пожалуй, следующим ключевым поворотом в проблематике познания человеком Иного стала новая постановка вопроса о создании полноценного искусственного интеллекта и тех последствиях, которые оно принесёт для всего человечества. В. Виндж – американский математик и писатель – в своей статье «Технологическая сингулярность» особо акцентировал внимание на этот вопрос, предвещая, что создание т.н. «искусственного сверхинтеллекта» является тем моментом истории человечества, после которого мы не имеем возможности делать какие-либо прогнозы, поскольку мы вступим в новую, постчеловеческую эпоху. Используя, в некотором роде как метафору, термин «сингулярность», В. Виндж предполагает достаточно скорое создание такого искусственного интеллекта, который будет во много раз превосходить человеческий, и отмечает некоторые последствия этого изобретения – последнего изобретения человека. Как мы можем заметить сегодня, некоторые проекты «искусственного интеллекта» развиваются стремительно, не достигая, впрочем, того уровня, который описывал американский математик.

Подводя итоги этому небольшому литературному обзору, мы можем заметить, что проблема существования и познания Иного в футурологическом дискурсе имеет достаточно давнюю историю, которая изобилует различными предположениями, моделями, метафорами, прогнозами разной степени точности, однако неизменным остаются две вещи. Первое: неугасающий интерес исследователей к проблеме Иного как целого в различных его проявлениях и свойствах; второе: большое количество способов разрешения этой проблемы, которые, при некоторых интерпретациях, не увенчались успехом, но совместно породили достаточно богатую образами и метафорами мифологию. Составную часть общей мифологии будущего, которая призвана дать человеку ответ на вызовы настоящего и будущего и на главные вопросы человечества о собственном бытии во Вселенной, но в то же время самостоятельной, цельной мифологией Иного в разных проявлениях и свойствах, не всегда чётко разделённых. Попыткой же прояснить её как целостное явление мы и займёмся далее. Одновременно с этим мы постараемся выяснить, какую роль этот образ Иного и стремление его познать играет в рамках классической футурологии и продолжает ли он играть эту же роль сегодня?

### ***Результаты и обсуждения (Results and Discussions)***

Постараемся рассмотреть футурологическую проблему Иного в диахроническом и синхроническом ключе её существования и развития её мифологического свойства. Саму проблему Иного на первом этапе рассмотрения разобьём на три составляющие, которые являются её проявлениями или же свойствами: Жизнь, Разум, Бытие.

На заре классической футурологии проблема существования Иной Жизни во Вселенной вышла за пределы чистой философии, как её ставил, например, великий итальянский учёный и мыслитель Дж. Бруно, но стала волновать также и исследователей естественнонаучных направлений. Старт строго научному подходу к Иной Жизни дал сформулированный в середине 1940-х гг. знаменитый парадокс Ферми: если существует высокая вероятность возникновения и развития разумных цивилизаций в нашей Галактике и Вселенной, то почему мы не наблюдаем никаких доказательств их существования? Ответ на вопрос Э. Ферми, судя по всему,

изначально не предполагал ответа на него с опорой на эмпирический материал, поэтому решался инструментами логики и таких естественнонаучных направлений, как физика, биология и астрономия.

Первые формализации парадокса и попытки его решения появились уже в начале 1960-х гг.: профессор астрономии и астрофизики Калифорнийского университета Санта-Крус Ф. Дрейк предложил уравнение, которое должно было дать ответ на вопрос о количестве инопланетных цивилизаций в Галактике, с которыми человечество имеет возможность вступить в контакт. Т.н. «уравнение Дрейка» – не решение парадокса, а лишь частичная его формализация в контексте количества внеземных цивилизаций. Тем более, из всех корней данного уравнения относительно точно можно установить лишь первый корень – количество звёзд, рождающихся в Галактике за год, в время как остальные могут быть исключительно предположительными за неимением данных о внеземных цивилизациях.

Другие исследователи, такие как немецкий астрофизик С. фон Хорнер, также стремились математически рассчитать некоторые показатели для уравнения, в частности – время существования любой внеземной цивилизации, из которого предполагалось в дальнейшем делать вывод об их количестве в Млечном Пути в целом [Hoerner 1961: 1839–1840]. К сожалению, подобные попытки не увенчались успехом, как нам кажется, вследствие своей исключительной гипотетичности и отсутствия опоры на установленные факты и наблюдаемые явления. Фокус познания Иной Жизни, в рамках естественных наук, сместился в область формулировки некоторых принципиальных положений и принципов идентификации внеземной Жизни как таковой, и в ходе этого процесса перед учёными возник целый ряд новых проблем. Наиболее ярко это отражено в работе советского астрофизика И.С. Шкловского «Вселенная, Жизнь, Разум», в которой эти проблемы получили как своё освещение, так и обстоятельное объяснение с позиций научного подхода к проблеме существования Иной Жизни. Уже во времена написания книги высказывались предположения о том, что жизнь на других планетах могла бы строиться не на углеродной основе, а, например, на кремниевой, но в то же время отмечалось, что, по некоторым причинам, соединения этого столь обильного во Вселенной элемента не могут обеспечить столь же богатый «ассортимент» соединений, какие может дать углерод [Шкловский 1980: 192]. В рамках труда И.С. Шкловского для темы Иной Жизни особенно важны положения о возможности обнаружения жизни на других планетах, поскольку кажущийся изначально достаточно простым вопрос представляет собой весьма сложную задачу [Шкловский 1980: 196–197].

Сформулированная им гипотетическая реальность, в которой перед марсианскими астрономами стояла бы цель обнаружения жизни на Земле, ярко демонстрирует всю проблематику обнаружения признаков жизни во Вселенной, поскольку некоторые явления на поверхности нашей родной планеты внеземные исследователи могли бы объяснить естественными причинами, в случае с другими испытывали бы проблемы с их наблюдением вследствие загрязнённости атмосферы [Шкловский 1980: 194–196]. В довесок, очень много времени ушло бы просто на систематическое, можно даже сказать постоянное, наблюдение за планетой для сбора данных, которые бы предоставили материал для интерпретации исследователям.

По замечанию И.С. Шкловского, у марсианских астрономов был бы лишь один шанс обнаружить признаки жизни на Земле, при том разумной, в том случае, если бы они вели наблюдение за ней с помощью радиотелескопов и заметили бы слишком мощное радиоизлучение нашей планеты, и тогда, после всех неудачных попыток интерпретации явления в естественном ключе, они бы пришли к выводу о наличии на Земле жизни. И это ещё речь шла о наблюдениях за ближайшими небесными «соседями» – предлагаю вообразить, что мы бы, выражаясь несколько вульгарно, «замахнулись» на аналогичные наблюдения за экзопланетами! Впрочем, мечта об обнаружении представителей Жизни в других мирах тогда следовала нога в ногу с учёными, мыслителями, писателями. А. Кларк, британский писатель-фантаст, относил встречу человека с представителями внеземных цивилизаций на 2100 год в своём главном футурологическом труде «Черты будущего», представляя человечество будущего иногда даже в слишком ярких красках [Кларк 1966: 286]. С. Лем же в плане размышлений о проблеме Иной Жизни ушёл дальше любого из своих коллег.

И тут мы плавно входим в дополнительный аспект познания Иной Жизни – вопроса об Ином Разуме, который представлялся в первую очередь как Разум внеземных цивилизаций, и система представлений о нём развивалась параллельно с представлениями об Иной Жизни, но в более свободном ключе. В контексте данного аспекта у мыслителей было больше пространства для различных догадок, измышлений и прогнозов, и каждый подходил к нему по-своему. Один из корифеев советской научной фантастики И.А. Ефремов посвятил не очень много времени изображению представителей внеземных цивилизаций и чаще всего виделись им как слегка по-другому устроенные гуманоиды. «Пропорциональные очертания тел, рост, соответствующий среднему росту землян. Странный чугунно-серый цвет кожи с серебристым отливом и скрытым кроваво-красным отблеском, какой бывает на полированном красном железняке – гематите. Серый тон этого минерала был одинаков с кожей обитателей фторной планеты.

Круглые головы поросли густыми иссиня-чёрными волосами... Но самой замечательной особенностью их лиц были глаза. Невероятно большие и удлинённые, с резко косым разрезом, они занимали всю ширину лица, косо поднимались наружными уголками к вискам, выше уровня глаз земных людей. Белки густого бирюзового цвета казались непропорционально удлинёнными по отношению к чёрной радужине и зрачкам» [Ефремов 2023: 64]. В этом смысле маститому советскому писателю был более интересен образ будущего человечества, его существования, общественного устройства и технологий, вследствие чего вопросам Жизни и Разума в его романах и повестях цикла Великого Кольца места практически не нашлось.

Впрочем, нельзя винить Ивана Антоновича и в некотором отсутствии воображения в контексте изображения Иной Жизни и Иного Разума, поскольку, насколько бы у нас ни было развитое воображение для представления даже принципиально отличного от привычного нам, всё равно мы мыслим в рамках того, что-либо можем наблюдать, либо прочувствовать. Всё же, что выходит за пределы опыта, может быть представлено нами лишь очень отдалённо, и описано языком знакомых терминов. За необходимым примером такого свойства нашего разума достаточно вспомнить пример планеты Солярис, описанной С. Лемом: для наблюдателя и исследователя она описывалась, как планета-океан, которая могла, во-первых, поддерживать свою орбиту стабильной, а во-вторых, пыталась понять и

установить контакт с изучавшим её человечеством, но потерпела неудачу (как, собственно, и само человечество) [Лем 2021б: 22–36]. Проблема языка описания Иного, в некотором роде, проходит красной нитью через большую часть произведений С. Лема, и она оказывается очень тесно переплетена с познанием сущности Иного как в проявлении Жизни, так и Разума. Ибо, сталкиваясь с проявлением чего-то принципиально отличного от привычного, мы оказываемся не просто на границе познанного и непознанного по А. Кларку [Кларк 1966: 45], а в тупике познания, когда прежние модели и предположения об Ином, преимущественно языковые, перестают работать. Для решения этой проблемы множатся дополнительные гипотезы, обладающие, однако, тем же дефектом, и дополнительно нагружающие познаваемый объект требованиями, которым он не может соответствовать. В романе «Фиаско» С. Лем, говоря об астрофизике в мире своего произведения и о том, как учёные стремились отыскать следы Иного Разума, выявил этот парадокс, видимо, свойственный познанию в целом: «Чем большим набором теорий оперировала астрофизика, тем труднее было бы намеренной сигнализации доказать свою подлинность» [Лем 2021б: 124]. Нечто подобное мы, в качестве мысленного эксперимента, могли наблюдать в примере с обнаружением жизни на Земле из книги И.С. Шкловского, и в этом парадоксе для футурологов второй половины XX века крылась первая проблема выявления существования и познания Иного Разума.

Эта проблема была первая, однако не единственная – появлялась проблема установления с разумной внеземной цивилизацией контакта. О перспективах столь важного для вселенской истории человечества события разнились представления, однако все сходились в единственном мнении: для успешного Контакта необходим общий с Иным Разумом язык. Астрофизики и иные учёные естественнонаучных направлений предлагали идею такого языка в виде т.н. языка «линкос»: в определённой мере, это был исключительно математический язык, строящийся на основе языка математической логики и обладающий достаточно большим потенциалом передачи информации. И.С. Шкловский описывал некоторые примеры того, как «линкос» должен будет функционировать и как с его помощью получится передавать информацию разной степени сложности: от простых математических действий до абстрактных тем (например, способность к мышлению) [Шкловский 1980: 302–303]. Также в качестве одного из средств фиксации и передачи информации предполагалось изображение, переданное в виде двоичного кода [Шкловский 1980: 298–301]. Идеи, как оптимистические, так и пессимистические, выдвинутые в своё время разными исследователями и рассмотренные И.С. Шкловским [Шкловский 1980: 304–307], сформировали некоторый базис научного подхода к вопросу познания Иного Разума и возможности установления с ним Контакта. Позже мы ещё вернёмся к этому вопросу, рассматривая все три свойства Иного системно, и к неожиданным следствиям, которые проявляются из-за некоторых изначальных посылок.

Иное могло проявляться не только в вопросах познания и поиска Жизни и Разума за пределами Земли, но нередко обнаруживалось и среди творений самого человека. Находясь за пределами человеческого понимания, оно становилось объектом страха и познания одновременно, однако познания специфического: могло случиться так, что Иное пыталось говорить с человеком на его языке, испытывая при этом трудности: «...мне придётся говорить о себе, что будет непросто, ибо я обращаюсь к вам так, словно мне приходится рожать кита через

игольное ушко: оказывается, и это возможно, если соответственно уменьшить кита. Но тогда он уподобляется блохе – вот в чём моя главная трудность, когда я пригибаюсь пониже, примеряясь к вашему языку. Как видите, трудность не только в том, что вам не по силам взойти на мою высоту, но и в том, что я сам весь к вам сойти не могу: при спуске теряется то, что я должен был до вас донести» [Лем 2020б]. Однако чаще всего дело принимало несколько другой оборот, и Иное становилось объектом страха и осторожного, боязливого изучения. Наиболее ярко такой подход нашёл отображение в рассказе С. Лема «Вторжение», по сюжету которого на Землю упали крайне странные объекты, которые явно обладали признаками жизни, однако никак себя не проявляли и ни на какое внешнее раздражение не реагировали [Лем 2020а: 21–26]. Их изучение практически ничего нового не принесло человечеству, на первый взгляд, вследствие чего суть загадочных представителей Иной Жизни и, возможно, Иного Разума, так и осталась загадкой. Тем не менее, некоторые учёные сформулировали для себя выводы о существах, прибывших на Землю:

«...понадобились чужие, иные организмы с другими формами, функциями, чтобы мы открыли его (мир – А.П.) по-новому – ещё раз.

— Ах! – тихо сказал молодой человек. – Значит, речь идёт о смысле...

— Разумеется, – кивнул Хейнз. – Действительность, извините, не так наивна, как сказочка о галактических садах, да и не так ужасна, как небылица о чудовищах, которую я выдумал, но иногда она становится невыносимой из-за того, что отказывается отвечать на этот вопрос...» [Лем 2020а: 51–52]

Иногда Иное прступало в обыденном настолько неожиданно, что сама человеческая жизнь в рамках социума становилась непознанной и, порой, принципиально неизвестной. XX век принёс в историю человечества небывалую ранее скорость изменений: технологических и социальных. Первый из этих аспектов в динамике любопытно продемонстрировал А. Кларк, составивший таблицу диапазонов расстояний, которые были покорены человеком за всю его историю, и время, которое потребовалось для этого [Кларк 1966: 48]. Данные из этой таблицы во многом шокируют и дают некоторое представление о том, как с течением времени могла преобразовываться человеческая жизнь с пространственной точки зрения. Однако если А. Кларк мог использовать таблицу диапазонов расстояний лишь для экстраполяции результатов на социальную сторону человеческого существования, то уже его американский коллега – футуролог и социолог Э. Тоффлер разработал теорию о всёускоряющейся жизни человека, которая оказывает ключевое влияние на взаимоотношения между людьми, между людьми и вещами, на дружбу, любовь, работу, карьерный рост и множество других аспектов социального бытия. Ускорение, которое он отмечал в своей работе «Шок будущего», признавалось им беспрецедентным за всю историю человечества и было способно многократно изменить жизнь людей одного поколения, в то время как человеческая психика не приспособлена к столь стремительным изменениям [Тоффлер 2004: 61–144].

Рассматривая отдельные проявления или свойства Иного в футурологическом дискурсе, не стоит при этом забывать о том, что все они в действительности не были разделены, но всегда представляли собой целое – систему, объединяющую в себе, как минимум, рассматриваемые нами выше Жизнь, Разум и ещё не задетое нами Бытие. Наиболее яркое проявление третьего свойства Иного стало проявляться в футурологии, как нам кажется, значительно

позже, и зачастую представлялось либо в двоичной связке (Жизнь-Бытие, Разум-Бытие), либо в целой системе из трёх компонентов (Жизнь-Разум-Бытие). Некоторые попытки включения Бытия в рассматриваемую проблематику можно проследить в 1950–1960-х гг., в частности в работах А. Кларка и И.С. Шкловского. Первый рассматривал Иное Бытие в качестве варианта человеческого бессмертия, когда конец XXI столетия с его невероятным технологическим развитием принесёт человеку столь долгожданную вечную жизнь.

Впрочем, британский мыслитель не стремился как-либо подробно разработать философские аспекты вечной жизни применительно к человеку будущего. И.С. Шкловский включал в контекст Бытия Вселенную как целое – то, что являлось первоначалом Жизни и Разума, то, без чего Жизнь и Разум были бы невозможны. Истории Вселенной посвящена первая часть его работы, которую мы рассмотрели ранее, однако на данном этапе разработки философских аспектов футурологии мы вынуждены признать, что проблема Бытия, в том числе в контексте Бытия как свойства Иного, была поставлена значительно позже. Будучи достаточно осторожными в суждениях, мы бы отнесли зарождение этой проблематики в середину 1980-х гг. в связи с некоторыми разработками романа «Фиаско», который мы рассматривали ранее.

Последнее большое произведение знаменитого польского писателя представило читателям, на примере очередной внеземной цивилизации, формат Бытия, который даже при его непосредственном наблюдении остаётся непонятным человеческим разумом, а финальное откровение о том, что Марк Темпе увидел квинтэssенцию оставляет достаточно большой простор для рассуждений о природе этих загадочных существ [Лем 2021б: 446]. Однако если биологическую жизнь мы ещё способны представить принципиально, и частично даже познать, то вот вопрос о познании жизни искусственной представляется для человеческого разума, в некотором роде, вызовом.

Искусственная Жизнь, существующая и мыслящая по своим законам, во многом уже представляется человеку Иным – оно ему непонятно не на уровне реализации существования биологической жизни, а на принципиальном уровне Бытия. Достаточно вспомнить искусственного Бога из рассказа С. Лема «Друг» [Лем 2020а: 109–117], или его же ГОЛЕМа XIV, чтобы примерно представить те трудности, которые возникали даже у наиболее наделённых воображением мыслителей.

Однако уже в начале 1990-х гг. проблема познания Иного в контексте искусственного интеллекта была поставлена в научном дискурсе. В. Виндж в статье «Грядущая технологическая сингулярность» рассуждает об искусственном интеллекте, который превосходит человеческий, как о сингулярности, т.е. том моменте времени, после которого мы не способны представить развитие человечества, а наши актуальные модели перестают иметь предсказательную силу [Виндж 2022: 9]. Им выделяется несколько возможных сценариев перехода к технологической сингулярности: создание полноценного искусственного интеллекта, интеллектуальный симбиоз интеллекта человеческого и компьютерного, и развитие человеческого интеллекта биологическими путями [Виндж 2022: 6–7].

В размышлениях В. Винджа, как нам представляется, находят синтез и окончательное объединение все свойства Иного: Жизнь, Разум, Бытие в контексте искусственного интеллекта и его возможного носителя представляют для человека

проблему именно в плане своего познания. При этом познание ИИ для человека, как нам представляется, стало бы частью более масштабного процесса самопознания человека. Вполне возможно, что и для самого себя он бы представал в качестве Иного, и тогда ИИ или же объединённый интеллект человека и компьютера открыл бы себе «бескрайний простор, где мы можем поистине знать друг друга и понимать глубочайшие тайны вселенной...» [Виндж 2022: 32]. И, несмотря на некоторые опасения касающиеся искусственного интеллекта, которые высказываются на современном этапе его развития [см.: Бостром 2016], он постепенно, в форме нейросетей, становится нашей реальностью, а значит, хотим мы того или нет, необходимо учиться с ним существовать и взаимодействовать!

### ***Заключение (Conclusions)***

Классическая футурология, сформировавшаяся как синтез естественных наук, научно-фантастической литературы и философии, постоянно находилась на пограничье познанного и непознанного, нередко устремляясь мыслью в те области, которые невозможно описать средствами человеческих языков, но которые, в целом, поддаются языку метафор, образов, символов. Иное, представлявшее для человека постоянную загадку и вызов для способностей познания, в дискурсе «науки о будущем» проявившее себя в свойствах Жизни, Разума и Бытия, познавалось футурологами скорее мифологически, нежели научно, во многом вследствие своей природы. Воображение и языки, предоставленные человеку Разумом, не справлялись со строго научным описанием и объяснением необъяснимых парадоксов, в то время как человек требовал ответа, не желая оставаться в неведении. Футурологический миф об Ином дал нам цель для поисков, исследований и дерзновений, и, вероятно, не совсем точно было сказано нами ранее, что футурология и та мифология, которую она породила, является во многом законченной историей [Покрищук 2024: 35]. В действительности получилось так, что Иное как одна из основных категорий мифа футурологии продолжает жить в ней, подпитывать её идеями и служит источником новых идей и подходов как к самой себе, так и к окружающему миру. Просто, возможно, ещё не случилось такого события, которое бы вновь обратило внимание человечества на Иное, напомнив нам, что оно всё ещё находится среди нас: стоит лишь посмотреть под другим углом, и тогда даже уже привычные вещи заиграют новыми красками и, что самое главное, смыслами.

## **Литература**

- Андреев, А. (2023) Футурология. Краткий курс. Москва: Пальмира. 224 с.
- Бостром, Н. (2016) Искусственный интеллект. Этапы. Угрозы. Стратегии. Пер. с англ. Москва: Манн, Иванов и Фербер.
- Виндж, В. (2022) Грядущая технологическая Сингулярность // Сингулярность. Пер. с англ. Москва: АСТ. С. 5–37.
- Ефремов, И. (2023) Сердце Змеи // Сердце Змеи. Москва: АСТ. С. 5–80.
- Кардашёв, Н. (1965) Передача информации внеземным цивилизациям // Внеземные цивилизации. Труды совещания Бюракан, 20–23 мая 1964. Ереван: Академия наук СССР. С. 37–53.
- Кларк, А. (1966) Черты будущего. Пер. с англ. Москва: Мир. 288 с.
- Лем, С. (2020) Вторжение // Охота. Пер. с пол. Москва: АСТ. С. 3–52.
- Лем, С. (2016) Глас Господа. Пер. с пол. Москва: АСТ. 286 с.

- Лем, С. (2020) Голем XIV. Москва: ACT, Publishers. 220 с.
- Лем, С. (2020) Друг // Охота. Пер. с пол. Москва: ACT. С. 53–119.
- Лем, С. (2021) Солярис. Пер. с пол. Москва: ACT. 288 с.
- Лем, С. (1968) Сумма технологии. Пер. с пол. Москва: Мир. 608 с.
- Лем, С. (2021) Фиаско. Пер. с пол. Москва: ACT. 448 с.
- Покрищук, А. (2024) Футурология как вариант современного мифа о будущем человечества // МИФОЛОГОС. Серия «Миф и общество: история, политика, социология». № 4 (12). С. 29–37.
- Ставицкий, А. (2012) Современная мифология: опыт постижения Иного. Севастополь: Рибэст. 192с.
- Стеблин-Каменский, М. (1976) Миф. Ленинград: Наука. 104 с.
- Тоффлер, Э. (2004) Шок будущего. Пер. с англ. Москва: ACT. 557 с.
- Шкловский, И. (1980) Вселенная, Жизнь, Разум. 5-е изд. Москва: Наука. 352 с.
- Von Hoerner, S. (1961) The Search for Signals from Other Civilizations. Science Pub. Pp. 1839–1843.

### References

- Andreev, A. (2023) Futurology. A Short Course. Moskva: Pal'mira Publ. 224 p.
- Bostrom, N. (2016) Superintelligence: Paths, Dangers, Strategies. Per. s angl. Moskva: Mann, Ivanov i Ferber Publ.
- Vindzh, V. (2022) Coming Technological Singularity // Singulyarnost. Per. s angl. Moskva: AST Publ. Pp. 5–37.
- Efremov, I. (2023) Heart of the Snake // Serdtse Zmei. Moskva: AST Publ. Pp. 5–80. (In Russian)
- Kardashyov, N. (1965) Transmission of Information by Extraterrestrial Civilizations // Vnezemnye tsivilizatsii. Trudy soveshchaniya Byurakan, 20–23 maya 1964. Yerevan: Akademiya nauk SSSR Publ. Pp. 37–53. (In Russian)
- Klark, A. (1966) Profiles of the Future. Per. s angl.. Moskva: Mir Publ. 288 p.
- Lem, S. (2021) Invasion // Okhota. Per. s pol. Moskva: AST Publ. Pp. 3–52.
- Lem, S. (2016) The Voice of the Lord. Per. s pol. Moskva: AST Publ. 286 p.
- Lem, S. (2020) Golem XIV. Moskva: AST Publ. 220 p.
- Lem, S. (2021) Friend // Okhota. Per. s pol. Moskva: AST Publ. Pp. 53–119.
- Lem, S. (2021) Solaris. Per. s pol. Moskva: AST Publ. 288 p.
- Lem, S. (2021) Fiasko. Per. s pol. Moskva: AST Publ. 448 p.
- Pokrishchuk, A. (2024) Futurology as a Variant of the Modern Myth about the Future of Mankind // MYTHOLOGOS. Series "Myth and Society: History, Politics, Sociology". No. 4 (12). Pp. 29–37. (In Russian)
- Stavitskiy, A. (2012) Modern Mythological Studies: The Experience of Comprehending the Other by Science. Sevastopol: Ribest Publ. 192 p. (In Russian)
- Steblin-Kamenskiy, M. (1976) Myth. Leningrad: Nauka Publ. 104 p. (In Russian).
- Shklovskiy, I. (1980) The Universe, Life, Mind. 5-e izd. Moskva: Nauka Publ. 352 p. (In Russian).
- Toffler, E. (2004) Future Shock. Per. s angl. Moskva: AST Publ. 557 p.
- Von Hoerner, S. (1961) The Search for Signals from Other Civilizations. Science Publ. Pp. 1839–1843.

**Сведения об авторе:**

**Покрищук Александр Юрьевич**

студент 4 курса историко-филологического факультета, кафедра истории и международных отношений Филиала Московского государственного университета в г. Севастополе (г. Севастополь, Россия).

E-mail: [pokrischuk\\_al@mail.ru](mailto:pokrischuk_al@mail.ru)

**Bionotes:**

**Pokrischuk Alexander Yuryevich**

4rd year student of the Faculty of History and Philology, Department of History and Foreign Affairs, Lomonosov Moscow State University Branch in Sevastopol (Sevastopol, Russia).

**Для цитирования:**

**Покрищук А.Ю.** Вопрос существования и познания иного в проблематике классической футурологии // МИФОЛОГОС. Серия «Миф и общество: история, политика, социология». № 4 (16), 2025. С. 201–215.

**For citation:**

**Pokrischuk A.Yu.** The Question of the Existence and Cognition of the Other in Classical Futurology // MYTHOLOGOS. Series "Myth and Society: History, Politics, Sociology". № 4 (16), 2025. Pp. 201–215.

## АВТОРЫ / AUTHORS



### **Алентьева Татьяна Викторовна**

профессор кафедры всеобщей истории ФГБОУ ВО «Курский государственный университет», доктор исторических наук, профессор (г. Курск, Россия).

### **Alentieva Tatyana Viktorovna**

Professor, Department of World History, Kursk State University, Doctor of History, Professor (Kursk, Russia).



### **Баранов Андрей Владимирович**

профессор кафедры политологии и политического управления ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет», доктор политических наук, доктор исторических наук, профессор (г. Краснодар, Россия).

### **Baranov Andrey Vladimirovich**

Professor, Department of Political Science and Political Management, Kuban State University, Doctor of Political Sciences, Doctor of History, Professor (Krasnodar, Russia).



### **Буровский Андрей Михайлович**

генеральный директор ООО «Книги и фильмы Андрея Буровского», доктор философских наук, профессор (г. Санкт-Петербург, Россия).

### **Burovsky Andrey Mikhaylovich**

General Director of OOO Books and Films by Andrey Burovsky, Doctor of Philosophy, Professor (St. Petersburg, Russia).



### **Капля Ксения Александровна**

исследователь, Филиал Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова в г. Севастополе, кафедра истории (г. Севастополь, Россия).

### **Kaplya Ksenia Aleksandrovna**

Researcher, Lomonosov Moscow State University Branch in Sevastopol, Department of History (Sevastopol, Russia).



### **Кирюхина Елена Михайловна**

профессор кафедры "История, философия и социология" биоэкологического факультета ФГБОУ ВО "Нижегородский государственный агротехнологический университет" имени Л.Я. Флорентьева, доктор культурологии, кандидат филологических наук, доцент (г. Нижний Новгород, Россия).

### **Kiryukhina Elena Mikhailovna**

Professor, Department "History, Philosophy and Sociology", Faculty of Bioecology, Nizhny Novgorod State Agrotechnological University, Doctor of Culturology, Candidate of Philological Sciences, Associate Professor (Nizhny Novgorod, Russia).



**Кирюхин Дмитрий Вячеславович**

доцент кафедры "Иностранные языки" зоотехнического факультета ФГБОУ ВО "Нижегородский государственный агротехнологический университет", кандидат исторических наук, доцент (г. Нижний Новгород, Россия).

**Kiryukhin Dmitriy Vyacheslavovich**

Associate Professor, Department of Foreign Languages, Nizhny Novgorod State Agricultural University, Candidate of Historical Sciences (Nizhny Novgorod, Russia).



**Лубешко Ангелина Николаевна**

магистрант Санкт-Петербургского государственного университета, исследователь (г. Санкт-Петербург, Россия).

**Lubeshko Angelina Nikolaevna**

Master's Student of St. Petersburg State University, Researcher (St. Petersburg, Russia).



**Очкалов Максим Романович**

исследователь, кафедра истории Филиала Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова в г. Севастополе (г. Севастополь, Россия).

**Ochkalov Maksim Romanovich**

Researcher, Department of History, Lomonosov Moscow State University Branch in Sevastopol (Sevastopol, Russia).



**Покрышчук Александр Юрьевич**

исследователь, кафедра истории и международных отношений Филиала МГУ имени М.В. Ломоносова в г. Севастополе (г. Севастополь, Россия).

**Pokryshchuk Alexander Yurievich**

Researcher, Department of History, Lomonosov Moscow State University Branch in Sevastopol (Sevastopol, Russia).



**Родионов Виталий Алексеевич**

доцент кафедры английского языка Московского юридического университета им. О.Е. Кутафина; кандидат филологических наук (Москва, Россия).

**Rodionov Vitaly Alexeievich**

Associate Professor at the English Language Department of the Kutafin Moscow State Law University; PhD in Linguistics. (Moscow, Russia).



**Ставицкий Андрей Владимирович**

доцент кафедры истории Филиала Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова в г. Севастополе, гл. редактор научного периодического журнала «МИФОЛОГОС», кандидат философских наук (г. Севастополь, Россия).

**Stavitskiy Andrey Vladimirovich**

Associate Professor, Department of History, Lomonosov Moscow State University Branch in Sevastopol, Editor-in-chief of the Scientific Periodical Journal 'MIFOLOGOS', Candidate of Philosophy (Sevastopol, Russia).



**Филимонова Мария Александровна**

ведущий научный сотрудник Центра изучения США ФГБОУ ВО «Курский государственный университет», доктор исторических наук (г. Курск, Россия).

**Filimonova Maria Alexandrovna**

Leading Researcher, Center for the Study of the United States, Kursk State University, Doctor of History (Kursk, Russia).



**Яковенко Ксения Эдуардовна**

магистрант Санкт-Петербургского государственного университета, исследователь (г. Санкт-Петербург, Россия).

**Yakovenko Ksenia Eduardovna**

Master's Student of St. Petersburg State University, Researcher (St. Petersburg, Russia).

**Редакция научного периодического журнала «МИФОЛОГОС»  
напоминает:  
ТРЕБОВАНИЯ К СТАТЬЕ В ЖУРНАЛ «МИФОЛОГОС»**

Научный периодический журнал «МИФОЛОГОС» принимает статьи от авторов в течение года.

Тематика публикаций любая, если она касается темы мифа и мифотворчества.

Статья должна быть написана на русском языке в соответствии с требованиями (см. ниже). Файл в формате doc, docx с текстом.

Оригинальность текста должна быть не менее 80% по системе Антиплагиат.

Помимо статьи от новых авторов журнала необходима *цветная фотография автора(ов)* (в формате jpg, jpeg, разрешение от 300 dpi) — плечевой портрет на однородном фоне (фотографии «на паспорт» не принимаются).

**Рекомендуемая структура статьи**

**Структура статьи.** Текст статьи должен быть разбит на части, заголовки должны быть подписаны: Аннотация (Abstract). Ключевые слова (Keywords). Введение (Introduction). Методы (Methods). Литературный обзор (Literature Review). Результаты и обсуждение (Results and Discussion). Заключение (Conclusions). Литература (Reference).

При этом УДК, название статьи, ФИО и место работы автора, аннотация, ключевые слова, а также Литература/Reference обязательны при оформлении и пишутся без отступа. Остальное деление носит рекомендательный характер, но особенно желательно в случае большого объёма статьи и обязательно для журнала «Мифологос».

Уточняем каждый аспект.

**Аннотация** – оптимальный объём 50-150 слов. Аннотация должна включать в себя информацию об актуальности и цели исследования, методологии и результатах, но не повторять дословно выводы. Аннотация не должна содержать ссылки и аббревиатуры.

**Ключевые слова** – 5-8 слов. **Ключевые слова отделяются друг от друга точкой с запятой.**

Аннотация и ключевые слова пишутся на русском и английском языках.

**Введение** определяет суть проблемы, включает краткое описание актуальности, цели и перспективы исследования, а также позицию автора по заявленной теме. По содержанию предваряет основной текст.

В *Литературном обзоре* даётся анализ (обзор) использованной литературы и материала для обоснования теоретической базы исследования. В нём должны быть названы работы предшественников, положенные в основу исследования, показаны общие тенденции исследования темы и уточнены пробелы в исследованиях, которые статья разъясняет.

В *Методах* должна быть названы методы и желательно описана методология, которая применялась автором для достижения результатов.

В *Результатах и обсуждении* раскрывается основная часть статьи, общие положения и новизна исследования, которые проявляются в идеях, к которым пришёл автор в результате исследования, а также показано сравнение и интерпретация результатов исследования с аналогичными исследованиями и определяется место полученных результатов в структуре научного знания.

**Заключение** (Выводы) должны быть сжатым описанием основной части статьи, включая изложение основного смысла выводов относительно поставленной цели, научную ценность исследования и возможные сферы применения.

В списке **Литературы** предлагается поместить около 20 работ. Из них рекомендуется до половины всех публикаций отводить иностранным источникам. Предпочтение отдается изданиям, рецензируемым в Scopus и WoS. Для них обязательно включать DOI. Желательны 2-5 работ, опубликованных за последние 3-5 лет.

Список литературы публикуется с отступом.

Особая просьба для авторов: **в статье должны быть цитаты и ссылки на тексты статей из журнала «Мифологос» (<https://mythologos.ru/новости/>) и сборников конференции «Миф в истории, политике, культуре».**

Выдвигая данное требование, организаторы исходят из того, чтобы авторы сборника и участники конференции знакомились с работами тех исследователей, которые занимаются изучением близкой им тематики и готовы помогать продвигать заявленные в них идеи или же их оспаривать.

Помимо этого, считается важным **начать или закончить статью таким теоретическим обобщением**, которое касается ключевых вопросов мифа и мифотворчества, их онтологических, эпистемологических и аксиологических начал. Напомним, что именно из таких фраз по сложившейся традиции выбираются эпиграфы для разделов сборников трудов участников ежегодной международной научной конференции «миф в истории, политике, культуре».

### Требования к оформлению текста статьи

Объём текста статьи от 0,5 (для журнала) усл. печ. л., шрифт Times New Roman, **кегль 13**, интервал одинарный. Поля со всех сторон 2 см.

**Абзац (отступ): 1,25 см.**

Посмотрите, чтобы отсутствовали интервалы между слов.

**Элементы оформления статьи:** УДК, DOI: (слева без отступов), пустая строка, ЗАГОЛОВОК (заглавными буквами, жирным шрифтом, по центру), пустая строка, фамилия, имя, отчество автора (жирный шрифт), место работы, в скобках – город, страна. Пустая строка. Аннотация и ключевые слова (шрифт 12) на русском и английском языках, пустая строка. Основной текст (13 шрифт с отступом), пустая строка, Литература (жирный шрифт, по центру без отступов), пустая строка. После указанных данных точка не ставится.

Уточним детали.

Вся шапка статьи (УДК, название, ФИО, место работы, аннотация, ключевые слова) пишется без отступа.

В левом верхнем углу (**без отступа**) построчно указываются: УДК (нежирным шрифтом) и DOI (без указания номера), в центре жирным шрифтом, заглавными буквами – НАЗВАНИЕ, через строку – фамилия, имя, отчество автора, ниже – (нежирным шрифтом, прямая строка) название научного учреждения. Город, страна даются в скобках.

Аннотация +ключевые слова (отделённые друг от друга точкой с запятой).

Затем все эти данные на английском языке.

Страницы не нумеруются.

**После текста статьи и списка литературы** пишутся полные данные автора. ФИО полностью (жирным курсивом, с отступом).

С новой строки: должность с местом работы (в случае, если участник не работает в научной сфере или не имеет научной степени, пишется «исследователь»), научная степень, ученое звание, в скобках: город проживания и страна. С отдельной строки – e-mail

Название научного учреждения пишется полностью в соответствии с официальным названием.

Выглядит так:

**Сведения об авторе:**

**Яковлева Елена Людвиговна**

профессор кафедры философии и социально-политических дисциплин ЧОУ ВО «Казанский инновационный университет им. В.Г. Тимирясова», доктор философских наук, доцент (г. Казань, Россия).

E-mail: mifoigra@mail.ru

**Bionotes:**

**Iakovleva Elena Ludvigovna**

Professor, Department of Philosophy and Socio-Political Disciplines, Timiryasov Kazan Innovative University, Doctor of Philosophy, Associate Professor (Kazan, Russia).

**Пример оформления статьи:**

УДК 94(47)

DOI:

## МИФЫ ОБ ИВАНЕ ГРОЗНОМ

**Иванов Иван Иванович**

Ивановский государственный университет имени Ивана Иванова  
(г. Иваново, Россия)

**Аннотация**

Текст

**Ключевые слова:** слово; слово

Ivanov Ivan Ivanovich

Ivanov Ivanovo State University (Ivanovo, Russia)

**Abstract**

**Key words:**

***Введение (Introduction)***

Текст статьи....

***Литературный обзор (Literature Review)***

Текст статьи...

***Методы (Methods)***

Текст статьи...

***Результаты и обсуждение (Results and Discussions)***

Текст статьи...

***Заключение (Conclusions)***

Текст статьи...

**Литература**

Список литературы (с отступом и без нумерации)

**References**

Английский перевод списка литературы

Список литературы под заголовком «Литература» приводится в конце текста. **Источники в списке приводятся по алфавиту**, список оформляется по приводимому ниже примеру. **Нумерация списка литературы не делается**. Количество страниц в упомянутой литературе обязательно. **Место (город) издания пишется полностью**.

**Варианты оформления литературы**

*Ясперс, К. (1994) Смысл и назначение истории: Пер. с нем. 2-е изд. Москва: Республика. 527 с.*

*Антология мировой философии (1969): В 4 т. Москва: Мысль. Т. 1. 576 с.*

*Иванов, В. (1994) Ницше и Дионис // Иванов В. Родное и вселенское. Москва: Республика. С. 26–34.*

*Рифтин, Б.Л. (1975) Китайская мифология // Мифы народов мира: энц. в 2 т., Т. 1. С. 652–662.*

*Разлогов, К. (2006) Контексты культуры. Образы Америки? // Искусство кино. №10. С. 12–14.*

*Гачев, Г.Д. Национальные образы мира. Лекция Георгия Гачева. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.polit.ru/article/2007/05/24/kulturosob/> (дата обращения: 21.02.2018).*

Миф в истории, политике, культуре (2021) [Электронный ресурс]: Сборник трудов V Международной научной междисциплинарной конференции (июнь 2021 года, г. Севастополь) / Под редакцией А.В. Ставицкого. Севастополь: Филиал МГУ имени М.В. Ломоносова в городе Севастополе. 576 с. DOI: 10.35103/SMSU.2021.86.74.001

*Кьеркегор, С., Мэй, Р. (2022) Очищение страхом или Экзистенция свободы.* Москва: Литрес. 260 с.

*Зайченко, С.С. (2013) Художественный кинодискурс исторического жанра в пространстве семиосферы // Филологические науки. Вопросы теории и практики, 2013, № 7 (25): в 2-х ч. Ч. 1. С. 69–72.*

*Бодрийяр, Ж. Эстетика иллюзий и эстетика утраты иллюзий // Гуманитарные технологии. Аналитический портал. // [Электронный ресурс]. URL: <https://gtmarket.ru/laboratory/expertize/3090> (дата обращения: 07.07.2021).*

**Ссылки** на список литературы в тексте отмечаются в квадратных скобках с указанием страницы, на которую делается ссылка (при необходимости): [Найдыш 2021: 364], где сначала пишется фамилия автора, потом год издания статьи или монографии, а затем после двоеточия количество страниц. В случае, если у цитируемого автора используется две и более работ одного года издания, пишется [Ставицкий, 2012а] или [Ставицкий 2012б: 315], и т.д.

**После Литературы обязателен References, т.е. перевод литературы на английский язык.**

**Английские слова (существительные, глаголы, прилагательные) в названии должны начинаться с заглавной буквы.**

После издательства должно идти уточнение Publ.

Количество страниц в статьях обозначается Pp.

После отечественных работ должно быть добавлено (In Russian).

В целом текст должен выглядеть так:

*Stavitskiy, A.V. (2012) Ontology of the Modern Myth. Sevastopol: Ribest Publ. 543 p. (In Russian).*

*Lukin, A. (1992) In the Magical Labyrinth of Consciousness. Literary Myth of XX Century // Foreign literature. № 3. Pp. 234–249. (In Russian).*

*Harris W. How the Grim Reaper Works. 21.04.2021. [Electronic resource]. URL: <https://science.howstuffworks.com/science-vs-myth/strange-creatures/grim-reaper.htm> (accessed: 08.08.2022).*

### **Особая просьба к авторам:**

1) Обратите внимание на тире в тексте и при разделении страниц в списке литературы. Тире (–) не должно подменяться дефисом (-).

2) Проверьте все интервалы между слов, чтобы не было двойных и более.

3) **Пожалуйста, вычитайте свой текст и проверьте соблюдение правил, т.к. редакция текстов, которые не вычитаны авторами, забирает ОЧЕНЬ много времени при проверке и отодвигает сроки выпуска сборника и журналов.**

Помните, что организаторы не только несут затраты на рецензирование статей, редакторские услуги, предоставление сборнику ISBN и журналу ISSN, а

статьям международного индекса DOI, размещение статей в научной электронной библиотеке [www.elibrary.ru](http://www.elibrary.ru). и в других базах данных, рассылку электронной версии сборника трудов в библиотеки РФ и других стран, но и тратят огромное время на проверку, рецензирование, вычитку и редактирование присланных вами текстов.

**В связи с этим просим помочь редактору точным соблюдением всех указанных требований и вычитать текст своей статьи насколько это возможно.**

*Информацию по вопросам размещения статей можно получить, направив электронное письмо А.В. Ставицкому по адресу:  
[stavis@rambler.ru](mailto:stavis@rambler.ru)*

Всего Вам доброго!  
Благодарим за сотрудничество.

## ТРЕБОВАНИЯ К СТАТЬЕ В ЖУРНАЛ «МИФОЛОГОС»

Статья должна быть написана на русском языке в соответствии с требованиями (см. ниже). Файл в формате doc, docx с текстом.

Оригинальность текста должна быть не менее 80% по системе Антиплагиат.

Помимо статьи от новых авторов журнала необходима *цветная фотография автора(ов)* (в формате jpg, jpeg, разрешение от 300 dpi) — плечевой портрет на однородном фоне (фотографии «на паспорт» не принимаются).

### Рекомендуемая структура статьи

Оглавление статьи (включает УДК, название статьи, ФИО, место работы, город, страна, аннотация и ключевые слова) пишутся без отступа.

Название, ФИО, место работы — пишутся по центру без отступа.

Текст статьи должен быть разбит на части, подзаголовки должны быть подписаны (шрифт жирный, курсив, выравнивание по левому краю с абзацным отступом): Аннотация (Abstract). Ключевые слова (Keywords). Введение (Introduction). Методы (Methods). Литературный обзор (Literature Review). Результаты и обсуждение (Results and Discussions). Заключение (Conclusions). Литература (Literature).

Интервал между строчками — везде одинарный.

Уточняем каждый аспект.

**Аннотация** — оптимальный объём 100-150 слов. Шрифт 12 Times New Roman. Аннотация должна включать в себя информацию об актуальности и цели исследования, методологии и результатах, но не повторять дословно выводы. Аннотация не должна содержать ссылки и аббревиатуры. Заголовок «**Аннотация**» пишется жирным шрифтом, без абзацного отступа. Точка не ставится.

**Ключевые слова:** 5-8 слов. Ключевые слова отделяются друг от друга точкой с запятой. После последнего слова точка не ставится. Заголовок «**Ключевые слова**» пишется жирным шрифтом, курсивом, без абзацного отступа, после заголовка ставится двоеточие. После последнего слова точка не ставится.

Аннотация и ключевые слова пишутся на русском и английском языках. Между ключевыми словами ставится точка с запятой.

**Введение** определяет суть проблемы, включает краткое описание актуальности, цели и перспективы исследования, а также позицию автора по заявленной теме.

В **Литературном обзоре** даётся анализ (обзор) использованной литературы и материала для обоснования теоретической базы исследования. В нём должны быть названы основные работы предшественников, положенные в основу исследования, показаны общие тенденции исследования темы и уточнены пробелы в исследованиях, которые статья разъясняет.

В **Методах** должна быть названа и желательно описана методология, которая применялась автором для достижения результатов.

В **Результатах и обсуждении** раскрывается основная часть статьи, общие положения и новизна исследования, которые проявляются в идеях, к которым

пришёл автор в результате исследования, а также показано сравнение и интерпретация результатов исследования с аналогичными исследованиями и определяется место полученных результатов в структуре научного знания.

**Заключение** (Выводы) должно быть сжатым описанием основной части статьи, включая изложение основного смысла выводов относительно поставленной цели, научную ценность исследования и возможные сферы применения.

В списке **Литературы** предлагается поместить около 15-20 работ. Сначала отечественные, затем – иностранные. Из них предпочтение отдается изданиям, рецензируемым в Scopus и WoS. Для них обязательно включать DOI. В том числе 2-3 работы, опубликованные за последние 3-5 лет.

Подчёркиваем, что все **данные требования носят рекомендательный характер, но крайне желательны.**

Особая просьба для авторов: **в статье обязательно должны быть цитаты и ссылки на тексты предыдущих журналов «Мифологос» и сборников конференции «Миф в истории, политике, культуре».**

Выдвигая данное требование, организаторы исходят из того, чтобы авторы сборника и участники конференции знакомились с работами тех исследователей, которые занимаются изучением близкой им тематики.

Помимо этого, считается важным **начать или закончить статью таким теоретическим обобщением, которое касается ключевых вопросов мифа и мифотворчества, их онтологических, эпистемологических и аксиологических начал.**

### Требования к оформлению текста статьи

Объём текста статьи от 0,5 усл. печ. л. (20-40 тыс. знаков), шрифт Times New Roman, **кегль 13**, интервал одинарный. Поля со всех сторон 2 см. Абзац: 1,25 см.

**Элементы оформления статьи:** УДК, DOI: (слева без отступов), пустая строка, **ЗАГОЛОВОК** (заглавными буквами, жирным шрифтом, по центру), пустая строка, фамилия, имя, отчество автора (жирный шрифт, по центру), **ниже - место работы, в скобках – город, страна. Пустая строка.** Аннотация и **ключевые слова** (шрифт 12) на русском и английском языках, пустая строка. Основной текст (13 шрифт с отступом), пустая строка, **Литература** (жирный шрифт, по центру без отступов), пустая строка. Список литературы (с отступом). Затем список дублируется на английском языке в **References**. После указанных данных точка не ставится.

Уточним детали.

В левом верхнем углу (**без отступа**) построчно указываются: УДК (нежирным шрифтом) и DOI (без указания номера), в центре жирным шрифтом, заглавными буквами – НАЗВАНИЕ, через строку – фамилия, имя, отчество автора, ниже – (нежирным шрифтом, прямая строка) название научного учреждения. Город, страна даются в скобках.

Аннотация +ключевые слова.

Затем все эти данные на английском языке.

Страницы не нумеруются.

После текста статьи и списка литературы пишутся полные данные автора. ФИО полностью (жирным курсивом, с отступом).

С новой строки: должность с местом работы (в случае, если участник не работает в научной сфере или не имеет научной степени, пишется «исследователь»), научная степень, ученое звание, в скобках: город проживания и страна. С отдельной строки – e-mail

Название научного учреждения пишется полностью в соответствии с официальным названием.

**Пример оформления статьи:**

УДК 94(47)

DOI:

**МИФЫ ОБ ИВАНЕ ГРОЗНОМ**

**Иванов Иван Иванович**

Ивановский государственный университет имени Ивана Иванова  
(г. Иваново, Россия)

**Аннотация**

Текст.

*Ключевые слова:* слова; слова

**MYTHS ABOUT IVAN THE TERRIBLE**

**Ivanov Ivan Ivanovich**

Ivanov Ivanovo State University (Ivanovo, Russia)

**Abstract**

*Key words:*

**Введение (Introduction)**

Текст статьи....

**Литературный обзор (Literature Review)**

Текст статьи...

**Методы (Metods)**

Текст статьи...

**Результаты и обсуждение (Results and Discussions)**

Текст статьи

**Заключение (Conclusions)**

Текст статьи

**Литература**

Список литературы (с отступом и без нумерации)

Список литературы под заголовком «Литература» приводится в конце текста. **Источники в списке приводятся по алфавиту**, список оформляется по приводимому ниже примеру. **Нумерация списка литературы не делается**. Количество страниц в упомянутой литературе обязательно. Место (город) издания пишется полностью.

*Кьеркегор, С., Мэй, Р. (2022) Очищение страхом или Экзистенция свободы. Москва: Литрес. 260 с.*

*Зайченко, С.С. (2013) Художественный кинодискурс исторического жанра в пространстве семиосферы // Филологические науки. Вопросы теории и практики, № 7 (25): в 2-х ч. Ч. 1. С. 69–72.*

*Бодрийяр, Ж. Эстетика иллюзий и эстетика утраты иллюзий // Гуманитарные технологии. Аналитический портал. // [Электронный ресурс]. URL: <https://gtmarket.ru/laboratory/expertize/3090> (дата обращения: 07.07.2021).*

**Ссылки** на список литературы в тексте отмечаются в квадратных скобках с указанием страницы, на которую делается ссылка (при необходимости): [Найдыш 2021: 364], где сначала пишется фамилия автора, потом год издания статьи или монографии, а затем после двоеточия количество страниц. В случае, если у цитируемого автора используется две и более работ одного года издания, пишется [Ставицкий, 2012а] или [Ставицкий 2012б: 315], и т.д.

После Литературы обязателен *Literature*, т.е. перевод литературы на английский язык.

**Английские слова (существительные, глаголы, прилагательные) в названии должны начинаться с заглавной буквы.**

После издательства должно идти уточнение: Publ.

Количество страниц в статьях обозначается: Pp. 23–32. Или 232 p.

После отечественных работ должно быть добавлено (In Russian).

В целом текст должен выглядеть так:

*Stavitskiy A.V. (2012) Ontology of the Modern Myth. Sevastopol: Ribest Publ. 543 p. (In Russian).*

### Варианты оформления литературы

*Ясперс, К. (1994) Смысл и назначение истории: Пер. с нем. 2-е изд. Москва: Республика. 527 с.*

Антология мировой философии (1969): В 4 т. Москва: Мысль. Т. 1. 576 с.

*Иванов, В. Ницше и Дионис // Иванов В. (1994) Родное и вселенское. Москва: Республика, 1994. С. 26–34.*

*Рифтин, Б.Л. Китайская мифология // Миры народов мира: энц. в 2 т., Т. 1. С. 652–662.*

*Разлогов, К. (2006) Контексты культуры. Образы Америки? // Искусство кино. №10. С. 12–14.*

*Гачев, Г.Д. Национальные образы мира. Лекция Георгия Гачева. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.polit.ru/article/2007/05/24/kulturosob/> (дата обращения: 21.02.2018).*

*Миф в истории, политике, культуре (2021) [Электронный ресурс]: Сборник трудов V Международной научной междисциплинарной конференции (июнь 2021*

года, г. Севастополь) / Под редакцией А.В. Ставицкого. Севастополь: Филиал МГУ имени М.В. Ломоносова в городе Севастополе. 576 с. DOI: 10.35103/SMSU.2021.86.74.001

**Особая просьба авторам:**

- 1) Обратите внимание на тире в тексте и при разделении страниц в списке литературы. Тире (–) не должно подменяться дефисом (-).
- 2) Проверьте все интервалы между слов, чтобы не было двойных и более.
- 3) **Пожалуйста, вычитайте свой текст и проверьте соблюдение правил, т.к. редакция текстов, которые не вычитаны авторами, забирает много времени при проверке и отодвигает сроки выпуска сборника и журналов.**

Помните, что организаторы не только несут затраты на рецензирование статей, редакторские услуги, предоставление журналу ISSN и статьям международного индекса DOI, размещение статей в научной электронной библиотеке [www.elibrary.ru](http://www.elibrary.ru), и в других базах данных, рассылку электронной версии сборника трудов в библиотеки РФ и других стран, но и тратят огромное время на проверку, рецензирование, вычитку и редактирование присланных вами текстов.

**В связи с этим просим помочь редактору точным соблюдением всех указанных требований и вычитать текст своей статьи насколько это возможно.**

Всего доброго.

С уважением редакция журнала.

**Научное интернет-издание**  
**МИФОЛОГОС.**  
**Серия «Миф и общество: история, политика, социология»**  
**№ 4 (166), 2025. 230 с.**

**MYTHOLOGOS.**  
**Myth and Society: History, Politics, Sociology Series.**  
**№ 4 (16), 2025. 230 p.**

На обложке журнала использован фрагмент картины

**ОТВЕТСТВЕННЫЙ РЕДАКТОР:**  
**А.В. Ставицкий**

**Технический редактор:**  
**О.А. Кузина**

**Точка зрения авторов может не совпадать с точкой зрения редколлегии.**

**НА РУССКОМ ЯЗЫКЕ**

**Дизайн, макет и верстка выполнены в ООО «ТБС Паблишинг»**

**Подписано к публикации 25.11.2024 г.**  
**Формат 70 x 108 1/8**  
**Объем 14,2. п.л., уч. изд. л. 14,8.**

**Распространяется через сеть Интернет**